

Составитель О.Б. Христофорова

Подготовлено при поддержке Института
“Открытое общество”
(в рамках проекта “Народная культура:
Историческая динамика и типология”)

Художник М. Гуров

Предисловие

© Коллектив авторов, 2002
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2002

ISBN 5-7281-0335-9

В основе предлагаемого читателю сборника лежат материалы, представленные авторами на круглом столе «Сны и видения в народной культуре», который состоялся 30–31 октября 1998 г. в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ.

Заседание было посвящено проблемам репрезентации в народной культуре индивидуального визионерского опыта – состояния сна, «обмирания», болезненного бреда. Подобный опыт по своей природе сугубо индивидуален и замкнут в себе: нельзя вместе видеть один и тот же сон, нельзя иметь общие с кем-нибудь видения, вызванные коматозным или летаргическим состоянием. Человек, погруженный в мир подобных образов, всегда остается наедине с собой, чье-либо соучастие в его переживаниях исключено. Однако в этом опыте присутствует коммуникативное начало: практически всегда он осмысливается как контакт с потусторонним миром, облик которого обусловлен системой представлений и

верований, актуальных для данной культуры. Содержание снов и видений воспринимается как некое сверхъестественным образом полученное сообщение, которое подлежит расшифровке и экстериоризации. Это сообщение транслируется вовне с помощью ряда процедур, перекодирующих его в тексты пересказов и истолкований (профетические, прогностические, регулятивные).

Актуальной представляется проблема жанровой разновидности текстов, описывающих сны и видения: во-первых, это тексты-проекции, или тексты, описывающие сон; во-вторых, герменевтическая надстройка, с помощью которой эти тексты интерпретируются.

Рассказ о сне, или вербализация «визуального ряда», уже является интерпретацией, однако этот процесс более индивидуален, нежели анализ сновидения по правилам иной семиотической системы – корпуса толкований снов, или сонника. Сонник – перечень ключевых лексем (предметов, лиц, действий, появляющихся во сне) и их значений – органичная часть «общего знания» традиции, поэтому изучение устных народных сонников может быть очень полезным и даже необходимым при исследовании мифологических представлений, характерных для конкретной этнической или конфессиональной культуры. В то же время сонник, ориентированный преимущественно на семантику образов сновидений, оставляет без внимания их прагматическую направленность, в силу чего не может служить универсальной моделью снотолкования. По точному выражению А.С. Пушкина, описывающего состояние Татьяны после пережитого сна: «Ее сомнений Мартын Задека не решит».

Иными словами, соотнесение увиденного во сне образа с традиционным сонником не может считаться единственным механизмом интерпретации сна. Индивидуальное толкование всегда будет находиться между двумя полюсами – хаосом ночного видения и четкой структурой сонника. Факторы, влияющие на окказиональную интерпретацию, разнообразны: эмоциональное состояние визионера во время и после сна, последовавшее за сном реальное событие и т. д. Материалом для изучения этих факторов и механизмов снотолкования являются тексты-проекции – описания снов, рассказы о сбывшихся снах, которые, несмотря на всю их индивидуальность, или скорее благодаря этому, представляют значительный интерес не только для психологов, но и для фольклористов, этнологов, культурологов.

Авторы предлагаемого читателю сборника в своих статьях рассматривают различные аспекты темы снов и видений в народной культуре: формы «народной мистики», структуру, семантику и прагматику порождаемых ею текстов, а также ее связи с религиозными и философскими учениями и с соответствующей проблематикой литературы и искусства. Авторы демонстрируют свои приемы классификации материала и предлагают новые методы анализа.

В большей части статей анализируется снотолковательная традиция (символика сновидений, принципы их истолкования, бытование сонников и рассказов о снах) в локально и функционально ограниченных контекстах. Это преимущественно современная русская среда – крестьянская (статьи С.М. Толстой, М.Л. Лурье, М.М. Валенцовой, А.А. Панченко, В.Е. Добровольской, А.В. Гуры) и городская (статьи В.В. Запорожец, Н.Ю. Трушкиной, И.А. Разумовой). Некоторые исследователи выявляют лишь один аспект проблемы. Так, Е.С. Ефимову интересует тема снов в контексте тюремной субкультуры; Н.Е. Ливанову – сны о полетах, причем как в среде парашютистов, так и среди тех, кто не имеет опыта полетов наяву. И.А. Разумова анализирует сновидения, связанные с переходными периодами в жизни человека (рождением, браком, смертью), как своего рода «канал связи» между родственниками. И.С. Веселова рассматривает структуру рассказов о сбывшихся снах как одного из жанров (или субжанров) устной несказочной прозы.

В статьях-публикациях С.Е. Никитиной и Е.В. Пауновой рассматриваются приемы истолкования снов и видений, характерные для конфессиональных групп – духоборцев и старообрядцев-липован. Тема религиозного визионерства привлекла внимание С.Г. Леонтьевой и А.В. Тарабукиной.

Отдельного упоминания заслуживает тема обмираний. Устным рассказом об этом типе «мистических видений» уделили внимание С.М. Толстая и С.Е. Никитина. Письменной традиции обмираний посвятила статью М.П. Чередникова.

Предметом анализа некоторых исследователей стала проблема включения топики сна в тексты фольклора и искусства. А.Б. Мороз рассматривает мотив сна в сербских обрядовых песнях. Об особом типе снов-видений в древнеирландском эпосе, имеющем сюжетообразующее значение, идет речь в статье Т.А. Михайловой. Мотив видений и снов в музыкальном искусстве исследует Т.В. Антипова.

Наконец, еще одной темой, привлекшей внимание авторов сборника, стала тема сна в текстах философских учений. Ей посвящены статьи Л.А. Софроновой, рассмотревшей мотив сна в трудах украинского философа Г. Сквороды, и И.А. Протопоповой, сравнившей представления о сновидениях в архаической и классической Греции.

Итак, круг проблем, представленных авторами статей, достаточно широк. В то же время следует заметить, что тема снов и видений в народной культуре, будучи маргинальной и для фольклористики, и для этнографии, пока еще недостаточно разработана; за пределами сборника осталось много важных и интересных ее аспектов. Надеемся, что сборник привлечет внимание исследователей к этой теме, даст возможность сформулировать новые вопросы к материалу и, в случае необходимости, поможет определить направление поиска ответов.

С.Ю. Неклюдов
О.Б. Христофорова

А.А. Панченко

Сон и сновидение в традиционных религиозных практиках

П

роблемы сна и сновидения в контексте антропологического и фольклористического анализа в последнее время неоднократно обсуждались в западной науке¹. В отечественных исследованиях эти вопросы, к сожалению, редко подвергались специальному рассмотрению. Речь идет не столько о роли мотива сна в различных фольклорных и литературных текстах — об этом писали не раз, сколько о культурном преломлении сна как такового, сна как психосоматического феномена. Между тем хорошо известно, что все культурные традиции придают то или иное значение сновидениям и что у разных народов это значение может существенно различаться.

Сложность вопроса усугубляется существованием различных философских и психологических подходов к проблеме сновидения. Большинство из них (и, в частности, теоретический и практический психоанализ, где темы сна и снови-

дения играют чрезвычайно важную роль) исходят из того, что сновидение представляет собой процесс, протекающий в реальном времени в сознании спящего и в существенной степени подобный процессам, происходящим в сознании бодрствующего человека. После пробуждения сновидец может представить себе и другим отчет о сновидении при условии «запоминания» последнего².

Однако это исходное положение может быть поставлено под сомнение, что еще в 1950-х годах было продемонстрировано учеником Л. Витгенштейна Н. Малкольмом. Согласно его построениям, представление о сновидении как о реальном процессе не имеет смысла, так как не подлежит верификации. Единственный критерий сновидения — это рассказ о нем, и поэтому понятие сновидения производно не от психического опыта спящего, а от рассказа проснувшегося. Сон — не то, что снится спящему, а то, о чем рассказывает бодрствующий³.

Книга Малкольма «Состояние сна» вызвала оживленную философскую полемику, однако нам нет нужды входить в подробности последней. Для культурно-антропологического и фольклористического анализа феномена сновидения важно одно: понимание последнего сводится к исследованию практики «рассказывания снов» (*dream-telling*). Эта практика, в свою очередь, подразумевает серию коммуникативных процессов (к их числу относится и автокоммуникация⁴), обладающих культурной, социальной и локальной спецификой: в разных странах и обществах сны рассказываются по разному и с разными целями⁵.

К сходным заключениям, хотя и с других позиций, приводит известная теория «обратного времени» сновидения, высказанная отцом Павлом Флоренским. «Едва ли не правильно, — пишет он, — то толкование сновидений, по которому они соответствуют в строгом смысле **мгновенному** переходу из одной сферы душевной жизни в другую и лишь потом, в воспоминании, т. е. при транспозиции в дневное сознание, развертываются в наш, видимого мира, временной ряд, сами же по себе имеют особую, не сравнимую с дневной, меру времени, “трансцендентальную”»⁶. Впоследствии концепция Флоренского была развита Б.А. Успенским, предложившим объяснить структуру и сюжетику сновидения при помощи понятия «семантической доминанты», т. е. того образа, который воспринимается сновидцем как знаковый и значимый и детерминирует «прочтение» снови-

дения. «Эта конечная интерпретация... — указывает исследователь, — задает, так сказать, ту точку зрения, ту перспективу, с которой видятся эти события. Это своего рода сите, фильтр, через который отсеиваются те образы, которые не связываются с конечным (значимым) событием, и который заставляет вдруг увидеть все остальные образы как содержательно связанные друг с другом, расположить их в сюжетной последовательности»⁷.

Итак, в качестве основания для культурно-антропологической интерпретации сновидений может быть предложена следующая модель. Сновидение, будучи неопознаваемым и неверифицируемым психосоматическим опытом, становится достоянием индивидуального сознания и общества благодаря системе коммуникативных «фильтров», причем последние можно трактовать и как нечто отсеивающее «незначимые» элементы опыта, и в качестве определенного механизма, конструирующего сам этот опыт в том виде, в котором он может быть пригоден для социального использования. Однако такая модель не дает ответа на вопрос о культурной специфике сновидения. В самом деле, точно так же можно описать формирование исторического нарратива (о чем, кстати, писал и Б.А. Успенский⁸;ср. сходные наблюдения, недавно высказанные С.Ю. Неклюдовым⁹, автобиографического повествования или того, что в англоязычной фольклористике называют «personal experience story». Конечно, указанные особенности припомнения и рассказывания сновидческого опыта создают своеобразную семиотическую ситуацию, связанную с высокой степенью знаковой неопределенности сновидения. Именно это своеобразие позволило Ю.М. Лотману определить сон как «семиотическое зеркало», в котором каждый видит «отражение своего языка»¹⁰. Однако и это определение имеет лишь прикладной характер. Исходя из того, что сон служит «резервом семиотической неопределенности, пространством, которое еще надлежит заполнить смыслами», «идеальным ich-Erzählung’ом, способным заполняться разнообразным, как мистическим, так и эстетическим, толкованием»¹¹, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом: *как и почему* происходит наделение сновидения теми или иными смыслами в рамках различных культурных практик?

Исследователи, писавшие о роли сновидений в традиционных обществах и, соответственно, тем или иным образом пытающиеся разрешить этот вопрос, нередко указывали на

то, что сон может ассоциироваться со смертью, «пустотронним» или «сакральным» миром¹². На наш взгляд, это наблюдение представляется чересчур абстрактным, отчасти тавтологичным и не позволяющим понять, почему со сновидениями связываются конкретные типы представлений. По-видимому, здесь необходимы более предметные суждения, основанные на анализе функций сновидения в контексте тех или иных традиций. Можно, впрочем, высказать и исходное предположение общего порядка: не следует ли говорить о том, что именно при помощи сновидений многие культуры конструируют представления о трансцендентной реальности и что, таким образом, тема сновидения может служить критерием для анализа представлений этого рода?

* * *

Мы уже упомянули о том, что вопрос о роли сна и сновидения в восточнославянской народной культуре изучен довольно плохо. Единственной обзорной работой по этой теме остается статья А. Балова, опубликованная еще в конце прошлого столетия¹³. Согласно его наблюдениям, можно говорить о следующих видах снов, имеющих мифологическое значение для народной культуры. Это кошмар, который, по уверениям Балова, «почти повсеместно считается делом домового» (С. 208–209), «снаблазнительные» и «греховные» сны, «производимые действием дьявола» (С. 209), вешние сны, предвещающие судьбу (к ним относятся и сновидения, связанные с гаданием, и так называемые праздничные сны) (С. 209–212), «религиозные» сны, чье происхождение «народ единогласно приписывает Богу и святым Его» (С. 212), и, наконец, сновидения, в которых людям являются умершие (С. 213). Конечно, эта классификация имеет достаточно условный характер, однако она может быть использована в качестве исходной модели при анализе темы сна и сновидения в русской крестьянской традиции. Здесь стоит предложить лишь одну предварительную корректировку. Дело в том, что упомянутые нами особенности роли сна в культуре естественным образом приводят к поливалентности и вариативности его фольклорных функций. Ситуация припомнания и рассказывания сновидения придает последнему форму нарратива или символа; уже на этой стадии сон получает статус независимой фольклорной единицы. В дальнейшем и сон-нарратив, и сон-символ могут быть ин-

корпорированы в более сложную систему верований, обрядовых действий и т. п.¹⁴ Таким образом, в фольклоре сновидение играет двойственную роль: с одной стороны, сновидческий опыт может привести к формированию того или иного нарратива либо побудить сновидца к определенным ритуальным и pragматическим действиям. С другой – сновидение нередко служит сюжетным (или даже сюжетообразующим) элементом различных фольклорных форм. Естественно предполагать, что вторая из перечисленных функций сна некоторым образом связана с первой, хотя эта связь существенно различается применительно к разным типам текстов и формам ритуальной деятельности. Кроме того, необходимо подчеркнуть возможность различных акцентов в конструировании и интерпретации сна как культурной реальности. Сон-символ всегда воспринимается как сообщение, требующее непременной расшифровки. Сон-нарратив допускает разные типы толкования: оно может быть и символическим, и «реалистическим» (т. е. сновидение воспринимается как событийная последовательность, протекающая в реальном времени, но в другой реальности). Существенно различается и модальность «сообщений», которые традиционная культура усматривает в тех или иных сновидениях: сон может информировать, предупреждать, принуждать и т. д.

Высказанные соображения, как кажется, приводят к мысли о необходимости исследования роли сновидений в контексте локально и функционально ограниченных культурных форм. Попробуем продемонстрировать возможности такого исследования на примере того, что А. Балов называл религиозными сновидениями. Общеизвестно, что тема сна и сновидения занимает далеко не последнее место в религиозном дискурсе христианских культур. Конечно, в настоящем сообщении невозможно рассмотреть весь спектр значений, ассоциирующихся с этой темой даже в рамках русского православия. Кроме того, на наш взгляд, исследование указанной проблематики предпочтительнее начинать с анализа традиционных религиозных практик, связанных с повседневным течением крестьянского быта и не поглощенных институциализированными формами религиозной жизни. Иными словами, речь идет о той роли, которую сновидение играет в традиционном религиозном обиходе.

Тема сна достаточно часто фигурирует в народных рассказах о деревенских святынях, приходских церквях, часов-

нях и т. п. локальных культовых объектах. Как правило, сон используется здесь в качестве дополнительного сюжетного элемента преданий, повествующих о происхождении святыни, проявлении ее чудесных свойств и установлении соответствующих правил контакта между крестьянской общиной и сакральным объектом (локусом)¹⁵, и представляет собой «прямую речь» священного персонажа, адресованную недогадливым крестьянам. Так, в пошехонском предании об основании с. Давыдовского рассказывается, как первопоселенцы строили церковь св. Георгия на выбранном ими месте, но каждую ночь кладка разрушалась, а все строительные материалы переносились туда, где сейчас стоит село. Многие предания, содержащие подобные мотивы, обходятся без сюжетных дополнений: если икона, почитаемый крест или бревна для постройки церкви «уходят» в определенное место, значит, именно оно пригодно для контактов с сакральным миром. Однако пошехонцы нуждаются в более отчетливом разъяснении. «Наконец, одному благочестивому старцу во сне явился св. Георгий Победоносец и объявил, что ему неугодно сооружение храма на горе Софронихе, что место это для основания селения непригодно, так как на нем невозможно будет достать ни капли воды, и указал на новое место для сооружения храма, на место близ р. Шиги. Сон был передан старцем строителям храма, после чего последние решили воздвигнуть храм на указанном месте...»¹⁶

Нередко сновидение становится и более значимым элементом преданий о местных святынях, но при этом его сюжетная функция остается прежней: сон содержит сообщение, непосредственно исходящее из «божественной» сферы. Так, например, обстоит дело в рассказах о священном источнике и чтимой возвышенности (Высокой горе) близ с. Мелковичи Батецкого района Новгородской области. Богомольцы собираются к источнику на праздник Варлаамия Хутынского (переходящее празднование прп. Варлаама Хутынского в первую пятницу Петрова поста). В этот же праздник обязательно поднимались на Высокую гору, где, по преданию, ушла в землю церковь Печерской Божьей Матери. В 1990 г. здесь были записаны следующие предания:

«Одна многодетная женщина долго болела и услышала во сне, что должна идти к нашему ключику. Здесь она должна была найти икону с изображением Печерской Божьей Матери. Она пришла и увидела, что икона плавает в воде ликом вниз. Женщина растерялась и пошла в деревню к священнику.

Когда они вернулись, иконы в воде не было. Священник приказал построить сруб у источника. Женщине после этого приснился сон, будто Божья Матерь с иконой говорит: «Ты меня не достала, а теперь меня срубом затиснуло, и мне не выйти». Так эта женщина иконы не увидела. Все это было в праздник Варлаама Хутынского, поэтому празднуют в день святого, а икона должна быть другая. <...> Однажды одному мужику, у которого болели ноги, приснился сон, будто слышит он: «Огороди гору заборчиком, хоть в две жерди. Нехорошо – место святое, по нему коровы ходят. За это ноги твои поправятся». Мужик постеснялся сделать забор, так и умер больным». (Половые записи Т.А. Жегловой, 1990 г.)

Сходные мотивы встречаем и в рассказе о происхождении почитаемого «живого» родника близ г. Троицка Пензенской губернии:

«Одной богомолке во сне три раза являлась Божья Матерь и велела в указанном месте рыть землю и отыскать там ее икону. Но богомолка долго не исполняла приказания, пока не захворала. Во время болезни ей опять было видение, чтобы она всенародно покаялась и, после того как выздоровеет, исполнила возложенное на нее поручение. Богомолка так и сделала. Выздоровев, она отправилась в указанное место и начала рыть. Рыть же надо было только в полдень и полночь. Рыла она одна три недели и наконец нашла образ Божией Матери, который и стоит теперь в часовенке, около родника»¹⁷.

Иногда сновидение оказывается центральным мотивом предания о происхождении святыни (так, собственно говоря, обстоит дело во многих религиозных традициях, о чем, например, свидетельствует известная ветхозаветная история о «лестнице Иакова»: Быт. 28, 10–22). В приводимом А. Баловым рассказе о почитаемом камне-«следовике» близ с. Федоринского Пошехонского уезда преподобная Феодора является некоему «богобоязненному мужу», уснувшему у камня, и приказывает ему «воздвигнуть в честь ее часовню». «Проснувшись, богобоязненный муж заметил, что на гладком прежде камне явственно отпечатался след от стопы преподобной Феодоры. Сон был рассказан окрестным жителям, и через несколько времени на этом месте была сооружена часовня»¹⁸. Сходную роль мотив сновидения играет в одном из рассказов о местночтимой могиле Василия Трудящегося близ д. Сорочкино Лужского района Ленинградской области. В 1901 г. местный учитель сообщал о

ней следующее: «Много лет тому назад пришел человек, поселился в глухом лесу, среди болот, где сделал себе землянку и жил в ней до своей смерти. Местные крестьяне насткнулись на эту землянку, нашли человека умершим, сидя над раскрытой книгой. Его похоронили тут же, и могила над эта чтится окрестными крестьянами»^{18а}. Это известие дополняется сообщением, опубликованным в 1932 г. в журнале «Антирелигиозник»: «Через некоторое время (после смерти Василия. — А. П.) поп Первеник заявил однажды в церковной проповеди, что ему явился во сне покойный Василий и сказал: «Что ты по мне не послужишь? Надо бы послужить». Нашелся какой-то Ванюшка-юродивый... который стал украшать могилу. Началось служение на могиле»¹⁹.

В тех народных рассказах о местных святынях, где акцентируется мотив святотатства, сон оказывается грозным предупреждением о грядущем наказании. В записанном нами новгородском предании о крестьянине, увезшем местночтимый крест и использовавшем его с профанной целью, фигурирует именно такая ситуация: «Он взял его и унес домой. Поставил в эту, в печку, в ригу, значит, в чело — чтобы, когда затопишь, чтоб в эти окошки дым выходил. Ему приснилось, ему приснилось, значит так, что где ты взял, туда и свези, то тебе, значит, буде нехорошо. Он соскочил <...> и сразу лопшилась вперед и свез на место его, поставил опять, значит». По другой версии этого предания, святотатец отбивает часть («ухо») креста: «Привез — и в эту саму, в каменку, в баню. <...> И отколол одно это вот как бы ухо, когда ставил. И ему приснился сон, что поставь этот камень на место, где его взял. <...> И вот у его заболело ухо, у него это ухо отвалилось»²⁰. Наконец, сновидение может выступать и в качестве наказания за небрежное отношение к святыне или читому могильнику. Так, например, произошло с крестьянами деревни Засосье (Сланцевский район Ленинградской области), близ которой стоял средневековый курган с двумя каменными крестами. «Рассказывают, — писал в 1880-х годах собиратель, — что под этими крестами погребены родоначальники и основатели деревни, Владимир и Симеон, и что в старину кому-то, обладавшему богатырскою силою, вздумалось нести один из этих крестов к церкви, но на половине дороги крест придавил его к земле так, что он не мог сдвинуться с места. Когда же он вознамерился возвратиться с крестом назад, то и сила возвратилась к нему и крест лег».

ко был снесен им на прежнее место. В Троицкую субботу крестьяне... приходят на этот курган с кутьею и молятся за упокой душ своих родоначальников и всех неизвестных усопших, здесь будто бы погребенных. Говорят, что они однажды не исполнили этого обряда и за то были наказаны страшными сновидениями»²¹.

Итак, в народных рассказах о почитаемых местах, местных подвижниках, читимых могильниках сон выступает в качестве прямой речи священного персонажа, объекта или менее определенной сакральной сферы. Эта речь обращена к конкретному человеку либо общине и содержит разъяснения, предписания или предупреждения, касающиеся способов и правил контакта с сакральным миром. Следует отметить, что в подобных преданиях и меморатах сновидение является чуть ли не единственным видом прямого высказывания на языке, понятном человеку. В остальных случаях «сигналы», подаваемые сферой «божественного», транслируются при помощи акционального кода, требующего дополнительной расшифровки. Естественным представляется вопрос о функционировании сновидений такого рода в реальной обрядовой практике крестьянства.

Особое место в повседневной религиозной жизни русской деревни занимает практика так называемых заветов (их также именуют обетами, оброками) и т. п. — вотивных пощертований святыне или святыму. Завет может иметь и акциональный характер (воздержание от работы или работа в пользу монастыря или церкви). Широко распространены и «заветные праздники», учреждавшиеся в связи с различными кризисными ситуациями: пожарами, неурожаями, моровыми поветриями и т. п.²² Исследователи, писавшие об этой форме народного православия, обычно интерпретировали ее в свете «магических традиций» или, в лучшем случае, говорили о «кризисной информации», закодированной в форме обетного приношения²³. На самом деле, однако, завет оказывается более сложной формой коммуникации с сакральным миром. Известны случаи, когда инициатором завета выступает не человек, а его священный партнер по религиозному диалогу; транслятором такой инициативы как раз и оказывается сновидение. «Приснится завет, надо сходить положить, очистить душу», — говорят в Заонежье²⁴. Очевидно, что эта ситуация требует более детального анализа. В самом деле, что имеет в виду крестьянин, говоря о «приснившемся завете»?

В 1997 и 1998 гг. фольклорно-этнографическая экспедиция Европейского университета в Санкт-Петербурге (далее – ЕУСПб), работавшая на северо-востоке Новгородской области, зафиксировала отдельные данные, которые, как кажется, проливают некоторый свет на роль сновидений в практике заветов. Для обрядовой жизни населения этой местности особое значение имеют так называемые жальники, представляющие собой заброшенные могильники эпохи позднего средневековья²⁵. Они могут считаться как опасными и нечистыми, так и священными локусами. Иногда крестьяне считают жальники погребальными памятниками и связывают с ними предания о нашествии интервентов. Нередко жальники считают островками соснового леса, оставленными при распашке полей или посаженными «по завету». С некоторыми из них ассоциируются предания о провалившейся церкви или часовне. Отношение крестьян к жальникам может быть разнообразным: на некоторых из них спрятывают престольные и заветные праздники, поминают «забыдущих родителей» и «поют Христа» на Пасху, устраивают гуляния молодежи. На некоторых жальниках «пугает»: по ночам там видят огоньки или встречают русалок. На некоторых жальниках хоронят выкидыши и детей, умерших до крещения. Довольно часто с жальниками ассоциируются представления о кладах. На наш взгляд, такое разнообразие поверий и обрядов, связанных с этими могильниками, коренится в общих проблемах динамики народного отношения к древним погребальным памятникам. Для настоящего сообщения важно другое: в некоторых случаях именно жальники служат местом, куда приносят «приснившиеся заветы».

Эта традиция имеет особое распространение в небольшой группе деревень (Заделье, Лезгино, Маклаково), находящейся в центральной части Хвойнинского района Новгородской области. Практика заветов существует здесь и по сей день; обычно заветы (в качестве которых выступают вышитые полотенца и специально изготовленные деревянные кресты – «столобчики») приносят к жальникам у деревень Заделье и Лезгино, а также к нескольким почитаемым источникам, находящимся в окрестных лесах. Причиной завета местные крестьяне нередко называют сновидение (хотя могут быть и другие причины: болезнь, беспокойство о близком человеке и пр.). Происхождение жальников и начало почитания упомянутых источников часто объясняется заветами. Так, о появлении жальника близ Лезгино рассказывают следующее:

«Жальник – это называется большой боровой сосняк. А там стоит как часовенка, раньше жил дед, Степан Иванович. <...> Ему было заветивши, что постави вот на этом месте, чтобы посади лес. Вот он посадил этот лес, этот лесрос, народ всё ходил мимо, стоял палисадник, все люди интересовались ходили»²⁶.

Впрочем, заветы можно носить не только на жальники или к читым родникам. Сон о завете обычно указывает на место, куда следует принести вотивное полотенце или «столобчик». Вот довольно любопытный рассказ о ситуации такого рода:

«— Дак я не знаю, чё приснилось. Ну полотенце. А потом, когда пошли за ягодами, говорят: «Вышитое полотенце! Да как оно попало-то сюда?!» На сосны болтается. Дак это у тётки Ирины снесено.

[Соб.: То есть это снится?]

— Да, вот приснится такое место, что вот должен ты. Вот мне приснился, я вот не исполнила, свой-то. Свой сон.

[Соб.: А Вам что приснилось?]

— А мне приснилось тоже вот, так. Мошенского в Фёдове как стою, Богу молюсь, прям на солнце, вот так туда молюсь. А потом... как будто стала людей искать, или что-то, от так оглянулася, смотрю здесь вот так ограда стоит, взади за мной... И проснулась. Проснулася, говорю: «Это что-то от такое. Завет какой требует, или что...» <...>

[Соб.: А это кто требует?]

— А я откуда знаю это?²⁷

О подобных снах рассказывают не только в Заделье. Приведем запись, сделанную в другой части того же района:

[Соб.: А на жальнике – там Литва лежит, или наши?] — Я не знаю. Говорят, что наши лежат, и Литва лежит. Ну, много там было. А на этом на Митине жальник – так это, тётка вот умёриши, ей всё снилось, чтоб она туда ходила. Дак она ходила, вот Куша такая была. Бывало: «Акулина Алексеевна, да куда ты всё бегаешь?» — «А на жальник, мне сон снится, чтоб я туда ходила». Дак вот, может, сродственник кто там. Она всё бегала туда, на Митино.

[Соб.: А что она там делала?] — Ну снесёт там, положит – да и... На могилу поисть... И уйдёт. <...> Оставит и уйдёт и сама помянет и уйдёт. Что она там будет делать?

[Соб.: А когда ходила, часто?] — Нет, в году-то раз ходила. Каждый год.

[Соб.: А она на праздник какой-нибудь ходила?] — *Она и без праздников идёт. Когда приснится, она и пойдёт*²⁸.

Приведенные материалы показывают, что в практике заветов сновидение также выполняет роль реплики потустороннего мира, реплики, адресованной конкретному человеку и побуждающей его к совершению соответствующих ритуальных действий. Весьма интересно было бы выяснить, какие именно сновидения ассоциируются с заветами. К сожалению, пока что мы располагаем лишь одним (цитированным выше) персональным пересказом подобного сна. Если же о таком сновидении говорит не сам сновидец, а, допустим, его односельчанин, то сон уже перестает быть нарративом и превращается в элемент ритуального диалога. В таких случаях просто говорят: «Ему приснился завет».

* * *

Другой вид сновидений, достаточно часто встречающийся в народной культуре и, на наш взгляд, имеющий отношение к традиционным религиозным практикам русского крестьянства, — это сны, в которых человеку являются клады. На первый взгляд кажется, что фольклорные представления о кладах не имеют отношения к религиозности: в отечественной этнографии крестьянское кладоискательство обычно трактуется в качестве авантюрного занятия, направленного на прагматическое обогащение (хотя поверья, предания и былички о кладах, по общему признанию, обладают ритуально-мифологическим характером). Все, однако, не так уж просто. Во-первых, клад далеко не всегда оказывается деньгами. Он может быть и «золотой кобылой», и «золотой каретой» и «церковным имуществом», и даже иконой (см. ниже). Во-вторых, даже если клад «рассыпается золотом», он вовсе не обязательно воспринимается только как средство пополнения семейного бюджета. Дело в том, что крестьянское отношение к деньгам характеризуется неразрывностью прагматических и ритуально-мифологических аспектов, что, как нам кажется, прекрасно продемонстрировал К.А. Богданов в своей недавней работе²⁹. Не имея возможности подробно обсуждать здесь вопрос о кладах и кладоискательстве в восточнославянской народной культуре, отметим лишь, что, на наш взгляд, эта традиция тесно связана с представлениями о магической «удаче» и изменением «прирожден-

ной доли». В некотором смысле клад представляет собой явление, обратное завету. Впрочем, с историко-этнографической точки зрения это вполне закономерно: вспомним, что многие клады раннесредневековых культур интерпретируются исследователями как вотивные.

Тема сновидения играет существенную роль в крестьянских поверьях о кладах. На это обратил внимание еще В. Смирнов, писавший: «Вещее значение снов, их чудодейственная магическая сила — обычный мотив в рассказах о кладах»³⁰. Так же, как и в случае со снявшимися заветами, клад сам является человеку во сне. Тот же Смирнов приводит следующий рассказ, записанный в Костромском Поволжье: «Дядя Артемий рассказывал: привиделся ему сон — “копай, говорят, у деревни Верхние Слуды, найдешь кости человеческие, а потом клад”. Пошел, отыскал, как снулось, то место, вместе с бабушкой моей да с братом пошел. Выкопали только кости — огромные. Сложил он их в корзину, отнес на чердак. В деревне смеялись над ним стали, сложили песню, “как копал — скоро на кости попал”. А ему не до смеха, сниться стало, чушь в башку разная полезла. Пошел к благочинному, рассказал ему все, а тот велел принести кости. Отпели и закопали на кладбище»³¹.

В 1880-х годах один из приходских священников С.-Петербургской епархии записал такую историю о кладе, найденном на средневековом курганном могильнике: «Тут же у часовни, лет 50 тому назад, две крестьянские девушки, двоюродные сестры... по указанию явившегося им во сне старика нашли два котелка с золотыми монетами. По рассказу одной из них... стариок походил на лик Николая Чудотворца. Девушки скрыли котелки в сарае, но, пришедши взять их, нашли лишь одни уголья»³².

Любопытные представления о снявшихся кладах зафиксированы нами на севере Новгородчины. Вот один из таких рассказов:

«[Соб.: А не говорили, что на жальнике клад зарыт?] — *А нашёл дедушка, ему приснилось да... Двоим снилось. Один копал-копал — умёрт, это. А онному старику было приснившi, что “в двенадцать часов приходи и копай. Тебе клад там есть”*. Он копал, в первую ночь не нашёл, на вторую нашёл. А второму — тот молодой мушинца был — приснившi: пониже, ну пониже кладбища ёлочка така была, говорили, что “копай под этой ёлкой, тебе большой клад будет”. Он копал, копал — не мог, не нашёл. Так и осталоси. Вот так

и осталось — клад этот остался. Никому не достался. А девушка нашёл боженечку (т. е. икону). — А. П.).

[Соб.: А куда он потом эту боженьку дел? — А не знаю, куда — домой, домой, венно, взял. А умер — дак, може, в гроб положили ему, эту боженьку.

[Соб.: И это вот был клад, да?] — Да, это от ему приснившемуночью сон. Сон приснился, что “тебе вот престоит, предстоит клад, ступай в двенадцать часов ночи и копай вот это место”. Ну, и он где — он-то знал, дак — копал первую ночь — он не нашёл, в двенадцать часов. А на вторую ночь пошёл — выкопал, вот это выкопал ёт³³.

Сновидение может быть и ответной репликой, адресованной крестьянину, нашедшему клад. В этом случае от него требуют соблюдения тех или иных предписаний магического этикета. Вот, например, история о крестьянке из Гдовского уезда, испытавшей на себе последствия неожиданной находки клада:

«В 1892 г., — пишет собиратель, — я видел 72-летнюю слепую старуху Акулину Чутину. Ослепла она на 23 году жизни по следующей причине. Однажды семья Чутиных пахала и нашла клад. Но во сне они услышали приказание положить на место клада голову. Положили они рыбью голову, но увидели опять тот же сон, положили куриную голову — тот же сон. Перепробовали все головы и все видели тот же сон. Очевидно, требовалась человечья голова. Головы человека Чутиной, однако, не положили на указанное место, и Акулина за ослушание поплатилась зрением, а впоследствии ослеп и брат ея»³⁴.

ослеп и брага»¹. Подобные примеры можно было бы множить. Очевидно, что в случае с кладами сновидение также служит для прямого высказывания потустороннего мира. Правда, клады или их хранители могут сообщать о себе не только при помощи снов, но и наяву — посредством видений или голосов. Впрочем, явления последнего рода типологически близки, хотя и не тождественны, сновидениям. Вопрос об их соотношении в крестьянской культуре — тема для отдельного разговора.

Итак, сновидения о заветах и кладах служат одним из возможных элементов сложной системы символического и магического обмена, практикуемого в религиозной традиции русского крестьянства. Естественным, однако, представляется вопрос: в чем особенности роли, которую сновидение играет в диалоге человека и внешнего (в нашем случае - сакрального) мира? Одно наблюдение по этому поводу ка-

жется очевидным. Для крестьянина сон оказывается прямой речью потусторонней сферы постольку, поскольку интерпретация сновидения происходит в момент его припоминания. Это не просто речь, но речь-действие: она указывает рекомендует, предупреждает. Она не нуждается в дополнительном разъяснении; наоборот, она сама может служить комментарием к неверно понятым сообщениям. В связи с этим можно предположить, что для крестьянской культуры вообще не очень характерно символическое истолкование сновидений. Об этом говорит и сравнительно небольшая популярность сонников в среде сельского населения.

Более сложен вопрос об адресантах подобных сновидений. Крестьянин не встречает в своих снах лешего или русалку. В то же время ему снятся и святые, и клады, и боги тыри, и, наконец, мертвцы, занимающие в рассказах о сновидениях особое место. Возможно, здесь действительно стоит говорить об особой потусторонней сфере, конструируемой при помощи снов. Однако это — тема для более широкого исследования.

Наконец, не стоит забывать и о возможной локальной приуроченности тех или иных сновидческих традиций. Известно, что различные формы «культуры сновидений» формируются именно в локальном контексте. Так же, возможно, дело обстоит и в упомянутых выше деревнях Хвойнинского района. Стоит предположить, что последовательное наблюдение таких традиций могло бы существенно пополнить наши знания о роли сна и сновидения в крестьянской культуре вообще и традиционных религиозных практиках – в частности.

Примечания

¹ См., в частности: Virtanen L. Dream-telling Today // Siikala A.-L. (ed.) Studies in Oral Narrative (Studia Fennica 33). Helsinki, 1989; *Kaivola Bregenhøj A.* Dreams as Folklore // Fabula. 1993. Bd. 34. Н. 3/4 (здесь же – новейшая библиография вопроса), а также подробный обзор проблематики в работе К. О’Нелла: O’Nell C.W. Dreams, Culture and the Individual. S. Fr., 1976.

² Мальcolm H. Состояние сна. М., 1993. С. 31–35; См. также: O'Neill C. И. Op. cit. Р. 3.

³ Мальcolm H. Указ. соч. С. 86—132.

⁴ «Опыт начинает эволюционировать в нарратив даже во время припоминания сна», — осторожно замечает А. Кайвала-Брегенхой (*Kaivola-Bregenhøj A.* Op. cit. P. 216). Этую мысль можно сформулировать и по-другому: «припоминание» сна и есть момент его рождения; сновидение как

- культурная реалия существует только в качестве нарратива или символа.
- ⁵ O'Neill C.W. Op. cit. P. 22–32.
- ⁶ Флоренский П.А. Иконостас: Избранные труды по искусству. СПб., 1993. С. 4–5.
- ⁷ Успенский Б.А. История и семиотика: Восприятие времени как семиотическая проблема // Труды по знаковым системам. Вып. XXII. Зеркало. Семиотика зеркальности. (Уч. зап. ТГУ. Вып. 831.) Тарту, 1988. С. 72.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Неклюдов С.Ю. Исторический нарратив: между «реальной действительностью» и фольклорно-мифологической схемой // Мифология и повседневность: Материалы научной конференции 18–20 февр. 1998 г. СПб., 1998. С. 288–292.
- ¹⁰ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 222.
- ¹¹ Там же. С. 226.
- ¹² Успенский Б.А. Указ. соч. С. 77–80.
- ¹³ Балов А. Сон и сновидения в народных верованиях // Живая старина. Вып. IV. СПб., 1891. (Далее отсылки на страницы этого издания даны в тексте в круглых скобках.)
- ¹⁴ См. девятичленную модель интерпретации «вещих снов» (*omen dreams*), предложенную А. Кайвала-Брегенхой (*Kaivola-Bregenhoj A.* Op. cit. P. 221).
- ¹⁵ Подробнее о фольклорных текстах этого рода см.: Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. С. 115–132, 246–254.
- ¹⁶ Балов А. Указ. соч. С. 212.
- ¹⁷ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина: По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1903. С. 197.
- ¹⁸ Балов А. Указ. соч. С. 213.
- ^{18a} Архив ИИМК РАН. Ф. 37. № 7. Л. 12 об.
- ¹⁹ Куразов Н. По колхозам Ленинградской области // Антирелигиозник. 1932. № 17/18. С. 44.
- ²⁰ Панченко А.А. Указ. соч. С. 124–125.
- ²¹ Труман Ю.А. Финские элементы в Гдовском уезде Санкт-Петербургской губернии // Изв. РГО. Т. XXI. 1885.
- ²² Подробнее см.: Панченко А.А. Указ. соч. С. 82–101. Заметим, кстати, что обет является одной из самых распространенных форм религиозных практик и известен многим культурам.
- ²³ Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 119.
- ²⁴ Новикова В.В. Вышитые изделия в традиционной обрядности Заонежья (по материалам экспедиций 1986–1987 гг.) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 62.
- ²⁵ Панченко А.А. Указ. соч. С. 207–216; Панченко А.А., Петров Н.И. «Жальники» востока Новгородской области в современной сельской культуре // Дивинец Староладожский: Междисциплинарные исследования. СПб., 1997. С. 85–94.
- ²⁶ Экспедиция ЕУСПб, д. Заделье Хвойнинского р-на Новгородской обл. Зап. 8.07.98 от И.Д. Рябкова, ур. д. Лезгино, 1935 г. р. Зап. О.Б. Гендельс, В.Б. Яшкиной.
- ²⁷ Экспедиция ЕУСПб, д. Заделье Хвойнинского р-на Новгородской обл. Зап. 5.07.98 от Е.И. Ивановой, ур. д. Заделье, 1933 г. р. Зап. Ж.В. Корминой, А.А. Панченко, С.А. Штыркова, В.Б. Яшкиной.
- ²⁸ Экспедиция ЕУСПб, п. Анциферово Хвойнинского р-на Новгородской обл. Зап. 24.06.97 от Е. Михайловой, ур. д. Анциферово, 1917 г. р. Зап. Д. Дубровского, В.Б. Яшкиной.
- ²⁹ Богданова К.А. Деньги в фольклоре. СПб., 1995.
- ³⁰ Смирнов Вас. Клады, паны и разбойники. Кострома, 1921. С. 12–13.
- ³¹ Смирнов Вас. Указ. соч. С. 13.
- ³² Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. IX. СПб., 1884. С. 412.
- ³³ Экспедиция ЕУСПб, д. Филиппково Любопытинского р-на Новгородской обл. Зап. 4.07.97 от Н.Н. Градовой, ур. д. Филиппково, 1907 г. р. Зап. Е.А. Мельниковой, А.А. Панченко, В.Б. Яшкиной.
- ³⁴ Архив ИИМК РАН. Ф. 37. № 7. Л. 108.

Вещие сны и их толкование (На материале современной русской крестьянской традиции)

Ф

еномен вещего сна в народной культуре обычно становился предметом фольклористического внимания либо в качестве элемента народных поверий: что к чему снится, какой сон сбывается и т. п., — отражающих те или иные архаические представления или мифологические модели, либо как один из сюжетообразующих мотивов в произведениях фольклора, либо как компонент ритуально-мантических практик (например, святочные загадывания на сон). Распространенные в практике бытового общения рассказы-мемораты о снах, в частности крестьянские, стали целенаправленно фиксироваться собирателями сравнительно недавно и практически не публиковались (первая специальная публикация вышла в 2000 г.)¹.

При этом несправедливо было бы считать, что рассказы о снах провоцируются лишь специальными вопросами собирателей — просьбами припомнить случаи необычного или

сбывающегося сновидения, — а в «естественной» коммуникативной ситуации не воспроизводятся. «Особый тип текстов — рассказы о снах», — пишет С. Небежевская о таких меморатах, сразу же определяя их прагматическую функцию: «Апеллируя к личному опыту, они поддерживают веру в прогностическую ценность сновидения»².

Далеко не всегда в рассказах о вещих снах повествование касается самого рассказчика — иногда они представляют собой пересказы чужих историй, слышанных от других людей уже «в готовом виде». Кроме того, пересказывать сновидения (также с попытками их толкования и часто с присовокуплением повествования об исполнении предсказания) принято не только в крестьянской среде — достаточно активное бытование этих текстов, особенно в кругу родственников и близких знакомых, каждый может засвидетельствовать своим индивидуальным опытом, и потому нет никаких оснований отрицать их распространность среди крестьян. Наконец, рассказы о сбывающихся снах в структурно-стилистическом плане тяготеют к единому образцу, что дает возможность говорить о существовании своего рода жанрового канона, более или менее следовать которому неосознанно стремится каждый рассказчик. Так что, записывая от информанта историю о том, как у него или у кого-то из его знакомых «сошелся» сон, мы, по-видимому, чаще имеем дело с воспроизведением или «моделированием» текста, нежели с его спонтанным созданием.

Стоит ли оговаривать, что устные тексты — единственный и весьма специфичный источник сведений о том, какие, собственно, сновидения видят рассказчики, ибо воспоминание о сновидении всегда неравно самому сновидению, а рассказ, построенный на воспоминании, всегда неравен самому воспоминанию.

Очевидно при этом, что для фольклориста открываются определенные перспективы исследования, в рамках которого крестьянские пересказы снов, встроенные, как правило, в более обширные нарративы и сопровождаемые разного рода комментирующими высказываниями, предстают как материал не только весьма содержательный. Так, с одной стороны, фольклориста могут заинтересовать в качестве особой жанровой группы сами мемораты о снах, характеризующиеся, как уже отмечалось в литературе, высокой степенью стереотипности³. С другой стороны, рассказы о снах и их толкованиях содержат богатую информацию, воспроиз-

водимую в них, в отличие от «истинного» содержания самих сновидений, вполне адекватно: мы имеем в виду даже не столько систему представлений о сне и вещих сновидениях, комплекс предписаний к их интерпретации, провоцированию, нейтрализации последствий и т. д., сколько выражаемую имплицитно практическую «логику толкования» — те традиционные стратегии и модели, которые определяют процесс и результат интерпретации снов в их проекции на жизнь сновидца, его родных и знакомых, его родного края и отечества.

Можно заметить, что основу корпуса пересказов составляют: 1) сны, в которых сновидец общается с умершими родственниками или знакомыми; 2) сны, в которых предсказания и предписания произносятся являющимися сновидцу сакральными (не всегда достаточно четко идентифицируемыми) персонажами — Христом, Богородицей, святым или кем-либо из умерших родственников; 3) во многом близкие к ним сны-«голоса», диктующие сновидцу какие-либо действия (например, поиск клада); 4) сны о посещении того света (подобные так называемым обмираниям); 5) сны самого различного содержания, образно предвещающие будущие события, т. е. собственно вещие; 6) как отдельная разновидность последних — сны, целенаправленно вызываемые посредством специальных мантнических действий (календарно или оккизионально обусловленных «загадываний» на сон).

На самом деле практически все запоминающиеся (и потому актуальные для пересказа) сновидения обретают в традиционной культуре статус вещих. Так или иначе все они соотнесены со сферой грядущего, прогнозируя или программируя факты дальнейшей жизни сновидца и его близких. Так, явившаяся Божья Матерь предрекает девушки замужество за женатым или запрещает женщине делать аборт; умершие родственники просят помянуть, положить в могилу необходимый на том свете предмет; в снах-обмираниях рисуется картина ожидаемого загробного существования, что должно предостеречь человека от грешной жизни на земле, а от поведения самого сновидца на том свете и при общении с покойником (соглашается ли он остаться среди умерших) «зависит», суждена ли ему скорая смерть.

При этом все же необходимо выделить в особую группу рассказы о собственно вещих снах. Во-первых, именно для

этих сновидений, в сознании самих носителей традиции, прогностическая функция является стержневой, тогда как для других может быть периферийной и факультативной; во-вторых, актуальная информация выражена здесь неverbально, а на языке зрительных образов, причем требующих обязательной дешифровки. С этим последним фактором связана принципиальная двучастность повествования: оно включает содержание сна и его толкование. Толкование в данном случае понимается широко — как соотнесение знака с событием в ментальном, словесном или витальном тексте. Таким образом, в вербализованном виде оно может носить как предваряющий, гипотетический характер (предположение о значении сна до того, как он «сбылся»), так и констатирующий (утверждение о значении сна после его «исполнения»).

В максимально полном варианте традиционная схема рассказа о вещем сне предполагает наличие в нем следующих элементов:

- а) обрисовка жизненной ситуации, предшествующей сну (*«А это платье ещё было дома, она его не одевала ещё, туды не брала с собой. И я вижу сон...»*);
- б) описание бытовых обстоятельств засыпания (*«Дети бегают, а я говорю: "Я сейчас немножко прилягу"»*);
- в) пересказ самого сновидения, часто сопровождаемый указанием на психологическое состояние во время сна и сразу после (*«...И никто меня не слышит, и я не знаю, куда мне деться, и проснулась...»*);
- г) если сон изначально воспринимается как символический — предположения сновидца о его значении, сделанные по пробуждении (*«Я говорю: "Мам, кто-нибудь из наших приедет, потому что яйца — это кто-то явится"»*), или толкование его третьим лицом, как правило, старшего поколения (*«Прихожу... и рассказываю, она говорит: "Ну, что-то тебе на днях будет худое"»*);
- д) исполнение предвестия;
- е) если сон изначально не понимался как вещий — воспоминание о реакции удивления тому, что он таковым оказался (*«И я когда подошла, когда он лежал, — дак вот я что видела!...»*);
- ж) констатация (часто весьма экспрессивная) свойства снов «сбываться»: «правильности» сновидения в данном конкретном случае (*«Так сбылся сон, что правильнее больше нету...»*) и в принципе (*«Вот так сны сбываются»*), причем

высказывания такого рода, особенно в ситуации собираательского интервью, иногда не только завершают, но и предваряют повествование, образуя своего рода «теоретическую рамку», где вывод равен исходному тезису, и рассказанная история как бы получает таким образом статус иллюстрации, экземпляры.

Разумеется, в повествовании не всегда присутствуют все названные блоки, а порядок их расположения может в известных пределах варьироваться.

Однако все вышеприведенные замечания носят предварительный характер, и вопрос о крестьянских рассказах о снах как особой субжанровой группе устных текстов, об их тематике, строении и прагматике должен лежать в основу специального исследования. В рамках же настоящей статьи нас будет в большей степени интересовать второй из намеченных выше аспектов рассмотрения данного материала, анализ которого, как представляется, действительно может заставить пересмотреть и дополнить существующее представление о традиционном снотолковании в крестьянской культуре.

Небольшой экскурс в историю вопроса. В конце XIX – начале XX столетия в русской этнографической литературе появился ряд отчасти дополняющих и повторяющих друг друга публикаций народных снотолкований, распространенных в некоторых белорусских и великорусских губерниях⁴. Все они строятся по одному принципу – по принципу словаря-сонника: слева – элемент содержания сновидения (предмет или действие), справа – его значение или варианты значений. О практике применения носителями традиции этих обобщенных формул-примет к истолкованию конкретных сновидений специально ничего не писали, подразумевая, по-видимому, как нечто само собой разумеющееся, что какая-либо дистанция между одним и другим отсутствует (наиболее полное описание народных представлений о сне и значениях сновидений сделал в небольшой заметке 1891 г. А. Балов⁵). Все комментарии и наблюдения публикаторов касаются исключительно характера самих примет – количества образов и значений, парадигматических принципов, лежащих в основе их соотнесенности, и т. п. – т. е., по сути, остаются в рамках все того же материала, не затрагивая контекста его бытования.

Правда, внимательный к деталям Н.Я. Никифоровский отмечал, что сонник не носит универсального, всеобщего характера, корректируясь частным опытом и дробясь на ми-

кротрадиции. «...Каждая местность, каждое семейство и даже иногда каждое отдельное лицо, – пишет собиратель, – одному и тому же сновидению дают разное значение, сообразно с наблюдением своим личным, а также семьи и соседей»⁶. Это наблюдение, собственно, и остается единственной попыткой развести теорию и практику народного снотолкования.

Далее, ввиду полного отсутствия в советской фольклористике и этнографии работ о народном толковании снов приходится сделать почти столетний скачок и обратиться к современным. Что касается зарубежной науки, то и в ней, как отмечает финская исследовательница Анники Кайвола-Брегенхой, «фольклористическое изучение народных рассказов о снах – явление очень недавнее»⁷.

Отдельно надо остановиться на исследованиях Станиславы Небжеговской, посвященных польскому народному соннику. В них «непосредственным объектом анализа... являются не конкретные “высказывания” о снах и соответствующих им реальных событиях, а абстрактные логические формулы, констатирующие связь между... “образом” (содержание сна) и... толкованием...»⁸. Сонник, в понимании Небжеговской, – это, во-первых, «минимальный текст снотолкования (далее – МТС), состоящий из лаконичных предложений типа *когда снятся яйца, то это сплетни* <...>, которые функционируют в своеобразных жанровых рамках», во-вторых, – «весь комплекс таких МТС, складывающийся (подобно лексемам в словаре) в словарь символов сновидений, существующий в коллективном сознании и собираемый и публикуемый фольклористами»⁹.

Анализируя мифологические и аксиологические категории, обусловившие принципы толкования, репрезентируемые народным сонником, исследовательница остается в рамках этого материала. Едва ли прав Н.И. Толстой, рецензент работы, считавший, что «об интенции сонника можно говорить, только если рассматриваются конкретные коммуникативные ситуации, в которых эти тексты произносятся. Взятые в отрыве от ситуации формулы типа “дождь – к следам” не имеют прагматических признаков (в том числе интенции прогнозирования), они могут приобретать их лишь в конкретном речевом акте»¹⁰. Если рассматривать народный сонник как самостоятельный текст, вне «эмпирической рамки», то нет никакого противоречия в попытке определить его прагматику, причем определять ее возможно имен-

но на интенциональном уровне: ошибкой было бы распространять ее на уровень функциональный, т. е. утверждать, что прагматика сонника состоит не в интенции прогнозирования, а в самом прогнозировании.

Вообще, позиция С. Небжеговской в отношении снотолкования выглядит внутренне последовательной, пока исследовательница не переносит своих выводов с материала сонника (абстрактных бинарных формул) на саму ситуацию толкования сновидения. Однако, вводя фигуры сновидца (рассказчика сна) и толкователя, анализируя функционирование МТС в иножанровых рамках (и, в частности, в структуре рассказов о снах, которым посвящена последняя глава монографии «Польский народный сонник»), исследовательница, на наш взгляд, смешивает два различных понятия: толкование как идиома и толкование как акт. И здесь нельзя не согласиться с полемическим замечанием Н.И. Толстого о том, что «тексты сонника дают некоторую обобщенную форму толкования, а не толкуют конкретные образы сна»¹¹.

О.Б. Христофорова, автор монографии «Логика толкований», используя материал архаичных культурных традиций, ставит задачу «обнаружить те глубинные предпосылки, которые обуславливают потребность в толковании, и ту логику, которая определяет формулировку толкования»¹². Она подробно анализирует устойчивые формульные «тексты-толкования», которые, аналогично составляющим «сонника» (МТС) у Небжеговской, рассматриваются как самодостаточные единицы толкования, и тот контекст, в котором они естественно актуализируются в речи, в бытовой практике, не учитывается.

Характерно, что обе исследовательницы указывают на типологическое (логическое и формальное) родство снотолкований с приметами. «В МТС, а также в приметах, — пишет об этом Небжеговска, — основное предложение имеет формальную структуру “X – это Z”. Связку “это” можно интерпретировать с помощью таких слов, как *означает*, *предсказывает*»¹³. Признание этого единства не мешает, однако, польской исследовательнице видеть в текстах сонника отдельный жанр, не включая их в разряд собственно примет. О.Б. Христофорова в этом вопросе идет дальше, принципиально не разделяя приметы на «сонные» и «явные»: с ее позиций все это суть «тексты-толкования», что представляется вполне убедительным. Действительно, все те структурные, семантические и прагматические особенности, «ка-

териальные свойства», которые Небжеговска признает присущими народному соннику (паразитирование текстов снотолкования на текстах других жанров, образ и толкование как основные конструкты, конкретность первого и обобщенность второго, временное предшествование образа толкованию и т. д.¹⁴), в той же мере характерны и для «сонных» примет типа «соль просыпать – к ссоре».

Так или иначе, на сегодняшний день все известные нам обобщения относительно толкования вещих снов, базируясь на материале народного сонника – т. е., по сути дела, на комплексе примет, – неизбежно остаются в пределах той примитивной семиотической модели, по которой строится любая примета. За неимением иных данных эта единственная модель, вербализованно или «по умолчанию», переносится на представление о массовой практике интерпретации сновидений, что сводит снотолкование как процесс к поиску нужной строки в словаре сновиденных символов. Разумеется, в ряде случаев эта схема действительно реализуется «в чистом виде», что подтверждается меморатами о сбывающихся сновидении.) Подобные рассказы звучат примерно так:

«*Вот, брата убили, вот на ярмонке – Тихвинская была, в Зaborье. Он молодой, ешио не женивши был. Почти насмерть убили. И я видела: валяла лес, и до чего я только его валяла, и клали в кучку, и грузили, и что-то рубили из этого леса – и вот как раз покойник. Лес к покойнику всягда*»¹⁵.

Однако такие случаи, где закономерность последовавшего происшествия мотивируется заранее известной, устойчивой (что в приведенном тексте подчеркнуто последней фразой) прогностической семантикой приснившегося, составляют лишь некоторую часть от общего числа рассказов о сбывающихся снах. Во многих же из них мы не встречаем не только таких мотивировок, но часто и самих эмблем, входящих в традиционный для данной местности «сонник», активный объем которого, судя по всему, вообще все более и более сокращается. Особенно же показательны те случаи, когда предмет или действие из числа значимых «сонных» образов, известных традиции, обретает в трактовке рассказчика окказиональное значение. Приведем пример.

«*Я перед этим видела сон, что будто бы я подъезжаю в Кувшинову (она жила в Кувшинове), и вдруг холм такой, на холме телега. И я вот стала рассказывать, говорят: “Точно будет покойник”. И потом вот, правда, телеграмма: Раи*

умерла, значит. Ну, это говорят, мол, телега — это памятник, холм — это могила»¹⁶.

Реализация предвестия (смерть) соответствует традиционному значению образа телеги, фиксированному еще в прошлом столетии, но конкретизирующая мотивировка толкования (телега — памятник) звучит достаточно неожиданно и едва ли существует как самостоятельная формула толкования. Однако контекст сновидения многое объясняет: по-видимому, все определила могильная символика холма, и «гибкое» сознание толкователя логически дополнило картину, объявив телегу надгробием.

Справедливо ради надо отметить, что рассказов о толковании снов, в которых традиционный семиотический потенциал сновиденных образов остается нереализованным, не меньше, чем повествующих о снах, предвещающих будущее по принципу «вода — беда, ягоды — слезы». Рассмотрим еще один пример.

«...От вижу сон: значит, от, мне вдруг зарезали, эти вот, поросёнка зарезали. Говорю: “Ну что, так тяпло, и зарезали. Куда мне тяперь яво дявать? <...> Надо подвешить”. Вот подвешивали этого поросёнка, подвешивали (а свинка, даже не боров — свинка), подвешивали, и к ней подвешивали два поросёночка этих. Говорю: “Господи, ну что ж, ну что ж, — я говорю, — теперь...”. И, значит, эти пороссятки два висят. И оказывалось, вот так скоро, что, вроде, я сегодня видела, и Ваня как раз идёт, бяжть, говорить: “Знаешь вот, <...> — говорит, — несчастье какое?”. Я говорю: “Что?”. “Толька, — говорит, — разбился”. И настолько плакали, что вот осталася Зина и два ребёночка. Вот с ходу, ну момячально случилось. Это уже на самом деле. Плакали, кричали, я говорю: “Вот остался два, осталась, — я говорю, — свинка, остался вот два поросёночка маленьких”, — от-то маленькие. И оны как раз вцепивши за мамку сидят, а он уже умер»¹⁷.

Конечно, большинство пересказываемых крестьянами сновидений содержит какие-либо из тех реалий, которые известны традиции в качестве семиотически маркированных образов. В данном случае это свинья — общераспространенный персонаж народного сонника. Сон про свинью в тех местах, где был записан данный текст, трактуется обычно как «к свинству», по белорусскому материалу свинья — ведьма, враг, а белая свинья — смерть^{17a}. Но приведенный выше текст иллюстрирует как раз тот случай, когда эта эмблематика «не работает»: прогностической интерпретации в ре-

зультате подвергается не устойчивый в своей семантической емкости образ свиньи, и даже не само совершившееся событие, а, с одной стороны, картина висящих рядом свиной и двух пороссячих туш (этому образу окказионально присваивается значение «овдовевшая женщина с двумя осиротевшими детьми»), с другой стороны — эмоциональное состояние тревожного недоумения и растерянности, испытываемое сновидцем при созерцании этой картины.

Кстати, нередки и случаи, когда в основу толкования ложится именно чувство, душевное состояние сновидца, переживаемое им во сне и/или сразу по пробуждении: «*Видит во сне: идёт она. Идёт, и на ходу ей вскочила в рот пчала и её больно ужалила. Она расстроиласи и проснулась за этим, с этой боли. Прошло три года — вот, порвала девочку на минах. А.... вот ей (матери. — М. Л.) было больно*»¹⁸.

Толкование здесь производится по общему сходству переживаний (боль) — во сне и впоследствии наяву в связи с произошедшим событием. Образ пчелы, пчелиного роя, укуса пчелы в различных традициях имеет множество значений¹⁹, но в данном случае ни одно из них не задействуется. Этот и многочисленные сходные тексты показывают неприменимость к практике снотолкования тезиса С. Небжеговской, относящегося к фольклорному соннику, о том, что сновиденный толкуемый образ «отличается своим конкретным характером. Это “предмет”, ощущаемый органами чувств, который имеет определенный внешний вид и который можно нарисовать <...>»²⁰. Заметим кстати, что в обширной подборке Романова приметы, помещенные в раздел «Действия», составляют десятую часть от общего числа, что не так уж мало, причем лишь несколько из них предполагают действие с каким-либо конкретным предметом.

Итак, вполне очевидно, что сновидец (или посторонний толкователь) обладает достаточной степенью свободы не только в характере прогностической интерпретации того или иного образа, но и в выборе самого объекта (или объектов) толкования. В большинстве рассказов о сновидениях таких объектов присутствует несколько, тем более что интерпретабельным для толкования является не только предмет (в узком смысле слова), но также качество того или иного предмета (грязный, красный), число предметов и характер отношений между ними (вспомним свинью и двух пороссят), действие (убегать, терять), пространственные и временные параметры действия (далеко, медленно), эмоци-

ональное состояние (страх, удивление) и другие показатели.

Если представить содержание сновидения как высказывание, то практически все члены предложения могут быть задействованы в качестве прогностических знаков при толковании, причем, как яствует из рассказов о сбывающихся снах, толкователь в каждом конкретном случае вполне произвольно выбирает и комбинирует для объяснения сновидения одни образы, игнорируя другие.

«Вот у меня мама болела, в войну. Ну, у ёй фактически был аппендицит. А врачей-то не было. Все придут, смотрят, вот такие два жгута в правом боку натянувши: "Грыжа, грыжа, грыжа". Кричать мама на всю голову — "грыжа". Ну, вот я, это, ну, думаю: "Что ж, мама умрет", — и повязла яё в Хотилицы в больницу, и там ничего нету. Она ночь переночавала, я сбежала утром, говорить: "Бяри меня домой, я не могу. Мне клизму делают, я не могу — мне все къшки сорвало". Ну, вот я привела лошадь, запрягла, привязла яё домой, лягla спать, вижу — куда-то иду я. Иду, и тёмно уже, смотрю, это, солнце котится, котится, лес такой тёмный. Ой, ну у мене так сердце болит, думаю: "Ну, как я пойду — ночью, тёмно, это, лесом-то пойду я". Ну вот, третьим днём мама и помярла.

— А что было к смерти? — соб.

— Мама от змерла, и вот, ну а вот солнце катилось, катилось — ну она и откатилась от нас»²¹.

Известны значения пути, и солнца, и леса. Но рассказчица строит толкование на параллелизме «закат солнца — "закат" человека», усиливая метафорическую соотнесенность образа и значения деривационной близостью и созвучностью обозначающих их глаголов: солнце «катилось» — мама «откатилась».

Из всего сказанного можно сделать первый вывод: стратегия народного снотолкования не сводится к применению известной формулы-приметы типа «вода — беда, ягоды — слезы», совокупность которых составляет так называемый народный сонник. Большинство сновидений (в том виде, как их помнит и вербально воспроизводит сновидец) обладают большим семиотическим потенциалом, чем абстрактно мыслимая эмблема с ее предпосланным реальному событию значением. Склонность образов устного сонника к полисемии отмечал еще Е. Ляцкий: «...некоторые сны, как оказалось, имеют несколько значений...»²²; об этом же свидетельствуют материалы и наблюдения С. Небежевской²³. Одна-

ко в практике снотолкования многозначность образа существенно шире, чем это описано исследователями народного сонника, ибо связана не только с возможной множественностью известных традиции прогностических трактовок одного знака, но и с практической «логикой толкования». Присвоение образу того или иного значения в каждом конкретном случае обусловливается как минимум двумя фактами: во-первых, выбором «означающего» из образного материала сновидения, содержащего, как уже сказано, целый ряд потенциальных знаков, совокупность которых открывает перед толкователем широкое поле для избирательности и комбинирования, во-вторых — выбором «означаемого», который, в свою очередь, не ограничен рамками устойчивого семантического спектра того или иного образа и допускает какие угодно частные — индивидуальные, окказиональные — интерпретации и вообще во многом определяется последовавшим событием, о чем подробнее речь пойдет ниже. Эти два фактора взаимосвязаны, так как в каждом отдельном случае выбор знака и выбор значения совершаются как единый ментальный акт, цель которого — соотнести сон и событие как примету и ее реализацию.

Так что полисемия сновиденных образов носит принципиально открытый характер, и в силу этого вся сумма возможных значений каждого из них не может быть учтена и предположена толкователю сонником. В свою очередь, народный сонник — традиционный, «существующий в коллективном сознании» набор толкований отдельных образов, — являющийся лишь иногда прямым и единственным источником объяснения прогностики сна, во всяком случае выступает как своего рода пособие к толкованию, так как, во-первых, имплицитно выражает саму идею прогностического значения сновидений и возможности его дешифровки, а во-вторых, закладывает в сознание носителя культуры — потенциального снотолкователя — ту систему координат, или, точнее, те правила игры, по которым производится установление семиотических отношений между сном и событием.

Одним из таких правил, подсказываемых толкователю традиционным сонником, является правило детализации образа. Мы имеем в виду возможность варьировать и уточнять толкование образа с учетом тех или иных его модификаций. «Еще одна характерная особенность сонника, — отмечает Небежевская, — заключается в том, что образы, функционирующие в рамках минимальных текстов снотол-

кования, могут быть специализированы, развернуты за счет добавочных характеристик. <...> Так, например, хлеб в минимальном тексте снотолкования функционирует не только как “обобщенный” образ <...>, но и в каких-то своих разновидностях <...>»²⁴.

Действительно, многие элементы сонника характеризуются детальной разработанностью, в чем сказывается стремление охватить сферой толкования большее количество возможных вариантов и подробностей образа. Это само по себе свидетельствует о том, что система, задающая в качестве единственного эмблематический принцип снотолкования, пытается преодолеть неизбежную нивелирующую обобщенность прогностически значимых образов и, соответственно, их толкований, т. е. как бы движется в сторону практики толкования. Однако при этом сами значения уточняющих образ деталей отнюдь не утрачивают обобщенно-типовизирующую характеристику, тогда как толкование конкретного сновидения всегда конкретно же и исходит из его непредсказанной и неповторимой образной структуры, какой она сказуемой и снапомнилась сновидцу. Проиллюстрируем сказанное, сравнив выдержку из материалов по народному соннику с рассказом о сбывшемся сне, содержащем тот же образ с аналогичной детализацией.

Из «Материалов для народного снотолкователя» Никифоровского:

«Вынимать зубы из собственного рта – получать известие о чьей-либо смерти. Коренные зубы – известие о смерти пожилого, или же значительного лица; передние – то же известие о молодом человеке и лице второстепенном. Если те или другие зубы, будучи вынуты на ладонь, подверглись рассмотру и потом снова вложены в рот, нужно ожидать неминуемой смерти, хотя и близких людей, но не состоящих в кровном родстве, как: жены, ея родителей, и сестер, свекра и свекрови, золовок и других свойственников. Но если вынутые зубы были в крови, то коренные указывают на смерть родителей, резцы – детей, клыки – братьев и сестер»²⁵.

Рассказ о сне:

«Видела сон. Вот этот сон мне сбылся. Вижу во сне: выпали все зубы во рту. Ой! Стала перед зеркалом и вот так вставляю их, так вот цокну – зуб приживёт. А один зуб никак не прижил. Так он даляко там – ну, думаю, а его и не видно, что его не было. А была война. Все свои пришли, мои родственники. А один родственник пришел и умер. Сердце отка-

зало. И вот одного я потеряла. А он родственник – моей тётки муж, считай, что это далёкий родственник. Говорю: “Ну, а этого зато я видно, и нипочём”. Вот сон мой и сбылся. А все прижились, все прижились»²⁶.

Детализированная интерпретация, как мы видим, происходит здесь по заданной сонником модели, но содержит, в соответствии с образным сюжетом самого сновидения и последовавшими событиями, окказиональную и, разумеется, непредсказуемую коллизию (далеко расположенный зуб, которого не видно, выпал и не прижился на своем месте – далекий, «не заметный» свойственник вернулся с войны, но вскоре умер).

Говоря о традиционном снотолковании, нужно учитывать и тот факт, что крестьяне в своих суждениях о значении сновидений и законах их дешифровки представляют картину схематически упрощенную, т. е., как правило, сводят ее к той самой формуле $X = Z$. Рассуждая о толковании снов, говорящий транслирует как раз общие места традиционного знания. Таким образом, схематизированные представления о «логике толкования» характерны для самих носителей традиции, которые в реальной практике интерпретации образов сновидений (что фиксируется в рассказах) логику эту постоянно нарушают или значительно усложняют.

Итак, несколько упрощая, можно сказать, что в толковании сновидения типовое и устойчивое традиционное знание, априорно предпосланное каждому факту сна/толкования, образует базовый уровень интерпретации, а конкретное и частное – уровень специфический. Уточняя положения концепции Небежевской, Н.И. Толстой писал о роли сонника в снотолковании: «Сонник в таком виде, т. е. как перечень подобных соответствий (“дождь – это слезы”), представляет собой <...> род грамматики или словаря, будучи “инвентарем” парадигматических элементов, из которых строится бесконечное множество реальных, коммуникативно “погруженных” текстов, толкующих сны»²⁷. Стоит подчеркнуть, что под «парадигматическими элементами» нужно понимать в данном случае не только отдельные МТС (словарь), но и «правила» толкования (грамматика).

Наконец, нельзя оставить без внимания еще один важный фактор, без учета которого наши представления о толковании вещих сновидений будут заведомо неверными: мы имеем в виду влияние на толкование того события, которое осмысляется как реализация прогностического значения сна. «Текст» этого события (или группы событий) является под-

час тем магическим кристаллом, взгляд через который обращает образный текст сновидения в знаковую картину будущего (вспомним, например, сон о свинье и двух порослях). Слова, оканчивающиеся фразами, как бы под-

Многие рассказы заканчиваются фразами, как бы подчеркивающими, что произошедшие события подтвердили вещее значение сновидения: «Вот так и сбылся мой сон»; «Вот сон мой и сбылся»; «Вот этот сон мне и сбылся страшно»; «Вот тебе и сон сбылся»; «И вот видишь, как он сбылся мне». Более того: одним из общих мест рассказов о сбывающихся снах является сообщение о том, что сон вспомнился лишь после того, как сбылся. Такой порядок может даже быть возведен в принцип: «Когда он сбудется, этот сон, и случится у тебя такое дело, тогда ты вспомнишь: “Ага! Ведь вот я ж видела сон, и он у меня сбылся”»²⁸.

Содержание сновидения и содержание соотносимого с ним события (кстати, не всегда принадлежащего будущему по отношению ко сну времени, но иногда — прошлому или «неизвестному настоящему») можно геометрически представить как две непараллельные плоскости, снотолкование — как линию их пересечения, принадлежащую третьей (ментальной) плоскости. Так что толкование как операция по установлению сигнификативных отношений между предметно-событийными рядами, имеющими различный онтологический статус, не только декодирует знаковый текст, но и, наоборот, «означивает» образный текст сновидения. Это, в свою очередь, неизбежно ведет к известному семантическому конформизму направленного в будущее толкования — в случае непрямого, иносказательного изображения действительности.

Существуют, однако, и сновидения, рисующие ситуации будущего без какой бы то ни было «кодировки». Речь идет не о случаях применения того типа МТС, в котором реализован принцип толкования, обозначенный автором термина как **«тождество — Если девушке снится кавалер, то уж, видно, к ней приедет»**²⁹, — а о «видовых» сновидениях, изображающих событие, а точнее, — картину, имеющую реализоваться в действительности, не символически, а через предваряющее воссоздание ее внешнего антуража. Такие сны зеркально подобны снам-воспоминаниям об имевших место в прошлом событиях — здесь сновидец «вспоминает» то, чemu только суждено произойти. В соответствующих меморатах повествуется о том, как сновидец попадал в обстановку или в ситуацию, в точности воспроизводящую виденное им

некогда во сне. Принцип прямого визуального представления образов «из будущего» характерен для рассказов про святочные гадания о суженом, так как он заложен в самой идее этих гаданий, часто сопровождающихся просьбой-заклинанием «показать» жениха, но мы сейчас говорим о снах, свободных от мантической целенаправленности. Приведем три примера таких рассказов.

«Ну, и ёлка стоит такая, небольшая. Я подхожу, размахиваюсь топором — топор проскочил и прямо по ноге, против пальцев. Во сне. Это прошло где-то недели две, наверно. И подхожу: как во снях ёлочка снилась, такая же самая ёлочка. Размахиваюсь — раз! — топор проскакивает и <...> по пальцу. Я только тогда сон вспомнил...»³⁰

«Вот перед Германией, перед войной. Вот я была в плену, каком, в этом, в деревне — я-то ведь за полгода до войны, я всю-всю эту деревню видела во сне. Тополя эти и свою хозяйку — всё видела во сне. Привёл меня хозяин туда с этой, на берег, а я и говорю: «Господи, так я ж тут была! Я тут была, в этом доме-то. Скороварня эта и школы вот тут две рядом, цветам всё обсажено кругом». А я проснулася, я говорю: «Мам, я сегодня там в раю была». Она говорит: «Ну, в раю!» — «Мам, — я говорю, — такое красивое место! Нигде такого места у нас, нигде в России нету! Всё цветы, такая красота, — говорю, — вот такая молодуха сидит, заплетена чёрным косам, и ребёночка держит на руках, — я говорю. — Не знаю, где у нас такое место, и такое не видела». <...> [Когда меня] хозяин привёл в дом, я и гляжу, я думаю: «Господи, эта баба сидит, с заплетённым косам, чёрным волосам, это, ребёночка держит». Вот что-то там кругом указывает мне, где это, вокруг дома обряжать, как скот где укладывать — это всё я во сне видела»³¹.

«Снам — вот, говорят, что это неправда, это сон, это просто вспоминала или что-то. От я про себя. От если сон мне приснится — мне не надо цыганки. Я сама всё расскажу, знаю, что вот это вот сбудется, а это сбылось уже всё. Значит, снится мне сон, что якобы этот, как будто я, значит, лежу вот так на топчане, как в больнице эти сидят ждут врача-то. А какой-то мужчина вот так колдует, колдует надо мной. Пошли мы с дедком дрова пилить, и он “Дружбой” мне отпилил ногу. Не совсем, а зацепил. Пришла к хирургу — да я вот так во сне видела этого человека! Точно? Точно. И также он стал мне зашивать эту ногу — руками-то колдует. От. Ой, сколько таких у меня снов — и все исполняются»³².

Ряд примеров можно было бы значительно расширить: удельный вес подобных рассказов среди прочих достаточно значителен. Очевидно, что для веших снов этого типа при-значителен. Веденная выше формула: «Когда он сбудется — тогда ты вспомнишь» — является, по сути, началом и концом «толко-вспомнишь», которое в данной ситуации сводится к констатированию, которое в прогностического значения сновидения, лишено элевации прогнозического значения сновидения, лишено элемента перекодировки и не может предварять факт исполнения предвестия.

Таким образом, по характеру знаковости прогнозического текста и, соответственно, по принципам толкования эти сновидения диаметрально противоположны тем, содержание которых воспринимается как набор известных эмблем, а значение последних определяется по модели «вода — лем, а ягоды — слезы». Обозначенные два типа сновидений/толкований составляют как бы два крайних варианта: «конкретно-окказиональный», где толкование следует событию и детерминировано его актуальным «содержанием», и «обобщенно-стереотипный», где толкование (в идеале) предшествует событию и опирается на сонник как на универсальное коллективное знание. Между этими полюсами простирается все поле семиотических возможностей, конкретные же случаи тяготеют к одному или другому, комбинируя в себе в различных сочетаниях и пропорциях элементы эксклюзивного и разового опыта с элементами устойчивой символики и механики снотолкования.

Примечания

- 1 Дурье М.Л., Черешня А.В. Крестьянские рассказы о сбывающихся снах // Традиция в фольклоре и литературе: Статьи, публикации, методические материалы преподавателей и учеников Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета / Ред.-сост. М.Л. Дурье. СПб., 2000.
- 2 Небжеговска С. Сонник как жанр польского фольклора // Славяноведение. 1994. № 5. С. 68.
- 3 Kaivola-Bregenhoj A. Dreams as Folklore // *Fabula*. Bd 34. Berlin; New York, 1993. P. 211.
- 4 Романов Е.Р. Опыт белорусского народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1889. № 3; Дерунов С. Материалы для народного снотолкователя. III. (Ярославской губернии) // Этнографическое обозрение. 1898. № 1; Ляцкий Е. Материалы для народного снотолкователя. II. (Минской губернии) // Этнографическое обозрение. 1898. № 1; Никифоровский Н.Я. Материалы для народного снотолкователя. I. (Ви-

- тебской губернии) // Этнографическое обозрение. 1898. № 1; Балов А.В. Очерки Пошехонья // Этнографическое обозрение. 1901. № 4.
- 5 Балов А. Сон и сновидения в народных верованиях: Из этнографических наблюдений, собранных в Ярославской губернии // Живая старина. 1891. Вып. 4.
 - 6 Никифоровский Н.Я. Указ. соч. С. 133.
 - 7 Kaivola-Bregenhoj A. Ibid.; см. там же библиографию работ по теме 1980—1990-х годов.
 - 8 Толстой Н.И. S. Niebrzegowska. Sennik jako gatunek polskiego folkloru. Słownik i semantyka: Rozprawa doktorska. Lublin, 1995. Cz. I, II. 494 S; Polski sennik ludowy. Lublin, 1996. 297 S. // Славяноведение. 1997. № 4. С. 106.
 - 9 Небжеговска С. Указ. соч. С. 67.
 - 10 Толстой Н.И. Указ. соч. С. 106—107.
 - 11 Там же.
 - 12 Христофорова О.Б. Логика толкований: Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах. М., 1998. С. 102.
 - 13 Небжеговска С. Указ. соч. С. 69.
 - 14 Там же. С. 72.
 - 15 Дурье М.Л., Черешня А.В. Указ. соч. № 3.
 - 16 Там же. № 12.
 - 17 Там же. № 31.
 - 17a Романов Е.Р. Указ. соч. С. 54—72.
 - 18 Дурье М.Л., Черешня А.В. Указ. соч. № 24.
 - 19 Романов Е.Р. Указ. соч. С. 70; Ляцкий Е. Указ. соч. С. 148; Дерунов С. Указ. соч. С. 151.
 - 20 Небжеговска С. Указ. соч. С. 68.
 - 21 Дурье М.Л., Черешня А.В. Указ. соч. № 28.
 - 22 Ляцкий Е. Указ. соч. С. 139.
 - 23 Небжеговска С. Указ. соч. С. 70—71.
 - 24 Там же.
 - 25 Никифоровский Н.Я. Указ. соч. С. 136.
 - 26 Дурье М.Л., Черешня А.В. Указ. соч. № 10.
 - 27 Толстой Н.И. Указ. соч. С. 107.
 - 28 Дурье М.Л., Черешня А.В. Указ. соч. № 275.
 - 29 Небжеговска С. Указ. соч. С. 69.
 - 30 Дурье М.Л., Черешня А.В. Указ. соч. С. 62.
 - 31 Там же. С. 58.
 - 32 Там же. С. 54.

Полесская традиция о сновидениях

Полесская традиция в работе представлена пятью селами — Боровое (Бр.), Верхние Жары (В.Ж.), Радчицк (Рд.), Олбин (Ол.) и Вышевичи (Вш.), материал которых был обработан в рамках программы Института славяноведения РАН «Развитие базы данных Полесский архив» (грант РГНФ № 97–04–12003в).

Нет сомнения, что существующий мир не ограничивается миром, воспринимаемым нашими органами чувств и разумом. Хотя есть и другие способы познания, например интуиция и магия, но они, особенно последняя, доступны не всем. Сновидения тем и замечательны, что они делают возможным почти для каждого человека восприятие «иной» информации из иных сфер. Это происходит в результате того, что обыденный, или рациональный, уровень сознания спит, в то время как активизируется другой уровень, более чувствительный и непосредственный, который способен не только воспринимать, но и понимать иные миры.

Сновидения — это магическая категория. В отличие от простых снов, являющихся отражением событий и переживаний обыденной жизни, сновидения сродни видению, ведению, знанию, т. е. глубокому, непостижимому для рационального мышления проникновению в сущность реальности, сродни предвидению, предсказанию. Можно сказать, что сновидение является одним из способов общения с другим миром — миром душ, теней и сверхъестественных существ. Через сновидения человек получает ответы на волнующие его вопросы, получает наставления, советы, знания о прошлом и будущем. Не случайно в народной традиции сильна вера в гадания с помощью сновидения. Подобная информация может быть как непосредственной, так и закодированной в определенных образах. Состав и характер образов сновидений определяется объективными обстоятельствами развития личности (историческими, социальными, национальными, религиозными) и субъективным ее состоянием (способностью к познанию и изменчивости, скоростью освоения нового, тонкостью восприятия и т. п.). Толкование сновидений и его образов представляет собой закрепленный в культуре путь познания мира. Основываясь на анализе своих полевых материалов, о том же писала молодая исследовательница М. Ясинская: «Сон сельскими жителями воспринимался не менее серьезно, чем явь; часто то, что происходит во сне, находит подтверждение в реальной жизни...»; далее она приводит рассказ о том, как убитый на фронте товарищ сообщил оставшемуся в живых свой верный адрес во сне (С. 48)!

В славянской культурной традиции, как и во многих других, сон рассматривается как явление, родственное смерти, но смерти не как небытия, а как иного состояния бытия. Традиционно это иное бытие трактуется как противоположное земному существованию, т. е. как перевернутое земное: пространственно это небесное или подземное существование, а по времени — ночное и вечернее. Его персонажи — духи и демоны — бестелесны, но могут принимать различные облики: антропоморфный, зооморфный, предметный, т. е. могут становиться всем, что известно на земле. Попасть в «тот» мир легче всего в «пограничное» время — в сумерки, особенно вечерние, а также в полночь или полдень. Но переход туда всегда опасен из-за возможности не вернуться. Поэтому магические акты (заговоры, гадания и т. п.) в это время исполняются знающими людьми (колдунами, захаря-

ми, шептухами), или, если речь идет о гаданиях, допускается участие обычных людей, но не в одиночку, а группой. В Полесье известно множество рассказов о том, как девушки, гадавшие в одиночку, получали увечья, сходили с ума или даже умирали. В годовом цикле временные границы, аналогичные суточным, — это ранняя весна (начало Великого поста или Пасха) и поздняя осень (ноябрь), середина зимы (святки) и середина лета (около Ивана Купалы и Петрова дня). И они тоже в народной традиции считаются особенно опасными.

очевидно, что для сновидения необходимы особые условия: время сна, внутренняя сила сновидящего, его специфический настрой, который достигается в том числе с помощью заговоров, использования определенных магических предметов и т. п. Для сна как особого, магического способа познания мира существует ряд ограничений, выраженных в форме запретов: нельзя спать на закате солнца, в полдень, в ночь перед Пасхой, в рождественскую ночь (обязательное бодрствование сохранилось до наших дней у южных славян) и в ночь на Ивана Купалу (не пришедшие на праздник, продолжавшийся всю ночь, осуждались, считались способными нанести вред). Повсеместно запрещалось спать во время прохождения похоронной процессии (из страха, что сон может перейти в смерть).

Темпоральная категория релевантна также по отношению к самим снам: считалось, что сны исполняются под Новый год (В.Ж.), а из дней недели — сны, приснившиеся в понедельник и пятницу; то, что снится в воскресенье, не исполняется вовсе (Ол.).

Сон — это окно в «тот» мир, а сновидение — способ общения с ним и его обитателями, среди которых — умершие родные и будущие родственники (мужья, жены). Покойник «сном может сказать», что ему нужно (Бр.). Многочисленны записи рассказов о том, как умершие просили помянуть их, передать им на «тот» свет любимые или необходимые предметы, сделать или не делать что-либо.

«Одной жинке приснилось, что покойники на Наски Вельк-
день устает из могил и кажуць: “Чего вы нам спокою не да-
ёте на наш Велькдень? Метёте, гребаете, очищаете, подно-
вляете...”» (Бр., зап. Т.А.. Коновалова)

«Як ужে положуть у труну, развязывают ноги, об будешица: за шо ты спутав мене на том свет?» (Ол., зап. А.М. Гамбарова)

«Була у одной дочка, заболела та вмэрла. Сховали у венчанскому и тухли — как кажутъ? — шпильки. Сница она своей матери. “Мамо, паедь у то село, там парень буде до нас итти, пэрэдай тапочки мне”. Уранци пошла она до дирехто-ра и каже: “Так и так, шо ж робить?”. А та ей: “Едь!” Вона и поехала. Встала на станции и пытае — нэмае покойника. Тут одзин кае: “Есть молодый парень з армии”. Вона пойшла, его батькам рассказала, отдала ёйм тапочки, воны (обещали), шо положутъ у труну. На другой день знов сница дочка икаже ей: “Спасибо, мама”». (Ол., зап. А. М. Гамбарова)

Традиционность сюжетов подобных рассказов, прослеживаемая уже в корпусе полесских текстов, подтверждается почти идентичными текстами из других районов. Например, в Уржумском районе Кировской области, на территории, где проживают русские, мари, татары, записан аналогичный последнему текст: «Одна девушка умерла, и ее схоронили в туфлях на высоком каблуке, а нельзя это. Стала она сниться, корить: "Что вы мне туфли-то такие надели. У меня ноги устали". Когда кто-то умер, мать тапочки передала» (С. 47, 48). Что это — бродячие сюжеты или «объективные» сведения о «том» свете?

Не только умершие люди, но и убитые животные могут «говорить» с «того» света или даже мстить своим обидчикам. Вот некоторые рассказы из села Радчицк (зап. А.А. Плотниковой):

«А я сама жабу убивала. Приклада. Заснула. Покель живы буду, нэ буду, бити жабы! Я сплю, а она мне с потолка прамо у вочи падаетъ».

«Один, у децстве, парень нашоў птичку. У ее три циплят-
ки. Он им пообрэзывай язычки. Потом уже жениўся и у их бу-
ло трое детей, и ўсе без разговора. Он стал молица богу: што
такое, трое детей, а ни у одного нема голосу? Ему сница сон:
зачем ты моим детям повырезываў язычки, и вот сейчас, смо-
три на своих детей: чи тебе хорошо, чи плохо?»

«Тот» свет отличается от «этого», земного, отсутствием времени и одновременностью бытия, «там» другое пространство, другие законы; «там» слышат не ушами и видят не глазами, «там» знание непосредственно. Человек может получить знание о «том» свете разными магическими способами, в том числе с помощью сновидения. Этот способ особенно популярен у девушек, желающих увидеть своего будущего мужа. Как правило, подобные рассказы информанток заканчивались словами, что случилось все именно так, как они

видели во сне. Гадания происходили в определенное время, связанное с положением Солнца: на святках и около Иванова дня (на Купалу, Троицу, Петровского Ивана), т. е. во время зимнего и летнего солнцестояния. Для «настройки» сновидения использовались разные магические предметы (гребень, зеркало, цветы и травы), но почти во всех случаях обязательным было присутствие воды или хотя бы ее называние в приговоре. Чаще всего делали из палочек мостик или колодец и просили суженого прийти коня напоить или через мосток перевести. Во сне являлся тот, кому сужено было вести девицу по жизни. Образы моста и колодца не случайны. Это медиаторы, магические каналы связи с «тем» светом.

«Становылы кружску. Чрез кружску палочку. Ежели девке снится, как переходять мост, чрез реку – значит в этом году выйдеть замуж». (Ол., зап. Е.Г. Домогацкая.)

«На Шчодрика. Помыешся – ставили тую воду под кровать и клали грэбёнку на тую воду под кровать. Жэнхих присница». (Рд., зап. Плотникова А.А.)

«На Шчодрика. Робили такие мостики. Нальють у тарэлочку воды, зроблять такого мостика. Три раза “Отче наш” помоляца и ложаца спать. И йим сница, што жэнхих ведэ тобе через той мостик. Той жэнхих приходить, проводить тебе через той мостик, ты за него замуж выходыш». (Рд., зап. А.А. Плотникова.)

«Проти Нового года, на богатый вечер легают спать и роблят с палочек мостик. Як шо присница (шо який парэнь “через мостик переводе”), то и замуж пийдэшь за ёго. Кладэшь пид голову: приснися мнэ [мысленно обращаются к определенному парню]». (Вш., зап. Л.М. Ивлева)

«Варожать проти Новага года, грэбэнку пуд голаву, грэбиэнь – пабачыш сужэна». (Ол., зап. Т.В. Козак.)

«Як хороводы поводяты [на Троицу], дивки березу раздирали на ветки и брали до дому гадать, шоб хлопец приснися, шо замуж возьме». (Бр., зап. Карапаева В.С.)

На Ивана Петровского некоторые девушки гадали с подорожником.

«Подорожнык на дорози сидыть. Пошли на тзи дороги: “Подорожныку, подорожныку, ты сидыши на дарози, ты бачыш старого и малого, скажы мылого маво”. [Этот подорожник срывали губами без помощи рук, брали с собой домой и на ночь клали под подушку.]» (В.Ж., зап. Л.А. Рассказова.)

В отличие от провоцируемых сновидений-гаданий о суженом сны о смерти «случались» сами по себе, когда было

нужно или когда приходило время. Другим их отличием была символичность образов, хотя встречалось и прямое «введение» смерти в образе женщины или умершего предка, зовущего с собой. Символами смерти могли быть предметы и объекты, связанные со смертью в реальной жизни, а также животные, насекомые, некоторые действия. Смыслоразличительную функцию играл цвет.

«Сплю я, мне сон снился. Значи, пришла до мэнэ смерть. Я же бачу, шо смерть. Але така высока здорова баба. Пришла до мэнэ да кажэ: “Собырайся!” А я кажу: “Куда?” – “А я тоби кажу: собырайся!”. Я зноў кажу: “Куда?” «А вона, смерть, тро разы так сказала: “Собырайся!” А я кажу: “Куда?”. Вона: “Ну, маеш ты щастие, шо тэ, шо тобэ нэ връема. Да шчэ побудь, ешчэ побудь!”. А така баба здорова, чернявая да так, так назад, да такэ о вылизана, так чорную хусткою, шэй кициямы, так-от кисици висять. Да...» (Вш., зап. А.Л. Топорков)

Смерть предвещали и такие приметы:

«Як сныця, шо ў яму впадэш, шо груши рвэ зэлэни чы шчось загубыш – то смэрць». (В.Ж., зап. В.И. Харитонова.)

«Коли сныця цвэты, дак будэ смэрць. И коли сныця, шо овэчкы йдуць ў двор – тэж смэрць». (В.Ж., зап. В.И. Харитонова.)

«Во сне пьечь валитца – то хто-нибудь умрэ». (В.Ж., зап. А.А. Астахова)

«Новый дом – к смерти сница». (В.Ж., зап. А.А. Астахова.)

«Як корова вышла со двора – у том дворэ хтось умрэ». (Ол., зап. Р.А. Говорухо)

«Короўы – цэ про смерть. Як стадо приснится короў, так, значит, хто-то у роду умрэ». (Ол., зап. Р.А. Говорухо.)

«Кажут: бэлая лошадь – про смерть, чорная, красная – балеснь, кажут, а каму, кажут – приятель». (Ол., зап. Р.А. Говорухо.)

«Кали сница красный кинь, то говорят, шо к пажару. Як прынсица бела лошадь, то к смерти. А як чорна, то к балезни». (В.Ж., зап. В.Ю. Миськив.)

«Як вороный конь [приснится], цэ балезнь, а як серый – цэ смирть, як красный – нэпоганый сон». (Ол., зап. Р.А. Говорухо.)

«Коли снилося, шо чёрну кориву выгоняешь, будэ мэртвец. Якую нэ выжэнэшь корову, то будэ мэртвэц». (Вш., зап. Л.М. Ивлева.)

«Яблоню зрэзали [во сне]: она ни корени нэ мае, ни голячки – цэ к покойнику». (Вш., зап. Л.М. Ивлева).

«Пчэла як укусить во сне – значит, умрэши. Як снится, шо мед ести, – тоже про смэрть». (Ол., зап. Р.А. Говорухо).

«Як приснится, шо у хатэ пчолы лётають, – так хтось умрэ». (Ол., зап. Р.А. Говорухо.)

Эти и другие полесские примеры позволяют заключить, что со смертью ассоциировались потеря чего-либо, падение, разрушение, уход и движение прочь со двора, неоконченность (недожитость) века (зеленые плоды). Прочно связана с идеей смерти пчела, корова и белый конь. Реже – корова или конь черной масти. Нередки также прямые аллюзии похорон (цветы, яма, новый дом = гроб).

Против «плохих» снов использовались магические средства отгона, разрушения их образа (модели): выгоняли сон вместе с дымом через трубу.

«Сон сосница поганый, дак подпалиш печку, подойди: “Куда дым, туда сон”». (В.Ж., зап. В.И. Харитонова).

Чтобы не снились впредь «поганые» сны, использовали освященные магические растения, предметы-обереги:

«Як погано, кличе под окном – маком-ведюком посыпае хату. А шоб мертвяк тебе не сніўся – як ў туалет пошла, то ўспоминай его три раза». (Бр., зап. Т.А. Коновалова).

«Як ўжэ покойник снитца, или ў пустую дежжу пагляди, или, як ў туалет пойдэши, здумляй тогого покойника: да иди потом не оглядайса». (В.Ж., зап. А.А. Астахова).

«Як сница пакойник, тады ныж ў дыэжу кинеш астрием ўніз – и сница нэ будэ». (Ол., зап. Т.В. Козак).

«Свячоную тóю ложили под подушку, шоб не лезло лихое в очи». (Бр., зап. А.А. Архипов).

«Як шо сница погано, зашибаюць ладан, руту и мяту, тою, марэну у подушку. На Паску поснедаюць, крышечки поубираюць и яйца луяць, то шкорлупки и усе це посиоюць, и сходиць марэна, зилле таке. Тольки трэба, штоб усе це свачено було». (Бр., зап. А.А. Архипов)

Толкование сновидений принадлежит культуре, традиции, отсюда множественность кодирующих один и тот же смысл символов. Воспринимая непосредственное, интуитивное знание, человек, для того чтобы понять, должен обязательно пропустить его через дешифровщик – разум и соотнести его с традиционными знаниями. Традиционная духовная культура – это наложенный на непосредственное знание трафарет, способ чтения некоторой недоступной ра-

нее информации, притом способ, годный для всех членов данного общества.

Обычное толкование сновидений в сонниках – от образа к значению. Толкование оказывается неточным, приблизительным, поскольку не учитывает множества факторов, особенно личностных. Даже в одной локальной традиции один и тот же образ может получать разные, порой противоположные толкования, являющиеся, вероятно, личным опытом каждого. Например, в Полесье приснившийся волк может обозначать смерть, сватов, друга, врага, жениха, мужа, нападение. Тем не менее, по нашей скромной статистике, образ волка оценивается в целом скорее положительно (11 толкований), чем отрицательно (4 толкования). Наоборот, грибы во сне – образ скорее отрицательный (9 толкований: болезнь, кашель, покойник), чем положительный (4 толкования: прибыль, «хорошо»). При различных толкованиях образ коня – в общем отрицательный; корова практически всегда является «не к добру». Анализ снотолкований подтверждает понимание сновидения как проявления «того», перевернутого мира. Видеть во сне диких и хищных зверей (волк, лиса, уж) – хорошо, а полезных домашних животных и птиц (корова, конь, овца, собака, курица, петух, пчелы) – плохо. Предвещают несчастья и неудачи необходимые и любимые в жизни домашние локусы и вещества (печь, огонь, яйца, хлеб), радостные события и их участники (свадьба, невеста, свадебные одежды). Более частные различия в толковании одних и тех же символов основываются на различении движения объекта в сновидении (направление движения к человеку, во двор или от него, из двора), субъекта, видящего сон (девушка или старуха), цвета увиденного объекта или масти животного, действий в сновидении (например, кусание всегда трактуется отрицательно), внешнего вида предмета, его целостности, рода или пола снявшегося животного и т. п.

Не менее интересным, с нашей точки зрения, является обратное рассмотрение этих соответствий – смысла сновидений и способа его кодирования. Основные смыслы сновидений представляют собой конечный список, состоящий из так называемых предупреждений (посланных ничего не подозревающим людям во избежание несчастий) и ответов (посланных страстно желающим их узнать):

1. К добру/к худу.
2. К смерти.

3. К болезни, слабости.
4. К свадьбе (жениху, мужу).
5. К беременности.
6. К рождению мальчика/девочки.
7. К прибыли (людской или материальной).
8. К деньгам.
9. К убытку.
10. К слезам.
11. К пожару.
12. К сплетням.
13. К ссоре, ругани.
14. К дождю.
15. К известию.

По имеющимся в нашем распоряжении данным (электронная версия Полесского архива), соотношение символов и смыслов таково:

1. *К добру*: белить хату (В.Ж.), грибы (В.Ж., Рд.), волк, лиса (Бр.), белая корова (Ол.), щука (Бр.), уж (Бр.);

не к добру: грибы (В.Ж.), козлята (Рд.), красный конь (Бр.), корова (Ол.), овцы идут со двора (Ол.), пчела (Бр.), дохлая рыба (Ол.), собака (Бр.).

2. *Смерть*: мазать дом глиной (В.Ж.), новый дом (В.Ж.), печь рушится (В.Ж.), рубить дерево без корня (Вш.), выпадает зуб (Бр.), грибы (Вш., Рд.), собака воет (Вш.), волк (В.Ж.), белый конь (В.Ж., Ол.), серый конь (Ол.), корова идет со двора (Ол.), корова (Ол.), черную корову выгонять (Вш.), овец выгонять (Ол.), овцы идут во двор (В.Ж.), муха (Ол.), пчелы (Бр., Вш.), пчелы летят в дом (В.Ж., Ол., Вш.), пчелы вылетели из улья (В.Ж., Вш.), пчела кусает (Ол.), рыба (Ол.), женщина в черном (Вш.), цветы (В.Ж.), упасть в яму (В.Ж.), рвать зеленые плоды (В.Ж.), потерять что-нибудь (В.Ж.), сено (Вш.), кровь (Вш.).

3. *Болезнь, слабость*: грибы (Бр., Вш., Рд.), ягоды (Бр.), картошка (Вш.), яйца (В.Ж.), побитые яйца (Рд.), конь (Бр., Рд.), черный конь (В.Ж., Ол.), красный конь (Ол.), кусает конь (Ол.), корова (Ол., Рд.), черная корова, бык (Ол., Рд.), рыба (Ол.), гадюка (Вш.), свадебное платье (Бр.), цыгане (Вш.), упасть в ров (Рд.).

4. *Свадьба* (жених, муж): волк (Бр., В.Ж., Ол., Рд., Вш.), пчелы роятся (Рд.), уж (Бр., В.Ж., Вш.).

5. *Мужчина*: собака (Вш.), волк (Бр., Вш.), уж (Вш.), месяц (Вш.).

6. *Беременность*: рыба (Бр., В.Ж., Рд.).

7. *Рождение мальчика/девочки*:

мальчик: вьюн, окунь (Ол.), карп (Вш.), живая рыба – живой мальчик (Вш.);

девочка: птицу поймать (Ол.), рыба (Бр.), щука (Ол., Вш.).

8. *Прибыль* (людская или материальная)/убыток:

прибыль: грибы (Рд.), овцы идут во двор – богатство (Ол.), пчелы (В.Ж.), пчелы, рой – родственники, увеличение семьи (Ол., Рд.), поймать рой (Вш.), живая рыба (В.Ж., также дети – Ол.), поймать рыбу (Вш.), уж (Ол.), яйца – урожай (Вш.);

убыток: мертвая рыба (В.Ж.), яйца (В.Ж., Ол., Вш.), побитые яйца (Ол.).

9. *Деньги*: вши (Бр.), рыба (Бр.).

10. *Слезы*: грибы (Рд.), деньги серебряные (Вш.), черные ягоды (Бр.), яйца (Бр., В.Ж., Ол., Вш.).

11. *Печаль*: печь (Вш.), хлеб печеный (Вш.).

12. *Нападение*: волк (Вш.).

13. *Неприятель, враг*: корова (Бр.), собака (Бр.), уж (Ол.).

15. *Пожар*: красный конь (В.Ж., Рд.), красная корова (Ол., Рд.), стадо коров (Вш.), пение петуха (Ол.), пчелы (Ол.), невеста в венке (Ол.), собака мордой вверх лает (Вш.).

16. *Сплетни*: пчелы (Ол.).

17. *Ссора, спор, ругань*: деньги бумажные (Вш.), черная курица (Вш.), черная собака (Вш.), уж (Бр., Рд.), гадюка (Ол., Вш.), яйца (Ол., Вш.).

18. *Дождь*: грибы (Бр., Ол.), покойник (Бр., Ол.), рыба (В.Ж., Ол., Рд.).

19. *Известие*: белый, красный, серый конь (Ол.), рыба зимой – знамение (Ол.).

20. *Гость*: свинья (Бр.), яйцо (Рд.).

21. *Неприятность*: свинья (Вш.), огонь (Бр.), уж кусает (Рд.), яйца (В.Ж., Ол., Вш.), побитые яйца (Рд.).

Составленный список соответствий показывает, что решающую роль в толкованиях играют следующие аспекты: ассоциативный, мифологический и этимологический. На ассоциациях построена, например, символика пожара: красный цвет приснившихся животных. Мифологическую основу имеет соотнесение дождя с покойником, рыбой и грибами. Яркую этимологическую мотивированность имеет толкование печи и печеного хлеба как символов печали. Разно-

образие символов и значений указывает на то, что снотолкование — вещь чрезвычайно личностная, и правильно понять сновидение может лишь сам сновидец или человек, до тонкости знающий ситуацию и ее деятеля.

Примечание

¹ Живая старина: Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 1998. № 3. (Здесь и далее отсылки на страницы этого издания даны в тексте в круглых скобках.)

B.E. Добровольская

Суеверия, связанные с толкованием сновидений в Ярославской области

(По материалам экспедиций
второй половины 1990-х годов
в Пошехонский и Переславль-Залесский районы)

Работая в двух районах Ярославской области, мы не ставили своей целью записывать непосредственно сновидения, их толкования, былички о сбывающихся снах и т. п. Поэтому имеющийся в нашем распоряжении материал скорее всего не отражает полную картину состояния этого компонента системы традиционной народной культуры в данном регионе.

Сталкиваясь с проблемой сновидений и их интерпретации, прежде всего внимание привлекает объяснение информантами самого понятия «сон». Так, очень часто приходится слышать следующее объяснение: «*Сон, ну спиши ты, это душа твоя по свету путешествует — ты сны видишь-то, это душа твоя это видит-то*» (1)*. Вообще, сон как некое путешествие души достаточно устойчивое явление, и фразы ти-

* В скобках приведены номера списка информантов, данного в конце статьи.

па: «Сон – это душа путешествует, вот ты-то днем ходишь-то, а душа твоя ночью» (2) или «Во сне Бог душу по миру водит, а ты сны видишь-то» (3) – в той или иной форме встречаются у всех исполнителей.

Сон чаще всего выступает именно как противопоставление обычной жизни: сон противопоставляется не-сну, яви, бодрствованию. Но это самое первое, поверхностное tolкование понятия «сон». На территории Ярославской области встречается и другое определение сна, в котором сон воспринимается как отражение некой незримой параллельной жизни: «Вот ты-то тут живешь, а во сне и свет тот же, и ты тот же – а все не так. Тот же да не тот. Все как у нас, да не наше-то. Ты как кусочек-то виши, ты да не ты. Всех знаешь, а они-то не они. Как в речке-то. Отражаясь ты, а ведь не ты же» (4).

Еще чаще сон воспринимается как смерть. Он, как и смерть, является переходом (только в отличие от смерти времененным) в «иной» мир. И говоря о сне, как о неком переходе в «иной» мир, обычно имеют в виду «обмирание». Причем его могут называть обмиранием, а могут торгией (от слова «летаргия»). «Вот быват, человек лягет спать-то и не встает, вот и не спит, а не встает, как помёр, а только он живой, только вот не дышет, зеркальце поднесешь – чуть-чуть запотеет, а так как мертвый. Это обмер значит, проснется значит» (5).

Вообще рассказы об обмираниях достаточно типичны и в них нет большого сюжетного разнообразия. Чаще всего это просто упоминания об обмираниях: «Вот он прослав, сутков с трое прослав, а вот проснулся, значит, матушка моя, и говорит: «На том свете я, – говорит, – был»» (6).

Исполнители преимущественно сообщают о том, сколько дней спал человек и что он видел во сне: «Вот значит так, я сама не знаю, а только вот мне рассказывали-то. Вот значит была девка, сосватали, в гговоренках сидела-то, пла-точком значит покрыта. Так, матушка моя, спать легла и ей вроде бабка пришла, ее бабка или кака друга, ну, пришла. Пришла к ней и говорит: «Мол, как заснешь завтра, так спать будешь трое сутков». Ну, девка перепугалася, в слезы вся, спать боится – ну, сморило. И точно, трое сутков спала. Проснулась, говорит: – «Меня бабка по тому свету водила и все мне про жизнью порассказала, кака жизния у меня будет, сколько робенков, сколько чего»» (7).

Реже встречаются развернутые рассказы, в которых сообщается о том, что человек не только получил сведения о своей дальнейшей жизни, но и другую информацию. Так, в числе полученных на «том» свете сведений могут быть рассказы о наказании грешников: «Вот баба у нас была. Ей во сне привиделось-то, будто отец ейный, он помёр годов двадцать, говорить, что, мол, Марья, готовься, успеши ты сутков на пять, ан не помрешь – готовься. Она туды-сюды, что делать-то. Вот прошло сколько-то времени, может день-два, она уснула – вроде как померла. Уж её хоронить собирались – а мужик у ей пьянь, но любит еешибко, кто на евойную Марью глянет – считай покойник. Уперся, кричит, мол, Марьюшку мою живу хоронить не дам, она жива – никого к ней не подпускает. Она проснулась на пятый-то день, говорить: «Меня там батя встретил, он водил меня. Он мне все показал. Там бабы солому гнут – это колдуницы, они зажин делали. Там другие девицы волосенья рвут – они простоволосы ходили. Другие бабы там бороды бреют – они нечисты в церкву божью ходили. Девки голы-босы кроваво мясо мелют – душегубицы они». Ну, все рассказала-то; говорить, ей сказано было, когда она помрет и когда муж помрет, токмо ей говорить это нельзя, а то помрет раньше-то» (8).

Бывает, что внимание исполнителя сосредоточивается на одном конкретном эпизоде – «человеку сообщают дату его смерти»: «Баба молода у нас обмерла, я еще девкой была, обмерла. Ну, обмерла, ждут все – хоронить-то нельзя, жива же. Ну вот, проснулася и говорит:

– Меня по тому-то свету брательник мой (он у ей в войну помер, малой был и помер), значит, брательник по тому свету водил и все показывал. Показал все и говорит:

– Ты, Маруся или там Катерина (не помню, звали-то ее как) помрешь тогда-то, только ты о том никому не говори, а то прям сразу помрешь.

Она никому и не сказала, числа, значит, не сказала, а только прошло сколько-то годов, приболела она, нешибко так, лежит, значит. Мужа позвала и говорит:

– Готовь гроб, помру я.

А нешибко болеет. Не поверил. А она помёрла. Знала-то, что помрет, и помёрла» (9).

Встречаются тексты, в которых посетивший «тот» свет человек получает информацию о дальнейшей жизни людей, причем не только членов своей семьи, но и всей деревни. Частью информации он может с ними поделиться, а что-то

должен знать только он сам, чтобы при необходимости предостеречь участников надвигающихся событий:

«Было у нас, значит, такое, вот веришь или нет, случилось. Баба одна обмерла, ни жива ни мертвa. Проснулась и перво что говорит:

— Марья, беги домой скорее, у тебя младеня в люльке криком изошелся, а дочка заснула, не качат его.

Марья побегла, и точно, девка спит, а младеня в люльке криком исходит. И вот стала она так все говорить, предупреждать нас. Иногда-то прямо говорит, а то как-то в особицу, чтоб, значит, сам додумал. Что-то ей прямо можно говорить было, а что-то нет» (2).

Вообще посещение «того» света во сне является популярным сюжетом независимо от рассказов об обмираниях. Сон осознается границей между «этим» и «тем» светом, и на этой границе происходят встречи с умершими родственниками.

«Вот у меня отец умер. Я горевала очень, любила его очень — он меня жалел. Вот легла спать и вижу, канава какая-то, я-то себя не вижу, я как на бугоре стою, а по тому бугору, ну по той стороне-то, по канаве-то отец идет. И такой красивый — он красивый у меня был. Я ему говорю: “Отец, ты как там?”, а он никогда-то не жаловался, его спросишь — “Как ты?”, а он всегда — “Ничего”. Так я его-то спрашиваю, а он повернулся ко мне, посмотрел-то так и говорит: “Ничего”. Я то и проснулась» (10); «Я вроде как на платформе-то стою, вроде как поезда жду, тут моя красна подходит, она гдлов пять умела. Ну, мы с ней стоим, разговариваем, я ей чегой-то говорю. Тут вдруг на станции народ взялся, много так народу, вроде как и солдатики, вроде как детки. Я ей говорю: “Красна, чегой-то народу так много?”. Она мне-то и говорит, что война и это, мол все убитые или помершие. “Вот, — говорит, — за ними поезд придет”. Тут поезд подошел, и все в него грузиться стали, и мне так захотелось туда-то, а красна говорит: “Это не твой поезд, просыпайся!”. Я и проснулась, а так мне на поезд хотелось, матушка моя» (11).

Иногда понятие сна тесно переплетено с другим явлением, которое называется «видение». Оно происходит на границе между сном и бодрствованием. Чаще всего подобные видения происходят в святых, сакральных местах. Так, в Пошехонском районе есть Федоринский камень, рядом с которым бьет целебный ключ. С этим камнем связан рассказ о следующем видении:

«Раз у нас мужика одногошибко побили, побили так, что до деревни-то он не дошел, у камня у Федоринского прилег-то отдышиаться, и не заснул он, не спал, а только привиделась ему Богородица с младенцем, и у младенца-то одна ножка голенька. И говорит Богородица:

— Ты помолися, и я с тобой помолюсь!

И склонилась так на камушек, лобиком так и коленочками. И он вроде как помолился. А она ему говорит:

— Ты из ключика-то умойся.

И исчезла. Он до ключика-то дополз, умылся, и прошло все. Ключик-то целебный. А на камушке от лобика и ножек Богородицы ямки остались. Не сон это был, виденье» (12).

Иногда видение является поисками нечистой силы. Так, рассказывая о популярном в Переяславль-Залесском Никите Столпнике, всегда упоминают следующий эпизод:

«Вот князь Черниговский, у него не стали ноги ходить. И он поехал к Никите сюда, на исцеление. Вот доехал он до етого кладбища, и не спит, а ему видится, что монах с лопатой идет.

— Как там Никиту найти?

А он говорит:

— А он помер. Вот я с лопатой иду, я похоронил его.

Князь кучера в монастырь послал, а князь там остался. Пришел [кучер] сюда [в монастырь], а Никита ему и говорит:

— Вот он я, я живой.

Значит, ему черт привиделся, виденье, морок у князя было» (13).

Обычно, если исполнитель рассказывает о явлении человеку на границе сна и бодрствования Богородицы или святых, он употребляет слово «видение»; если же человек видит черта, то употребляется другой термин — «морок».

Рассказы о видениях и мороке встречаются достаточно часто и служат подтверждением необычности ситуации и сакральности места, где происходит соответствующее событие.

Значительно чаще встречаются былички о явлении во сне представителей низших демонологических уровней, от которых человек на границе сна и бодрствования получает информацию о каких-либо событиях своей жизни. И в роли предсказателя традиционно выступает домовой.

«Вот я спать легла, а вроде как не сплю, дремлю, но вроде как все вижу, значит, что вокруг меня. И вот вроде как подошел ко мне кто-то и лапкой, мягонькой такой, шерстяной давит на меня. Я спрашиваю:

— К добру ли?

А он засмеялся так тихохонько, дунул тепленьким и говорит:

— К добру!

И я проснулась; думаю: что это, к какому добру? Вот хо-
зяин-то к добру явился» (14).

Еще один персонаж, появляющийся на границе сна и бодрствования, — огненный змей, который предостерегает безутешную вдову (реже мать). В пограничном состоянии он появляется очень редко, значительно чаще его появление видят бодрствующие люди (сидящие на крыльце соседи, возвращающиеся с гулянки парни и девушки и т. п.), да и сама женщина также не спит. Однако иногда змей является именно спящему человеку:

«Вот у нас одна баба-тошибко по мужу убивалася. И вот легла спать-то она, и темно все у ей. А мы чегой-то не легли. Видим, к ейному дому метелка огненна летит и в трубу ис-
крами рассыпалась. Утром ее спрашиваем:

— Что?

А она и говорит:

— Сплю я, а он ко мне подходит и говорит: “Не плакай по
мне, и мне нет покоя на том свете, я весь уж от слез твоих
мокрый, не плакай”. И как-то не по себе стало, муторно. Ис-
чезло все. А я, — говорит, — проснулася и всю ночку-то с боку
на бок перевертывалася.

А плакать-то она перестала» (15).

Таким образом, в народном сознании в категорию сна попадает и пограничное состояние между сном и бодрствованием. Именно в этом состоянии человек вступает в контакт с потусторонними силами.

Но самым популярным отношением ко сну является рас-
смотрение его как некоего предсказания — вешнего сна.

Вешний сон можно спровоцировать, т. е. совершить некие действия, чтобы сон стал предсказанием. Самым известным способом являются гадания: «Вот хотишь что узнать. Про жениха, про что ли. Ну, ты про жениха-то. Ловишь таракана, в Святки ловишь, под Старый Новый год. Словишь таракана, в коробок его спичной засунешь и ентот коробок в рукав завернешь. Ну, матушка, как рукав катишь, токмо с коробком. Как закатала, так уж больше ни с кем не говоришь, а как спать лягешь, так говоришь-то: “Таракан-таракан, приведь ко мне жениха во сне”. И вот ты знаешь, во сне-то же-
них придет, ты его беспременно увидишь. Вот во сне как жи-

вого. И обязательно такой и будет у тебя жених, какой во сне — такой и в жизни. Вещий сон-то» (16).

Вообще гадания на основе вешнего сна чрезвычайно по-
пулярны в Ярославской области. Это и гадания с запертым
колодцем:

«Вот, на ночь-то колодчик запрешь, ключ под подушку и скажешь:

— Суженный-ряженный, приходи ко мне во сне ключи про-
сить, коня поить!

И жонишок-то бесприменно во сне за ключом явится, ка-
кой во сне покажется, такой и в жизни будёт» (3).

Как разновидность этого гадания может рассматриваться гадание с запертыми дужками ведер, когда девушка запирает не колодец, а две дужки ведер и говорит: «Суженый-ря-
женный, приди во сне ключи просить да коня своего поить!» (8).

К этому же типу принадлежит и гадание с обновой:

«Вот как спать ложишься, под подушку обнову каку ло-
жишь, платок ли, чулки ли, что. Ложишь и говоришь:

— Суженный-ряженный, приходи во сне обнову смотреть!

И вот во сне парень-то придет, обнову смотреть. Какой во
сне покажется, такой и будет» (17).

Особое значение придается сну на новом месте, поэтому девушки, а иногда и юноши старались «простимулировать» сон в новом доме:

«Вот как в новый дом въедешь, или спишь на новом месте,
вот, значит, ложишься и говоришь:

— Сплю на новом месте — приснись жених невесте!

И во сне беспременно жених появится, как в жизни, такой
и во сне!» (10).

Однако помимо гаданий, стимулирующих вешние сны, в Ярославской области достаточно часто встречается подход ко сну как к некому предупреждению о предстоящих событиях, следовательно, возникает необходимость в толковании снов.

Появление во сне того или иного предмета, который наделен неким знаково-символическим значением, расшифровывается либо самим человеком, либо кем-то более знающим. Принципы толкования снов чрезвычайно разнообразны.

Так, в основе толкования может лежать тождество объек-
тов:

«Вот, бабка Марья у нас была, ей-то перед смертию все
мать ее снилась, все звала к себе — она говорила, мол, мать к
себе зовет, так помрет скоро. Когда тебя покойник-то зовет

во сне — это-то к смерти» (18); «Вот снится мне все, будто я ворох несу, вязанку, сена-то или дров, но несу. Проснулся: — К чему, думаю, это-то, какие вязанки носить?». А мать-то мне говорит: «Работы будет у тебя, работы на тебя нагружают — тяжелу работу возить». Так ведь и вышло — грузить заставили» (19).

Однако принцип тождества встречается относительно редко, значительно чаще для толкования снов используется принцип сходства, близости двух объектов — реального и увиденного во сне:

«Вот снится мне, что я горох лущу, и вроде как зима, я еще думаю: «Чего я его лущу-то, зачем мне гороха-то сток?» Утром проснулась и говорю свекрови: «Мам, чегой-то я сегодня всю ночь горох лущила?», а она «Охти! Дочка, да к слезам, горох-то к слезам — плачать будешь» (20).

Чрезвычайно редким оказалось толкование сна по созвучию:

«Вот тут мне корова снилась — ходит и ходит. Мать говорит — корова к хворобе снится, корова — хвороба, примета верная» (21); «Вот мне в войну все снилось, что печина-то с печи валится, валится и валится. Бабка моя говорит — печи-то к печали снится» (22).

Если учесть, что принцип созвучия используется в данном регионе и в средокрестных гаданиях, где кусочек печины в кресте предвещает печаль, то можно предположить, что это традиционный образ, и выявление мотивации не только позволяет объяснить, как возникают те или иные интерпретации сновидений, но и раскрывает связь между толкованием сновидений и элементами народных верований: «Вот если тебе печина в кресте попадется, то это к печали, печалиться, значит, будешь» (6).

Вероятно, к этому же типу толкований относится и следующее:

«Вот я сюды перебрался, иугла-то у меня нет, голову склонить негде. И вот спать лег, а мне уголья сняться, много так. Проснулся утром, говорю бабке-то, у которой ночевал: «Уголья мне вот снились», а она мне: «К углу это, дом у тебя будет»» (23) или: «Вот мне раз, матушка моя, снится уголь, а много угольев из печки-то выпрыгиват. Я утром рассказала, а мне говорят — к печали» (12).

В Ярославской области в средокрестных гаданиях уголь, попавшийся в крест, мужчине предвещает появление угла (строительство или покупку дома), а женщине — печаль:

«Вот если девке крест достался, а в ем уголь, — то девке слезы лить и печалиться, а если парню — значит дом свой занимает, угол у его будет» (24).

Совсем редко в наших записях встречается принцип толкования снов на основе метонимии:

«Вот я еще девкой была, в гляденках сидела. Снится мне, что муж мой зыбку мастерит. Я ему-то говорю: «Что ты, Ляксей, зыбку ладишь, свадьбу еще не сыграли, а ты уж зыбку ладишь», — и проснулась. Матери говорю, а она смеется: «Ой, — говорит, — видать, мне внуков скоро качать. К детям колыбель-то»» (25); «Вот как-то мне снится, что песок я колыпаю, и много уже, яму вот выкопала. Проснулась-то, думаю: «К чему?» А бабка говорит: «Помрет, видать, кто. Кому-то ты могилку копала»» (2); «Вот я брюхата была. Уж, наверно, третьего ждала иль четвертого. Я легко-то рожала, не боялся. И вот во сне мне бабушка привиделась, ну та, что помогают родить. Она так на меня посмотрела-то, тяжело как-то, страх меня взял. Проснулася я, к чему, думаю, сон-то такой, а мать мне говорит: «Ой, дочка, тяжело родить будешь. Бабку-то во сне видела». И правда — так тяжко родила» (26).

Самым популярным способом толкования снов является принцип переворачивания значения, приданье увиденному во сне противоположного смысла: так, если во сне увидишь беременную женщину — это к смерти, нищего — к богатству, сердиться во сне на кого-то — к примирению, голода — к богатому столу и т. д.

Надо отметить, что чаще всего от одного человека записываются единичные толкования снов, и только изредка можно записать своего рода сонники, когда человек рассказывает не о своем конкретном сне, а о значениях снов в целом. Такой информацией обладает достаточно большое количество людей старшего возраста, которые объясняют свои знания следующим образом:

«Поживи с мое-то. Столько снов увидишь. Я вот когда с тобя была, и не знала что к чему снится-то. Мне-то все мать да бабка рассказывали-растолковывали, я и упомнила. Теперь вот, матушка, сама знаю — к чему снится-то» (27).

Толкования снов таким образом постепенно накапливаются у каждого человека. Но одни копят информацию о своих снах («я знаю, что когда мне снится то-то, это к тому-то»), другие включают в сферу своего знания и толкования чужих снов.

Однако те, кто рассказывает о значении своего сна, зачастую подкрепляют этот сон быличкой о сбывающемся сне, а те, кто знают толкования снов, просто сообщают значение того или иного символа.

Так, от многих, кто говорил о значении снов, приходилось слышать о том, что видеть во сне женщину – к сплетням, но только для тех, у кого этот сон был своим, он подкреплен быличками:

«От мне тут баба снилась, стоит баба и смотрит. Проснулась. «Ну, – думаю, – к сплетням. Ой, бабы языками чесать будут». И точно, пополз по деревне слух, что Машку нашу с парнем каким-то в городе видели. Бабы к слухам снятся. К чему им сниться-то, балаболкам» (18).

Особый интерес представляют семейные сонники. Они строятся по следующему принципу: «когда кто-то из членов нашей семьи видит во сне нечто, то это к тому-то»:

«Вот если у нас ктой-то видит бабу с ведрами во сне, то уж к прибытку точно. Вот помню война, голодно, а маманято утром говорить: «Вижу, идет от колодезя красиша така, нарядна, модна. Коромысло у ей, и ведра на ём колыхаются. И с ведер вода каплет». А бабка говорит: «Это, Дуня, к прибытку». Мы ха-ха, какой прибыток, а тут от отца-ордера пришел – полехше стало, вот и прибыток. После мне баба с ведрами снилась, така нарядна от колодезя идет. И точно, к прибытку – пензию прибавили. Так что у нас, матушка, баба с ведрами – к прибытку, а у других не знаю» (28).

Надо также отметить, что зачастую рассказывают не сон и его значение, а наоборот, исполнитель идет от толкования к самому образу. Например:

«Вот у нас говорят, как серьги увидел во сне – к веселью» (29). Прямое толкование – образ серьги и толкование «к веселью». Однако если задать вопрос: «Что снится к веселью?», – то тот же человек ответит:

«К веселию? К веселию много – сани нарядны, изукрашены, васильки в поле рвать-то, собирать их – к веселию; качели увидишь – тоже к веселию. Да много, серьги вот» (22). То есть толкование вызывает целую вереницу образов.

Довольно интересным представляется то, что Станислава Небежовска в своей книге «Польский народный сонник» назвала ассоциативным комплексом¹. Например, положение: «Хлеб снится к богачеству, к прибытку» (13) – весьма традиционное и широко распространенное. Однако существует масса нюансов символики хлеба.

Так, «Ежели ты во сне хлеб на поле виши, стоит хлеб не убран, не сжат – к богачеству в дому» (30). Таким образом, появляется следующий символ: «хлеб в поле – к богатству».

Затем: «Вот снится, что хлеб из печи меташь, белой, свяжой – к здоровию, к достатку» (21). Таким образом, белый хлеб, увиденный во сне, предвещает здоровье и достаток.

Следующий тип снов, связанных с хлебом, такой: «При-снился мене хлеб, черный, ржаной, и я ѿшо подумала-то: «Черный хлеб», а ведь нельзя говорить черный – надо ржаной. И вот виши – черен хлеб к бедности, бедность-то кака, нищета. Черен хлеб 'к нищете» (31). Таким образом, ржаной хлеб предвещает бедность. То есть значение становится прямо противоположным первому.

И наконец, еще один пример: «Мне снится, что мой Федор хлеба просит, а я ему даю черствой, не мягок хлеб-то, а ведь пекла вроде. Еще думаю, чего-то он черствый, чего сухой. А утром Федору рассказала, а он говорит: «Ну, Клавдия – к тяжолой работе, работать мне тяжело». И точно, на засеку послали» (32). Таким образом, черствый хлеб, увиденный во сне, предвещает тяжелую работу.

Подобные ассоциативные комплексы имеют традиционный и постоянный характер, и толкование символа зависит от его атрибутов. Например, медные деньги сняются к неприятностям, серебряные – к хлопотам, «царски червонцы» (33), т. е. золотые деньги, – к важным делам. Это качество денег. Но во сне можно увидеть действия с деньгами, тогда значение символа меняется. Видеть во сне, как платишь деньги, – к успеху в делах, «у тебя все получится, все сложится» (32), считать деньги – «будешь-то богат, прибыток будет» (27), получать деньги – «как во сне виши, что деньгу считаешь, быть в семействе прибавке, дите буде точно» (28).

Чрезвычайно важен также и адресат сна. За частую, когда рассказывают о конкретном сне, то дают и конкретное, применимое непосредственно к человеку, видевшему сон, толкование: «Я вот проснулась, дрожжу вся – гроб видела, а мать мне: «К свадьбе, Манька!»». Рассказав это, исполнительница делает вывод: «Видеть гроб – к свадьбе» (34). Однако исполнительница увидела этот сон, будучи юной девушкой. Ее сестра увидела во сне гроб, уже будучи замужем, и мать дала другое толкование: «Ну, Анастасия – жди прибытка», – и Анастасия Митрофановна делает следующий вывод: «Видеть гроб – к прибытку» (35). Ее муж Дмитрий Федорович, рассказывая о своей теще (т. е. о матери женщин), говорит:

«Она много знала, интересна женщина была. Раз утром мне говорит: «Ну, Митрий, помирать буду, видать, скоро — гроб приснился». И делает следующий вывод: «Гроб видеть — к смерти» (36). Близкая подруга этой семьи, Дарья Наумовна Капеистова, говорит: «Гроб во сне видеть по-разному. Вот ты, девка, гроб увидала — к свадьбе тебе, бушь молодка моло-денька — к прибытку, а уж баба стара — к смертушке» (37).

Это самый показательный пример. Встречаются и другие. «Вот болезнь у тебя, и тебе снится, что ты дом строишь, — близка смерть, значит, а здоров — так хлопоты будут» (38); «Вот свадьба снится. Женатый ты — к измене, жена, видать, на передок слаба аль мужик гулянья, а если холостой ты — к печали» (27); «Вот ужик приснится, лучше б он тебе снился, мужик твой пущай печалится, что краля у его на сторону гулят, а коль ему снится — так ты же его пилишь. И тебе не радость, и ему огорчение» (32).

«радость, и ему огорчение» (52). Вообще вешний сон предсказывает какое-то событие в жизни человека, однако иногда он провоцирует некое конкретное действие со стороны его видевшего, т. е. сон предопределяет организацию поведения человека. Чаще всего это происходит, когда во сне видят умерших родственников, которые либо пребывают в неком состоянии, требующем прекращения, либо просят ликвидировать недостачу чего-либо. «Вот мне как-то отец покойен приснился, что голодный он, такой голодный. А бабушка тут у нас знающая была, она нищему велела подать денежку — нищий поест, и отец на том свете сът будет» (30); «У нас тут старушка была и померла, а ейная дочь тапочек не нашла и положила ее в туфлях. А потом видеть сон, и старушка так говорит, что она не ходить, что ей тапочки нужны. Дочка проснулась и побегла на могилку — тапочки зарывать» (29).

могилку — тапочки зарывать» (29). Часто исполнители говорят о важности дня, когда приснился сон. Это может быть конкретное указание: «Тринадцатого все сны к несчастью» (25); «Третьего все сны скоро сбываются» (26); «Двадцать пятого все сны ложны, врут все» (25). Иногда важен день, под который снится сон: «С субботы на воскресенье сон сбывается до обедни, а не сбылся — ложный» (5); «С четверга на пятницу сон вещий» (7).

Таким образом, в Пощеконском районе Ярославской области выделяются следующие типы снов: сверхъестественные («обмирания»), сны-видения и сны-мороки, пророческие сны (сны-гадания) и сны вещие (сны-предсказания, исполнившиеся сны, которым, собственно, и дается толкование).

Список информантов

- 1 Надежда Александровна Серебрякова, 1922 г. р., уроженка д. Почкинок Врагов, Пошехонский район Ярославской области, с. Владычное. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
 - 2 Антонина Ивановна Щукина, 1928 г. р., с. Красное, Переславль-Залесский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1996).
 - 3 Анастасия Ивановна Белкова, 1907 г. р., г. Пошехонье, Пошехонский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
 - 4 Иван Александрович Аршинов, 1925 г. р., уроженец д. Лисино, Пошехонский район Ярославской области, с. Владычное. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
 - 5 Капитолина Васильевна Егунова, 1926 г. р., с. Большая Брембала, Переславль-Залесский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1996).
 - 6 Екатерина Васильевна Чистова, 1920 г. р., уроженка д. Андрюшино, Пошехонский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
 - 7 Мария Ивановна Петрушова, 1916 г. р., уроженка д. Коротыгино, Пошехонский район Ярославской области, с. Владычное. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
 - 8 Зинаида Ивановна Суханова, 1902 г. р., с. Ям, Переславль-Залесский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1996).
 - 9 Мария Ивановна Аверьянова, 1913 г. р., уроженка д. Дор, Пошехонский район Ярославской области, г. Пошехонье. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
 - 10 Дарья Герасимовна Матвеева, 1909 г. р., с. Ям, Переславль-Залесский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1996).
 - 11 Любовь Федоровна Соколова, 1918 г. р., уроженка д. Воззвиженское, Пошехонский район Ярославской области, с. Владычное. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
 - 12 Таисья Андреевна Олейник, 1924 г. р., уроженка д. Подземлянница, Пошехонский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
 - 13 Мария Петровна Капеистова, 1923 г. р., д. Никитская слобода, Переславль-Залесский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1996).
 - 14 Софья Андреевна Петровская, 1920 г. р., д. Никитская слобода, Переславль-Залесский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1996).
 - 15 Антонина Ивановна Кукушкина, 1928 г. р., г. Пошехонье, Пошехонский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
 - 16 Зоя Ивановна Грибова, 1926 г. р., уроженка д. Клин, Пошехонский район Ярославской области, г. Пошехонье. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
 - 17 Нина Павловна Голубева, 1931 г. р., уроженка д. Большие Ветхи, Пошехонский район Ярославской области, г. Пошехонье. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).

- 18 Людмила Матвеевна Панфилова, 1929 г. р., с. Ям, Переславль-Залесский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1996).
- 19 Сергей Александрович Щевелев, 1918 г. р., с. Большая Брембала, Переславль-Залесский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1996).
- 20 Вера Ивановна Завьялова, 1933 г. р., уроженка д. Михайловское, Пошонский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
- 21 Мария Семеновны Данилова, 1914 г. р., с. Ям, Переславль-Залесский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1996).
- 22 Антонина Ивановна Гуляева, 1925 г. р., уроженка д. Ларионово, Пошонский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
- 23 Дмитрий Александрович Машков, 1914 г. р., уроженец д. Горка, Пошонский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
- 24 Клавдия Дмитриевна Смирнова, 1926 г. р., уроженка д. Леушино, Пошонский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
- 25 Антонина Ивановна Колесова, 1929 г. р., уроженка д. Коротыгино, Пошонский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
- 26 Марья Николаевна Овчинникова, 1915 г. р., с. Красное, Переславль-Залесский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1996).
- 27 Мария Александровна Аршинова, 1929 г. р., уроженка д. Лисино, Пошонский район Ярославской области, с. Владычное. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
- 28 Валентина Александровна Селезнева, 1921 г. р., с. Владычное, Пошонский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
- 29 Анна Сергеевна Зашибина, 1938 г. р., уроженка д. Юрово, Пошонский район Ярославской области, с. Владычное. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
- 30 Мария Григорьевна Дурынина, 1917 г. р., д. Никитская слобода, Переславль-Залесский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1996).
- 31 Ольга Александровна Бекасова, 1918 г. р., с. Владычное, Пошонский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
- 32 Клавдия Николаевна Разумова, 1919 г. р., с. Владычное, Пошонский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).
- 33 Василий Александрович Калугин, 1932 г. р., с. Красное, Переславль-Залесский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1996).
- 34 Мария Митрофановна Ивашкина, 1924 г. р., д. Рыбачья слобода, Переславль-Залесский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1996).
- 35 Анастасия Митрофановна Гуськова, 1920 г. р., д. Рыбачья слобода, Переславль-Залесский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1996).
- 36 Дмитрий Федорович Гуськов, 1918 г. р., д. Рыбачья слобода, Переславль-Залесский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1996).
- 37 Дарья Наумовна Капеистова, 1921 г. р., д. Рыбачья слобода, Переславль-Залесский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1996).
- 38 Татьяна Константиновна Козлова, 1919 г. р., с. Владычное, Пошонский район Ярославской области. Архив ГРЦРФ (Добровольская В.Е., 1998).

Примечание

¹ Niebrzegowska S. Polski sennik ludowy. Lublin, 1996.

Снотолковательная традиция полесского села Речица

видений, принадлежат к устной традиции и составляют в своей совокупности фольклорный сонник. Помимо этого, удалось обнаружить корпус аналогичных текстов, относящихся к письменной народной традиции, — рукописный сонник жительницы села Пески Речицкие. В итоге собранный материал дает представление о местной устной и книжно-письменной традиции, связанной со сновидениями.

Сновидения в народных представлениях*

Когда спящий человек, особенно ребенок, смеется во сне, он видит во сне ангелов: «ангол зачыпае людыну» (П 1), «анголы зачыпают», [забавляют ребенка] (М 1, 2).

Чтобы нечистый дух не пугал во сне, нужно трижды перекрестить постель и перекреститься самому или прочитать молитву «Да воскреснет Бог». Нельзя ложиться спать натощак, иначе приснится что-нибудь страшное: «цыганы бадуть сныатыся, як нэ повэчэрят» (П 1, Р 1).

Сны бывают пустыми и вещими. Сон, который снится *в сэрэду, ву второк*, а также в пятницу и в субботу, *нэ справджеця* (П 1); *В понэдилок, в чэтвэр — справджеця* (П 1). Сон, приснившийся с субботы на воскресенье, исполняется особенно быстро: *до губеда* (М 1, 2); *в нэдилю шэ скоро, до вэчора справджеця* (П 1).

Сбывается обычно отчетливый и хорошо запоминающийся сон: «*той, шо запомныш и так ясно-ясно*» [видишь] (П 1). Чтобы запомнить сон, советуют: *в окно нэ загледаты*, когда проснешься, — и сон будет помниться (П 1). Способов повлиять на то, чтобы вещий сон не сбылся, нет: «*Шо вжэ зазначэнно, то мусыть [должно] воно словныця*» (П 1).

Через сновидения осуществляется контакт живых с умершими. Пожилая информантка рассказала о сне, который приснился ей однажды перед Вознесением: «*Пэрэд Знаснем*

июле — августе 1979 г
одна из групп Полесской этнолингвистической экспедиции, организованной Институтом славяноведения РАН совместно с Московским университетом, под руководством Н.И. Толстого работала на Украине в Ратновском районе Волынской области, где обследовала село Речица вместе с примыкающими к нему селами Пески Речицкие (в 2 км от Речицы) и Мельники Речицкие (в 3 км от Речицы).

Село Речица расположено в северо-западной части Волынского Полесья, вблизи границ с Белоруссией и Польшей. Культурная традиция села отличается богатством и хорошей сохранностью. Материал, собранный мной по программе «Сон и сновидения», помог выявить местную снотолковательную традицию, которая включает поверья о сновидениях и толкование снов как особый фольклорный жанр. Тексты снотолкований, интерпретирующие символику сно-

* Для передачи фонетических особенностей местного говора используется упрощенная транскрипция на основе русской орфографии. Ударное *a* часто приближается по своему звучанию к звуку *o*. Для его передачи используется знак «*a*» (после мягкого согласного — «*я*»). Для сильно лабиализованного *o* используется знак «*o*», для звука, среднего между *э* и *a*, — «*эа*». Все пояснения даются в квадратных скобках. В круглых скобках даются сокращенное обозначение села (Р — Речица, П — Пески Речицкие, М — Мельники Речицкие) и номер информанта (см. список информантов в конце статьи).

прышила [во сне] моего мужа матери умэрла и говорит: “Марбё, ну одэжу дэлты!” — “А яку ж я вам одэжу дам? У мэнэничего нэма. Тылько сорочка и затылочка”. Я подарила сорочку [и затылочку] покойницы нищим старцам]. Но это не помогло: вскоре погиб сын информантки: После Знасэня погнав коровы той хлопец и утопился. Дэвъять лит [было ему] (Р 2).

По сновидениям гадают о судьбе близкого, с которым находятся в разлуке. Во время войны матери, желая узнать, жив ли их сын на фронте, поступали так: «Если ты хочешь, шоб знатымэш, шо твой сын живэй, то ў чытвэр на пъятницю, тэйи ночы, если тобы прысныця, шо тэ [ты] найдэш [что-нибудь], то сын прыдэ живэй з вуйны. А если згубыш шось, то ныма» (Р 3).

В канун старого Нового года (14.I) и в ночь на Андрея (30.XI/13.XII) девушки гадают по сновидению о суженом (*на Щэдрэць подушки крадут*). Если украдет девка, ей приснится жених, а если парень, ему приснится невеста (Р 4). На Андрея девушки бегают вокруг хаты и сеют лен, приговаривая: «*Андрэю, Андрэю, / Я на тэбэ лён сёю, / Дай мни знать, / С кем легу спать*». Ложатся спать, и кто во сне приснится, «той мни молодец будэ» (Р 2, П 1). «*На Андрэя, тай дванаць часов лёном обсываемося, кругом хаты бегаемо. Обсийся лёном — прысныця жыних*» (М 1, 2).

Толкование снов в устной народной традиции

Символика сновидений может мотивироваться мифологическими представлениями и непосредственно отражать их. В снотолкованиях такого рода множество мелких предметов соотносится со слезами (ягоды, бобы, яблоки, грибы, орехи, бусы, семена льна) или с монетами, деньгами (вши, цыплята); длинные предметы (полотно) — с дорогой; дом — с гробом («домовиной»); красный цвет — с огнем, белый — со смертью или снегом, черный — с дождем; громкие звуки (например, гром) — с известием; рыба как обитательница земной воды — с дождем (водой небесной); волк, в соответствии со своей брачной символикой, — с женихом; заяц как фаллический символ — с родами; умершие, наделяемые в мифологических представлениях способностью влиять на погоду, — с дождем и т. д.

Поскольку мир сна как состояния, близкого к смерти, противоположен миру реальному, то и увиденное во сне воспринимается как обратное тому, что должно быть на самом деле, т. е. снотолкование строится на основе антитезы. В представленном материале немало таких обратных толкований: священник — это черт, свадьба снится к смерти, ругань — к ласке, деньги — к нужде, плач — к смеху, а смех — к плачу.

Многие толкования снов имеют языковую мотивацию и основываются на разного рода фонетических созвучиях и ассонансах: печь — печаль; мукá — муха; снег (сних) — смех (смих); батька — байка; жито — жить, жизнь; хлопец — хлопоты; гора — горе; огурцы — горько; горилка — горько; дым (дым) — диво (дыво); грибы (грыбы) — [нужда прыгрыбэця]; гриб — погриб ('погребение') и т. п. Встречаются также снотолкования, основанные на рифме: вода — беда, цыган — обман, воши — гроши.

Встречаются варианты толкований, даже у одного информанта: например, белый конь во сне предвещает смерть или получение письма, рыжий конь — пожар или горячку.

Наряду со снотолкованиями как особым фольклорным жанром мы приводим также рассказы информантов о своих сбывающихся снах. Близкие по характеру к быличкам, они тесно связаны со снотолкованиями, поскольку представляют собой реализацию той же самой символики сновидений в форме конкретного рассказа очевидца.

Зырки [звезды] — в сымни, то то диты годуюца добрэ (П 2).

Мисяць — то тожэ на сымню, хорошо; дивчыны — чоловик будэ на пару (П 2).

Сонцэ — тоже як от и мисяць (П 2). Як сонцэ зыйдэ [взойдет] — якийсь убыток будэ в хадзяйсты, шось в хадзяйсты пропадэ (Р 4).

Гром — шось прыгрымуть [т. е. что-то случится]: звэсьтици [кто-то приедет] (М 1, 2). Грымуть — шось прыгрэмуть до тыбэ, звэсьтие (хорошее) (П 2). Як у сни блыскае — на погоду (Р 4, 5).

Моцно доиш лье — на добро (П 2).

Як сниг — то то смих (Р 2).

Лид світлый — здоровье, лид гразны — то хвороба. То як и вода (П 2).

Чыста вода — то добрэ, а як гразна вода — то ныдобрэ (М 1, 2). Воду бэрэш, и погожа вода — здоровье, если вода гразна — слабость (П 1). Як купайся в чысты води — то то здо-

ровъе (П 1). Вода — тожэ быда (П 1). [Перед войной мне снился сон:] вышла з хаты, да [где] глэну — вода-вода, кругом вода, скрызь вода-вода, тылько за мостом пэкэлочок видно (одна купочка зэмли, нэ було воды на тому пыкалочковы). И началась война (Р 2).

Гдэ идэш чэрэз воду, бредёш, и положэна кладка — хто-то заболеет (Р 1).

Йик на гору вылызыш на высоку — горэ якесь будэ (П 1).

Идэш и в яму. Як выйдэши — то шэ жытымэш, а як нэ выйдэши — то вмрэш (П 1).

Як хто сосну або тополю, сокору [осокорь, род тополя], бирэзу зрижэ — то на жэничины мрэць будэ, а як дуба — то на мужчины мрэць будэ (П 1).

Як зэлэнэ жыто — то добрэ (Р 7). Зэлэнэ жыто — зэлэнэ жызык (Р 6). Снила жыто — довга жызык (Р 6). Жыто — то жыты (П 1). Як жыто сныца — то добрэ. Як кавалок нэважатый жытэ — то добрэ, то жысьть еий [той, кому снится], а як выжатый ужэ — то ужэ людьина умрэ, жызыня кончыца (П 1). Як жыто бачыш у купках [в кучках] — то багацтво, прыбыль (П 1).

Лёй (як насине [семена] з лёну) — слёзы (П 1).

Мак — то ныдобэрэ, хвороба (П 2).

Цыбуля [лук] — слёзы, шось плакатымэш. [— Почему?] — То ѹ так плачэши од цыбули, як крышэш (Р 4).

Орихи — слёзы (Р 2).

Як цвиты сабирайши — харашибо (М 1, 2).

Грибы бирэши в лесы — будэши плакаты (Р 2). Гриб — погриб, тожо на мырцив (Р 4). Грибы — нужда прыгрыбэця (П 3). Як грибы — то на сварку [ссору] (П 1).

Ягоды [черника] — слёзы. Як бэрэши ягоды — слёзы (Р 4). Як ягоды — слёзы, плакатымэш (Р 2). Егоды — слёзы (М 1, 2). Ягоды — на слёзы, плакатымэш. [Всякие ягоды, не только черника:] мусыть, журахлыны [клюква] то само (П 1).

Вишны чырвоный як сныца, шо рэши або еси [ешь] — слёзы будуть (П 1).

Мусыть, и яблыка — слёзы (П 1).

Биб [боб] — тожэ слёзы (Р 8). Як биб сныца — люди шось боботытымут, говорытымут [т. е. будут сплетничать] (П 1).

Огурки — гирко будэ (Р 2). Огорок [огурец] — гирко, шось будэ (П 1).

Як бульба [картошка] — сварка, бубнятъ будуть, будуть бульботиты [сплетничать] тэ люди (Р 5).

Як скотына сныца — сниг. Коровы пасэш — знов сниг падае (Р 4). Як чэрвоное пасэш (скотына чэрвоная будэ) — то то на погоду, а зымою на мороз (П 1). Коровы, шо пасэш — доши будэ (Р 2).

Чорны овички — на доши, билы — то на сниг (П 2). Овцы — ныдобэрэ, кажутъ; то зымою як билэ овцы — на сниг, а як сывы — то, хыба [наверное], на доши. [— А баран?] — Так само и баран, мусыть (П 1).

Свыни сняца — гости. [— Почему?] — Понапываюца и лазять, як свины (Р 8).

Як чорным конём едешь — хира [болезнь], заболиеш. Конь до тэба лапамы — заболиеш обязательно. Если белый конь сныца — должно буты пысьмо. Тэлеграма, пысьмо, от такое (Р 4). Як чорный кынь — то хира, як бэлый — то смэрть, а чэрвоный — огонь, пожар (Р 4). Як чырвуным конём иидэши — то гаречка, тымыратаура (Р 4). Конь жсовый чи чорный — кажутъ, слабость, заболиеш; чирвоный — добрэ (М 1, 2). Як сывым конэм иидэши — добрэ, як билым — смэрть (П 3, 4). Чорный кынь — хвороба, чырвоный — пожар (П 2, 3). Коны чэрвоны — на погоду и на мороз зымою. А як чорний коны — то на болезь. [— А белый конь?] — Добрэ билый (П 1). Чырвоны кынь — погода, зымою — мороз (П 1).

Собаки — прыятэли (П 3).

Як богато курэй — то ныдобэрэ (П 3). Мне снилось: курэй повно у мэнэ и цыпленет [цыплят] — и стала получаты гроши (П 2).

Пивэн спывае — пожер (Р 8). Пивэн чырвоный — на пожар (П 5).

Гусы билы — на сниг (П 5, 1). Гусь побачыш — то то смэрть. Гусь або яка звырына билая — ныдобэрэ, смэрть. Як мныго лытыть — сниг (П 2).

Вовк — сваты будуть. Вовк як идэ — сватухы, кажутъ, до дивкы, сватухы шэ будуть (Р 4). Вовк — каутъ, сваты прыдуть (М 1, 2). Як вовк дивцы сныца и возьмэ дивку за руку и повэдэ и дивка пидэ нэ боица — то хутко [скоро] замуж пидэ. Як дивка бьецица з вовком — хлопэць придэ поганый, погано будэ говорить до дивкы, одбыватымэця дивка од його. Як хлопчию вовчыци сныца: вин идэ з вовчыцию, та вовчыци итимэ спокойно — о то девушка будэ, девушку замуж возьмэ (П 1).

Лысыца пийдэ пуд хату — на пожар. Одна баба рассказывала: лысы были коло мого хлива [во сне] — и Матвий запалив того хлива (П 5, 1).

Як бэрэмэна ходыть и зловыть зайца [во сне] – будэ сын, а як зайчыха – от, будэ дочка (Р 4). Зайца поймала – то хлопця вродыть (М 1, 2). Як молодыци зайчык сныця шо зловыть – то вродыть рэбёнка. Иных [какой-нибудь другой молодой женщине] сныця, шо багато наловыть зайчыков – то багато рыбёнкув будэ у молодыци (П 1). Зайца во сни – на смэрть (П 2).

Як вуж [змея] лизэ до тыбэ – то грих [сам согрешишь] (Р 4). Вуж – нужда якась прычэпцыя (М 1, 2). Вуж – болезнь, кажутъ. Мни снылось, шо вуж за карка [шею] кусав – заболелы зубы, нарыв быв (П 1).

Як мухи сниця – то мрэць [покойник] (Р 4). Як ву сни мухи – то нужда (П 2).

Як мухи сниця – то мрэць, а пчолы – то пожар, если рой лыттыть (Р 4). Як пчолы кусаютъ, огонь, пожар бутымэа (Р 4). Пчолы – огонь будэ (Р 2). Пчолы – нужда (П 2).

Воши – то будуть багато гроши (Р 4). Воши – то будуть гроши (М 1, 2).

Чорна риба: щука, воюнэ [вьюны] – на доиш. На сныг сныця била риба: плотыця, языки (ввязь по-русскому) (Р 4). Рыбэ – на нэгоду. Здохла, гнула, вонюча – то будэ длинная нэгода, занэгодыця нэдэлю, двэ (Р 4). Рыба, шо ловыш – доиш; черная – дождь, белая – снег (Р 9). Рибэ ву сыне сныця – доиш будэ (Р 2). Як риба сныця – доиш будэ (М 1, 2). Шучку поймала – то дивчыну вродыть (М 1, 2). Рыбка большинство на ныгоду сныця. Як сныця, шо рыбу ловыш – доиш будэ (П 1). Як щуку зловлять – то тожэ молодэць можэ девушку зловыть ш провэдэ, завыдэ до домы (П 1).

Як дивчына сныця – то шчасльте, кажутъ (П 1).

А як хлопець сныця – клопут якись будэ (П 1).

Если снится, что ребенок сосет грудь, – грудь болитымэ (П 1).

Зуб вылэтыть – умрэ в хаты хтось. Як кровью – то крэвый (М 1, 2). Приснилось, что штэри зубы выпало – умэр зеть и умэрла дочка (Р 2).

Пудризываты косу – шось-то врижэ, шось одрижэця в ходзяйствы, або обман (П 1).

Як чэшыши волосы – то ныдорэ (П 1).

Як маеш грыбушка, того шо чысатыся, и хтось-то забырэ ёго або згубыш – то тожэ шось-то от тыбэ одоймэця, и будэ пэчалытыся (П 1).

Як кров бачыш – якись-то крэвый добываеця до домы, як дэ он далэко (П 1).

Сныця, шо вмэр – быда ўмрэ (Р 8). Кто-то умер – хорошо: если больной, слабый, то опоравится (Р 10).

Если снится, что ты голый – нэдобрэ: от, хтось обругае, украдэ (П 1).

Як смыесся, рада – будыш плакаты (Р 4).

Если плачешь – рада будэ, смэятыся будэ (Р 4).

Як сварыся – ласка, то сыкрэт добрый будэ (т. е. кто-то что-то расскажет доброе) или любов (П 1).

Як хлопэць обуймае девушку – то ныдорэ: больна-больна будэ людина (П 1). Сныця, шо обдыймае хлопыць, цилуе – то болесть, то ныдорэ (П 2).

Высылля, як спывайши – плохо (Р 2). Як спывали або танцуши – то ныдорэ (П 1).

Ву сни танцыюши – то плач (П 4).

Як сныця, шо лытайши – то добрэ (П 1).

Як йидэш крытою [на лодке] – шось ныдорэ в хату будэ (П 3).

Возом як йидэш, машиною, мацыклетом або ровыром [на велосипеде] – то добрэ, шчасльте (П 1).

Самолёт – пысьмо, личность прыедэ (Р 1). Лётнык [самолёт] – звестие, альбо й сам прыедэ [тот, кто находится далеко] (П 1).

Як йидыши мистом [по мосту] – смэрть або тяжолая болесть. Итымэш-итымэш и нэ пэрэйдэш – то вмрэш (П 1).

Сеять во сне – як дивчына [увидит себя сеющей], хутко замуж выйдэш, хлопцэви – хутко ожэница и вэлику сэмью побудыть (Р 6).

Як ростэ жыто – то хорошо, а як жнэш – то шось плохо, нэхорошо (Р 4). Якшо жыто жнэш – жизнь дожынаеш, умираты трэба (Р 6). Як жыто дожынаеш, дожынаеш загоны – то вжэ конэць, то вмрэш (Р 7). Як выжатый кавалок жытэ – то ужэ людина умрэ, жизня кончыця (П 1).

Як просо жнэш – то вороги, кажутъ (Р 6).

Як грэчуку молотыш – добрэ; грэча крупа хорошая (Р 6).

Як ячминь колосуеш [молотишь], то жизнь псуеш [портишь] (Р 6).

Снип [сноп] як прысниця – дивчыни то хлопэць, хлопцэви – то дивчына (т. е. к свадьбе) (Р 6). Копы, жыто въежэш – хвороба (П 2). Як копы з грэчки – дивчэт богато, а як с пишныци – то курей богато завэдэця (Р 6). Снопы – мрэць (П 2). Снопы або копы – то добрэ (П 1).

Сино – якась-то сварка будэ (Р 2). Сино – говорать, сварка. [– А солома?] – Й солома й сино – то одно (Р 4). Сино, солома – то сварка (Р 4). Сино – сварка (М 1, 2).

Як в зэмню садыш — тожэ добрэ (П 2).

Гредки на поле — на покойника (М 1, 2).

Зэмлю орэш — то то ныдобрэ (П 1).

Як на бочки обручи набываеш — то ныдобрэ на господарку [для хозяйства] (П 2).

Як дом билэш [белыш] — то смэрть (Р 7). Як билыш хату — мрэць будэ (П 1).

Як печка розвальца — то ныдобрэ, покойник в хаты (М 1, 2). Пич — пичаль. Як на пичи лыжыш — пычымэця. Пичка розвальца — одвальца хтось из дома (П 2).

Ныж [нож] — ныдобрэ, якейсь клопут (П 2). Ныж — мувык нападэ (П 3).

Мука як сныця, мэлыш — то мука, то мучэнье (П 2). Мукá — то ныдобрэ (П 1).

Билый хлеб — хорошо, черный — нехорошо (заболеешь или кто-то умрет) (Р 2). Хлеб: як черный — хлыпаня [всхиливание, плач] якесь-то, хлопатымэ [будет всхлипывать, плакать] людина (плакатымэ будэ); а як билый — нэдобрэ, быда (П 1). Хлеб жытный пычэш — пычаль, або як билый — ны так (П 2).

Сыль [соль] — ныдобры: солено в твоий жызни будэ (П 2).

Мнясо еси [мясо ешь] — грих (П 4, 2). Мнясо — грих (Р 8).

Яйца в кублах [гнездах] — погано (П 4). Яйца — на грих и на сварку (П 2). Як грыбы — то на сварку; або як яйца найдэш (П 1). Будыш больна, як яйца (Р 2).

Молоко — прибыль (Р 10). Молоко — нэдобрэ: мукэ, заболев людина и мучтымыця (П 1). Надоиш богато — коровы пагано будэ (П 3).

Олий (поснэ масло) — то тожэ на выздоровляне (П 1).

Мэд — мэдяно, нэдобрэ, тяжко людины будэ (П 1).

Як пьяна — то хира [болезнь] (Р 4).

Горылка — горко шось-то будэ, нэдобрэ (П 1).

Кросна [ткацкий станок] — то сварка (П 3).

Полотно — то дорога (Р 4). Як стэлыши полотно — дорога (П 2). Полотно — пысъмо будэ (М 1, 2).

Як вовна [шерсть] сныця — то мова [разговор] будэ (Р 5).

Як вэрэтыно найдэш — можэ в грудёх болиты; згубыш — то добрэ, откотыца от тыба хвороба (П 2).

Нитки як на клубок зывавиш — ныдобрэ (П 2).

Былё [белье] стыраеш — на сниг. Як зымою сныця, шо пэрэш [стираешь] бэлё (сорочки, всэ тэ) або вэшьеш — обязатэльно сниг будэ йты. Былё вышаеш — то на сниг (П 1).

Сныця, як кожуха наложыши [наденешы] на сыбэ — то ныдобрэ: як жовтый або билый — то на болезь кожух, а як чорний — то на смэрть (П 1).

Чырвыкы обуеш — то на здоровие (П 2). Тухля як згубыш — человек [муж] умрэ, роспаруися (П 4).

Як сапога згубыш альбо обыдавэ [оба] — то ныдобрэ, згуба, шось-то потыраеця в ходзяйстве (П 1).

Як пуднётка [подметку] згубыш — тоды сямнянын одыйдэ (П 2).

Пацёры [бусы] — тожэ слёзы [как ягоды и боб] (Р 8).

Выгледка [зеркало] — ныдобрэ (П 2).

В колодяза бачыш — нэдобрэ в господарку [для хозяйства]. Колодяз розваляный — нэ можно подушаты [т. е. не вылечиться] (П 2).

Якио дом сныця вылыкий — то страдане (П 5).

Сныця, шо дом строять, ставляют — будэ мрэць (Р 4). Як хату строиш — будэш труну [гроб] робыты (Р 4).

Стына [хаты] вальца — хтось в сымни умрэ; як у хаты вывалица — хтось одвальца (Р 4).

Пожар, як горыть дэ шо — на погоду (Р 4). Пожар — мороз, кауты, зимою, летом — сонцэ будэ жарыты (М 1, 2). Як пожар, шось горыть — то погода. Литом на погоду, а зымою на мороз: станэ есно, погода будэ, мороз вылыкий будэ, ѹ мороз жарытымэ ѹ сонцэ свитыты (П 1). Як у пэчы горыть, по-жар полумнем [пламенем] — то вжэ на мороз, а литом на погоду (П 2).

А як дэм [дым] — будэ доиш (П 2). Дым — тай дыво будэ (П 1).

Гроши як шытаеш — нужда (П 2).

Якио гный [навоз] выкыдаеш с хлева, возыш на полэ — то с скотыны пропадэ шось (Р 4). Гный, або лыжыть; або возыш — мрэць будэ (П 1). Марты снылося: с подвиря вывозыла гный — и на скотыну, и на сэмняныну: можэ ѹ скотына пропасты [околеть], можэ ѹ сэмни ўмэрты (П 1).

Свадьба — сварка (Р 4). Высилья — сварка (П 3). Высилья, як спивайши — плохо (Р 2). А як сныця, шо замуж идэш — та-ка болезь будэ, шо пры смэрты будэ людина (П 1).

Вынка накладаеш на голову — гарачка (П 2).

Вэлён [фата] — голова болитымэ, болесть (П 2).

Мэрци [умершие] — то на ныгоду, на доиш (Р 4). Мэрлыи люды — будэ доиш, зимой — черга (снег будет крутить) (Р 9). Як мертвого ѹ сни бачыш — доиш. [— А зимой?] — А зимой сниг, я знаю? (М 1, 2). Якио жэнчины жыва — то то будэ

на погоду, а як вона умэрла – то на дошч, то погода умрэ (П 3).

Батько [умерший] – байка, разговоры. Мни батько добрэ, знаітэ (П 1).

Маты умэршая сныця – на вэлыку болезь (П 1).

Браты – добрэ (П 1).

Сэстры – добрэ (П 1).

Іконы – страданье (П 2). Віконы – страданя, або на болезнь, або який выпадок у хазайствы будэ (П 1). Мни снылося, шо на нэби образочки [появились с запада], тэ трэ [три] ноны так – так война зорвалася [разразилась] (П 2).

З образамы ходяты по сэли – пожар (П 2). Якісь с процэсію ходылы [как обычно ходят во время засухи и эпидемий] – огонь будэ (П 2). С корогвамы [хоругвями] як йдуть процэсія – то будэ пожар. [– Почему процесия снится к пожару?] – Быжыть народ за процэсіей, как на пожар. [– Когда ходили с процессией?] – Колысь хира [раньше болезни] была, титка [лихорадка], тогда ходили, а также когда засуха была (П 4).

Снылось, шо наску [кулич] носыла святыты – то грих (П 2).

Як цэркви – будэш болиты довго (П 4). Цэрква – страданя, якась болезь (П 1).

Певчы поють – нэларашио (П 2).

Як попа бачыш – то чорта бачыш (П 4). Бачыш батюшку – грих вылыкый (П 2). Батюшко с хрыстом на грудях, в рыхах, в билому убранный – то добрэ, а як ныма хрыста и в чорному – то ныдобэрэ, злый [черт] (П 1).

Монашки снеца – грих (П 2).

Старэць [нищий странник] – то сам Бог прыходыть до тэи людьины (П 4).

Як жыда бачыш – добрэ (П 2).

Цыган – обман (П 3). Цыганы – слабусьть (П 1).

Пастуха бачыш – то добрэ (П 2).

Войско – на дошч, на сниг. Як войско ідэ, скачэ – то снег ѹдэ и муроз, а як так ідэ – то ѹдэ тыхэйко. [– А солдат к чему снится?] – Одын солдат – можэ, одын дэнъ дош (П 2). Як войско, як вуйна, вэльми стрэлеют – то надиймося вэлыкого дошу, и довго навыть [даже] будэ, заныгодыця надовго, и будут громы грымиты (П 1).

Рукописный сонник

Уроженка села Пески Речицкие Мария Яковлевна Чёрная (Бляшук) переписала этот сонник вскоре после войны из тетради одной девушки из Белоруссии, которая, по словам информантки, переписала его из какой-то книги. По-видимому, это один из многочисленных печатных сонников, которые были популярны и имели широкое хождение в народе в XIX и в начале XX в. Установить книжный источник трудно. Возможно, происхождение рукописного текста связано не с одним, а с несколькими печатными источниками (на это указывают вариативность толкований одних и тех же реалий и отсутствие одного сквозного алфавитного порядка снотолкований). Во всяком случае, в данном соннике представлены реалии разных исторических эпох: автомобиль, трамвай, автобус и самолет встречаются здесь наряду с каретой, князем, жандармами и дуэлью.

В языковом отношении текст рукописного сонника М.Я. Чёрной восходит к русскому источнику. Об этом свидетельствует упоминание в нем таких типично русских реалий, как *сафран* и *кафтан*, а также обилие русскоязычных слов. Многие русские слова и заимствования из западноевропейских языков были непонятны переписчикам, носителям иной культурно-языковой традиции, и поэтому подверглись искажению (например, *поручие* вместо *поручение*, *договор* или *поговор* вместо *наговор*, *придстоёт* вместо *предстоит*, *корован* вместо *караван*, *лаболаторія* вместо *лаборатория*, *мармолад* вместо *мармелад*, *помищение* вместо *помышление*, *усиленіе* вместо *усиление*, *повищаніе* вместо *повышение*, *взволеное* вместо *вызванное*, *приятная промышленность*), в том числе переосмыслению в духе народной этимологии (*парное молоко* изменилось в *параное*, т. е. пареное). Многие слова подверглись адаптации к местному говору, как к его грамматическим особенностям (*собака укусил*, так как в украинских говорах это слово мужского рода; *свини покупать* – ввиду отсутствия категории одушевленности; *болезня*, *удовольство*, *хлопотов* и т. д.), так и к фонетическим (*христини* вместо *крестины*, *клопоты* вместо *хлопоты*, *переміна* вместо *перемена*, *общество* вместо *общество*, *долголетие* наряду с *довголетие*, *уси* с протетическим *в* вместо *усы* и т. д.). При этом в соннике находит отражение и местная диалектная лексика: *огрест* ‘крыжовник’, *сивий* ‘седой’, *орати* ‘пахать’, *жорна* ‘жернова’ и др. Наблюдается разнобой в написании глаголь-

ных форм инфинитива (*косить*, *лезть* и даже *месть* [мести] наряду с *орати* и с *пйт*, *садит*, *унаст*) и 3-го лица (*придаєт* и *дарить*; *мешают* и *будуть*, *цветутъ*, *дадуть*). Переиначиваются на свой лад чуждые старославянизмы: *вражебная*, *на чужине*, *поздоровлениe*, *развіліченіe*, *в цветушем состояні*. В тексте немало фонетических написаний: *жинідьби*, *прозба*; *что-небуть*, *лесь* [лезть]; *празник*, *серце*, *счастливий*; *расстройство*, *улучится*, *встретися* [встретишься]. Отражено отвердение согласных: *кров*, *морков*, *сухар*, *срги*, *потера*. В написании некоторых слов, прежде всего русских, фонетически передано русское акающее произношение: *хорошиe*, *наёт*, *хатя*, *разгавор*. Имеются случаи отражения такой характерной особенности местного говора, как произношение ударного *a* как *o*: *нопровится*, *огрест*, *манох*. Замена буквы «*e*» на «*i*» в ряде слов объясняется произношением в этих случаях безударного *э* после твердых согласных как *ы* или как звука, среднего между *ы* и *э*: *винец*, *силение*, *жинідьби*, *о сибе*, *каминь* и т. п. Фрикативным произношением звука *g* вызвано ошибочное написание буквы «*г*» вместо «*х*» в слове *прогодить*.

Текст сонника публикуется с сохранением всех орфографических и пунктуационных особенностей оригинала. Орфография текста смешанная, в ней присутствуют русские черты (буквы «ё», «ы») и украинские (буквы «е», «і», «ї»). Это создает разнобой в написании: *белё* и *белье*, *зелёная* и *зеленая*, *мёртвіом* и *мертвецом*; *гловіе*, *есть* и *есть*, *тайное* и *кусает*; *в полёте* и *самольот*, *далёкий* и *дальокий*; *зелёный* и *зелений*, *опасний*, *которий*; *опасное*, *невигодное* и *которое*; *длинные* и *длінніе*, *неприятные* и *неприятниe*, *нехорошиe* и *хорошиi*; *наслаждение*, *журчаніe* и *настроене*; *печенье*, *здоровье* и *здорове*; *листья*, *здравов'я* и *друзя*, *обявление*. Если букве “*i*” соответствует обычно звук *и* после мягких согласных и в начале слова, а букве «*y*» — звук *ы* после твердых согласных, то буква «*i*» в результате смешения особенностей украинского и русского правописания употребляется относительно свободно: и после мягких, и после твердых согласных — ср. такие написания, как *ілі* и *или*, *или*; *убыток* и *убиток*; *видім* и *видишь*; *длинные* и *длінніе*; *вывозить* и *вивозить* и т. д.

Устная и книжно-письменная традиции при всей их автономности взаимно влияют друг на друга. Сравнительный анализ устного и рукописного сонников показывает наличие в них целого ряда сходных толкований: *месяц* и *волк* предвещают жениха; *снег* — смех; *вода чистая* — *здоровье*,

грязная — *болезнь*; *куры* — *деньги*; *сияние (ржи)* — *брак*; *печь* — *печаль*; *дым* — *диво*; *молоко* — *прибыль*; *свадьба* — *ссору*, *скандал*; *венец (венок)* — *тяжелую болезнь (горячку)*. Не совпадают толкования таких сновидений, как *солнце*, *дождь*, *дуб*, *конь* и некоторые виды скота, *собака*, *соль*, *водка*, *огурцы*, *картошка*, *мак*, *масло*, *мука*, *молотьба*, *стирка*, *белья*, *танцы*.

A

Автобус, *автомобіль* — *известіe*.

B

Баби — *неприятные разговоры*.

Бежать — *успех в хороших делах*.

Бритва — *убиток*.

Близкий удар молнии — *опасное дело*.

B

Ветер — *неприятные вести, но скоро пройдьют*.

Вишн спелie — *хорошое дело, всполніца в будущей жизни*.

Випавший зуб — *болезнь родственника*.

Волк — *друг жизни*.

Волоси чесать — *знакомство*.

Волоси длинные — *хорошая равнодушная жизнь*.

Вибеленная комнота — *будет спокойная жизнь*.

Видиши пожар — *скандал*.

Волоси длінніе — *дорога*.

Волоса вкосочках — *хорошая равномерная жизнь*.

Вивозить навоз — *убиток*.

Вода холодная чистая — *здравов'я*.

Вода тьопля мутная — *малая болезнь*.

Воду носить вёдрами — *воздоровлениe*.

Вуси [усы] — *стыд, нехорошиe разговори*.

Варить — *скука*.

Відіш коровая — *получка деньг*.

Водка — *разгавор*.

Винец — *тяжкая болезня*.

Видім пожар — *скандал*.

Вистрел — *вести*.

В цветущем состояні мак — открытое любви.
Виливать предмети із металов — выгода.

Г

Гадюка — нехороший человек, который мешает вам в жизни.
Груши — тоска велика неприятность.
Гуси белые — удачная дорога, бриль [прибыль].
Гриби — перемена на жизни с приятностями.
Гармонь — подарок ілі приятные вести.
Гори, ходить по горам — нехорошая жизнь.
Город — неожиданная перемена в хорошую жизнь.
Галка в полёте — несчастная встреча.
Говорить с мёртвцом — вражебная скора.
Готовить хлеб — заботная жизнь.
Гильзы — вести, разговор.
Гребень — знакомство с приятностями.
Горящая лампа — неприятная весть.

Д

Деті — спокойная жизнь, радость новость.
Детская комната — счастье, здоровье.
Дядя — получите наследство.
Дятел — получите от портного [портного] плохо шито.
Девица — нечестное удовольствие жинідьби.
Дед — предпрятие розцвітом.
Дождь — слёзы, тоска.
Девушка — удивление.
Дорога ровная — хорошая жизнь.
Дрова — нехорошие вести.
Дрова рубать — неприятность, которая будет проходить мимо вас.
Друг больной — большое благополучие.
Дуб сухой — разлука.
Дуга — болезнь.
Дудка — получите неприятное поручие.
Духи — веселье.
Дузель — благополучие ілі знакомство.
День — удача в жизни.
Дим — большое удивление наделяется небольшая опасность.
Денги — неприятность ілі большая потеря.

Дарить кому небуть конфети — неожиданность.
Доктор — болезнь.
Долина — незначительная неприятность.
Дорога — потеря.
Доска — печаль.
Доску резать — свадьба ілі христини.
Драка — благополучие, прибыль.
Дрова носить — неожиданность.
Друг здоровий — разлука.
Дуб зелёный — надежда.

Е

Еврей — неожиданность.
Еврейка — получите деньги.
Ель — удовольствие.
Еловиє шишки — неожиданое счастье.
Ершь — удовольство.

Ж

Журавель — свиданіє длительная разлука.
Журчаніє води — услышите новости.
Жнец — спокойство в домашних делах.
Жать — будите радоваться успеху.
Жемчуг — благополучие.
Жар — повищаніє по служби.
Жолудь — здоровье и сила.
Железнaya дорога — далёкий путь.
Женщина — сплетни.
Жених для женщины — радость.
Жеребёнок — достаток.
Жорна — прибыль.
Жечь что небудь — новое знакомство, дорога.
Жевописець — дело попробится.
Жатва — благополучие.
Жандар — неприятная встреча.
Жарить что-небудь — перемена в делах.
Жалость — скука.
Жаба — переміщеніє і удовольствіє.
Жолток — неудача ілі потеря.
Жила — печель.
Жилу перерезать — смерть родственника.

Жир – свадьба ілі благополучие.
Журнал – удовольствіє і розвліченіє.

3

Зеркало – стид.
Зоря – невеста.
Зорная [звездная] ночь – весёлая встреча с другом.
Злодей – берегісь от злого человека.
Заблудівшиє – мешают вам люди в жизні.

И

Иголка – неприятность, тоска но скоро пройдёт нещасная встреча.

К

Кольца – семейний крик.
Кров [кровь] – родствінки гости.
Кнот [крот? кнут?] – дорога.
Кудрявое дитя – удівительная встреча.
Клубника в кустах – встреча з друзьями.
Кукушка – благополучие встретится з друзьями.
Капусту рвать – сплетни.
Капусту садить – новости.
Карета – утішеніє в горе.
Карета без лошаді – разсстройство, упастъ с карети – неудача.
С карети упастъ – шутка.
Каминь – благополучие.
Конфети покупать – ізвестіє.
Конфети кушать – знакомство.
Каникули – удовольствіє.
Корова чёрная – болезнь.
Корова белая – перемена жизни.
Картошка зелёное – бедность.
Картошка спелая – слёзы досада.
Картошку кушать – знакомство.
Капуста зелёная – огорчение.
Капуста спелая – бедность.
Капусту есть – подарок.
Корабли – услышите важную неожиданность.

Корован – на чужой счёт.
Карандаш косить [точить] – радость.
Карандашом писать – новости или успех в делах.
Карандаши знайти – знакомство.
Карася ловить – болезнь, успех предприятия.
Караульний – неожиданность.
Кататься верхом на лошаді – радость.
Кататься на коньках – веселье.
Кататься на лодке – приятная промишленость.
Кафтан – честь иногда.
Качать воду – успехи в делах.
Кирпіч – потера.
Кисель варить ілі есть – богатство.
Кисет с табаком – много интересное знакомство.
Кислота – радост ілі польза.
Косторукий – придает разговору вашему знакомить.
Капусту варить – скуча.
Конци – зубная больезнь.
Крест – дальокий друг пришльот о сибе весть.
Клубника – радость.
Клуб – встреча, много старих знакомых.
Клик – получите неприятную новость.
Князь – непостоянное счастіє.
Кожа – удача.
Кофе – небольшое получка деньг.
Кочегар – дальний путь.
Кошка – слёзи.
Кошка с котятами – неожиданий случай.
Красавица – развліченіє.
Красть – неудача і горе.
Качать бельё – начать трудное предложеніє.
Каторжник – предложная вражда.
Кинжал носить в кармане – поздоровленіє к ізмені жизни.
Кинжал – печаль.
Коровай видить – получать денег.
Коровай есть – отделить свой дом.
Кровь – встреча с родственником.
Кровать пустая – смерть близкого человека.
Кром – убиток.
Курить – напрасное стараніє іспорченое дело.
Кури [куры] – прибыль іли небольшие деньги.
Куешь – новость іли неожиданная дорога.
Бить обкраденим – семейная жизнь.

Кухарка — клевета.
Кухня чистая — варить.
Кухня грязная — убиток.
Кушать белый хлеб — успех в делах.
Картошку копать — ваша жизнь улучшия в дальнейшим времені.
Колибель — радость і удовольствіє.

Л

Лежать в кровате — безделіс.
Упасть с кроваті — следует отказаться от предложеніє которое будет задано.
Лабораторія — мелкі заботи.
Лавка пустая — отвергнутое предложеніє с товарищами.
Лезть у воду — невигодное, неприятность.
Лошадь ворожая [ворона?] белая — приятель ілі друг.
Лошадь коштанская — здорове ілі же веселіє.
Летать — дорога.
Летучая миша — злой, вредный человек.
Лисица — лукавий и опасный враг.
Листья падающие — потера.
Листья собираять — бедность.
Листья сривать зелёные — радость счастіє.
Лён цветёт — тихая спокойная жизнь.
Лёд — успех в делах ілі хороше наслаждение быстро исполняется.
Люди шумные — разговоры.
Лес зелёный — спор і обман.
Лесть по крише — перемена.
Ландыш цветёт или собирать — любовь.
Лагерь — известие.
Ландыш запах — получим предложение на свадьбу.
Ленты дарить іли покупать — заключишь выгодное знакомство.

М

Мить пол — выбытие в далёкий край.
Магнит — увеличение.
Мазь — головная боль іли болезнь.
Макароны — радость.
Мак — спасайся договора іли доноса.

Мак цветёт — обявление в любви.
Машина — весёлое общество.
Мука ржаная — тревожная жизнь.
Маяр — обеспеченіе в будущем.
Майка — благополучие свадьбы.
Мальчик рожденья сына для женатых — счастливий бал.
Мармолад — удовольствіє ілі встреча с другом.
Молния — разговор среди близких.
Мертвец в доме — неприятность.
С мертвецом говорить — вражебнаяссора близкий удар.
Машины — опасное дело.
Мертвец дарить — хороши успехи в жизни.
Медвежа шкура — богатство.
Молится — крест [крест?] даст совершиить добре дело.
Мгла, туман — болезнь, разсилающая удастся [удастся] избежать непреятность іли убитки.
Медведь — встреча с другом невоспитанным.
На медведя охота — опасность с человеком.
Мёд — приглашение на бал.
Мед внимать из улья — успех или прибыль.
Мертвца — встреча с близким другом.
Медаль — прибыль.
Месть пол — нужда.
Міст [мост] — исполнение желания.
Меч — честь.
Могила — разорение іли удача.
Моснут [мокнуть?] — прибыль.
Молоко — прибыль, небольшие деньги.
Масло — прибыль обнова і удача.
Морков — большое зло пройдёт мімо вас.
Мужчины — смущаніє в задуманих делах, збудиця удачой.
Музика — нехорошая весть.
Матерія — измена жизни.
Месяць — женіх.
Молоко покупать — обман.
Молоко кипитіть — ошибка.
Молоко кушать кислое — скора [ссора] із женщинами.
Молоко пить парное — благополучие.
Молоток держать в руках ілі работать ім — неприятность.
Молотить — успех.
Молоть — напрасное усиленіе.
Мел — неприятность вражда.

Масло кушать ілі покупати — прибиль.
Монастир — бедность, но с помощью, которой окружили
 ваши друзья.
Манох [монах] — напасть і неприятность, ілі хороший друг.

H

Нирать — тревожная вести.
Нищий человек — утишениe после неприятности.
Нахальство — удачное ваше помищенie [помышление],
 ісполнiца харашо.
Незнакомый человек — удивленie задуманиe ваши вопросы.
Нитки — дорога, хорошие вести.
Сапоги покупать — брак.
Навоз — деньги.
Навоз вивозить — убыток.
Новая одежда — знакомий семейный брак.
Носить мертвца — смерть.
Новый дом — тяжолая болезнь ілі смерть.
Новiе сапоги — новое знакомство.

O

Овци — мелкая неприятность.
Огурцы — сплетнi.
Овёс — век довголетiя.
Отава — старые годы будуть прогодить [проходить].
Орати поле — клопото пройдить хорошо.
Одеяло новое — iзбiжать жисть великой неприятности.

P

Пленным быть — расстройство дел.
Плац [плач] ребёнка — тревожная весть.
Пиво — о вас идут хорошие разговоры.
Подушка — большое раздумье в своей жизни.
На подушках спать — болезнь.
Печенье — хароший весёлий подарок.
Пит [питы] — неприятность, большое горе.
Поезд — самольот трамвай — iзвестiе.
Пшениця — ссора, неприятность, разговоры.
Проско — прозба малая неудача.
Печ — печаль, топить в пече — ссора.

Пастух — iзмена.
Пожня — потеря друга.
Плавать — жить хараши, хатя есть неудача.
Поле летньой порой — ваша жизнь в делах.
Поцелуй — неприятность.
Петух — неожиданий случай который пройдёт, много
 клопотов.
Порог переступать — достигнуть свободы.
Празник — счастie і веселье.
Причёсываться — придстоёт дорога.
Пух — достаток.
Пушка — неожиданiе, інтереснiе новости.

P

Рисунок рисовать — встреча.
Ров — убыток.
Рогожка — нужда іли унижение.
Рози — любовь.
Рожать — обещанская для женщины радость.
Рваний сапог — потеря друга в жизни.
Ровная тропинка — спокойная жизнь.
Разумный человек — неприятность.
Раненый кинжалом — победа над врагом.
Рота — для женатого верная жена.
Корить ребёнка — семейное уваженiе.
Рибу ловить — нехорошое настроение.
Рибу кушать — семейные клопоты.
Рожь спелая — хорошая жизнь.
Рожь зеленая — бедность.
Родной отцевский дом — жить будiш на чужине.
Роспис — подарок.

C

Сивий [седой] человек — счастie, полегченie в жизни.
Солнце — весёлая жизнь.
Сливи — тоска, нехорошie вести.
Слива с листьями — знакомство, которое принесёт много
 хлопотов.
Сеять муку — тайное вам открытие.
Сеять рожь — вступите в семейную жизнь.
Садит картошку — ваша жизнь улучиться в дальнейшим
 времинi.

Спать – неудача ілі обман.
Соха – успехи в делах.
Сеять – богатство хтристю [корыстю?] ілі большим заработка.

Сеять на поле – богатство.
Сабля – неудача в своих делаах.
Саван – смерть.
Садовник – потеря деньг.
Снег – хороший урожай.
Сливи – неприятность.
Смородина – неожиданность.
Собака ласкается – приятель.
Старая изба – век долголетия.
Сирень – подарок.
Скандалить во сне – у вас хорошее силенie.
Сахар писок – мелкие заботы в жизни дадуть много доходу.
Стирать белье – перемена в жизни в больших клопотах.
Скора – богатство.
Сад – успех ваших подчинённых.
Сало резать – счастливий случай.
Сосед – беспокойство, визволеное [вызванное] сплетнями.
Сидеть в запряжених санях – смерть.
Сапожник – приятные новости.
Снег – смех, весёлая компания.
Свини покупать – увеличенie семен.
Свини резать – встретися с нухарошим человеком.
Собака кусает – поговор.
Соловей – неожиданий случай іли подарок.
Соловей паёт – весёлая встреча.
Сади цветутъ – большая перемена в жизнi.
Свадьба – большой скандал.
Спящий человек – тревожная мысль, кто-то вами заботиться.
Сено косить – болезнь.
Сено – шум.
Солома – весть от родственников.
Унаст в снег – разлука с мілим чоловіком.
Собака чёрная – неприятниe новости.
Собака укусил – предательство друга.
Сова – одинокая жизнь.
Совещание – неожиданность.
Солнце – радость.

Соль – богатство.
Спелый огrest – радость новость.
Спелая картошка – слёзи, досада, но скоро пройдьом.
Собирать капусту – новости.
Спички зажигать – пожар ілі новости.
Серце – незаметная обіда.
Серги – открытая тайна.
Скала – удача в жизнi.
Старик – почёт.
Старуха – неприятность.
Стекло – настройство дел.
Сарафан надівати – забота.
Столб – здорове.
Стол – достаток.
Свеча – тяжёлиe обвиненie.
Стул – тихая жизнь.
Стулья – огорчение, неприятность, остеригайтесь обмана.
Сундук – нищета.
Сундук полний – деньги.
Суп кушать – здорове улучится.
Супруг – письмо.
Сухар – бедность.

T

Танци – неприятность, позор, болезнь.
Трава зелёная – средняя жизнь.
Тёмная ткань – большая неудача.

У

Учитель – уваженie между друзьями.
Унаст в карету – щутка предложена.

Список информантов

Речица (Р):

1. Адам Ефремович Костючик, 1929 г. р., местный.
2. Мария Андреевна Рутик, 84 г., местная.
3. Мария Ефремовна Супрунюк, 1922 г. р., местная.
4. Мария Макаровна Костючик, 1925 г. р., местная.
5. Ганна Артамоновна Вознюк, 1925 г. р., местная.
6. Иван Андреевич Пикун, 1920 г. р., местный.

7. Марина Михайловна Ситчук, 78 л., местная.
8. Наталия Макаровна Вознюк, 57 л., местная.
9. Василина Матвеевна Ниничук, 60 л., местная.
10. Женщина около 40 л., род. в Сибири, в Речице живет давно.

Мельники Речицкие (М):

1. Василина Сергеевна Савлук, 1943 г. р., местная (дочь Евдокии Семеновны Середюк).
2. Евдокия Семеновна Середюк, 60 л., местная (мать Василины Сергеевны Савлук).

Пески Речицкие (П):

1. Мария Яковлевна Баран, 53 г., местная, грамотная.
2. Пелагея Гавриловна Кипень, 1905 г. р., род. в с. Мельники, в с. Пески живет 52 года.
3. Улита Даниловна Пашкевич, 54 г., род. в с. Комарово (в 8 км от с. Пески, в 5 км от Ратно), в с. Пески живет более 30 лет.
4. Ярина Васильевна Кипень, 1904 г. р., род. в с. Речица.
5. Ольга Васильевна Кипень, 13 л., местная, грамотная.

B.B. Запорожец

Сны и видения как часть ясновидения

(По материалам, собранным в Москве летом 1998 г.)

Л

етом 1998 г. в Москве было записано большое количество фольклорного материала*. Наряду с обрядами, песнями и т. д. зафиксировано множество рассказов о снах и видениях. Некоторые из них представлены ниже.

По содержанию рассказы можно разделить на несколько групп:

- I. Видения змея (№ 1–3).
- II. Видения покойников (№ 4–6).
- III. Сны о «том свете» (№ 7–16).
- IV. Сны-предсказания смерти (№ 17–21).
- V. Сон-предсказание (№ 22).
- VI. Сон-гадание на судженого (№ 23).
- VII. Вызов духа и гадание на зеркале (№ 24, 25).

* Материалы хранятся в авторском архиве.

VIII. Сны, сны-предсказания и видения религиозного содержания (№ 26–30).

IX. Сны и видения домовых (№ 31–40).

I. 1. «Мне бабушка рассказывала, вот, вроде через три года, петух сносит яйцо. Ну я это яйцо видела, сама брала. Утром, бывало, идешь в хлев кур пускать (которая с яйцом — оставляешь, без яйца — значит, на улицу), смотри, такой лежит как из крупной рыбы пузырь: одна головка маленькая, кругленькая, другая — длинная. И мягкое оно. Ну я это не знала, приношу, мама говорит: “Да это петушиное!”. Разорвали его, а в этом яйце как червячок был. Значит, вот этот змей вырастает. Мама рассказала, как ее знакомые (бабка их) парили, ростили этого змея. Бабка три года сидит на печке и в пазухе подмышкой его держит, выпаривает. И вот выходит этот змей. Его загадывают на чё и делают гнездо, где ему быть. Вот он летает, ворует где-то деньги, а потом прилетит на свое место и приносит там золото ли серебро и складывает в гнездо. И я это гнездо у маминых знакомых видела: витое такое, как у гуся. Оно стояло в горнице под комодом. Я еще подумала: “Вот змей им в это гнездо таскает деньги”. А змей этого я тоже видела два раза. Это такая летучая головня, как есть головешка. Летит такая черная, примерно с метр длины и толщиной в руку, так бы ее и не увидел, а искры-то летят от нее, как обыкновенный огонь. Вот такое существо» (1).

2. «Один раз мы с братом, шли с поля, стемнело уже, и вот он летел (может быть, выше дерева), мы увидели, испугались и домой бежать! Скорей спрятались. А мать спрашивает: “Кто за вами гнался?”. Мы рассказали; так, мол, и так. Она говорит: “Кто-то, значит, занимается этим делом”. Вот и все. А куда он летел — никто не знает» (1).

3. «А потом второй раз прям у нас во дворе. Я смотрю — он мимо нашей крыши и кудай-то исчез. Я пришла, маме говорю. Она: “Кто-то, значит, выпаривает, раз огненный летучий змей летает”. Его летучий змей звали. Да» (1).

II. 4. «Вот Настасья говорила, что змей из яйца, а то говорили, что вот это вроде мертвый человек летает, и это, как раньше говорили, какие-то змеи летали. Вот умрет, допустим, муж там или кто он, а она уж очень за ним тоскует, и вот он приходил. И спать ложилась с ним, и гостинцы приносил — какие-нибудь конфеты, а наутро смотрит — там катяшки какие-нибудь. Это раньше такой разговор был. Вот ходили в церковь тогда, молились, потом как-то проводили по-

лосу, что б он не ходил. Убивали, были случаи. Да. Ну это же не он ходит, это нечистый...» (2).

5. «У меня брат тоже ходил. Ну только как было дело: я жила не дома, а на квартире, там, где я работала. Ну и вот так же ночью, как раз погода была такая — зимой, он стучит в окно и кричит: “Тася! Выйди!” Я вышла, а так двор, а на бережку стояла баня, а за баней уже речка идет. И вот я вышла, и он точно, как был не в армии, он бежит к этой бане, кричит: “Беги за мной!” И я, значит, кинулась за ним бежать-то: он к бане — и я к бане... а хозяйка-то знала, что я так уж убиваюсь по брату, с ума за ним схожу, ну она выскоцила, меня: “Господи, благослови!” — там по-всякому и меня втолчки и завела домой. Я прям расстроилась! Думаю: “Ну что, я щас бы с ним поговорила хоть?”. А потом поняла: тут как раз речка, а в ней прорубь, он бы меня туда спустил. Меня брат хотел убить... А назавтра я пришла с работы, сижу, а хозяйка привела старуху, какую-то там бабку. Ну, видно, рассказала тихонько ей, та бабка чего-то нашептала, подошла, как меня водой облила! Ну вот с этих пор и все. Ну я еще долго боялась, боясь на меня какая-то напала: в кабине еду — боюсь, думаю: “Сейчас машина станет, и я не выйду из кабины, так и умру в кабине...”. А потом прошло все. Меня спасли. А то ушла с покойником — значит все, умрешь» (1).

6. «А вот, говорят, на год приходит мертвый. Вот я схоронила первого мужа, и вот год ему исполняется. Дети куда-то ушли за покупками, а я на кухне делаю салат. И слышу я его голос из комнаты из маленькой: “Зин!” — Такой прям голос, его голос. И я нисколько не испугалась, хоть бы там спала, а то готовлю. И я не испугалась, а только сказала: “Ну что, пришел? Всех посмотрел? Вот посмотрел, кто народ, а теперь уходи, уходи, уходи отсюда!” — вот так до трех раз я сказала. И больше никогда. Это я сама лично слышала. И, когда пришли мои дети, я рассказала им: “Отец-то приходил”. Они: “Да что ты! Да что ты!”. Я говорю: “Да, а вот так и так” — рассказала. Прям голос его отчетливый был. А я не вышла из комнаты» (2).

III. 7. «Надо в церковь ходить. А я вот, когда мой второй муж умер, вот я вижу во сне, еще сорок дней не было, луг такой, красивый-красивый луг, и по лугу ничего нету: ни деревьев... а растут белые цветочки, такие, как василек, но беленький цветочек (я не знаю, как они называются), тут из них листики зеленые, и трава такая зеленая-зеленая прям! И вот он идет с какой-то женщиной, она одета в черном вся, как мо-

нашенка: черный платок на ней, черная одежда... Он идет по одной стороне луга, и эта женщина с ним по дорожке, а я по другой стороне, далеко от него все-таки. И мне так его жалко, так мне хочется, чтобы он ко мне подошел, так мое сердце обливается — мне хочется к нему подойти, а нельзя, она его не пускает. Он по этой стороне идет, а я по этой, а эта женщина идет рядом с ним. И он рвет эти цветочки печальный-печальный, а я иду вот тут и говорю: «Сережа, ты щавелю рви-та». Он говорит: «А я его не знаю» — таким печальным голосом. И все, и я проснулась. Я от него в стороне, думаю: «Значит, я не умру, не пустила она меня к нему, далеко все-таки». Они до сорока дней везде-везде бывают, а на сорок дней уже на место попадают» (2).

8. «Я еще отца во сне видела один раз. Он в Эстонии погиб. Вот иду как будто в бараке, кругом двери, и я до последней двери дошла — дверь открытая. Я вот так встала в дверь, посмотрела: койка стоит и все лицо у него забинтованное. А я вспомнила, он написал, что ранили его в лицо: «Рана болит, идем вперед!». Я, значит, вот так встала в дверь и говорю (ну, мы тятей звали папу): «Тятя, а мама-то с тобой?». (Она в Москве умерла, а он в Эстонии.) А он так зло на меня: «Нет матери здесь!» И все. И я пошла, а он остался там» (1).

9. «Вижу я во сне первого мужа своего. Зовет он меня: «Пойдем, пойдем со мной». Иду я с ним на «том» свет. Прихожу я на «том» свет, туда, на небеса (что есть там-или нет?), он меня ведет. Народу полным-полно! Солдат! Все в зеленых гимнастерках, солдат ну кто его знает сколько! Проходим, я говорю: «Ой, смотри, солдат сколько!» Ну ладно. Теперь смотрю — сидят старушечки. Сидят старушечки, как будто на пеньчках, и все в черном, и все вот так вот согнуты. Я говорю (тоже Сережа его было звать): «Сережа, а это кто?» Он говорит: «А этих никто не поминает». Да. Сидят еще мужчины (ну эт комедия!), они и говорят: «Ох, что эт ты сегодня веселый!» Он говорит: «А как же не будешь веселый! Я жену встретил, вот и обрадовался, веселый. Пойдем, покажу, где я живу». Вот идем, комнаты-комнаты, как больничные, застланы койки белыми простынями. Он говорит: «Вон моя койка». Я не захожу в комнату-то в эту, вижу — койка у окна. Я себе в уме думаю: «Что же это у окна-то? Ведь холодно у окна-то». Потом опомнилась, говорю: «Да он же мертвый! Как же это я сюда попала-то? Я тогда — откуда-то взялся велосипед, я сроду на нем кататься не умела никогда, ой! Я как села на велосипед, да как дала стрекача оттуда! Вот ко-

медиа! Проснулась, рассказываю детям: «Вот я от отца сегодня катила каким велосипедом! Сроду не умела вертеть педалями!». Вот привел, показал мне, где он живет» (2).

10. «И еще вижу я такой сон: какая-то образовалась дорога из небес такая вот. Идут две женщины за покупками будто сюда, вниз, продукты покупать. И я иду навстречу им и думаю: «Как же это они с небес идут дорогою?». Я подошла, думаю: «Дай спросить у них»; спрашиваю: «Скажите, пожалуйста, а что, на том свете есть деревья: яблоки, допустим, или какие-нибудь фрукты?». «Есть, все там есть». Я говорю: «А скажите вот мне, пожалуйста, где лучше жить: тут, на земле, или там?». Говорят: «Тут на земле лучше, чем там». А вот к чему такой сон — кто его знает» (2).

11. Это нам один пациент рассказывал:

«Была у меня бабушка. Я ее очень любил, и она меня тоже — в общем, в хороших отношениях были; ну и она умерла, когда старенькая стала. Прошло некоторое время, вдруг я вижу сон: моя бабушка, как будто на картине портрет нарисован, на стене у нас в комнате висит и говорит: «Переходи на другую работу». Я проснулся, думаю: «К чему бы это?», но мысль как-то засела в голову мне. Через день-два встретил старого приятеля, и он так, между прочим, сказал, что у них на работе требуется сотрудник как раз по моей специальности. Если бы мне не снился этот сон, то я, наверное, не стал бы дергаться, а так — сразу перешел и все. На старой работе все удивились, что от них я ушел без видимой причины, а буквально через месяц там обнаружилось, что кто-то проворовался, и такое началось!

Вот это первый случай. Прошло время, опять точно так же моя бабушка, как на портрете, снится и говорит: «Купи лотарейный билет». Я проснулся и думаю: «Где купить? Какой лотарейный билет?» — в общем, ничего не понял, пошел на работу. Прохожу мимо одной лавочки, слышу: «Купите лотарейные билеты! Купите лотарейные билеты!» Я вспомнил бабушкины слова, подошел, думаю: «Какой взять? А, куплю любой! Тридцать копеек не деньги». Потом стал проверять — машину выиграл. Все удивлялись: «Какой везучий!»

А третий раз она приснилась, я хотел спросить еще по своим делам у нее, а она говорит так, с оглядкой на кого-то: «Мне сейчас не разрешают, я потом еще приду». Ну больше пока не снилась, наверно, ей кто-то там не разрешил» (3).

12. «Рассказывала моя мама о том, что приснился ее приятельнице сон, как будто умершая ее мама сидит и на «том»

свете денежки считает, а все кругом едят. Она и спрашивает маму: "Чего ж ты-то не ешь?" Она говорит: "А чего ж мне есть-то? Ты мне тут все копеечки милостыню подаешь, а на копеечки-то здесь купить нечего. Вот я и считаю, когда другие едят". Сидит, из руки в руку перекладывает, и все, а кушать-то ей нечего. А эта женщина, она только денежки за упокой души подавала, а не еду" (3).

13. «Другой случай есть. Похоронили бабушку в цветастом платье. А дочек сон снится (или там ее другой какой-то родственнице), что она стоит и ее непускают в рай там. Она говорит: "Мама, ты чего стоишь-то?" Она говорит: "Да вот ты меня не в белом платье похоронила, а в цветастом, и меня в рай непускают, сказали: будешь стоять на солнцепеке, пока не выгорит платье, белое не будет. Туда в цветном-то, — говорит, — и непускают". Надо в белом, и все, как саван белый» (3).

14. «А еще сон приснился моей двоюродной сестре, после того как похоронили ее мужа. Ну, у покойников связывают ноги, чтоб они, когда закоченеют, оставались ровненькими и из гроба не высовывались там, не торчали вразнобой. Ему эти завязочки забыли снять и прямо с завязочками покойника-то похоронили. А потом сынишке восемилетнему приснился сон, что папа идет там где-то в шеренге и хромает, отстает. Он бабушке-то потом рассказал (или матери), что, мол, всех видел и папа идет один, хромает, и вроде как стонет, и отстает от других. И тогда они вспомнили, что завязочки-то забыли снять, и к батюшке в церковь, а батюшка им сказал как надо. Он говорит: "А вы завязочку-то положите развязанную, вот как будем отпевать покойника, ему завязочку-то в ноги и положите, и с этой завязочкой-то и похоронят, и ваш родственник поправится, то есть там у него это передастся". Так они и сделали, и больше покойник им не снился. Да, развязанную завязочку они положили, и это считалось вроде как ему развязали» (3).

15. «Еще про швею был сон. О том, как швея-портниха шила тайком платья своим заказчикам по воскресеньям. В будни она работала в ателье, а по воскресеньям тоже деньги зарабатывала, шила платья, а грех вроде как в воскресенье было шить, надо в церковь ходить. Ну и когда она умерла, родственникам снится сон, что она вся сидит в нитках замотанная, как в коконе. Они ее спрашивают: "Мам, ты чё это в нитках-то вся?". Она говорит: "Вот меня тут наказали. Я шила по воскресеньям-то, вот теперь замотанная и сижу"» (3).

16. «Еще сон про поминки в пост. Сын, он, работая в торговле, устроил по своей усопшей маме поминки, а дело было в пост. Ну, он не соблюдал пост и накрыл стол по всем правилам, как он считал нужным: икра, колбаса, вина... Стол ломился от яств, и потом ему снится сон, мама снится. Он говорит: "Ну как, мать, хорошие я тебе поминки справил?" — во сне-то спрашивает. Она говорит: "Да разве это поминки? Все блевотина какая-то. Я, — говорит, — все в блевотине плавала". Он говорит: "Да как же, мать? Ты что? У меня там и икра, и колбаса, и сыр, и шампанское было". Она говорит: "Да ну нет, блевотина — и все. А вот единственный помин только был, — говорит, — Ванечка сидел за столом да какая-то там Устинья (допустим) монашка". Они сидели за отдельным столом, и питья у них не было, и если они какую-то постную пившу, вот это как помин зачлось, а там, где было вино, там не зачлось и пошло, как блевотина. Вот» (3).

IV. 17. «Сны вот бывают, они все сходятся. Какой сон увидишь — и вот и думаешь, на что он тебе сбудется. Река — это речь, разговоры. Свежая вода — это здоровье, а мутная — это неприятность, сплетни какие-нибудь. Мусор, сено во сне увидишь или солому — обязательно шум какой-то. Да. Ни с чего, просто так вот и поорешь. У меня все сбывается. Я видела вот сон: больницу увидела и везу я своего мужа на коляске во всем белом. И вот только в какой-то коридор я его ввезла — эта коляска на мелкие части разлетелась. Встаю ему и говорю: "Саш, я какой-то сон сегодня нехороший видела". А он говорит: "Я тоже видел". Я говорю: "А ты что?" — "Я дом рушил". Через три месяца — готовый! Понятно? Сны — оне сбываются. Дом новый или во сне зуб выдерешь — все это вот точно к упокойнику. Вот, моя маленькая, чё на свете есть» (4).

18. «У нас, когда я еще маленькая была, отца убили, когда обворовывали, чтоб не опознал. И перед этим мне и маме такие сны приснились на смерть. Я сплю... А тогда самолетов не было, и где-то какой-то объявился самолет летом — и все по прятались, молились, а отец-то — он у меня такой был! — везде побывал и не прятался. Я стояла около него вот так, держалась за штанину, а сестра младшая на руках у него, и смотрели самолет. И все: "Ой, ой, ой! С ума сошел! С ума сошел! С ума сошел! Смотри — он смотрит на нечистую силу!" Ну вот, и мне приснилось... У нас была черешня такая, это прадед откуда-то привез. Черешни обычно вот какие растут, метра два, а эта такая была: три черешни вместе и такие — высоты трехэтажного дома, и созревали аж в сентябре—окт

тябре месяце. Были такие черные-черные и вже их там никто доставать не мог: только я одна лазила да птицы ели. Ну вот, и снится, я как будто выхожу из дома, смотрю — отец стоит под этой черешней, и над ним кружит огромная стая самолетов, и на эту черешню налетают и отец вроде бы отбивается-отбивается... Вот» (5).

19. «А маме приснилось: у него сестра умерла Мария, как будто она пришла с черным крестом и поставила его под окно молча. Мама говорит: "Что ты делаешь! У меня же четверо детей, я пятого жду!" А она молча поставила этот черный крест и все. Вот так сны подчеркивают» (5).

20. «Летом 1984 года мы захотели поехать к бабушке, вот просто у меня была тоска, и захотелось навестить ту деревню, где когда-то я девочкой отдыхала, и повидать свою бабушку. Отпуск у меня уже прошел, но я все равно жалела, что я не поехала в эту деревню. Позвонила маме, она говорит: "Да, папа там, поезжай". Вот мы с дочкой съездили на два дня. Бабушка действительно была больная. С нами она жить ни к кому не поехала, сказала: "Буду пока жить одна, если что — я вас вызову". Ну, на том и расстались. Проходит буквально месяца полтора и снится мне сон, будто все точно так же, как в сентябре, та же погода, то же солнышко светит, дочка и я идем с рюкзачками от автобуса из Смольков до деревни Лебедево, подходим к бабушкиному дому (а у них вдоль дороги, ну, грунтовая дорога была уличная и немножко она размылась — еще в войну ручей такой протек, и говорят, что вот когда протек ручей вдоль всех домов и в каждом доме унесло по покойнику. В войну прошел какой-то ливень, и шел поток вдоль деревни, просто дождевая вода. Куда-то воде надо было стекать, и прошел вдоль дороги. Дорога грунтовая, песчано-глинистая там почва, и размыло мягкую рыхлую почву, телегами разбитую. И как размыло дорогу в овраг, так все и ахнули: "Раз овраг прошел — то это к покойникам". Вроде сам овраг — к покойникам. И действительно, у всех кто-нибудь да с войны не вернулся. У нас покойника было два: дед и дядя). Ну вот, и так этот овраг как бы остался дорогой, немножко в низине, ну и во сне бабушка вроде в этой дороге, прям вдоль своего дома, стелит простины белую — чистенькая такая, глаженая простины. И стоит ко мне спиной, так, на четвереньках, и стелит простины. А мы сзади подходим и говорим: "Бабуль, эт ты?" Она молчит. Мы говорим: "Кому эт ты стелишь простины-то?" Она молчит. "Нам, что ли? — я говорю, — что, в доме места мало?" Она молчит. "Иль эт ты себе стелишь?"

Она опять молчит. И тут я проснулась. Вот такой сон. Звоню родителям утром: "Мам, мне бабушка Нюра приснилась как-то нехорошо, простины в овраге стелит". А она говорит: "А мы уезжаем, стелимся к ней. Вчера позвонили ее соседи и сказали, что бабушка совсем плохая, не встает, мы за неё подадим". Родители не знали, насколько она плохая, сколько еще проживет, ну и забрали ее. А она буквально недельку у них прожила в Сызрани и умерла» (3).

21. «Встала я утром, а муж мне и говорит: "Ты знаешь, я какой-то сегодня сон видел нехороший, как будто кто-то, какая-то старуха, что ли, пришла за мной, чтобы меня куда-то забрать. Я, — говорит, — боюсь. Мне кажется, что кто-то за дверью стоит и ждет. Если дверь откроешь, то он зайдет и заберет меня". И стал просить, чтобы я не открывала дверь входную. Ну а мне-то это все каким-то странным показалось, и вообще дикость какая-то. Я ему говорю: "Да ты что, рехнулся, что ли? Что ты выдумываешь-то? Какую-то ерунду плетешь!" Еще взяла да посмеялась над ним, и чтоб совсем он перестал дурачиться (а он все просил дверь не открывать), взяла подошла к двери, открыла ее и говорю: "Эй, кто там? Ну заходи! Ха-ха-ха! Ну вот видишь, там никого нет, а ты боялся". Потом собралась и пошла на работу себе, ни о чем не думая. Вечером прихожу с работы, а он мертвый в кресле сидит, скоропостижно скончался. Ну надо же! Он, видимо, предчувствовал, что смерть за ним пришла. И я до сих пор так жалею — зачем я так сделала. Надо бы обратить внимание или что-то предпринять — может, он бы и не умер, а я открыла дверь да еще посмеялась над ним — у меня-то никакого предчувствия не было» (3, со слов одной пациентки).

V. 22. «Это еще моя мама говорила: "Если птичка в окно влетит — это к упокойнику". Любая птичка. Вот у меня одному брату умереть — голубь влетел, и моей маме умереть — тоже птичка в окно влетела. Она говорила всегда: "Если птичка влетит в окно — эт она приносит какую-то весть нехорошую". А есть и хорошую приносит. А как отличить? Сразу подумаешь, что нехорошую. Вот у меня сыну с армии прийти, села вот сюда вот галка мне в окно и орет. Вот каркает галка. А во сне я вижу: длинная-длинная с неба веревка и он спускается с неба по ней. Эта веревка длинная — это ему дорога. На второй день он у меня пришел с армии. Сны — оне сбываются» (4).

VI. «А еще сны бывают, гадают когда. На Рождество там: "Приснись жених невесте", или перед Новым годом».

23. «Я гадала. Просто загадывала, вот в такой день и мне приснился незнакомый. Бродя я в каком-то пруду плаваю, и вдруг он за мной плывет-плывет, и я вылезаю, и он вроде хватает меня за ноги. Да. Вот приехала сюда (в Москву) и вышла замуж. Да. Вот так вот загадываешь на Рождество» (4).

VII. 24. «Это в войну гадать-то пришлось. А мы в войну, когда погода плохая, снег валит, на машине не выедешь, то мы соберемся где-нибудь в одну избу и гадаем на блюдечко (перевернутое). Когда за блюдечко берешься, которые сидят гадают, косы расплетают, и все узелки, которые на тебе (юбка какая привязанная или что) развязать надо, пуговицы тоже рассстегнуть надо, а про крестик я не знаю, мы уже крестики не носили тогда. У печки трубу открывали. Потом на бумаге чертишь круг и вокруг этого круга чертишь всю азбуку, буквы пишешь, а попрек круга рисуешь строчку и на ней цифры пишешь, кажется, до десяти. На блюдечке надо нарисовать стрелку с внешней стороны, нагреть его сначала на свечке (тут свечка горит) и поставить на эту бумагу с буквами. Два человека это блюдечко держат двумя пальцами: с одной стороны женщина на блюдечко руки кладет – два пальца (указательный и средний) и с другой стороны женщина так же. И оно как расходится, это блюдечко, только успевай читать. Спрашивашь что-нибудь, а оно по бумаге ходит и стрелочкой останавливается около букв, и читаешь за них по буквам. А тут надо дух покойника вызывать. Да: Вызывать мертвеца. Мы дух Пушкина вызывали:

Александр Сергеевич Пушкин,
Выйди к нам,
Погадай нам.

Он сначала долго не выходил. «Я, – говорит, – занятый, некогда». А мы читаем за ним, по азбуке-то, этот ходит, блюдечко-то, и вот мы читаем: «Я занятый. Мне некогда». А потом как пошел! Только успевай читать за ним. И вот загадали: когда война кончится? – и он все сорок пятый год показывал, прям стрелочка подходит к цифрам 4 и 5. Я про отца спросила: «Придет ли нет с войны?» Вышло: «Он неживой». Да, так с войны не вернулся. А у нас там одна все про жениха спрашивала: «Выходу ли нет замуж?» А какой там замуж! Про замуж и забыли думать! Ну ей все: «Что ты, не знаешь, что война?», а то: «Война идет», то: «Не выйдешь». Она все спрашивает и спрашивает, и он ей наконец сказал: «А тебе, молодая Фекла, х..!» – вот тут-то он нас матом и осадил.

Мы расхохотались над ней и гадать бросили. Но вообще-то страшно как блюдечко ходило. Я сначала не верила, попробовала остановить, а оно само ползет по бумаге и около букв останавливается. Да мы уже даже трубу в печке-то закрыли, думаем: «Придет, нас задушит еще». Да. Уж потом мы разъехались все, не знаю, вышла та Фекла, нет ли? Ну, у меня все сошлось правильно» (1).

25. «А то еще мы на обручальное кольцо гадали, только надо венчальное, которое в церкви было, и в зеркало смотреть – это уж наяву выходит. Постелишь полотенце белое неношеное или чё там на стол, на него ставишь зеркало, а рядом с зеркалом стакан, но не граненый, а круглый, в стакан наливаешь воды и бросаешь туда кольцо это венчальное и смотришь. А смотришь в кольцо, которое в зеркале отражается, и там выходит. Свечи зажигали. И в этом кольце в зеркале человека видно, как на фотокарточке. Я гадала и очень много чего видела. Ну, тогда война была, у меня отец и брат были на фронте, я загадывала: «Жив ли отец?» И вижу, вышел прямо в полушибаке, в шапке, сидит так вот, как положено, сидит мужчина. А про брата загадывала – вышло, как их два, сидят солдаты и так вот в обнимку руки заложили. А тут еще у моего брата друг помер до армии, ну и тоже я испытать загадала, что «Миша если жив, то выйди человек». И вышла как есть могила, памятник, и вот все вышло. Вот тут мы убедились. Это я сама делала. А мы вот еще что загадывали. Мама лежала на печке и говорит: «Загадайте, если я жива – выйди, печка». Мы загадали, и вышла печка, как что есть такая деревянная изба, и печь выросла. Вот это с зеркалом мы гадали» (1).

26. «Меня жить с мужчиной Господь не благословил, сказал: «Ты одна живи». Я такой сон видела. Всем-всем моим подругам Господь доставал – знаете, такие раньше беретки были? – он им доставал и давал, одевал им, а мне не дал. Он пришел к нам в общежитие и был сначала на первом этаже. У него был второй месяц с левой стороны. С правой пропал и сделалась краснота. Бог сказал: «Сейчас я буду писать Евангель», – и стали выходить красные буквы – Евангель писал, а потом Бог сказал мне: «Сейчас приду я к вам в комнату» (а мы на втором этаже жили). Вот, и пришел, и стал на мою сторону, где моя кровать находилась, и всем шапки раздавал, а мне не дал. А я подошла ближе к нему, вот так вот руки сложила и говорю: «Милославий Господь, Вы мне шапку не дали, – я говорю, – напишите Евангель». «А я тебе Евангель не напишу», – говорит, вот так вот рукой мне. А Дуське, что

напротив, ей Евангель написал и положил на кровать. Утром я встала, а она белая как полотно и чуть не упала, я ее вот так вот схватила и вызвала "скорую помощь" пошла, отправила в больницу. Она, наверное, месяц лежала, ей переливание сделали, она чуть не умерла. (А ее жених бросил, она осталась беременная и что-то сделала.) Вот тебе и Евангель. Это плохие разговоры — все общежитие узнало и вся деревня ее. Ну вот, а мне Господь ничего не написал и шапку не дал. Я вышла замуж — муж меня бросил с ребенком, с другой женщиной ушел. А мой кавалер, что дома остался, звал меня обратно, ну я гордая была — что это я с ребенком к нему вернусь... Еще тут парень был холостой, и мать его, и сестра меня любили, ну — на шесть лет моложе меня, я не пошла. И осталась одна, вот всю жизнь одна живу» (6).

27. «Так было, одна рассказывала у нас работница. Она работала у нас дежурной по блокпосту, а муж у нее машинист в метро. И вот, значит, умерла свекровь. Они знали, что у нее есть деньги какие-то. Ну, она все перекопала там: постель, одежду, туда-сюда, нигде ни чё не могла найти. А икону она куда-то спрятала, в кладовую, что ли? Ну и перед ночной сменой легла отдохнуть часа на два, еще не проснулась, как вскочила и мужу говорит: "Ой, ты знаешь, что мне во сне приснилось?". Говорит: "Чего?" "Идет икона ко мне, такая большая, шагает и говорит: Ты искала деньги? Они у меня. А меня поставь, где я стояла". Она вскочила, испугалась... Когда стали икону открывать сзади, а там деньги, взяла она, а икону поставила на место» (7).

28. «Моя тетя один раз поехала в гости к сестре (моя мать там была еще в деревне), а сестра ее, ну как обычно, там обедом накормила и говорит: "Ну отдохни на кровати". Ну, — говорит, — легла я на кровать, и подходит батюшка и говорит: "Сегодня праздник!" Я даже и не спала, а батюшка пришел прямо в ризе и говорит: "Сегодня праздник". А мы же никаких праздников не знаем; она пришла к маме и говорит: "Мам, какой сегодня праздник?" Она: "Господи, какой же сегодня праздник-то?" Да сказала какой-то она праздник. "Да, — говорит, — сегодня праздник!" А сестра говорит: "Я щас вот прямо легла у сестры Тамары, а батюшка приходит: "Сегодня праздник!" А вот к чему это? Не знаю. Вот так ей привиделось» (8).

29. «Это было в начале 70-х годов в городе Сызрани. Переехали мои родители во вновь купленную квартиру кооперативную, а в старом доме бросили икону Казанской Божьей Мате-

ри и гитару старую. Взяли с собой маленькие иконки: "Ну, — говорят, — куда большую!" Большая вроде много места занимает, в современной квартире ее негде поставить, чтобы не видно было (теперь нашли место). А приехали они на новую квартиру, маме снится сон, будто плачет икона, которую они оставили в старом доме, плачет, и слезы прям у нее текут, и говорит: "Что же ты меня оставила?" Мама утром проснулась и думает: "Ой, что же это я наделала! Надо пойти забрать". На этот же день утром помолилась Богу, попросила прощения, что что же я такая грешница — бросила икону своей семьи (это маминой бабушки была икона Казанской Божьей Матери), и побежала спрашивать новых хозяев старого дома. Она говорит: "Мы у вас икону оставили, а она уж... сон приснился, прям плачет, хочет ко мне вернуться!" Они говорят: "Да пожалуйста, забирайте, вот она у нас в сарае стоит". Мама говорит: "Да и гитару мне мою хочется забрать". Они говорят: "Да и гитару забирайте". Мама рассказывала: "Я и гитару забрала, потом ее привели в порядок, и икону тоже, почистила ее. Такая окантовочка была из меди или латуни, она теперь вся блестящая стоит". И все, поставили, и довольно была мама моя» (3).

30. «Моя бабушка рассказывала, как они с дедом жили, ну и иногда ссорились. Вот однажды поругались они сильно, а в теплых краях там у нас народ горячий, вот кровь в голову ударила и бабушка говорит: "Побежала я к речке с горя топиться. Подбегаю, только встала на мостки, с которых бабы белые полощут, смотрю: с левой стороны и с правой стороны от меня, вроде как над водой, два маленьких мальчика стоят лет по семи. Вот такое видение появилось. Я, — говорит, — посмотрела на этих мальчиков, а они тихонько так, спокойно стоят и смотрят. И я, — говорит, — испугалась, развернулась и убежала домой. И все. И больше никогда ничего подобного не было". Это, наверное, Бог ангелов-хранителей послал, чтобы они от беды уберегли, вот они и привиделись» (9).

IX. 31. Я жила в общежитии, а дали квартиру в Бирюлёве. И я не звала домового — не знала. И вижу сон: вроде очутилась я в общежитии, входную дверь открываю и никак не открою — ктой-то там стоит. Еле-еле открыла, вижу — дед стоит с бородой, волосы седые, с палкой, лето было, так по летнему одет, обыкновенно. "Дедушка, — я говорю, — я чуть вас не ударила! Что ж Вы за дверью стоите?" И он ушел, где у нас у всех в овраге огороды были, пошел и стал, где мой огород. Прямо на огород стал, палкой вот так прислонился и

стоит. Я утром рассказала одной женщине с работы (я на заводе "Красный пролетарий" работала), она говорит: "Ехай же сегодня после работы в Раменки и позови домового. Обязательно позови! Видишь, — говорит, — он тебя не выпускает даже!" И я поехала. А еще не успели сжечь наши бараки, и я позвала. И все, больше ничего не было. А позвала я вот как. Пошла в свою комнату и сказала:

Домовой батюшка,
Домовая матушка,
Пойдемте со мной,
Я пойду по дороге,
А вы — стороной.

А вот кто так зовет:

Хозяин мой,
Пойдем со мной,
Я пойду по дороге,
А ты — стороной.

А надо и матушку звать. Это вот со мной было, я правду говорю чистую» (6).

32. «Я вот здесь, в Теплом Стане, шестнадцатый год живу, а в Бирюлёве двенадцать с половиной лет жила. А потом еще, когда я вселялась сюда, я очень плакала. Я жила с сыном и его семьей: сноха и два внука. Нам давали трехкомнатную квартиру: с двумя ванными, с двумя туалетами — очень хорошая, а сноха не захотела, и мне было так обидно, я к детям привыкла и очень плакала. Меня привезли родные сюда, и я и не спала, а только немножко дремнула и слышу — меня тащат с кровати! Я уже проснулась, открыла глаза, ухватилась за край кровати, а он все меня тащит! Я говорю: "Хозяин мой, я тебя позвала, зачем ты меня тащишь? Нам с тобой здесь жить дальше вместе. Прости меня, что я плакала". Отпустил. И долго с тех пор еще меня мучил: только ляжусь спать, начну кимарить — наваливается на меня. Спрашиваю: "К худу или к добру?" — ни чё не скажет или: "Бя-бя-бя-бя-бя!" — подразнит меня вот так. А потом, уж я на вокзале работала уборщицей, рассказала одной женщине, а она божественная, она сказала: "Будешь ложиться спать, ставь на всю кровать крест и говори: во имя Отца и Сына и Святого духа. Аминь. И, если встанешь ночью куда, опять ставь крест и ложися". Вот все. Отстал. Вот так» (6).

33. «А домовой тоже есть, душит. И окаменеешь вся, и не можешь слово сказать, а надо: "К худу или к добру?" — вот так слово надо говорить ему. А разве скажешь? Окаменеешь вся. Меня душил, когда сюда ехать. Залег — и дышать нечем! Весь организм у тебя останавливается. Я только кричала: "Ой! Ой!" Меня разбудили, за ногу, за пальц. Вот эт не каждый раз, мне вот только как из дома ехать, один раз было» (10).

34. «Домовые были. Вещают они. Мне недавно вещевал, прошлый год вещевал мне хозяин. Мы ездили в церковь, в Загорск. Приехали оттудова, легли спать, смотрю — у меня ноги вот так прямо зашевелились. Я вскочила и спрашиваю: "К худу или к добру?" Он говорит: "К худу!" — прям так громко мне сказал. Вот те и пожалуйста — у меня дед заболел, и все. Когда хозяин вещает — эт не к добру, к добру он скажет по-другому» (11).

35. «Еще когда я жила в Измайлово в общежитии, легли все спать. Смотрю, кто-то к моей тумбочке топ-топ-топ-топ, подходит. Слышу, чтой-то около мене у стенки. Я рукой схватила, прям шерсть какая-то лежить, страшно так. Я спросила: "К худу или к добру?" Он: "Фу-фу!" — подул и все. Вот тебе пожалуйста — сестра заболела. Ну, все обошлось хорошо. Вот так» (11).

36. «Когда я жила еще вместе с соседкой, легла один раз спать, часов в двенадцать. И вот вроде поливают меня водой холодной и грязной. Я говорю: "Да Господи! Да что ж вы меня так водой залили?" И потом вроде я от этой воды отбилась, и на меня наваливается какая-то старуха. А я так щупаю-щупаю, а она вся в шерсти, в шерсти. Я говорю: "К худу или к добру?" Она говорит: "К шуму". И мы с соседкой поругались. Я ей говорю: "Ты..! Из-за тебя или чего, меня вот сегодня вещавал хозяин". Она говорит: "Правда что ль?" И я ей рассказала. Она говорит: "Надо же!" Я говорю: "Во как» (12).

37. «Я лежала в больнице, уже тут, в Москве, мне аппендицит вырезали. Ну, я очень хохотушка такая. Анекдоты рассказывали, я хохотала, и у меня расходился шов, то и дело меня оставляли еще на 10 дней. И вдруг я лежу на кровати, возле самой двери, свет из коридора, сестра там сидит, и с ме-ня раз-раз — одеяло стаскивает кто-то. Я говорю: "Господи! Кто там сидит?" Вот так вот гляжу под кровать-то и говорю: "О! Стащили с меня одеяло!" Я же не спала, вот только легли. Я подумала, кто под кровать влез и с меня одеяло стаскивает. А одна женщина лежит и говорит: "Завтра тебе выпишут. Эт тебя хозяин выгоняет". Точно! Врач пришел: бя выпишут.

“Собирайся, девочка. Залежалась, хватит”. Это вот никогда не забуду. Один раз за всю жизнь. Может, правда, есть хозяин какой?» (8)

38. «Ой, домовой вот здесь меня замучил, в Москве. Спать не давал, гнал меня отсюдова. Я там уехала из дома, мама говорила, что боялась вечером заходить домой. “Вот хожу, — говорит, — хожу чё-нибудь там у коровы, зайду домой, он начнет: у-у-у!”. А со мной здесь творил: то одеяло сдернет, то с кровати столкнет... Я боялась уж спать ложиться, на полу стала спать — столкнет да и все. Девки смеялись: “Утащит тебя в двери за ноги” — вот это точно. А он отсюда гнал, потому что дома сестра там продала все: и дом, и корову, и все хозяйство, и мать забрала к себе. А потом ей мать детей подбрала, она ее и выгнала сюда, ко мне. Вот и осталась я без ничего (1).

39. «Я один раз сплю, вижу — около меня вот мужчина пляшет, прям топает. Я проснулась и на него говорю: “Ч-ч-ч” — вот так вот, внизу-то люди живут! А потом сразу догадалась, говорю: “К худу или к добру?” Он: “Др-р-р-р!” И я комнату получила. Вот прям звук этот слышу: “Др-р-р-р!” — к добру, значит. Вот он плясал. Обыкновенный мужик как будто, ну эт во сне, а очнулась — никого нет. Я-то спросить и догадалась» (1).

40. «А вот когда у меня девочка была, и умереть, и с мужем разойтись — то он душил меня. И я не проснулась еще, а сквозь сон спрашиваю: “К худу или к добру?” Он: “К ху-у-у-у!” — слышно вот так. Прям в ухе: “К ху-у-у-у!”

То один раз в ухо дул. Я проснулась, аж испугалася. Да у меня потом целый месяц ухо... не болело, а вроде как оглохло.

Даже вот до того доходило, что, когда мама ко мне приехала, я говорю: “Мама, я хоть куда хочешь девайся! Меня домовой замучил!” Она говорит: “У тебя есть пуховый платок?” Я говорю: “Есть”. Она говорит: “Вот ложи под голову пуховый платок, он козьего пуха боится”. Так вот до сих пор на платке и сплю на пуховом. Так его и заспала» (1).

Из рассмотренных выше рассказов следует, что данные сны и видения можно разделить на несколько типов:

Групповые

Когда одновременно нескольким людям является одно видение (гадание с вызовом духа и гадание на кольце в зеркале, № 24–25)

Индивидуальные

Когда предсказательный сон (или видение) снится (или является) одному человеку.

или снятся сны различного содержания, но по символике предвещающие одно событие (сон о строительстве нового дома у мужа и о развалившемся коляске в больнице у жены, № 17; сон о «нападающих» самолетах у дочери и о приходе покойника с черным крестом у жены, № 18–19).

Запрограммированные

Сны и видения, возникшие вследствие акта волевого усилия, как-то: вызывание духов и загадывание сна на ночь (сон-гадание на суженого, № 23).

Спонтанные

Сны и видения, не связанные с каким-либо усилием воли.

Сопутствующие

Сны и видения, естественно сочетающиеся с приметами или другими сопутствующими явлениями физического плана (сон о прибытии сына из армии, сочетающийся с криком галки у окна, № 22).

Обособленные

Сны и видения, не связанные с какими-либо другими явлениями.

Материальные

Сны и видения, оставляющие какие-либо доказательства материального плана (яйцо петуха, «гостинцы» летающего покойника, синяки от домового, № 1, 4, 40).

Нематериальные

Сны и видения, не оставляющие каких-либо доказательств материального плана.

Предсказательные

Сны и видения, после которых следуют предсказанные события.

Видимые

Тогда человек явно видит субъектов с «того» света, общается с ними (ангелы, № 30; брат, № 5; домовой, № 39).

Видения покойников могут быть:

Опасные

Когда требуются последующих предохранительные меры, так как сны могут закончиться смертью того, кто «натосковал» приход мертвца (№ 4–5).

Прямые

Когда события во сне показаны напрямую, без посредства символов (жених поймал в озере, № 23; муж на «том» свете, № 7–9).

В момент видения присутствие субъектов «иного» мира может быть:

Видимые

Когда человек явно видит субъектов с «того» света, общается с ними (ангелы, № 30; брат, № 5; домовой, № 39).

Тактильные или слышимые

Когда человек слышит или ощущает присутствие потусторонних субъектов, не видя их; также возможно общение (домовой шалит, № 34, 41; умерший муж позвал, № 6).

Сны предсказательного и нейтрального плана могут быть:

Прямые

Когда события во сне показаны напрямую, без посредства символов (жених поймал в озере, № 23; муж на «том» свете, № 7–9).

Символические

Когда грядущие или прошедшие события преломляются сквозь призму символов (к смерти: дом строить, стелить в овраге, № 17–21).

Столиц отметить, что символы снов и видений во многом сходны с символами примет, обычаем и т. д., т. е. народной культуры вообще. Например, существует выражение «обновить дом», что означает «в доме кто-то умер». Если в новом доме на протяжении многих лет никто не умирал, считалось, что дом стоял «необновленным». По рассказам вышеупомянутых информаторов, считалось, что кто первым войдет в дом, тот может первым умереть, на того обрушится весь негатив потустороннего мира, который находится там, где еще не поселились люди, — например, во вновь отстроенном доме. Поэтому первой в дом запускали кошку (животное, ведущее ночной образ жизни), иногда даже оставляли на всю ночь, чтобы она полностью нейтрализовала негатив в нежилом помещении; на второй день поселялись уже сами хозяева. По аналогии символа, если во сне приснится, что человек строит себе новый дом, — это всегда предвестье смерти.

Прилет птицы в дом наяву означает какие-либо перемены (вести), прилет птицы во сне — аналогичный символ.

Стелить постель во сне в яме, на земле, в овраге — обычно к болезни или смерти. Так же, если наяву около дома ручьем промоет овраг — к покойникам.

В связи с этим интересно отметить «книжное» толкование снов, которое зачастую не имеет ничего общего с истинной символикой. Например, женщина объясняет символ реки (воды) как речь, разговоры, здоровье — и тут же рассказывает сон с купанием, который предвещал замужество;

то же самое с «оврагом», когда «стелить постель» рассматривалось как знак «стелиться гостям», а не «могила».

Однако нужно отметить, что у каждого рода и человека может быть своя система символов (индивидуальная), а также антагонистичная по значению (т. е. одному снятся деньги к прибыли, другому — к убытку) и общая для многих (например, птицы — к вестям). Причем процент общей символики самый малый.

В народном понимании существует интересная система взаимосвязи влияния на событие, предвещанное сном или произошедшее без такового предупреждения.

1. Если приближается какое-либо событие, которое человеку неприятно, существует поверье, что надо рассказать как можно большему количеству людей об этом, тогда нежелательное событие изменится в лучшую сторону или все не произойдет.

2. Если негативное событие уже произошло, то тоже нужно рассказать о нем как можно большему количеству людей с целью нейтрализации негативного последствия произошедшего.

3. Если приснится сон, предвещающий нечто плохое, то действия после пробуждения остаются те же: надо об этом сне рассказать как можно большему количеству людей, чтобы грядущее нежелательное событие нейтрализовалось: произошло в более легкой форме или вообще не произошло в физическом плане (так как реализовалось уже на вербальном уровне).

Крайне редко встречаются действия, обратные описанным: запрет на рассказ страшного с той же целью его нейтрализации (чтобы не «накаркать», не притянуть то, чего может и не быть).

Вместе с тем существует и иная точка зрения: это фатальность, неизбежность события. Тогда, относя произошедшее к воле судьбы, року, человек говорит: «Значит, так Богу было угодно», — что является прекрасной защитой психики от воздействия происходящего.

Девяносто девять процентов рассмотренных рассказов представлены как повествования о явлениях, предшествовавших определенным поворотным событиям жизни, или о контактах с «другими мирами», поэтому сны и видения в данной статье рассматриваются как часть ясновидения (что отражено в заголовке статьи). Ясновидение — это способность человека спонтанно или посредством волевых усилий

либо же специальных упражнений, во сне или наяву, видеть объекты и субъекты иного измерения пространства и времени, как-то: души умерших людей, всякого рода существа, давно произошедшие или грядущие события и т. п. (Исключения составляют различные превращения колдунов, которые вообще являются не частью ясновидения, а разновидностью гипноза.)

Бессознательное ясновидение, как правило, открывается в момент срединного состояния психики, которое бывает в определенный качественный переходный момент:

- 1) между концом одного промежутка жизни человека и началом другого (когда и происходят глобальные жизненные перемены);
- 2) между окончанием одного какого-либо временного (например, годового) цикла и началом следующего (срединная точка — Новый год);
- 3) между жизнью и смертью;
- 4) между сном и бодрствованием;
- 5) во сне.

Сон сам по себе является срединным состоянием, когда человек не бодрствует, не живет полноценно, — действенной жизнью, но и не умер (поэтому во время сна люди так легко вступают в контакт с душами мертвых). Все перечисленное здесь касается спонтанного проявления ясновидения, каким является ясновидение бессознательное.

Считаю нужным добавить, что можно волевыми усилиями или специальными практиками развить способность ясновидения, но для этого нужно обладать знаниями о правилах этики поведения практикующего, о правилах безопасности (в гаданиях существует ряд способов «зачураний»). А так как специальными техниками основная масса людей не владеет, волевые усилия (например, гадания) тоже не всегда бывают верными (большинство людей не знают, в какие дни, часы, фазы Луны и т. д. можно заниматься ими), то самым безопасным и чистым планом ясновидения является спонтанное, когда человек получает нужную ему информацию абсолютно бессознательно и когда психика его сама к этому готова.

Список информантов

1. Кондратьева Анастасия Васильевна, 1921 г. р., из Омской обл., Казанского р-на, д. Казанка. В Москве с 18 лет.

2. Зинаида Ивановна, 1935 г. р., из Воронежской обл., Нижнедевицкого р-на, с. Гусёвка. В Москве с 17 лет.
3. Лавриненко Светлана Евстафьевна, 1952 г. р., из Самарской обл., г. Сызрань. В Москве с 18 лет, по специальности врач-терапевт.
4. Степанова Елизавета Николаевна, 1925 г. р., из г. Ульяновск.
5. Эмилия Ивановна, 1929 г. р., из Украины, Винницкой обл., Улановского р-на, с. Родинцы. В Москве с 8 лет.
6. Татьяна Никифоровна, 1932 г. р., из Мордовии, с. Анаево. В Москве с 15 лет.
7. Елена Алексеевна, 1920 г. р., из Рязанской обл., Кораблинского р-на, д. Хомут.
8. Мария Яковлевна, 1929 г. р., из Липецкой обл., д. Троицкая. В Москве с 1947 г.
9. Бойко Светлана Андреевна, 1940 г. р., из деревни недалеко от Киева. В Москве с 18 лет. Работник музея.
10. Полина, 1920 г. р., из Рязанской обл., ст. Сасово.
11. Женщина 1932 г. р., из Белгородской обл., г. Старый Оскол. В Москве с 24 лет.
12. Её подруга.

Сны о полетах

Наша ночная жизнь представляет собой океан, так как мы по ней плывем или парим. Во сне мы никогда не живем неподвижной жизнью на земле. Мы падаем из одного сна в другой, более глубокий, или же крупица нашей души хочет проснуться: и тогда она нас возносит.

Гастон Башляр

Рассказы о снах, связанных с полетом, собирались целенаправленно для проверки предположения, что ощущение полета может являться психологическим архетипом. Вполне объяснимым представляется, что такие сны видят люди, связанные с авиацией, парашютным спортом, стремящиеся реализовать себя в практическом переживании ощущений полета и высоты. Но, как оказалось, подобные переживания знакомы и людям, далеким от авиации и парашютного спорта: многие испытывают их во сне или в определенном душевном состоянии.

Мы опросили 139 человек (31 — устно, 108 — путем анкетирования): — студентов, преподавателей, парашютистов, курсантов училища гражданской авиации и др. Возрастной состав опрошенных — от 9 до 60 лет, но большинство 19—25 лет. Формулировка вопроса везде была одинаковая: «Снятся ли Вам сны, в которых Вы летаете, и с какими чувствами они связаны?»

Анализ проведенного опроса показал распространенность снов о полетах и типичность связанных с ними переживаний. Это предполагает наличие единой схемы, по которой строится переживание, т. е. существование лежащего в основе архетипа. Сходность психологического восприятия полета во сне у разных информантов заключается в нескольких особенностях, из них первая — уверенность в собственном умении летать, например: «самое главное в это время — верить, что ты летать умеешь и поднимаешься в воздух», «летать — это очень просто». Такое умение представляется настолько реалистичным, что вызывает попытки проделать то же самое наяву: «Я даже пробовала наяву это сделать. <...> я не понимаю, почему я этого не могу, когда во сне... т. е. абсолютно реально», «Ощущение полета было настолько реалистичным! Можно сказать, что я осознала этот полет. После того, как я проснулась, я точно была уверена, что обладаю неким знанием, к тому же я поняла, что летать умею. Даже в реальной жизни, стоит только захотеть и применить это Знание».

Г. Башляр в книге «Грезы о воздухе» исследуя «грезы полета» также на примере снов, права, взятых из литературных источников, пишет: «...доминирующее онтическое ощущение состоит в подлинно субстанциональной легкости, в легкости всего существа..., причина которой грезовидцу неведома. Зачастую она изумляет грезовидца, словно внезапно ниспосланный дар..., ...впечатление бывает настолько четким, что побуждает грезовидца испытать этот опыт на практике, когда он просыпается¹. Как видно, заложенная в нас способность к переживанию полета затрагивает настолько глубинные пластины нашей психики, что приводит к почти буквальным совпадениям в выражении впечатлений от переживания полета у людей, которых разделяет более чем вековая временная и культурная дистанция (Г. Башляр приводит впечатления Рафаэлли, Мишле, живших в XIX в.).

Подобные совпадения прослеживаются и в других особенностях психологического восприятия — например, в ощущении естественности полета («все равно как иду», «ощущение такое, что вообще вот ты так и создан», «как будто это наше нормальное состояние, как будто мы так и жили всю жизнь»). Сходство проявляется также в вызываемых полетом положительных чувствах — свободы, радости, легкости, блаженства. Они отмечаются почти всеми: «радость, блаженство, легкость», «чувство восторга от этого полета», «у меня было такое ощущение, что мне дали свободу, свободу

полета», «ощущение вот этого бесконечного простора, такой эмоциональный подъем... вообще, безграничное счастье». Впечатление естественности от полета приводит и Г. Башляр: «Разве эта юная легкость — не признак той наделяющей нас уверенностью силы, которая отрывает нас от земли и внушиает нам веру в то, что мы **естественно** поднимаемся в небеса, вместе с ветром, с его дуновением, возносимые самим впечатлением неизгладимого счастья»².

Полет также возникает часто как преодоление чего-то негативного: погони, преследования, например: «за мной кто-то гонится, я взлетаю», «я улетала, меня преследовали, пытались убить», «я прыгал во сне со скалы без парашюта, причем до этого за мной гнались и хотели убить».

Негативные переживания могут быть вызваны самим полетом, вернее, возможностью падения: «чувствовала необычайную легкость, даже некоторый страх, что я могу упасть». При этом соединяются, казалось бы, противоположные чувства, но если страх преодолевается, возникают необычайно радостные переживания: «чувство радости от того, что я умею летать, перекрывало страх», «в своем сне я начала лететь, падая с высокой горы, сначала меня хватил панический страх, но затем неожиданно выросли, за спиной появились крылья, и начала летать, мной овладели восторг и свобода. Проснулась я легкая, с приятным ощущением в теле».

Интересна в связи с этим мысль Г. Башляра: «Разве функция онирического полета — не учить нас превозмогать страх падения? Разве в своем блаженстве такой полет не отмечен знаком наших первых успехов в борьбе с этим фундаментальным страхом? <...> Переживая в сновидениях частую связь падения с полетом, мы видим, как страх может превратиться в радость»³.

Все рассказы о полетах во сне в зависимости от содержания делятся на две группы: в снах первой группы основным и, как правило, единственным содержанием является сам полет, наслаждение им; в снах второй группы полет обусловлен определенным мотивом или связан с ним, при этом сон может соединять в себе несколько мотивов. В большинстве снов этой группы главным содержанием остается переживание полета, хотя в некоторых снах мотив может быть для информанта психологически более значимым, чем полет. Например, в рассказе о полете во сне с мотивом смерти, записанном от Н.Ю. Трушкиной, психологически более значимым для нее является мотив смерти, а не полета.

С учетом преобладания того или другого мотива, связанного с полетом, нам показалось возможным выделить следующие группы снов:

1. Сны о полетах с мотивом погони, преследования; при этом способность летать используется как средство спасения, поскольку преследователи этой способностью не обладают.

2. Сны о полетах с мотивом испытания веры в свое умение летать, преодоления сомнений и неуверенности. Чем сильнее уверенность, тем легче оторваться от земли, полететь. Создается впечатление, что рассказывающий как бы преодолевает или учится преодолевать какую-то грань, за которой остаются сомнения и неуверенность и полет становится естественным и легким.

3. Сны о полетах с мотивом смерти. В одном из снов информант сначала летает, потом понимает, что он умер и полет вызван именно смертью; в другом о смерти говорится сразу; в третьем она обозначена не совсем ясно, как возможный вариант объяснения причин полета, хотя они не представляются для информанта важными (см. группу снов II, 3). Сны о полетах с мотивом смерти интересно сравнить с рассказами людей, имевших опыт клинической смерти, которые приводит Р. Моуди в книге «Жизнь после жизни: исследование феномена выживания после физической смерти». В книге встречаются близкие данной группе снов описания пережитых во время клинической смерти состояний: легкость, воздушность, плавание под потолком, на высоте и т. п.⁴

Предположительно можно выделить еще три группы снов, но они менее подтверждены материалом. Возможно, мотивы, на основании которых их можно выделить, менее устойчивы, чем предыдущие, но тем не менее дают возможность предположить, что существует множество снов с преобладающими (если не учитывать мотив полета) в них следующими мотивами:

4. Сны о полетах с использованием какого-либо волшебного предмета для осуществления полета (метла, летающий ковер).

5. Сны о полетах с мотивом любовных переживаний. Например, в одном из снов полет информантки осуществлялся вместе с молодым человеком, причем оба были обнаженными.

6. Сны о полетах с мотивом падения, страха падения, который может преодолеваться или не преодолеваться. Возникает оппозиция «полет/падение», причем падение вызывает прямо противоположные полету чувства: тревогу, страх, угнетенность. В некоторых снах сам полет может вызывать данные переживания. На наш взгляд, такой полет отличается тем, что он совершается как бы вне воли и желания летящего, вызван какой-то силой, которая его пугает, например: «Это был очень странный сон. Как будто я приподнялась в воздух, потом полетела и оказалась в комнате моих родителей. Мне стало жутковато, и я проснулась». Мы предполагаем, что снам о полетах «противостоят» сны о падениях, вызывающие негативные чувства.

Возможно, перечисленные мотивы, сопровождающие полет, на бессознательном уровне отражают различные стороны этого образа. Интересно, что мотивы, связанные с образом полета и близкие данным, мы встречаем в литературе (Н. Гумилев «Ты помнишь дворец великанов...», Б. Пастернак «Август», А. Башлачев «Все от винта!» и др.) и в живописи (М. Шагал).

Особую группу составляют сны о полетах, обусловленные профессиональной деятельностью информанта или его увлечением, т. е. реальными переживаниями. Так, летчикам, парашютистам снятся полеты в самолете, прыжки. Данную группу рассказов по эмоциональному восприятию происходящего во сне можно разделить на две подгруппы:

- 1) сны, связанные с положительными переживаниями — например, радость, спокойствие (снится, как правило, продолжительный полет на парашюте, дельтаплане и т. п.);
- 2) сны, связанные со страхом или опасением нераскрытия парашюта, получения травм, смерти.

Как правило, ситуация отказа парашюта «проживается» во сне до конца, т. е. парашютист «разбивается» или совершенно неожиданно «остается жив». При этом конец сна может оказаться юмористическим:

«Это ужас, кошмар, конечно, парашютный. Лечу-у, открываюсь (т. е. открывает парашют. — Авт.) — отказ, отцепляюсь (т. е. с помощью специального устройства отцепляет купол основного парашюта, чтобы раскрыть запасной. — Авт.), открываю запаску — отказ. И падаю, падаю, смотрю вниз... Поднимаю голову вверх — запаска не раскрывается, смотрю вверх, на запаску, уже дергаю за стропы, а она не рас-

крывается, не раскрывается... Бац! Становлюсь на ноги, запаска так рядом падает, так и не раскрывшись... И у меня такая обида: «Ну вот, опять не раскрылась!»»

В разных рассказах о снах повторяются образы, сопровождающие полет, — например такие, как чистая вода, зелень, деревья и др. Эти образы несут определенную символическую нагрузку. «У всех мифов и всех сновидений есть нечто общее: они все «написаны» на одном языке — языке символов⁵. «Расшифровка» данных образов может быть индивидуальной (когда информант по-своему объясняет увиденные во сне образы) или может совпадать со значением, которое придается образам в традиционной культуре.

Мы выделили следующие образы:

1. Полет совершается над зеленью, травой, деревьями. В одном из снов именно дерево вызывает желание взлететь: «...становлюсь рядом с деревом... у меня вообще почему-то... ощущение полета возникает везде рядом с деревом».

2. Полет совершается, как правило, при ясном, солнечном, чистом небе; отдельно переживается цветовая гамма: от светло-голубого до насыщенного синего.

3. Полет может совершаться над водой, при этом подчеркивается ее чистота. Появление образа воды, причем чистой, прозрачной, пронизанной солнцем, в снах о полетах не случайно, она по своим характеристикам напоминает небо: та же голубизна, чистота, глубина. «Вода в своей юной прозрачности — это перевернутое небо»⁶.

Зелень, солнечность, чистота неба и воды выражают эмоциональное содержание полета и, возможно, связаны с возвращением во сне первоначального, детского восприятия мира; не случайно один из опрашиваемых написал в анкете, что сны о полетах у него связаны с «чувством возвращения в детство» (А.И. Кокорев). «Способность видеть пейзаж чистым зрением, — пишет Гастон Башляр в книге «Вода и грэзы», — доступна лишь тому, в ком есть чистота внутренняя»⁷. В связи с этим особо подчеркиваемая в снах чистота неба, воды, на наш взгляд, также может говорить не только об определенном душевном состоянии просветленности, но и о чистоте восприятия мира, свойственной детскому миоощущению.

Образ воды, возникающий в снах, может нести и особую семантическую нагрузку. Например, в одном из снов информант летает над водой, а потом понимает, что умер. «Созерцать воду означает течь... растворяться, умирать»⁸. Инди-

видуальный образ сна в данном случае совпадает с традиционным пониманием образа воды, которая может быть знаком смерти.

4. В некоторых снах информант до полета или во время него видит пасущихся животных: коней, антилоп и др.

Сны о полетах оставляют очень сильное впечатление в душе человека. Некоторые из наших информантов рассказывали сны многолетней давности. Башляр пишет: «если самая большая – физическая и моральная – ответственность человека есть ответственность за свою вертикальность, то насколько же сновидение, выпрямляющее, динамизирующее нашу прямизну <...> избавляющее нас от нашего веса, дающее нам первое и единственное переживание воздушной стихии, – насколько же такое сновидение должно быть целебным, ободряющим, чудесным и волнующим! Какие же воспоминания суждено ему оставить в душе, которая умеет сочетать ночные впечатления с дневными поэтическими грезами!»⁹

Очень многие наши информанты описывают ощущение полета словами «легкость», «свобода». По-видимому, это действительно связано с «инстинктом легкости, одним из глубочайших», по словам Башляра, «инстинктов жизни»¹⁰. Ощущение полета зависит от этого «инстинкта легкости». Все, что делается с легкостью, способно вызывать у нас ощущение полета. Возможно, «полёт» и есть «легкость». «Легкость» ведь не что иное, как «освобождение от тяжести»: тяжелых чувств, мыслей. «Закон тяготения есть чисто человеческий психический закон. Он внутри нас, он означает преодоление рока – и воздушный темперамент обладает в грезах предзнанием собственной победы»¹¹. В конечном счете эта победа мыслится как освобождение от тяжести земли, т. е. от земного притяжения. Некоторые действительно верят в осуществимость этого. Так, Башляр приводит мысль Ш. Нордье, воображающего «воскрешаемое существо», которое станет продолжением человека и усовершенствует человека, наделив его аэростатическими свойствами¹². В стихотворении «Полет» нашего современника Д. Андреева способность человека к полету видится как будущая реальность:

Не так! Не то! И даже птицы
Мечту не удовлетворят:
Ее томит, ей страшно снится
Другая форма и наряд.

Вот, как дитя на сенокосах
С разбега прыгает в копну,
Скользить по облачным откосам
В бесплотно-синюю волну.

Грядущее, от изобиля
Своих даров, мне знанье шлет,
Что есть уже такие крылья
И будет вот такой полет¹³.

Приведенные ниже рассказы о снах разделены на три группы: рассказы 1-й группы собраны путем устного опроса, рассказы двух других групп – путем анкетирования. Внутри 1-й группы сны распределены по подгруппам приведенной выше классификации. Многие сны являются «комбинированными», т. е. содержат несколько мотивов – например, мотивы испытания веры в свое умение летать и мотив погоды. Мы не стали выделять их в отдельную группу, а относили такие сны к определенной группе по одному из мотивов.

I

Путем устного опроса были записаны приведенные ниже рассказы о снах. Информантам был задан следующий вопрос: «Снятся ли Вам сны о полетах и с какими чувствами они связаны?»

Группа 1-я – сны, в которых основным
или единственным содержанием
является сам полет, наслаждение им.

«Мне снится очень много снов про полеты, огромное количество... ну, буквально с раннего детства, наверное. Эти сны про полеты и до сих пор. Может быть, несколько дней назад последний приснился. Многие сны абсолютно бессюжетны, т. е. я просто поднимаюсь над землей и начинаю летать, а потомчуствую, что у меня дар этот заканчивается, и я встаю на землю и просыпаюсь. Т. е. вообще никакого сюжета. Вот, например, один сон. Я летала над Венцом... над нашим. Просто поднялась и посмотрела на панораму города сверху. Летала, и все. Потом опустилась и проснулась».
(3.11.98 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от О.М. Егоровой, 1978 г. р.)

«Никакой такой цветистости, сюжетности в моих снах о полетах абсолютно нет, есть ощущение... во-первых, повторяются сны, повторяются, и для меня, как для Оли, это совершенно естественное состояние полета. Вот чаще всего есть два типа полетов во сне... значит, первый — это полет в каком-то замкнутом пространстве, в комнате, квартире, и тогда сразу, не могу сказать, вижу, потому что это не вижу, а ощущаю себя сразу в состоянии полета где-то под потолком, близко к потолку, и мне нужно очень легко оттолкнуться ногой от стены для того, чтобы, так сказать, полет совершился. Все. И дальше я пошла кружить по этому помещению, причем не с какой-то целью, не для чего-то, просто это одно из состояний жизни, вот таких счастливых состояний жизни. Второе состояние, когда тоже поднимаешься с земли, причем вот точно так же, как легкое-легкое касание ногой стены, точно так же и легкое касание земли. Достаточно как бы ногой... чуть-чуть отталкиваешься, причем легко отталкиваешься, и все, начинается полет, начинается этот подъем. И дальше, так сказать, над... городом, над... Я не могу сказать, что я вижу подробности пейзажа, у меня весь сон сводится вот к этому ощущению... необычайно радостного состояния, оно настолько радостное, это состояние, что оно у меня продолжается тогда, когда я просыпаюсь. Вот я не падаю, ничего со мной не происходит, я просыпаюсь, мне необычайно хорошо. Я даже не могу сказать, что я сожалею, что я там... не могу летать, но, так сказать, мне было бы очень обидно, если бы этих снов не было, потому что... ну, это вот какое-то очень важное дополнение к тем состояниям счастливым реальной жизни, вот еще и во сне <...> вот ощущение такое, что вообще вот ты так и создан, что это твоя природа... у меня такое ощущение, что сон дополняет то, чего природа лишила, и, так сказать, сон дает это ощущение, которое природа не дала».

(3.11.98 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от М.П. Чередниковой, 1940 г. р.)

«Несколько лет назад мне снился сон, в котором я летала. Этот сон был достаточно длинным и хорошо мне запомнился... Я летела над землей, бесшумно скользила над каменистой почвой, среди камней густо пробивалась зеленая трава, бродили коровы. Я могла, если хотела, изменять высоту своего полета. Полет получался сам собой без каких-либо особых приспособлений. Этот сон связан с немногим неприятным ощущением

опасности — рядом летала огромная птица, которая хотела мне навредить».

(3.12.1999 г., г. Ульяновск. Записано Н.Е. Ливановой от С.Е. Егоровой.)

«—Тебе часто снятся сны, что ты летаешь?

Да, просто, знаешь, вот встала и полетела. Очень часто снится, что я иду среди людей и у меня вот это ощущение, что я раз — и полетела... Мне вот именно хочется... и у меня, кстати, это чувство в реальности — вот я когда иду среди людей и у меня просто ощущение того, что я могу полететь, именно в реальности... во сне состояние которое было, и в реальности возникает, что как бы я это могу, а во сне у меня бывает так, что я, например, хочу полететь и потом думаю: «Люди кругом... че подумают-то?». Потом думаю: «Какая разница, они че подумают? Хоть так подумают, хоть так подумают». И я начинаю лететь. Я вижу, что люди начинают на меня смотреть... и я улетаю. Причем это, понимаешь, я не вижу себя, то есть как я лечу, сам процесс то есть. У меня именно это ощущение <...> когда летишь, я даже не знаю, как я летаю, то есть я знаю точно, что у меня нет никаких там крыльев, ничего этого нет, это однозначно, во сне».

(3.05.2000 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от Е.А. Мачоган, 1974 г. р., урож. Приморского края.)

«То, что я летаю, снится довольно периодически. Наверное, один раз в два месяца. Очень хорошо помню такой сон. Я долгое время ездил в одну деревню летом. И вот я лечу над этой всей сельской местностью типа на бреющем полете, метрах в десяти. Ощущение полной свободы и, наверное, счастья».

(23.04.2000 г., г. Москва. Зап. Н.Е. Ливановой от В.Ф. Лурье, 1966 г. р., урож. г. Санкт-Петербурга.)

«Ну, мне вот снится сон. Я знаю, что могу летать. Я взлетаю с места, я не разбегаюсь никогда. Но мне очень сложно преодолеть сопротивление воздуха, я очень сильно машу руками, с усилием машу руками и на каждый взмах поднимаюсь на полметра, с усилием. Но летаю невысоко, где-то над домами, над крышами».

(3.06.2000 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от Ю.А. Погодиной, 1975 г. р., урож. Архангельской обл.)

«В последнее время совсем не снится, но лет до пятнадцати практически каждую ночь. Сам полет происходил по одному и тому же "сценарию": сначала разгон по какой-то плоскости вниз, потом отрыв и медленный высокий полет. Никаких усилий, оторвался и все. Это всегда проходило в городе, где высокие дома. Куда-то в глубину разгоняюсь, между домами, и потом над ними лечу.

— Какие чувства вызывает сон?

Чувство тревоги иногда... Не сам полет вызывает эту тревогу, а город внизу, дома какие-то, не знаю, что конкретно».

(3.06.2000 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от А.В. Погодина, 1974 г. р., урож. Ульяновской обл.)

«Сегодня снилось... и что самое интересное, разбегаешься так вот и летишь в метре над землей... два метра... Это постоянно. Сейчас реже».

(18.07.1996 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от А.В. Белоглазова, 1954 г. р., урож. Ульяновской обл.)

«Когда я был маленький, я разбегаюсь от берега, бегу, бегу — оторвался и полетел. Потом, говорит, я стал старше. Бегу, бегу — оторваться не могу, но в последний момент — хоп! — полетел! Потом я стал совсем старый: бегу, бегу, бегу... и не могу оторваться...»

(18.07.1996 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от Г.А. Николаенкова, 1965 г. р., урож. Подмосковья. Информант слышал сон от Юрия Яковлевича Кальянова.)

Группа 2-я — сны, в которых полет обусловлен определенным мотивом или связан с ним

2.1 — сны о полетах с мотивом погони, преследования

«—...У меня было... на психологии... говорили, что вот бывают сны, когда люди летают, и я озадачилась, ну, то есть я думала, почему же я-то не летаю во сне... И как-то прям во время сна... я отфиксировала этот момент полета... то есть оказалось, что я на самом деле, то есть со мной это все время происходило... ну, вот сколько я помню снов, да... просто я не думала, что это есть и что я так летаю, потому что я летаю не в горизонтальном положении, там не руками машу, как птица, а просто по-другому летаю...

...Вот последний был... не последний по времени, а как раз когда я поняла, что это летаю на самом деле <...>. Я помню зеленую траву, обрыв помню... сочетались там и знакомое — ну, зеленая трава эта была в парке, парк реально существует перед домом, а обрыва там нет, там вот кони гуляют... коней там тоже нет <...> и, в общем, как я летаю... так обычно всегда это бывает... я убегаю от кого-нибудь или просто мне надо... или я убегаю — за мной кто-то гонится, я начиная... в смысле — я взлетаю, а они... они этого не могут, а я это могу делать.

Или часто тоже снится, когда я не могу что-то делать, не могу дальше бежать... ну да, когда за мной гонятся, или просто вот еду на лыжах и не могу дальше ехать, а мне, например, соревнования — мне надо дальше ехать, я тоже лечу — без лыж. Я поднимаюсь над землей, но поднимаюсь вертикально... я в горизонтальном положении летаю, это просто как бы я отрываюсь от земли, и это все равно как иду, только иду — ногами перебираю по воздуху...

— То есть естественно?

— Да, да, это вообще, знаешь, я... я даже пробовала... только я еще во сне думала про то, вот как раз вот последний сон... когда я осмысливала все это, внутри сна осмысливала, я думала... как бы я уже представила, что... как я могу это делать, и это я делала много, то есть я прямо во сне взлетала... я прямо вот думаю, вот я сейчас могу, я взлетала во сне, и я хотела еще... по-моему, я даже пробовала наяву это сделать... у меня не получается. (Смеется.)

— С какими чувствами связан сон?

— Ощущение полной нормальности всего происходящего, совершенно естественно, то есть никаких восторгов по этому поводу — это просто, это привычно... Я могу это и не убегая, то есть во сне... в основном когда убегаю, но я могу это делать и не убегая, то есть я знаю, что я это могу делать...

— Были ли повторяющиеся сны?

— Повторяются, но они не сюжетно повторяются, а вот эта способность повторяется... По поводу своего летания я ничего, когда я просыпаюсь... вот я говорю, то есть не понимаю, почему это на самом деле не <...> Я не понимаю, почему я этого не могу... когда во сне, то есть абсолютно реально...»

(13.11.98 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от Н.В. Шинкаровой, 1978 г. р.)

«Я знаю, что я в каждом сне обладаю даром летать. В каждом сне; но вот иногда по каким-то обстоятельствам у меня не всегда получается, причем этот дар заканчивается иногда в самый ненужный момент, ну, чаще всего я во сне улетаю от кого-нибудь, то есть это сны с погонями <...>. Например, какие-то террористы... захватили меня в плен, и у них был какой-то предмет, который угрожал человечеству, и я должна была этот предмет украсть. И я как-то хитростью его выкрадываю, и потом на протяжении всего сна я летаю по зданиям, по деревьям, от вертолетов, причем периодически я устала, мне нужно постоять на земле, вот как бы от земли я силы набираю, вот мне надо какой-то период времени побывать на земле, чтобы опять суметь взлететь, вот, и, в общем, на протяжении всего сна я от кого-нибудь улетаю.

Потом сон был — я пряталась на деревьях, тоже вот, причем от каких-то существ. Они... я не знаю, кто это такие были, они такие вот полутени какие-то, причем они высоко не могли забраться на дерево, но тем не менее могли... и мне приходилось взлетать на самые верхушки деревьев, причем иногда буквально на этих верхушках теряла дар, и мне приходилось вот за них хвататься каким-то образом, в общем, ждать, когда начинается снова вот это ощущение легкости, и опять лететь.

В отдельных снах я просто летаю, вот я наслаждаюсь, просто вот выхожу и летаю... для себя. А в некоторых я от кого-нибудь убегаю».

(3.11.98 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от О.М. Егоровой, 1978 г. р.)

2.2 — сны о полетах с мотивом испытания веры в свое умение летать, преодоления сомнений и неуверенности

«— Мне один раз приснилось, как мы с друзьями, причем друзья были самые такие лучшие, несколько человек нас было, собрались... какое-то было у нас важное событие, мы, по-моему, или встречали, или провожали нашего друга, но это я точно не помню, и мы почему-то на лыжах, <...> на лыжах идем, еще не дошли как бы до леса, по городу идем, и вдруг какой-то голос... там, не знаю, какой-то сверху или изнутри, или даже этот же друг мне сказал, что... как бы... не знаю с чего... ну, просто... вот... что летать — это очень просто, как бы просто оторваться от земли и полететь, и я помню... даже вот я смотрю... вниз, смотрю, вот этот асфальт, ну, снег как бы

не везде еще лежит... и как... действительно, это было очень просто... как бы взлетаю и лечу, вот прям так — в лыжах, но в руках у меня не было лыжных палок, а в руках было что-то такое, с помощью чего я управляла полетом, но как бы не видела это, то есть во сне я не смотрела сюда, а смотрела... ну, просто вперед смотрела, поэтому не могу сказать, что у меня такое было в руках, — какой-то предмет, вот... ну, функционально он как парус: такой небольшой, такой округлый предмет, и вот с помощью него я как бы поворачивала. Но так же у меня руки были раскинуты, как вот крылья у птицы, но в то же время я как будто его не держала... в общем, тут так не-понятно, вот. Я лечу, и ощущение этой радости от полета, и когда я приземляюсь, уже приземлилась, я обнаружила, что как бы оторвалась от всех друзей, и я не знаю, куда мне теперь идти, потому что я не знаю их маршрут, вот, и я по этому поводу... ну, рассстроилась, потому что этого друга-то надо было проводить, но радость полета все равно перекрыла эту отрицательную эмоцию.

— Что запомнилось в самом полете?

— В самом полете... ну, просто само ощущение легкости тела, что это вот просто... это же первый раз, и вот как бы удивление такое, как бы радости...

— Ассоциации к слову «полет»?

— Кроме свободы, у меня еще ассоциация к понятию полета, летать — со словом «совершенство» ассоциация такая есть... вот, например, у Ричарда Баха в «Джонатан Ливингстон», и не только там еще... «Мессия, который не хотел быть Мессией»... там смысл-то какой — что достаточно усилия воли, достаточно твоей даже... не усилия воли, а тебе достаточно поверить в то, что ты это сможешь сделать, и... как раз вот в моем сне то же самое было, то есть мне было как бы сказано, что если я поверю в то, что я щас взлечу, — я взлечу, и я это помню во сне очень четко. Это был как бы самый главный момент... момент, когда я вот... ну, как бы от земли вот именно отрывалась, я как бы в это поверил, в то, что я щас смогу, и я вот это помню буквально, что я смотрю на свои ноги и... как бы усилие воли плюс еще какая-то вот сила, которая от земли вот по ногам, и вот меня поднимает... поднялась как бы вверх по моему телу, там внутри, и вот она меня подняла, и вот эта ассоциация... с совершенством, усилием воли... вот».

(3.11.98 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от Н.А. Быковой, 1977 г. р.)

«Я поднималась в воздух усилием воли, я принимала горизонтальное положение и начинала "поднимать себя". Самое главное в это время — верить, что ты летать умеешь и поднимаешься в воздух. Как только я начинала сомневаться, бояться, что упаду, — сразу начинала снижаться. В этом сне я летала и постоянно от кого-то скрывалась, пыталась "убежать", то есть конечно, улететь, а в меня стреляли. Кто-то летал вместе со мной, но кто это был — не помню. В общем, весь сон этот был сплошной погоней: я улетала — меня преследовали, пытались застрелить. Я помню, было немного страшно и хотелось жить, но чувство радости от того, что я умею летать, перекрывало страх. Ощущение полета было настолько реалистичным! Можно сказать, что я осязала этот полет. После того как проснулась, я точно была уверена, что теперь обладаю неким знанием, к тому же я поняла, что летать умею, даже в реальной жизни, стоит только захотеть и применить это Знание».

(9.01.2000 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от Т.В. Лаптевой, 1978 г. р.)

«— Я в Астрахани, то есть я как бы хотела попасть туда в реальности, я об этом думала все, и я долгий период до этого не летала, то есть месяца два вообще...

А это мне снится, как бы я не то чтобы разучилась, как я заново учусь, вот, заново все эти ощущения нахожу, и у меня даже какой-то такой... как бы боязнь того, что я не смогу взлететь. И я в Астрахани именно на той улице, которая мне больше всего нравится. Раннее утро, когда на улицах вообще никого нет людей. Высокие деревья, причем все это зеленое, хотя на самом деле зима была, снег как бы везде лежал, вот. Значит, становлюсь рядом с деревом... У меня вообще почему-то, кстати, вот ощущение полета возникает всегда рядом с деревом... и даже вот в Ульяновске я чё-то как-то шла рядом с тополем... Кстати, именно с тополем, хотя они считаются вампирами же...

— Почему?

— Ну, считается, что тополь забирает энергию, а у меня вот именно запах какой-то... я не знаю, что навевает. И я как бы пыталась оторваться, и тут не крылья, просто я чувствую, что я тянусь, как бы я могу полететь, но я боюсь. Как бы какая-то опасность. Потом думаю: "Чё я боюсь, я же могу", вот. И я действительно отталкиваюсь и как-то вытягиваюсь и лечу, то есть я поднимаюсь прямо над деревом, то есть

ящаю, я вижу, и я над ним, и ощущение совершенно полной свободы, то есть никакой ни тяжести, вообще ничего нет. Просто легкость, упоение даже какое-то... совершеннейшее освобождение...»

(3.05.2000 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от Е.А. Мачоган, 1974 г. р., урож.. Приморского края.)

2.3 — сны о полетах с мотивом смерти

«Снится мне, что еду я с этой стороны моста туда, домой к себе, то есть в Заволжье. <...> Я помню, что это был мост, и в какой-то момент я решила, что мне нужно над ним полететь. И вообще, это очень интересно. Э... как это... И я начинаю так подниматься, подниматься, подниматься как бы вот над мостом, причем я помню там один ряд проволоки, другой ряд проволоки проводов. Вот я между ними как-то так вырнула... посмотрела на город Ульяновск с высоты птичьего полета. Это было очень интересно, но я решила, что пораозвращаться. И вот я возвращаюсь к себе домой... Я опускаюсь перед подъездом, лифт открывается, оттуда выходит у меня заплаканная совершенно мама, и я понимаю, что следом несут мой гроб вообще. Это было настолько страшно, то есть... ну как — страшно, — я решила, что, в общем, я поняла, что как бы то, что я летаю, — это у меня, значит, душа летает, а я тут на самом деле вообще-то умерла».

(3.11.98 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от Н.Ю. Трушкиной, 1967 г. р., урож. г. Баку.)

«Один раз мне приснился такой сон. Как бы мы с мамой сидели в кабине машины типа КамАЗа, около дома машина стоит, вот. Но как-то необычно мы так сидим. Она говорит: "Пойдем попрощаемся". И мы... как будто у нас тела нет, но вот мы как-то по воздуху прошли и пошли в нашу квартиру, прошли по всем комнатам, как бы не прошли, а пролетели как бы под потолком, вот. И тогда, то есть я во сне подумала, что мы умерли и мы облетаем наш дом».

(25.08.99 г., г. Ульяновск. Самозап. Н.Е. Ливановой, 1974 г. р., урож. Свердловской обл.)

«Еще был один сон: я шла от своего дома, там промежуток между домами, вот. И вот как будто вот в промежутке между домами девятиэтажными. То ли со мной что-то случи-

лось, я не помню, но как будто вот я начала взлетать. Ни с того, ни с сего. И у меня такое чувство удивления, почему я могу это, почему у меня так легко получается, и я так удивляюсь и говорю: «А можно еще выше?» И еще выше. «А еще выше?» И еще выше поднимаюсь над крышами так легко, и вот вижу, как крыши уходят, и такое небо синее над крышами. И смотрю вниз — там что-то такое лежит, то есть у меня такое чувство... то ли я умерла, то ли еще... ну, в общем.. так легко я летаю, как бы вот я умею то, что... то есть мне когда-то это было дано, а потом я это потеряла и снова обрела, и вот я могу этим управлять, то есть могу летать, могу выше подниматься... не то что летать, а как-то выше, выше и выше. Легко. И еще — забыла сказать — такое ощущение, что вот в ногах, то есть эта сила... поднимает. То есть никаких усилий ты не делаешь, а как будто вот какая-то сила сосредоточена в ногах, в ступнях. И вот эта сила тебя поднимает. Легко очень».

(25.08.99 г., г. Ульяновск. Самозап. Н.Е. Ливановой, 1974 г. р.)

2.4 — сны о полетах с использованием какого-либо волшебного предмета для осуществления полета

«Мне сперва приснилось, как я иду, потом... под меня влетает летающий ковер, я на нем лечу и попала в страну сказок... Потом я увидела героев. Сны мне очень понравились».

(23.06.1998 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от В.О. Кузборской, 1990 г. р., урож. г. Ульяновска.)

«Этот сон мне приснился, наверное, с год назад. В этом сне меня научили летать на метле. Мне, значит, дают эту метлу, я не помню, кто. И летай, мол. Я говорю: «Как?» — «Сама сообразишь». И, оказывается, система там очень интересная. Все дело в том, как ты на ней сидишь и как ты ее направляешь... длинная рукоятка перед тобой, меняя угол ее, ты меняешь, соответственно, как бы временные координаты и место, куда хочешь, и время можно. Я помню, что я захотела в Москву тридцатых годов. Интересно то, что ощущения полета при этом нет: ты как бы стоишь на месте, меняется только перед тобой картинка».

(3.11.1998 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от Н.Ю. Трушкиной, 1967 г. р., урож. г. Баку.)

2.5. — сны о полетах с мотивом любовных переживаний

«Этот сон приснился очень давно о полете, и, пожалуй, я не смогу даже вспомнить канву, какое-то событие, но вот... цветовая гамма и ощущения, которые я испытывала... они запомнились надолго. Сон этот был очень яркий в отличие от остальных моих снов, как правило, такие серо-бежевые тона, а этот сон, вот если говорить об ассоциациях, это Дали, пожалуй. Что-то вот такая голубовато-желтая гамма, вот эти такие яркие краски насыщенные, вот узнаваемость такая. Причем я летала не одна, а при помощи молодого человека. Мы были обнаженные оба, но вот чувство вот стыда какого-то, вот неудобства — этого не было, как будто то есть так и должно быть. И вот я не помню ни своего тела, как оно выглядело, ни его тела, а вот как-то... как будто я смотрела на него, а вот на эту голубизну бесконечную... вот что-то такое, причем как мы летали — я обхватывала его руками и ногами, и он взмывал ввысь, но я не чувствовала, что я вот как камень какой-то, который его вниз тянул, нет, я была такая же невесомая. Причем он... вот у него тело все напрягалось, но это вот не такое напряжение, как там культуристы качаются, а вот какое-то такое свободное, вот вместе с этим, вот как бы естественное такое, и вот устремляемся ввысь, причем, по-моему, он руки вытягивал вверх, и ощущение этого бесконечного пространства, такой эмоциональный подъем вообщем, безграничное счастье... Как я для себя это определяю. Помню, что голубое небо вот это и голубая вода, которые как бы сливаются они, и что-то... Вот яркий-яркий сон. Вот как бывает небо в теплую погоду — яркая голубизна такая... мы в этой голубизне. И вот как будто это наше нормальное состояние, как будто мы так жили всю жизнь и вот так перелетали с места на место из одной голубизны в другую».

(3.11.98 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от Т.А. Барыкиной, 1978 г. р., урож. г. Ульяновска.)

2.6 — сны о полетах с мотивом падения или страха падения

«Мне приснился сон... Дом, где раньше жил дедушка, сейчас он умер, и я иду в его квартиру, а там какая-то бабка, я ее очень боюсь, мне почему-то не хочется идти. Звоню, дома никого нет, и я выхожу во двор, иду за хлебом в магазин. А там какая-то лужайка, по ней тропинка, и я над этой тропинкой

взлетаю, так, невысоко, здорово так, чуть с наклоном, как в фильме, я недавно фильм смотрела, "Матрица", там герой летает, вот, так же, как он, но в то же время это не подражание фильму, я действительно во сне знала, что могу летать, меня сила какая-то поднимала. А потом вдруг я почему-то поднялась резко выше, и мне стало как-то страшно, то ли от того, что могу упасть, то ли эту бабку почему-то боялась. Я захотела опуститься. Какая-то сила меня опустила, я пошла пешком. Ну и потом, я там с кем-то опять в этот подъезд, квартиру поднималась, а там навстречу эта бабка вместе с соседкой, а соседка и говорит про бабку: "Дочка, ведь это ведьма...".

(1.06.2000 г., г. Ульяновск. Самозапись Н.Е. Ливановой, 1974 г. р.)

«— Мне снились также достаточно регулярно сны, в которых я падал. Реже, чем сны с полетом. Как это происходило? Это происходило, что я стою на каком-то высоком объекте: либо многоэтажный дом, либо типа утес высокий каменистый, а внизу вода. И потом этот объект из-под меня уходит, и я падаю вниз, обычно головой вниз.

— Какие при этом чувства?

— Никаких особых чувств нет, страха нет. Я никогда не долетал до конца, просто падал, а потом сон пропадал».

(3.06.2000 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от А.В. Погодина, 1974 г. р., урож. Ульяновской обл.)

«Особая группа» – сны о полетах, обусловленные профессиональной деятельностью или увлечением информанта

«— Бывают такие сны, и эти сны связаны со страхом разбиться. В этих снах ты разбываешься. Точнее как... Парашиот не раскрывается, а ты летишь, падаешь, у тебя перед глазами цветы и все такое, затем ты приземляешься и почему-то остаешься живым. Это я могу связать с тем, что тебе снился сон и ты герой и ты вечен.

— Вы просыпаетесь, когда Вам снятся такие сны?

— Только тогда, когда я умираю в снах, когда разбиваюсь. Иначе нет. Зачем просыпаться, это такое романтическое чувство».

(6.07.99 г., г. Ульяновск. Зап. В.Ю. Трофимовой от М.В. Баталова, 1979 г.р.)

«Снится... я скажу... разбегаешься обычно, и взлетаешь, и летишь... вот в метре, в двух метрах над землей. Или там падаешь начинаешь открывать — дергаешь, дергаешь, ничё не открывается — и так раз на землю, и все. И пошел».
(24.07.1996 г., г. Ульяновск. Записано Н.Е. Ливановой от А.В. Белоглазова, 1954 г. р., урож. Ульяновской обл.)

«Помню один сон... Ощущение высоты такой... Здорово, спокойно так, и свет кругом. И я очень долго лечу на парашюте не снижаясь. И воздух такой, прозрачный-прозрачный...»
(21.08.1998 г., г. Ульяновск. Самозап. Н.Е. Ливановой, 1974 г. р.)

«Первый прыжок на По-9-м. После Ут-15-го. Мне ночью снится, что я падаю, падаю, падаю, падаю... дергаю что-то там, дергаю... — так смутно, но вижу, что земля приближается. Потом — раз, такой мрак. И я просыпаюсь в холодном поту и понимаю, что я разбился. Такая у меня мысль. И я весь такой “поседевший” сижу в темноте... блики такие... от луны... Всего меня колотит. Ну, страшно, сон такой вот. Почувствовал, что умираю... На следующий день вообще... без задней мысли — забыл.

задней мысли — забыл.
Утром прыжки там... идут. Еще два прыжка сделал на Ут-15-м. Ну и все. Мне говорят: "Пора, садись на По-9-й". Я стою и смотрю на два парашюта (уложил два парашюта себе — По-9-х): один был там... Маринкин — подруги, с которой мы летали на вертолетах, тоже вертолетчица, а другой был моего друга. И вот я стою, и меня как будто что-то толкает: "Вот возьми друга парашют, не надо тот брать, не надо..." Кажется, уговаривают меня свыше... И я взял, и назло взял Маринкин. (Смеется.)

взял Маринкин. (Смеется.)
Выпадаю... Меня... все такие попинали меня, такие там на счастье пожали мне все руку: "Ну, давай, парень!" И я с мыслями четыреста выпадаю — высоты побольше дали, чтобы падать... Дергаю кольцо... (смеется), и открывается несколько строп... и купол в тряпки... И я понимаю, что первый прыжок на "крыле" не удался... В том же момент вспоминаю свой печальный сон... Отцепляюсь. У меня раньше такие светофильмы были — "скайбэбы" — очки. Сквозь это — так, как в тумане все... такой шелк запаски по лицу... и я висну. Приземляюсь, мне командир говорит: "Ты еще не созрел для крыла". Я говорю: "Что я, виноват, что оборвалось?". (Смеется.) И все. На весь день меня "посадили"».

(23.07.1996 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от Н.Н. Вылегжанина, 1974 г. р., урож. г. Ярославля.)

«Повторяются часто сны, в которых парашют не раскрывается. Летишь ты, уже земля чуть ли не под ногами, дергайся за кольцо — а он не раскрывается. Обычно в таких снах на самом деле было, а не во сне. Обычно такие сны снятся после прыжков. Видно, перенервничаешь перед, да и после прыжка. Все это во снах отражается. Правда, когда утром просыпаешься, боишься прыгать. Но это проходит.

Иногда снятся сны, что ты вообще прыгаешь без парашюта, да еще не из самолета, а с крыши какого-нибудь дома. Интересно, что падаешь на ноги, остаешься живым, чувствуя дикую боль в ногах, но снова бежишь наверх и снова прыгаешь.

Хотя иногда снятся и очень красивые, то есть приятные сны. Ты прыгаешь из самолета и долго летишь, не опускаясь на землю, конечно, с раскрытым парашютом. И видишь перед собой, точнее под собой, леса, озера, поля или, например, стада бизонов или антилоп. После таких снов просыпаешься с таким хорошим настроением. <...> Это, наверно, от настроения зависит, какой сон увидишь — приятный или плохой. Я слышал, что сны не могут быть вещими. Они просто выражают тревоги, волнующие человека в реальной жизни. Меня это немножко успокаивает».

(15.07.99 г., г. Ульяновск. Записано Е.М. Фадеевой от Е. Богача, 1980 г. р.)

«— Были ли повторяющиеся сны о прыжках?

— Которые постоянно? Вот один преследует. <...> Это ужас, кошмар, конечно, парашютный. Лечу-у, открываюсь — отказ, отцепляюсь, открываю запаску — отказ. И падаю, падаю, смотрю вниз... Поднимаю голову вверх — запаска не раскрывается, смотрю вверх, на запаску, уже дергаю за стропы, а она не раскрывается; не раскрывается... Бац! Становлюсь на ноги, запаска так рядом падает, так и не раскрывшись... И у меня такая обида: “Ну вот, опять не раскрылась!”».

(20.07.1996 г., г. Ульяновск. Зап. Н.Е. Ливановой от С.В. Хоружего, 1973 г. р., урож. г. Харькова.)

II

4 апреля 2000 г. было проведено письменное анкетирование студентов 1-го курса филологического факультета УГПУ. Всего на вопросы ответили 69 человек. На вопрос «Снялся ли Вам сны, в которых Вы летаете?» 19 человек ответили отрицательно, 50 — положительно. Из этих 50 у пятерых сон вызвал переживания тревоги, страха, у 45 — положительные чувства. Перед Вами ответы некоторых студентов на предложение: «Опишите наиболее яркий сон о полете».

«Я очень люблю летать во сне. После такого сна у меня весь день хорошее настроение. Просто вдруг поднимаешься над землей, ничего не делая. А люди внизу кажутся такими маленькими». (Танюшкина Е.)

«Я просто летала, вернее, себя во сне не видела. Это были необычайно яркие, солнечные, красочные пейзажи, которые преподносились моими глазами. По ощущению необычайной легкости я могла понять, что лечу, парю где-то в чистом, голубом небе. После сна просто переполняли силы, мысли и чувства, появилось желание жить». (Дергилева Е.)

«Я летела с высокой горы, очень долго, но потом разбилась. Вначале очень захватывает дух, охватывает волнение, но потом становится страшно». (Без подписи.)

«Я точно не помню, как это было, но только знаю, что когда я летала, я чувствовала себя легкой, как перышко; было какое-то чувство восторга от этого полета; но почему-то после приземления мне было не так приятно, как во время полета». (Габунова С.Э.)

«Белое безоблачное небо. Мельком пронизывались лучи солнца. Какое-то спокойствие и безмятежность. После того, как проснулась, ощущалось большое спокойствие на душе». (Шербакова С.)

«Летаешь над землей, чувство свободы, легкости, приземление легкое, без падений». (Марченко Н.)

«Светит яркое солнце, и я приближаюсь к нему все ближе и ближе. Мне очень хорошо, потому что я ощущаю свободу этого полета». (Филиппова Е.)

«Во сне сперва я села на лошадку, каталась на ней с очень быстрой скоростью и взлетела прямо с лошадкой. Ощущения были непередаваемые». (Сайфуллина И.)

«Если честно, то ни один не помню точно. Но помню, что было ощущение свободы, роста (духовного и физического), света. Я считаю, что вся прелест таких снов в их редкости». (Липницкая Т.)

«Я летала над чистой-чистой водой, вокруг были прекрасные птицы, ярко-зеленая зелень. Когда я проснулась, было чувство необъяснимой радости и душевного спокойствия». (Куликова Е.)

«Чувствовала необычайную легкость, даже некоторый страх, что я могу упасть. Но содержание сна я не помню». (Кузнецова А.)

«Как будто у меня выросли крылья за спиной, я парю над землей и с высока смотрю на них. Почему-то летать очень легко. Когда просыпаюсь, то сердце как-то странно колотится в груди и во всем теле появляется какая-то легкость, невесомость». (Родионова Ю.)

«Наиболее яркий сон о полете: снился на территории скального монастыря в горах Крыма. Первоначально возникло ощущение наполненности теплым ветром, скапливающимся в ладонях. Далее – напряженное состояние окружающего момента. Далее – подобно вертикальной ракете вверх. Далее (а сон был очень яркий и четкий) была незнакомая мне планета. Сон есть в моих дневниках. Планета снилась долго». (Четверкин А.)

«Я нахожусь на солнечной, зеленой лесной поляне. Вокруг не высокие деревья. У меня радостное настроение, ощущение счастья. Я набираю букет цветов и с ними поднимаюсь в небо». (Климанова О.)

«Я в своем сне начала полет, падая с высокой горы, сначала меня охватил панический страх, но затем неожиданно выросли, за спиной появились крылья, и начала летать; в первую очередь мной овладели восторг и свобода. Проснулась я легкая, свободная, с приятным ощущением в теле». (Школьникова Н.)

«Мне снилось, что я лечу, облетела провода и деревья, вижу внизу зеленые поля и боюсь опуститься на землю, так как знаю, что не смогу подняться вновь. Этот сон довольно часто повторяется». (Антонова Н.)

«Я падала очень долго, хотелось остановиться, и в то же время чувство легкости захватывало, страх соединялся с осторожной радостью ощущения некой оторванности от всего остального». (Лагунова И.)

«Страшно, но в то же время очень хорошо себя чувствуешь, хочется взлететь еще и еще выше. Потрясает необычайный голубой цвет неба. Чувствую легкость и свободу. Не думаешь о том, что можешь упасть. И летишь, летишь...» (Ким М.)

«Я поднялась на вершину горы, а оттуда с легкостью без боязни спрыгнула в пропасть, но не упала, а поднималась еще выше, и мне очень понравилось это ощущение легкости». (Спасская Т.)

«Я точно не помню, но мне было очень хорошо». (Хайбуллина Э.А.)

«Ощущаешь себя бесстрашным, храбрым. Белое, чистое не-бо радует тебя. Кажется, что это к радости и к счастью». (Шамсутдинова.)

III

5–10 декабря 1999 г. среди курсантов УВАУГА (Ульяновского высшего авиационного училища гражданской авиации) было проведено анкетирование. На вопросы ответили 39 человек. Сны о полетах снятся 20 из них. Приводим ответы некоторых курсантов на вопрос: «Сняются ли Вам сны, связанные с прыжками или с тем, что Вы летаете (сами, без ЛА)? Расскажите один из них».

«— Где-то месяца через два после прыжков мне приснились сны о том, как я стою перед люком; время тянулось очень долго, и, не выдерживая напряжения, я выпрыгивал сам, без команды. После этого я сразу просыпался, но это вскоре прекратилось...

— С какими чувствами связаны эти сны?

— Наверное, с внутренним страхом». (6.12.1999 г. Е.Н. Корытин.)

«— Часто во сне переживаю заново прыжки. Ощущения такие же, как и во время прыжка.

— С какими чувствами они связаны?

— Огромное количество адреналина, радость, страх и т. д.» (5.12.1999 г. М.А. Бабайлов.)

«— Да, и очень часто, это просто замечательные сны.

— С какими чувствами они связаны?

— С ощущением полета». (6.12.1999 г. Р.А. Стефаненко.)

«— Снятся, но воспроизвести затрудняюсь.

— С какими чувствами они связаны?

— С чувством свободного полета». (6.12.1999 г. А.А. Иванов.)

«— Снятся достаточно часто и систематически, все они очень яркие. Один из последних: я разбегаюсь, ложусь на ветер и взлетаю, наблюдаю высоту порядка тысячи метров и свободно парю, потом свободно приземляюсь, разбегаюсь и опять взлетаю. И так раз десять до ощущения того, что полностью освоил подобный вид полетов.

— С какими чувствами связаны эти сны?

— Успех в личной жизни». (6.12.1999 г. Т. Станишевский.)

«— Да, мне снятся сны о полетах без ЛА, но в основном после сна они не запоминаются.

— С какими чувствами они связаны?

— С чувством возвращения в детство». (6.12.1999 г. А.И. Кокорев)

«— Однажды мне приснилось, что я, лежа на полу, заставляю себя оторваться от пола. Если моя воля ослабевала, я начинал падать вниз. Иногда я успевал остановиться прямо у пола, но чаще падал.

А затем я поспорил с другом, что прыгну с небоскреба и не разобьюсь. Мы поспорили. Я прыгнул. И, летя вниз на огромной скорости, пытался сконцентрироваться для того, чтобы замедлить полет и остановиться. Но все было так необычно, а ветер так дул в лицо, что у меня ничего не получалось. Я понял, что разобьюсь; метрах в пяти от земли я проснулся.

— С какими чувствами он связан?

— Не знаю». (7.12.1999 г. М.В. Авилкин.)

«— Да, снились много раз, в основном связанные с моим первым инструктором. Он меня выталкивает и громко смеется. Я оказываюсь без парашюта, падаю на землю и... кричу.

— С какими чувствами они связаны?

— Не знаю, не думал». (10.12.1999 г. И.В. Агеев.)

«— Особенно в детстве снились довольно часто. Один из них: я стою на какой-то бетонной площадке или дороге. Взмахиваю руками и плавно отрываюсь от земли. Сначала не ве-рится, пробую взмахнуть руками еще раз, взлетаю еще выше, в общем, начинаю извлекать из этой возможности все, что можно. Ощущение такое, как будто ты плаваешь в воздухе, как под водой.

— С какими чувствами он связан?

— Чувство легкости, радости, что, оказывается, умею летать». (5.12.1999 г. В.П. Канарский.)

«— Такие сны снятся не часто, и ничего смыслового, как правило, они не несут.

— С какими чувствами они связаны?

— Испытываем ощущение некоторого душевного подъема». (5.12.1999 г. В.В. Поляков.)

«— Бывает, что снятся. Помню один сон, который снился в детстве: я прыгнул с семнадцатого этажа своего дома и мягко приземлился. Сон был настолько реален, что я чуть не прыгнул на самом деле (когда проснулся).

— С какими чувствами он связан?

— С восторгом и, говорят, что когда во сне падаешь, то в жизни ты растешь». (5.12.1999. Н.А. Суходольский.)

«— Конечно снятся. И с ЛА, и без ЛА. Интереснее всего те сны, когда ты летишь без ЛА. Один из них: я прыгал во сне со скалы без парашюта, причем до этого за мной гнались и хотели убить. Все, кто прыгал за мной, обгоняли меня и разбивались, а я мягко приземлился и дальше... не столь уже важно.

— С какими чувствами он связан?

— С чувством победы». (9.12.1999 г. М.В. Ватаров.)

«— Полет на дельтаплане: ясная погода, внизу мост, река.

— С какими чувствами он связан?

— Радость, блаженство, легкость». (5.12.1999 г. В. Бештов.)

«— Я сны запоминаю очень редко. Но самый яркий был, когда мне снилось, что я прыгнул с парашютом, и мне передалось ощущение свободного полета.

— С какими чувствами он связан?

— С желанием поскорее прыгнуть». (5.12.1999 г. А.Г. Калашников.)

«— Я думаю, что все летали во сне. Мне такие сны сняться с самого детства. Например, взмахнешь руками — и взмыл ввысь, как птица, под тобой остался земной шарик, леса, поля, реки — обалденный пейзаж. Кстати, сны очень похожи на прыжки; может, потому-то мне и не было страшно в первый прыжок, а, наоборот, очень интересно». (6.12.1999 г. Е.А. Богат.)

«— Да. Чаще всего повторяется сон, как я падаю с крыши своего дома, а перед землей просыпаюсь.

— С какими чувствами он связан?

— Не знаю. Ни с чем не связан». (5.12.99 г. Д.И. Ермаков.)

«— О, да! Правда, чем взрослеет становишься, тем реже. Обычно я летаю низко над землей на большой скорости, облетая дома и деревья. Просыпаюсь от того, что врезаюсь куданибудь головой. Иногда падаю с моста, сначала вниз на руках, потом устаю и сам отпускаю руки и долго-долго падаю.

— С какими чувствами он связан?

— Просыпаюсь от мощного вспышка адреналина (все тот же пресловутый адреналин!) в кровь». (5.12.99 г. Г.Ф. Бухаров.)

Примечания

¹ Башляр Г. Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения. М., 1999. С. 48, 47.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 56.

⁴ Моди Р. Жизнь после жизни: Исследование феномена выживания после физической смерти. СПб.: Лениздат, 1992. С. 20, 22.

⁵ Фромм Э. Забытый язык // Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 183.

⁶ Башляр Г. Вода и грезы: Опыт о воображении материи. М., 1998. С. 79.

⁷ Там же. С. 205.

⁸ Там же. С. 78.

⁹ Башляр Г. Грезы о воздухе. С. 57.

¹⁰ Там же. С. 49.

¹¹ Там же. С. 84.

¹² Там же. С. 45.

¹³ Андреев Д. Ранью заревою: Стихи. М., 1975. С. 25–26.

Н.Ю. Трушкина

Рассказы о снах

P

ассказы о снах представляют особую область традиционной верbalной культуры. Повествования о вещих снах, о топографии иного мира, ярких, запомнившихся сновидениях могут рассматриваться как одна из жанровых разновидностей устной несказочной прозы¹. Ситуация рассказывания сна, по нашим наблюдениям, определяется самим фактом видения человеком какого-то яркого, врезавшегося в память сновидения, тревожащего его на протяжение определенного времени. Желание разгадать символику сна, снять эмоциональное напряжение часто становится отправной точкой в разговоре о снах.

С 1992 г. фольклорными экспедициями Ульяновского педагогического университета стали целенаправленно записываться рассказы о снах. В нашей публикации представлены тексты, записанные от исполнителей, принадлежащих к разным возрастным, профессиональным и этническим группам

и проживающих в разных городах и селах. Рассказы записывались в ситуации искусственно спровоцированного разговора о снах. Исполнителя просили рассказать о пророческом, страшном или запомнившемся сновидении.

Результатом полевой работы явилась определенная коллекция текстов. В собранных нами рассказах о снах показалось возможным определить устойчивые тематические группы. Все записанные нами рассказы можно разделить на два типа, представляющих оппозицию *вещий сон / не вещий сон*. Внутри типа «вещий сон» устойчивые тематические группы составляют сны, предвещающие смерть, болезнь, замужество. При этом сны, наделенные отрицательной семантикой (к смерти, к болезни, к несчастью), как правило, являются неожиданными для сновидца. Сны, сулящие благополучную жизнь, замужество, богатство – т. е. наделенные положительной семантикой и потому находящиеся как бы на другом полюсе, – как правило, спровоцированы ситуацией гадания. Самостоятельную группу составляют рассказы о снах, в которых говорится об избавлении от какого-либо несчастья.

Рассказы о вещих снах обладают устойчивой структурой. Так, первой частью текста обычно является описание ситуации, предшествующей сновидению: либо это рассказ о гадании, либо указание на внезапность информации, полученной из сна. Затем обычно следует описание самого сновидения. Третьей частью (она реализуется не во всех текстах) является первичное толкование сна. Обязательной частью становится описание тех событий, которые, по мнению информатора, были предсказаны сном. В некоторых случаях исполнитель может дать расшифровку символовических значений образов сновидения (представить личный сонник).

Сны, не определяемые исполнителями как вещие, также образуют определенные тематические группы. Устойчивая группа текстов повествует о явлении во сне сил иного мира, умерших, топографии «того» света, о регламентации отношений с иным миром. Часть текстов посвящена описанию ярких, обладающих динамичным сюжетом снов. Особую группу составляют рассказы о запомнившихся детских сновидениях.

Публикуемые нами тексты входят в перечисленные группы. За пределами публикации остались записи рассказов о так называемых управляемых снах, о сонниках исполнителей и рассказы о снах, записанные в детской аудитории.

Рассказы о вещих снах

К испытаниям

«Это было мне... когда же я вышла замуж? Вышла в ноябре, а видела где-то в сентябре, перед замужеством. Я стала очень активно интересоваться религией, но... больше по рассказам, мать рассказывала, не личное изучение.

Сон: то ли ночь, то ли поздний вечер. Наверное, вечер, потому что люди не спят. Я иду, даже бегу от кого-то со страхом, надо мне спрятаться, бегу по улицам крепости [в Баку], а там улицы узенькие, запутанные, из одного переулка в другой. И вот в страхе, что меня догонят, я забегаю в какой-то дворик, а там – очень мирная картина: женщины-азербайджанки сидят на крыльце, кто-то пьет чай, кто-то выбивает ковер... Мирные картины жизни. И я в таком недоумении: как они могут не переживать, ничего не бояться? Я думаю: как они могут так спокойно себя вести перед концом света? И вот в поисках, на чем остановиться, я обращаюсь к небу. Темное небо. Я смотрю и вижу прямо над моей головой маленькую светящуюся точку. И вот на моих глазах эта точка начинает расти, увеличиваться и превращается в крест, причем он не стоит, а так... горизонтально по отношению ко мне. И вот этот крест начинает расти и с огромной скоростью несется на меня, причем он весь охвачен огнем. Он несется на меня, вот-вот раздавит, меня охватывает ужас, а всех остальных это будто не касается – только я вижу. Я успеваю подумать: “Это конец света, и как хорошо, что я в последний момент подумала о Боге”. И с этим я проснулась.

Проснулась среди ночи, поняла, что сон значимый. Я спросила у матери, она мне объяснила так: крест – это испытание, страдание, что меня это ждет.

Сразу я не соотнесла действительность со сном, но когда я вышла замуж и у меня были проблемы, страдания в личной жизни, я соотнесла их со сном. Сейчас я думаю, что это не только в личной жизни, а вообще... не только с семьей связано, а вообще мне надо было пройти через страдания» (1).

К смерти

«Сижу на берегу реки, речка небольшая, ноги мою в речке. А на руках были часы. “Че я наделала? Теперь часы ходить не будут”. Вытащила руку с часами, я их вскрыть хотела, просу-

шить. И потеряла деталь. И стала по траве лазить, искать, на четвереньках. Ладно, лазию — нет, не нашла.

Это был сон с субботы на воскресенье. Пришла на работу, девчонкам говорю: "Речка — это речь, а часы — это жизнь. Потеряешь чью-то жизнь". В среду получаю телеграмму: "Скоропостижно умерла мама". И теперь я верю этим снам, как не знаю чё» (2).

«Сорок первый год. Мама работала учителем в школе № 3 Ульяновска. Она же в этот год выпускает сына из этой школы. И ей снится сон, когда война уже началась. Сын работал в авиационных мастерских. Сон: стоит стол, один, второй. За одним столом — один учитель, за вторым — другой. Входят ученики и говорят, какой путь кто выбрал. Подходит сын, она спрашивает: "Юра, а ты какой отдел выбрал?". Он: "Земельный". Сон сбылся — он погиб» (3).

«Плохой сон сбывается. Вот мне однажды приснилось. Вот у меня выпало много зубов, и мне их не больно и не жалко, а один зуб — и кровь маленько, и вроде жалковато, и не сильно больно, а жалковато. И через месяц мне этот сон сбылся (или через два): Михаил Якушкин умер, и еще человека два — вот и сбылся. Вот не больно мне, а жалко — все-таки наши люди. А потом у меня умер муж, он родной, но мы уж с ним не жили. Через два месяца сбылся. И жалко, и все-таки уже не жила с ним» (4).

«Однажды мне приснился сон: я иду из больницы, навстречу мне идет тетка моя. Я ей говорю: "Вот мне какой сон приснился — зуб выпал у меня". Она говорит: "Ой, какой сон, покойник будет". Я на нее рассердилась за это. А через год у меня мужа машиной сбило» (4).

«Сон этот приснился мне два года назад. Снится мне, будто бы я иду по полевой дороге, а вокруг меня золотистые пшеничные поля, и нет им конца и краю. Небо ясное-ясное, голубое-голубое — и эти ядовито-желтые поля. Вот иду будто бы я по этой полевой дороге одна, и вокруг меня ни живой душеньки нет. Вдруг, откуда ни возьмись, вижу, летит мне навстречу по полям белый конь, а в санях, именно в санях, стоит мой недавно умерший сосед — Кузьмич. Он такой радостный, смеется и говорит мне: "Ну, Петровна, как жизнь? К нам в гости не собираешься?". А я напугалась и говорю: "Нет, нет, что ты, мне еще Витьку — сына моего — надо увидеть". И вижу

я, будто у него в санях два мальчика лежат. Один большой, а другой — младенчик. Я и говорю: "Кузьмич, куда ребят повез, оставь, зачем они тебе? Оставь". А сосед мой дерзко улыбается и ничего не говорит. Лошадь бежит, бежит и потом исчезает. И тут я проснулась.

И думаю: не к добру мне это приснилось. Ну и точно. Чрез три дня утонул мальчик, сын женщины одной, она со мной раньше работала. Девять лет ему тогда было. Я еще думаю: неужто это мой сон сбывается? И что ты думаешь, ровно через девять дней, как склонили Пашку, еще один мальчик утонул, в этой же речке. А тому тогда двенадцать лет было. Выходит, сон-то мой был вещим. Забрал Кузьмич двух мальчиков к себе» (5).

«Вот недавно был случай — женщина умерла. Матери ее приснился сон. Идем мы с Ниной (с дочерью), течет вода, плюют называют. И она стала перешагивать и упала. Кричит: "Мама, мама!" А потом утонула. А мне у них снился полный огород желтых цветов, а это к покойнику» (6).

«Вот цветы видеть нехорошо, а то и к смерти. Я вот соседей видела, они все умерли. Сына поездом зарезало, мать померла. Сон такой: вижу, будто у них лежит покрывало, все в цветах, красиво. А я еще думаю, где такое покрывало могли купить. Все, вся семья померла» (7).

«Сны могут сбываться и через три года. Вот вижу сон: мы с отцом возим навоз. Так он через три года сбылся, отец помер. Я сонник смотрела, был у технички в нашем общежитии, старый. По словам и смотрели. А вот когда к беременности, так это я во сне рыбу в подол ловила. Сбылся» (8).

«Вот мать у меня умерла. Отять же я выдала сон... Вроде я бегу где-то по длинному-длинному коридору. Вроде темный коридор, длинный. Вот бегу, бегу... устала уж я. А мне женщина говорит: "Беги, доченька, беги, тебе еще бежать надо". Ага, и я вроде бегу, бегу, говорю: "У меня сил-то уже нет, у меня сердце-то болит". — "Беги, доченька, тебе Бог здоровья даст. Беги, беги, доченька". И я бегу, бегу. И отять вроде как выхожу. И вроде как кровь берут. И стоит моя тетка — ее вынужу. И вроде как кровь берут. И стоит моя тетка — ее вынужу. И подошли вот мы с дочкой. Подошли, и у нее отрезают вот этот вот палец. Вот кровь не так берут,

а палец отрезают. И девчонка моя подходит. Я говорю этой в белом халате: "Доченька, ты уж не бери у девчонки-то, она маленка, ей же больно. Лучше возьми у меня за двоих".

Вот, пожалуйста: в воскресенье-то видела, а в среду умерла. Вот сразу, сразу. Через три дня сбываются сны».

— А когда вам это приснилось, вы что подумали?

— Я сразу встала, говорю: это будет у нас горе какое-то.

— Почему?

— Ну как же: палец-то отрезали, значит, кто-то отрежется от нас уже, уйдет кто-то. И тем более кровь видела — кровный кто-то уйдет (9).

«Я вот перед бабушкиной смертью какой сон видела: пошли мы с ней в лес, за ягодами. Она говорит: "Ты, дочка, вот здесь ягоды рви, а я пойду в тот лес". И она пошла от меня в сосновый лес, быстро сон сбылся. Вот лес сосновый — это разлука, что она ушла в гору — это горе, ягоды — слезы» (9).

А. «Это был страшный сон, я очень испугалась.

Будто мы с мамой живем на берегу... дом, в избушке маленькой. Я выхожу на крыльце и вижу: идет потоп, вода идет на нас до небес, бурлит. Она темная, и внутри ее какие-то темные пятна. Я испугалась и зашла, закрылась, говорю об этом маме. И тут в окне я вижу в воде: большие щуки проплывают. Я их считала — шесть. Пять проплыли, а шестая как бы мертвая, к окну смотрит, и морда вся в крови. Потом она оживилась и проплыла. Но воды было много, они мимо окна плыли. Я от страха проснулась.

Я подумала, что он [сон] необычный и к какому-то событию. Я думала, может, к счастью.

Это и было к смерти сестры. Волны — это к слезам, нас шесть детей было, и щук шесть, одна разбитая — это сестра, которая потом умерла.

Б. Это я видела давно, за год до смерти.

Будто пришли дед и бабка, покойники. И будто они фотографируют мою сестру, и хорошо фотографируют, со вспышкой.

Как проснулась, подумала: как бы с ней плохого не было, она болела тогда. Подумала: как бы она не умерла первая, может, они ее к себе забирают.

Это мне к смерти сестры сон снился.

В. Сестра перед смертью сон видела. Будто стоит на высоте горы, над пропастью страшной, и будто туда провалился мой брат. Она туда не упала, только брата жалела.

Потом они на машине разбились, упали с высоты, в яму.

Г. Перед смертью сестры несколько раз, раза два-три сон видела: будто стоит светлая машина, как у них, "Жигули", рядом с машиной стоит мужик, а машина пустая. Мужик боком стоит, похож, как я и тогда думала, на моего зятя (но, может, это уже сейчас так думаю). Я видела его нечетко, одет обычно. Я стою дальше, за мной женщины еще, а перед машиной мелочи много рассыпано, как на свадьбе. Я вроде только вклинилась, и сон исчезает.

Сперва я думала, может, это к свадьбе какой, но не думала, что к несчастью. Но предчувствие какое-то было.

Примерно через две недели сестра с зятем разбились на машине, сестра умерла» (10).

«Сон у меня был не у одной. У матери того мальчика, который утонул, тоже был сон. Дело было в 1990 году, в августе. Мы собирались летом поехать на остров, собирались давно. До этого у нас было другое совершенно место, и накануне, за день, мне снится сон. У нас был выбор: или на острова, или на реку, этот мальчик настоял ехать на Волгу, где все случилось.

Сон был такой. Мы с подругой вдвоем идем по берегу реки, и вот река... через нее мост. А мост, как у нас дома — железнодорожный мост. Лужи, дождик моросит. Мы идем с подругой, навстречу идет девушка из другой школы (где этот мальчик учился), и мы встречаемся, здороваемся. Идем вперед. И нам надо спускаться. И мы спускаемся, я вижу, что мост не на берег, а как-то вдоль реки. И мост опускается в реку, и там водоворот какой-то. И я уже ее не вижу, не знаю, где она, выплыла ли, а меня вытаскивают, спасают, сама не могу. Водоворот мутный, вода нечистая, темная.

Было ощущение тревоги. Вода для меня — это болезнь, и у меня до этого отравление было.

Мать у него тоже сон видела. У него два брата, он был младший. Старший был в походе, в Казахстане, на горной реке. Он тоже там чуть не утонул, его ребята спасли.

Сон такой: как будто река, и на том берегу два дома стоят. И на них числа — 11 и 13. Вот весь сон, из того, что я помню, что она рассказывала.

Мы никто не знали, что он, мальчик, не умеет плавать, мать не сказала. Мы собирались... приехали, добрались до катеров, на другом береге выяснилось, что была команда спортивная из той школы (из которой девушка встретилась во сне).

Ночь прошла. Мужики ночью рыбу ловили, спать легли, и девочки утром взяли лодку, отплыли, стали рыбу ловить. А мы с этим Сережей сидим на берегу. “Плыите к нам!” — “Нет, мы не поплыем”. И потом Сергей говорит: “Давай поплыvем”... Катерок прошел, мы подождали, пока волна прошла, и поплыли. Мы поплыли, я чувствую, меня сносит, я уже не выплыву на эту лодку. Я не смотрела, где он... он рядом был, он бы слово сказал, я бы руку протянула. Меня уже на борт взяли, и девки начали кричать: “Помогите!” Он как-то... под водой видно, что он скрючился, и все. Он сразу ко дну пошел. Я поплыла обратно мужиков будить, и у меня уже сил нет, течение сносит... меня тоже вытащили, а его уже не смогли достать.

И мы потом тело искали, ночью дежурили, когда всплынет, и мы с Женькой дежурили на лодке. И он говорит: “Я посплю, не могу”. Я говорю: “Поспи” — а мне страшно... И он заснул, а потом проснулся и говорит: “Мне сейчас женщина снилась, вся в белом, на дно звала, место показывала, где он”. И мы, как только сменами поменялись, сменились, и через минут двадцать он всплыл» (11).

К несчастью

«Вещие сны мне снятся сейчас, а не тогда, когда я была маленькой. Обычно у меня вещими сны... являются снами, которые предвещают болезнь. Вот. Это те сны, когда снится мясо. Например, корова, бык или просто мясо в чистом виде. Например, когда мне... Мне не так давно приснилось, что своего кота Маркиза я завертывала прямо в сырое мясо. Чтоб спрятать от кого-то. И он прямо задыхался в нем лежал. В общем, вскоре он заболел на самом деле. Вот. У него, правда, не с дыханием были проблемы, а с ушами. Потом мне тоже недавно приснился сон, предвещающий серьезную болезнь маме. Приснилось, будто бы за ней бегает бык, будто... как будто она что-то типа тореадора, может быть, вот. Такой бык, очень огромный, с большими рогами, и бегает за ней. Сначала ей удавалось от него убежать, а потом я передала ей, через брата, по-моему, нож, чтобы она смогла в случае чего как-то отбиться, и в конце концов я узнаю, что он все-таки маму очень сильно поранил, она лежит уже умирает. Вот. В общем-то, я и во сне не видела, как она умерла, смысл был в том, что она умерла. Она заболела вскоре. Вот» (12).

К замужеству

«Мать видела сон... Я еще не знала, выйду замуж или нет, но встречалась, а она сон увидела. Будто открылась дверь в большую комнату, и вошел мой... тогда даже женихом не был... с девочкой на руках.

Подумала, что это пророческий сон. Мама еще так сказала. И главное, именно с девочкой. Ну, вышла замуж, родила девочку» (1).

«Нарождается молодой месяц, и надо загадывать, и говорить три раза:

*Молодик молодой,
Тебе воз золотой,
Дай мне знать,
С кем под венцом стоять.*

Я проговорила и легла спать. Снится: бегу по лестнице. Забегаю — там сидит человек за столом. Я стою. А там еще овес насыпан. Постояла. Проснулась.

А потом, когда Федьку [мужа] увидела, узнала его сразу» (13).

К избавлению от беды

«В блокаду я в Ленинграде уже погибала, работать не могла, ноги опухли, и я не ходила почти. И вот мне снится, что лечу я все, моря перелетаю, лечу на родину, опускаюсь и попадаю в человеческий кал. И тут же много мешков хлеба, сахара.

Проснулась — вши бегают. И вот женщинам расскажу, и они мне говорили: “Спасешься ты, выживешь”. Да как, говорю, кто же меня эвакуирует, да вот и правда, у одной племянник дал справку. Полтора месяца я ехала, думаю, лучше дома помру, чем в этом Ленинграде. У сестры была, потом подруга взяла, я и ходить не могла, и волос на голове не было, думала, лысой останусь. Да нет, выросли волосы. А потом с тех пор я ни разу не болела» (8).

«Сон мне приснился, я так сейчас понимаю, пророческий.

Я была в Баку, летом, на улице 28-го Апреля, и около овощного ларька покупала овощи, баклажаны. Я их хотела купить, начала перебирать, но там было очень много гнилых... Я их в итоге не купила и пошла в сторону дома, и при этом я боялась

опоздать на урок (в школу № 50 г. Ульяновска). Я торопилась на урок, но шла к дому. С тревогой, с переживанием я бегу, забегаю в школу № 50 (но она вроде в Баку), поднимаюсь в свой кабинет, захожу в кабинет, а учеников никого нет. То есть вроде они пришли, но я опоздала, и они ушли. Я в таком... неприятном ощущении. И с этим неприятным ощущением, что я опоздала, я возвращаюсь домой – но это в Баку. И домой я иду по крутым склонам на Шихово [пляж в Баку]. Иду по очень узенькой тропинке, по горам, с одной стороны – высокая гора, с другой – пропасть. Тропинка подо мной осыпается. Испытываю жуткое чувство страха, что я упаду, но иду, назад не поворачиваю. Думаю, что мне надо за что-нибудь держаться, чтобы я не упала. И вот со стороны горы, там какая-то проволока протянута, толстая, вроде арматуры. И как только я за нее ухватилась, тропинка подо мной осыпалась, обрушилась, там земля, песок. И я повисла над пропастью, держась за проволоку. Мысль опять: “Хорошо, что я за эту проволоку взялась”. Вот не помню, в какой момент эта мысль: “Вот я же знала, что надо идти по другой дороге, а я пошла по этой”. Кое-как вскарабкалась, иду дальше. Попадаю в азербайджанское селение. Вот вижу девочку, которая видела, как я падала, и она стоит и со страхом на меня смотрит. Причем она не знает русский язык (хотя не говорит ничего), но хочет позвать людей, а я ее не отпускаю, говорю: “Не надо, принеси мне только воды”. Она приносит мне воды, я воду выпила, иду дальше, выхожу из селения на гору. И вижу – на вершине горы выходит мулла, в восточной одежде. И он начинает петь молитву, воздев руки к небу... как Моисей на вершине горы. На горе стали появляться люди, они все восточные, те, кто из селения, что ли. Причем я их вижу спины, мулла лицом ко мне, а они к нему лицом и ко мне спиной. Они все падают на колени, лицом вниз, начинают молиться вместе с муллой. И меня охватывает чувство религиозного экстаза, я тоже не могу стоять на ногах, я тоже падаю на колени и молюсь с ними. И с этим чувством я проснулась.

Сон был на субботу, а для меня суббота имеет значение. Я осознала четко, что это сон не простой, значащий, это что-то пророческое. У меня было большое чувство страха от пережитого, но присутствие муллы обрадовало. Я поняла, что в моей жизни что-то случится.

Ровно через две или три недели... двадцать восьмого апреля, в воскресенье, на Курбан байрам (я включила телевизор, и там было подробное объяснение, праздник жертвоприношения)... И

я начала после завтрака убирать кухню, мыть плиту, и меня стукнуло током. А когда я осознала, что случилось, я сразу вспомнила свой сон и связала его с этим... с праздником (и там и там были восточные мотивы)... И так как это жертвоприношение, я почему-то подумала, что тоже должна отдать, и отдала соседке, которая мне помогла, курицу» (1).

«Мне снился такой сон, пророческий, я его очень хорошо помню.

Я иду по лесу, четкое ощущение босых ног по влажной земле. Лес светлый, березы. Ощущение очень светлое, солнце, блики на листьях. Свет пронизывает листья. Я иду.

Выхожу на поляну. Здесь свежесрубленная изба, рядом – только срубленное бревно. И ближе ко мне конец бревна стены, сан, и по нему потек смолы, похожей на мед. Чувство такое, что были люди. Чувство, что я не так одета. Когда я выходит на поляну, увидела себя в длинной белой рубахе, как мы сейчас поем (информант – участница фольклорного ансамбля. – Авт.), но рукава без резинок. По подолу и на вороте красная вышивка. Провожу рукой по лбу – что-то типа обруча, а волосы распущены. Я себя осмотрела, и во сне не было ощущения удивления. Я иду к избе, и чувство, что туда нельзя идти. Крыльца нет. Я подхожу ближе к двери, что-то останавливает меня, как рукой, – и я проснулась.

Такое ощущение, что сперва меня тянуло, а потом отпустило. Сон немой, беззвучный.

Как истолковала? Женщина в поезде сказала: по поверьям, дом – символ смерти, и одежда – саван. “Но раз ты не вошла, те решили – тебе рано”. У самой было ощущение, что избежала опасности. Интересно, что я тогда жила в Поти, и берез еще не видела...

До того была депрессия, желание суицида. Потом случилось острое воспаление аппендицита, в первый же день чуть до перитонита не дошло. У меня часто нервное переходит в физическое. Сон был до этого, символы совпадают. А после операции – как возрождение к жизни, большие попыток суицида не было» (14).

Сны о явлениях сил иного мира

«Видела я во сне Бога, когда я к сестре в Ригу ездила. А привыкла молиться тогда. А в Риге я по всем церквам и костелам ходила, смотрела, не, и сматерилась потом. Спать

легла, вижу: хватает меня за шиворот, а самого не вижу — он как солнце, и говорит мне: “Слушай, ты вчера в церкви была, когда бросишь материться?” А я: “Господи, прости, больше не буду!”. Так он меня за шиворот со второго этажа на первый поставил. Долго я потом не материлась» (15).

«Это было, когда я разводилась с мужем.

Сон: я стою у окна в той квартире, где мы жили, у окна, которое выходит в садик, и вижу — в левой стороне с неба спускается образ Богородицы в черном. Образ как на иконе, поясной, но не икона. Он спускается с неба, останавливается напротив моего окна. Она на меня смотрит и говорит, что в течение трех дней я должна найти черную ткань для платья. Что-то еще говорила... И я начинаю судорожно искать эту ткань и не могу найти. И мне страшно от того, что я не выполнила ее требование. И вот прошло три дня, я стою на веранде, и вдруг вижу — ко мне по веранде идет целая вереница монахинь, и все они одеты в черную одежду. И они проходят, я смотрю и думаю: вот как же они нашли черную ткань, а я не нашла? И они все проходят мимо меня молча, и взгляд — не то с одобрением, не то с осуждением: “Вот и хорошо, что не нашла ткань”.

Я думала, что черная ткань — это траур, и я была на грани того, что могла кого-то потерять, но это прошло мимо меня» (1).

«Тоже видела перед разводом... Было это в ночь с третьего на четвертое августа, год не помню... Дочери было лет пять.

Будто это наша комната, окном в сад, я стою в комнате с ребенком на руках, причем ребенок грудной, и вдруг сверху... опускается образ Богородицы. Она становится напротив меня, берет ребенка из моих рук, медленно-медленно приближает его к своему лицу, к одной стороне лица почти вплотную, как будто разглядывая, и сказала: “Она этот день запомнит”.

Я знала, что с этим числом что-то связано, поэтому запомнила» (1).

«Один раз меня во сне Небесный посетил. Я стою в зале, в клубе, и ощущала, что Он стоит на пороге. Как Дед Мороз, бородатый, в зеленой одежде. И Он говорит мне: “Чтоб у тебя все хорошо было, навари манной каши, угощай всех, кто сюда придет”» (10).

«Да, да. Вот какой случай я расскажу. В Самаре у нас одна училась... Вот как вы, девочки... И жила на квартире. Мать и девочка. А мать пустила эту студентку, потому что ей очень скучно. Скучно почему? Недавно, говорит, дочь похоронила. И рассказывает. И снится... “Похоронила, говорит, сорок дней у меня нету уж дочери” (это вот хозяйка рассказывает). Она приехала, рассказывает: “Вот какой случай у нас”). И вот она приехала и рассказывает: “Вижу сон” (а мы девушку — она восемнадцати лет умерла — похоронили ее, с каблуками туфли надели. Не тапочки, а туфли). И снится, говорит, мне сон: “Мама, — говорит — (матери снится), — мама, — говорит, — ты, пожалуйста, — говорит, — подойди и пришли мне тапочки, все, — говорит, — идут, а я на каблуках, плохо мне, чувствую я”. И говорит: “Очень плохо ходить. Сходи в Москве, — говорит, — такая улица, такой дом, десятая квартира”. И вот она вышла... “Бабоньки, — говорит (в подъезде), что мне приснилось! Танюшка, — говорит, — приснилась! Вот так вот, в Москве”. И она тут же встала и записала. “И чё, — говорит, — делать (а десять рублей тогда в Москву билет). Теперь чего, — говорит, — делать?” — “Давай сложимся (она бедно жила), давайте сложимся, езжай, Нина, узнаешь”. Купила тапочки, поехала в Москву. “Кем отправлю?” Приехала, а там — покойник. Нашла эту улицу, нашла этот дом, квартира, там лежит мужчина, — говорит, — сидят бабки, горюют. “Вот, — говорит, — я оттуда, с Самары, — говорит, — у меня вот это, вот так и так”. “Давай”, — говорит, в гроб положили... Да, да! Ей послали тапочки! Вот такой сон-то! А чего есть на свете, я сама-то не знаю. Кто нет, никогда не видела. Вот так. Понимаешь?» (16).

«Соседка умерла <...> и вижу я... шесть месяцев ее не видела во сне, хоть бы увидеть — на кладбище ходила каждый день, плакала. И вот вижу во сне: она несет ведра и в землянку. “Варя, — я ей говорю, — да я как хочу тебя видеть, как я давно... как ты тут живешь?” — “Чего, — говорит, — я живу, вот... Я только заслужила детям воду носить”. А у этой землянки вот так... другой выход, а там цветы — маки и зеленый лужок. “Видишь, — говорит, — там вот твой дедушка Роман с детьми занимается, а я, — говорит, — им только воду носу”. Вот так. Дедушка у меня Роман был, он имел пекарню дома, пек только сушки и воскресную прибыль, всю, раздавал детям. Вот, вот. Хотите верьте, хотите нет» (16).

«Сон. Я ходила, носила крестной есть на тот свет. Несу ей два яблока, колбасу. Узкий длинный коридор; и все лежат ноги в ноги. Покойники. Это вместе лежат. И я между ног шла. “Крестная, — говорю, — я есть принесла”. Она отвечает: “Дочь, — говорит, — положи под подушку. Мы едим все разом”. Я заплакала, а она: “Ты не плачь, кто плачет — мы тут все мокрые. Я вот вчера высохла”. Видно, это на Радунице поминать надо» (15).

«Это было, видимо, предчувствие какое-то.

В прошлом году в день Троицы, под утро, мне приснился сон, как будто я подхожу к подъезду своего дома, поднимаю глаза на окно кухни, второй этаж, хорошо было видно... Утром. И вижу, через окно вижу, в своей кухне вижу умершего отца, он стоит и мне улыбается. Причем он какой-то такой был... светлый, радостный, в белой или светлой рубашке, праздничной. И я на этом проснулась и подумала: наверное, произойдет какое-то событие, что-то произойдет, последует за этим. И интересно: я утром ушла гулять с собакой, возвращаюсь — а в это время домой приехал мой муж со свекром, но событие было не в их приезде, а в том известии, которое они принесли. Они смотрят, молчат. “А вы что приехали?” “Так случилось... — многозначительно так говорят. — Анастасия Васильевна умерла [бабушка]”. А это не трагедия, она уже была... ей восемдесят пять было лет, она болела, лежала уже, не вставала. Человек отмучился и в Троицу. А потом говорили, что это хорошо, что в этот праздник Бог ее душу взял. Вот и я подумала: отец мне раньше эту весть принес, опередил их, Он ведь знал, что ее душа новопреставленная прибыла» (17).

Яркие, необычные, абсурдные, фантастические сны

«Сон про серое озеро.

Там был как бы Том Бомбадил, хранитель Вековечного Леса у Толкиена. Отличие моего Тома от книжного — он человечнее, теплее, здесь есть готовность все принимать.

Во сне было так: я должна попасть в какое-то теплое место, на пляж с друзьями. Переходила через мост [гречку], но, перейдя, оказалась не на другом берегу, а на сером озере. Это озеро, море... Я стою спиной, слева вижу берег, который закругляется, пространство огромное, впереди — меньшее про-

странство, чем за спиной — и чувство незащищенности,пустоты, не на что опереться. При переходе было чувство реальной жизни, то здесь — чувство, как это... другой мир (как у Толкиена), ощущение, что оказалась как в Вечности. На берегу... здание, оно из камня, или из бетона, серое, а слева тесно примыкает к серому зданию кусочек из дерева. Но вот оно заканчивается, и в торце здания — дверь, и сбоку дверь. Возникает мысль о том, что надо двигаться к берегу, и тут в руках оказывается шнур (как магнитофонный, но тоньше), а на конце привязан продолговатый вентиль от крана. Я становлюсь носочком на вентиль и, дергая за шнур, быстро скользжу по направлению к берегу по льду. Все озеро — ровная серая поверхность, матовая, и лед. Я скользжу несколько раз в разных направлениях. Наконец я чувствую, что у меня замерзли щеки, хотя тепло, одежда не зимняя. Полное ощущение вечной осени, предзимности, межсезонья.

Я решаю, что надо подъехать (“подскользнуть”) к деревянной части здания. Я делаю это и захожу внутрь через боковую дверь, поднимаясь по трем ступенькам крылечка. Внутри — хозяин (Том Бомбадил): “Ну, что, устала, садись, грейся”. В комнате прямоугольный стол, вдоль которого поставлены лавки, очаг. Мы долго говорим о вечных, бытовых (“серых”) делах. Такое ощущение, что каждый раз, как я прихожу, мы говорим об этом же теми же фразами. Я жалуюсь, что мне неудобно ездить на овальном вентиле, нужен круглый. Том приоткрывает боковую дверь в длинной стене, но... не ту, через которую я вошла. За дверью на краткое мгновенье мелькает занесенная снегом степь. Прямо около двери из снега торчат сухие травинки. Том тут же захлопывает дверь и подходит к другой, в торце здания. Открывает ее — а там лето, трава густая, цветы. Я выхожу, спускаюсь по трем ступенькам. Сбоку справа, прямо из земли торчит ржавый кран, на котором круглый вентиль. Он отворачивает его, дает мне. Я поворачиваюсь, захожу, но не помню комнаты. Дверь за мной закрывается, и сон обрывается» (14).

«Сон: в институте вместо экзамена придумали лабиринт, где надо применить силу. И наша экспедиция пошла и дошла лишь до третьего этажа, но у меня было ощущение, что я его весь прошла. Мы идем всей экспедицией, доходим до двери, открываем — а там декорации, большая каменная стена с решеткой наверху, терновником, ветками. Ощущение — я ее уже видела, преодолевала.

Письмена (не то латинский, не то греческий): что тот, кто перелезет через стену, не должен касаться прутьев. Но я уже решила эту задачу и не полезла. Кто-то полез, задел и пропал. Мысль: значит, попал в начало лабиринта. Дальше — дверь, которая быстро закрывалась. Я вышла на двор и решила вернуться, я хотела ее разжать (как лифт), створки легко раскрылись, и я оказалась в большом читальном зале, где люди писали диктант. Вижу знакомую, в черных очках, она сидит спиной к кафедре. Мысль: а я не успела написать, будет ли что-нибудь мне за это? Ответ: будет переписывание. Потом я вышла из двери к началу лабиринта... и попала так, что должна снова пойти по лабиринту. Но я знала, что я проходила до конца.

Я во сне была уверена, что этот сон мне уже снился» (18).

«Сон о пустыне.

Сон такой: врач смотрит мне горло, и я как бы сама смотрю на себя. И он говорит, что мое горло странное и отличается от обычного физиологического строения горла людей. Я этому рада.

И тут же я оказываюсь в пустыне. Пустыня желтого, светло-горячичного цвета, и кругом гигантские сооружения — кубы, пирамиды. Все огромных форм, разбросаны на большом расстоянии. Я смотрю вперед и вижу огромную лестницу, лестница странной формы. Она стоит трапецией, очень высокая, массивная. Массивные ступени, по ним идет караван. По ней нужно пройти. Я думаю: “Зачем эта лестница?”. И я решаюсь идти. Я не помню себя идущей по лестнице, но я ее прошла. Я сразу ощущаю себя перед старинным окаменелым зданием, типа греческого сооружения (портик, колонны, лестница). Я думаю: “По этой лестнице хорошо идти огромному человеку, великанию”. Так как мне по ней идти трудно, я взгромождаюсь... я поднимаюсь наверх, наверху идет женщина в красном покрывале, с ней сын лет пяти. Женщина — как Божья Мать (я видела такие иконы). Она идет, простирает ко мне руки и говорит: “Как хорошо, мы тебя давно ждем. Ты наша родственница”. Я тоже рада. Мы идем дальше, подходим к окну — мы смотрим вниз — это зелень, природа, не пустыня. Разговор не помню. Прощаюсь. Она: “Мы рады, что ты пришла, иди на улицу и возьми себе хлебцы”. И возле храма — горы хлебцев. Я набираю сумку. Она: “Вот тебе подарок такой. Когда пойдешь домой, увидишь речку и мостик. Ты обязательно пройди по мостику. Тогда будет хорошо”.

Река. Я подхожу к ней, с толпой народа. С одной стороны у реки вода бежит (речка узенькая), с другой — засохла, там грязь. Я иду и топаю по мосту. Какой-то человек сошел с моста и пошел по грязи. Я думаю: “Что же он там идет, ведь плохо будет”. Прошла мост и проснулась.

Этот сон снился перед поступлением в институт, до экзамена. Заснула над книгами. Поступила в институт» (19).

«Эти сны... Про них рассказать нельзя. Вот, понимаешь, там, во сне, звук может иметь цвет, форму, вкус. Может... там, допустим, я засыпаю, да, вот у меня болят зубы. Очень долго, мучительно, трудно заснуть, и мне начинает казаться, что боль — это некий объект, который может иметь форму, может иметь какие-то размеры, вкус. Вот. То есть, допустим, мне снится... я сдаю там какой-нибудь экзамен, мне снится какой-нибудь дикий ковариантный тензор, короче, да. И он тоже имеет какие-то свойства, он начинает приобретать, там, тело, какое-то. Ну, приобретает такие свойства вещи, которые вообще нельзя описать. Или очень часто, да, когда с той же самой зубной болью, вот я лежу сплю. Мне постоянно начинает казаться, что я не один, что меня много, короче. Что чуть не пять человек со мной вместе лежат в одной кровати. Извиняюсь за выражение. То есть там... очень сложно, когда эта боль, когда пытаешься на эту боль воздействовать, ее уговорить... Там, про себя, ее уговариваешь, сделать ее меньше. Иногда бывает так, что снится, что... вообще... все разрастается, и у тебя тело становится просто огромным таким, тяжелым, как будто ты как слон такой лежишь... или, наоборот... ну, странное такое состояние. Вот, все» (20).

«Оно было связано с достаточно зрелым возрастом. Помогло, это было уже после армии. <...> Это где-то в интервале с семнадцати до двадцати лет. Ну, это, вообще, конечно, уникальный сон... Таких снов я никогда в жизни больше не видел. Мне снится, что я очень юный, ну, возраст примерно мой, а во мне было лет семнадцать-восемнадцать. Наверное, мне в этом возрасте и снился сон. Я помню, что я совпадал по возрасту с тем, кого я видел. Это был сон обо мне. Я... Гражданскую войну. Я в продотряде. Причем я именно комиссар. Молодой. Я не скажу, что я там командир, но я знаю, что я там комиссар. Я в продотряде. И мы прибыли в село... Мы должны забрать хлеб. И вот я захожу в дом, и, значит, я там, что-то уже закончил... И вот почему-то у меня возник конфликт

с мальчиком. Это подросток, ему двенадцать-тринадцать, максимум четырнадцать лет. И то ли он бросился на меня, то ли он попытался убежать, но, короче говоря, я его убил. И это был ужас, который, знаешь, мне было трудно передать, потому что я там, во сне, мне было ужасно тяжело выстрелить в ребенка. И тем не менее я в него выстрелил, потому что я... Это было с чем-то очень большим связано. И с моей жизнью, не только с моей жизнью, но я его убил. Я помню вот этот ужас, который я пережил, что я убил ребенка. И вдруг в этот момент я слышу крик: "Белые идут!" Я высакиваю в окно и бегу по улице и понимаю, что я убежать не могу, потому что они уже скачут. Скачет белый отряд. Я стреляю. У меня в руках пистолет, маузер, я не знаю. Я стреляю и знаю, что я не должен попасть им в руки. Потому что после того, что... Я уже знаю... Про меня там... Даже мысль во сне была, что я убил ребенка, — со мной расправятся жестоко, мне нельзя попадать. И тогда я помню, что я последний сна... последнюю пулю оставил для себя. Я приставляю во сне... я знаю, я приставляю во сне пистолет к виску, я нажимаю курок. Я чувствую, как боль, страшная боль входит в висок. И я умираю. Я падаю на улицу, и я знаю, что я умер. И знаешь, ощущение смерти я пережил тогда, это ощущение страшной тяжести. Мое тело стало, знаешь, огром... не огромным, а страшно тяжелым. Я никогда больше ни у кого, кстати, вот не читал такого ощущения смерти. Но я знаю, что смерть — это тепло, которое становится абсолютно тяжелым. Все части тела деревенеют, тяжелеют. Но, между прочим, у меня боль сидит в мозгу, она не ушла, она проникла, все... Но я знаю, что я еще нахожусь в сознании. Я не знаю, в сознании, не в сознании, но вот эта вот тяжесть — это и есть мое сознание, вот я то есть нахожусь в теле. И в то же время я знаю, что... И вот ко мне подходят белые. Они должны проверить, мертвый или нет. Они достают шашки. Я знаю, что они сейчас будут прокалывать меня, но страха нет. Я чувствую физически, как эти шашки вонзаются мне в руки, они прокалывают мне левую руку, правую руку, левую ногу, правую ногу. Я чувствую вот стала входящую, но боли нет. Боли абсолютно не существует. Боли нет. И убедившись, что я мертвый, потому что я абсолютно не реагирую, они уходят. А в это время на улице сплотились женщины. И вот какая-то сердобольная русская бабушка подходит, надо мной... А я тоже молодой, мне семнадцать лет, восемнадцать... И вдруг начинает надо мной причитать. Это было до всех моих экспедиционных поездок! Я

слышал причет! И знаешь чего... Самое главное, что по мере того, как начинает причитать, тяжесть уходит из тела. Вот я теперь знаю, почему нужно причитать. Потому что без причитания вот эта оставшаяся часть меня не может покинуть мое тело. Не может покинуть мое тело! Вот представь себе: и мне тогда становится легко. Вот именно тогда я обретаю легкость. Вот с причетом я обретаю легкость. Вот тяжесть уходит. Я не оживлю... Но это, наверное, и есть тот переход в другой мир, в другое состояние, но что происходит дальше, я не знаю. Я только знаю, что я обретаю легкость. Все. Вот это был мой сон, самый главный сон в моей жизни» (21).

Воспоминания о детских снах

«Мне было тринадцать—четырнадцать лет, и я из Баку приехала в Астрахань с родителями, и отец достал путевку в один из пионерских лагерей на одном из островов... И там, в этом лагере, за мной стал ухаживать один мальчик. У нас были такие отношения, что мне даже завидовали: руку подавал, место в кино занимал... Перед тем как уезжать, мы поссорились и уехали рассорившись. Я переживала, что мы так нехорошо разошлись, и хотела его найти; а как я его найду? Я все думала: где бы узнать его адрес?

И вот однажды во сне я вижу улицу деревенскую, на улице табличка: "Улица Зои Космодемьянской, дом 80"; квартиры не было, но мне как бы сказали: 14.

Я проснулась ошарашенная, обалдевшая. Четко запомнила этот адрес, взяла свою подружку — а эта улица была недалеко от их дома, — и пошли мы на эту улицу. Нашли номер дома... список жильцов, и под квартирой № 14 была фамилия этого мальчика» (1).

«Я немцев тогда боялась. Я маленькая была, и мне немцы снялись: в ушанках, фуфайках, ремнем перевязаны, и топор. Они к бабуле рвались в дом. И я стала размышлять: кого они убьют? Пусть другого. Бабулю? Дядю Борю? А мне их жалко... Пусть к другим лезут... А потом и этих в Барыше жалко... Пусть других... И тех жалко. И я думаю... мне надо идти, пусть меня убивают.

Это мне где-то до пяти лет было. Я страшно боялась выйти. Была война с Вьетнамом, а у бабки радио врублено... И вот везде: там убили, тут убили. И вот я очень боялась» (22).

«Это сон моего детства. Идет война. Поле после боя. Полно раненых, все разрушено. Посреди поля сломанный автобус. В него стекаются все люди, оставшиеся в живых после побоища. Я тоже вхожу в этот автобус и хочу сесть на первое сиденье, но что-то останавливает меня, и я прохожу дальше в автобус. На первое сиденье садится раненый человек. И через некоторое время этот человек постепенно превращается в черт. Все люди разбегаются в разные стороны. Я тоже бегу прочь от этого дома и натыкаюсь на избушку. В окнах горит свет, слышны голоса. Я спешу туда, припадаю к окну. И что же я вижу! Несколько таких же чертей склонились над картой. От страха немеют руки, ноги, и я просыпаюсь» (23).

«Это был какой-то бредовый сон... это мне было лет 10, или 11, или 12 лет. Я помню состояние... Я была больна, но поняла это только утром. Мне снилось, что все мое тело представляет одну фруктово-ягодную массу, но не каша, а набор фруктов... виноград, сливы, малину помню. Причем это не просто какая-то масса, а все по отдельности, и все как-то соединено: то есть все тело, руки, ноги состоят из фруктов. И меня раздирали на части... кто-то отрывал от меня кисть винограда, яблоко возымут, грушу — а это же мое тело! Мне больно! Кто другой — другую ягоду, и все раздирали меня в разные стороны. Я, кажется, даже упала с кровати, или была очень высокая температура — не помню. Было очень плохо. Меня драли в разные стороны, и это была я, состоящая из фруктов» (1).

«Один сон... Мне приснилось, будто я, короче, заболел СПИДом, вот... и вот, вот, короче... И мне все время снится, что я все время хожу к матери, и вот она такая... в ночной рубашке... и я, короче, с ней разговариваю, вот... Собрался я, короче, типа помирать, и вот как-то это откладывается, откладывается, откладывается, откладывается... Это, значит, один сон. Это возраст — подростковый, наверно. Когда про СПИД заговорили? восемьдесят восьмой год. Вот. Дальше, значит.

Вот... Второй. Самое раннее детство. Сон такой снится, что будто меня поймали фашистские... фашисты, вот, и ведут куда-то расстреливать. Значит, они меня расстреляли. И сбросили в колодец. Вот. Я в колодце лежу, а они, значит, эти немцы, они меня палкой длинной... Вот я лежу в колодце, вот уже расстрелянный, и они меня в колодце палкой долбают по

руке, потому что у меня на руке был компас. И они этот компас желают раздолбать. Вот.

Еще один сон снился, значит. Это было днем. Я заснул. Вот, сплю, сплю, сплю, и мне приснился странный самолет. Такой самолет, у него сзади крылья большие, а спереди маленькие. Вот. Я сразу понял, что ядерная война, и в ужасе проснулся. Все. Это было лет в четырнадцать, а может, раньше» (20).

«Ну, этот сон снился сколько... наверное, лет восемь назад. Такой очень интересный сон, там ничего такого особого не было, просто сама картинка, которая очень запомнилась. Осенний лес... Очень красивый лес такой, березы, листва разноцветные, очень яркие такие, сквозь листву солнечный свет... И... аллея, и такое чувство, что я еду на лошади, так медленно... Лошади не вижу, но я чувствую, что я еду на лошади, и чувствую, что рядом кто-то едет. Вот. Еще почему-то я была абсолютно уверена, что лошадь белая. А рядом темная лошадь. Не знаю, почему, но такая уверенность была. Вот такая вот картинка. Просто отдельная. Что там было, что происходило во сне, я уже не помню, просто картинка так врезалась в память» (24).

«Из детских снов помню один... Ну, он не совсем детский, мне лет тринадцать-четырнадцать было, он приснился. Лунная поляна, зеленая... яркий-яркий зеленый насыщенный цвет, и холм. Невысокий холм, такой, что можно забраться, там панorama такая красивая. И как будто бы я со знакомой какой-то, уже не помню, собираемся на этот холм. Мы с ней туда забираемся и видим, что в холм ведет какая-то дверь. И из этой двери вдруг выходит человек и начинает нас догонять. И мы от него убегаем. Вот, мы убегаем, в деревню в мою, в которой я жила в детстве долго, и мы туда забегаем, начинаем прятаться в комнате где-то там, под постельным бельем там... залазили, и вроде бы кто-то заходил в эту комнату, посмотрел, нас не нашел и ушел. И мы так успокоились и пошли гулять дальше. Вот такой сон» (24).

«Мне он снился два раза, и поэтому я его очень прекрасно помню. Мне снится, как будто бы с моей семьей, то есть это бабушки и дедушки, папа, мама и я, стоим на краю котлована. Очень глубокого котлована. Вот. Все так очень хорошо одеты, дедушка в костюме, вот. А в этом котловане пляшут индейцы у костра. Вот. И я смотрю и боюсь упасть. Загляды-

ваю так, и в конце концов отступаюсь и падаю. Когда я просыпаюсь, лежу, скатившись с кровати, вот. И этот сон мне снился дважды, каждый раз я просыпалась на полу. Я тогда ходила в садик. Но это было до школы, а сколько лет было, я не помню.

Еще сон. Я точно его не помню, так, подробностей. В этом сне мне снился какой-то колдун. Наша квартира, зал, как будто из-за телевизора появляется какой-то колдун. Вот. И после его появления мама заболела, и я пытаюсь ее вылечить. Вот. Что там было, я не помню уже, но, по-моему, она выздоровела. Тоже в садике. Я почему их хорошо запомнила, потому что когда я просыпалась после плохого сна, я маму все время спрашивала время и думала поскорее оправиться от сна от страшного, поскорее уйти в садик» (12).

«Такой сон, который я запомнила на всю жизнь, снился мне во втором классе. В общем, смысл в том, что я иду по городку. Мы тогда жили в Литве, в городке военном. Иду, и вдруг встречаю такую женщину. Она вообще таких неестественных размеров, она очень большая такая, вся в белом. Я даже точно не знаю что, она просто большая, почти с два этажа практически. И ее почему-то замечаю только я. Вот. И что интересно — она не то что идет, а она плывет на уровне этого второго этажа. И причем ноги у нее так, как у йогов, сложены, и просто она вот так сидит, и вот просто так как бы плывет, летит. Она меня к себе подзывает и говорит: “Хочешь, я тебя тоже так научу летать?”. А я... Я так согласилась, да, а у нас во дворе школьном эти... такие... как сказать... горки такие железные, вот. Она говорит: “Пошли туда. Оттуда ты прыгнешь и сразу полетишь”. Вот. При этом она мне показывала такие движения, вот как плавать в принципе, вот так вот. Я подошла, значит, залезла туда, повернула в принципе ей, такое ощущение доброе вызывала, она вся такая... Ну, я тоже так спрыгнула чуть-чуть и тоже так же полетела. Лечу над всеми, вот. И потом решила тоже своих друзей позвать, тоже их научить, что вот это так легко дается. Позвала. Точно я уже не помню, по-моему, они тоже так спрыгнули, так полетели. Потом мы пошли с ней вдвоем, опять так летим, и я ее посадила на качели, покатались, и я оставила ее там. Побежала на второй этаж, где мы жили с родителями, и показываю маме в окно: “Мама, посмотри, вот та темя научила меня летать!”. Вот, и когда мы подошли к окну, ее уже там не было. На этом сон, в принципе, заканчивается» (25).

«Я занимаюсь то ли на физкультуре, то ли вообще... ну, спортом занимаюсь. Здесь мои... то ли одногруппники... ну, в общем, все знакомые лица. В спортзале. И я залезла на турник, вот, они такие железные брусья, и в общем, как... для меня кошмар... это связано то, что я так раскачалась, что и прямо на эту перекладину повесилась, так... ноги через него переклала, так раскачалась... и вот об этом железный столб как бы ударила своей челюстью. Вот. И такое ощущение... не то что кровь пошла, но у меня высыпались... Я так чего-то держу, держу, потом думаю: что же со мной произошло? Ну, слезла там, думаю: что же со мной произошло? Вот. У меня выпали все зубы. Для меня это было самое страшное. Так испугало: я чувствую, как у меня выпадают зубы. По одному, так. Это самое страшное, что мне снилось» (25).

«В детстве видела один сон, который тоже так мне запомнился. Вот он со стыдом связан. Я еще была как-то... в детский садик я ходила. Сам сон был... от начала до конца не помню, но я чего-то сильно... а, меня как будто пытались изнасиловать во сне. Я тогда была... пяти лет, но что-то типа того, что меня пытались изнасиловать. Вот. И причем в каких-то извращенных таких видах, я даже вообще не знаю, откуда у меня это в голове, у пятилетнего ребенка. Вот. Пытались как-то... еще как-то с насекомыми связано, мне насекомого показывали, страшного такого, вообще. Для меня это страшное, я не люблю насекомых... и вот во сне напугали, вот. Я от них вырвалась, не знаю, сколько их там было, может, человека два, и бегом. А еще интересно — вижу на себе только ночь рубашку. Я бегу, и мне стыдно то, что я в ночной рубашке. Все... все люди в одежде, а я в ночной рубашке. И я маму ищу. И вот ощущение... даже не то что... насекомые, это ладно... а вот ощущение стыда, которое я испытывала из-за того, что я в рубашке, а все одеты... Я ищу маму, забегаю в магазин, там очередь такая длинная, я встаю, и вот тут вот... сгораю от стыда, стыдно мне» (25).

«Долгое время... когда я был болен, мне виделся один и тот же сон. У меня болезни были с очень высокой температурой, и порой я доходил до бреда, то есть у меня было такое бредовое состояние. И вот что интересно: я видел это где-то примерно до старшего школьного возраста. Мне виделась далеко-далеко находящаяся от меня... печка с огнем. У нас... дом, где я родился, было печное отопление, мы жили на... Молочном пе-

реулке. И вот этот сон я видел. Причем он был как в бинокле, удаленный. Я очень часто рассказывал об этом, маме рассказывал, вот. И почему-то именно это видение, да, это не просто сон, это именно видение, но это видение на грани вот, знаешь, такой реальности — нереальности. Потому что с высокой температурой было связано, и это было состояние бреда. Я действительно находился в состоянии бреда: это и не состояние сна, и не состояние яви, а вот в таком болезненном, бредовом состоянии. Я сейчас не могу точно сказать, но что-то, как мне кажется, я потом сам так думал, мне кажется, что это связано с самыми первичными детскими представлениями. Потому что... потом я узнал, что такое удаленное представление, удаленность предметов характерна для первого года, может, даже для первых месяцев рождения. Возможно, что именно в бреду мне виделись какие-то вещи. Был еще какой-то бред, что-то еще было, но, к сожалению, я не помню...» (21).

«Он мне снился в старшем школьном возрасте. Где-то в 15, 14, 16 лет. Ну, не младше и не старше. Этот сон был... врезался мне в память сразу. Мне приснилась... ну, многим снилась война. Мой город. И как будто в этот мой город входят немцы, фашисты, они захватили его. И я еду на трамвае, и я вот узнаю о том, что началась эта война. Я помню сон не столько... но я помню вот улица, как я ее вижу... но я помню эмоциональное потрясение, пережитое мною. Это было настолько сильно, что я запомнил не сам... не саму последовательность действий, событий, сцен, образов сновидения, сколько свое эмоциональное состояние. Психологическое свое состояние. Я его пережил... настолько оно было сильным, что я проснулся. У меня бывает иногда, что я просыпаюсь оттого, что я переживаю настолько сильное чувство во сне (это, как правило, чувство тяжелое), что, по-видимому, для того чтобы спастись, я выхожу из сна, и этот выход есть пробуждение. Я помню, что от этого сна я тоже пробудился. Я помню это тяжелое чувство... Я не помню, видел ли я мотоциклы... кажется, я видел мотоциклы. Помню, что я очень долго шел по улице, кружил, а это был вечер, мне не хотелось идти домой. Мне просто было очень страшно и тяжело, точнее говоря, идти домой. И вот самое тяжелое, что я пережил, — это когда я вошел домой и я знал, что у меня на квартире стоит немецкий офицер. Вот этот вот... что в твоем доме находится чужой человек, что это враг (я уже тогда это понимал, конечно)

но, был достаточно взрослым), наверно, даже не то что враг, другое чувство... Может, какое-то детское чувство, потому что в детстве чужого воспринимаешь очень опасно, очень настороженно, и вот это было ужасное чувство... Мама вышла, я помню, как она меня успокаивала, как она это... пыталась как-то так... Но потрясение было ужасное. Пожалуй, это был самый кошмарный сон, увиденный мною в отрочестве. Я потом... понимаю, что этот сон был... нарожден «Молодой гвардии» может, фильмом даже... Но я книгу не скажу что любил, даже не знаю, читал ли я ее. Может, когда мы проходили ее в школе, но она не была для меня значимой. Кино, наверно... Вот кино сказалось...» (21).

«Мне снится, что я выхожу, точнее сказать — выбегаю из дома, где я жила, на улицу, попадаю в эту атмосферу всеобщей паники. Выбегаю потому, что там происходит что-то ужасное. Все люди бегут по направлению к бульвару. А у нас ужасное. Все люди бегут выходила. И вот мы все бежим поздней ночью по этой улице, там, совершенно непонятно куда, но все знают, куда бегут. То есть к какой-то точке. Темно, электрический свет... Мы бежим, толпа вся прибегает к бульвару. А у нас на бульваре есть такая вышка, в свое время там прыгали парашютисты, а потом парашютные прыжки прекратились, и на ней просто было световое табло, как... электрическое такое табло, которое показывало время... погоду... температуру, скорость ветра... Она сама, эта башня, такая железная, ну просто железная конструкция. И эти цифры... они постоянно высвечивались, электрическими лампочками желтенькими. И она, конечно, казалась мне большой тогда. Ну, она, наверно, и есть большая. И вот, будто мы все бежим, почему-то именно к этой башне, а башня эта стоит на бульваре, за ней сразу море. И эта башня, она гораздо выше, чем она есть на самом деле, она огромная, она просто уходит... в небо. И где-то вот, перед самым небом, то есть это вот световое табло показывает цифры, которые горят очень ярким таким желтым светом, вот на этом черном небе, и эти цифры обозначают конец света. Это был страшный сон, я от него просыпалась. Он мне снился раза два, повторяющийся сон.

А другой страшный детский сон — это сон о пляже и воде. Мне снилось, что я нахожусь на пляже, где-то по колено в воде в море, и идет огромная волна, причем эта волна достает до неба, она закрывает небо, и она бежит на нас, она летит на нас со страшной силой. И нужно от нее убежать. И вот я изо

всех сил бегу, и я понимаю, что я не успеваю убежать, меня накроет, то есть бегу к берегу, уже по берегу, причем песок такой... ссылающийся, а волна быстрее, быстрее, быстрее, и вот, в тот момент, когда она уже готова обрушиться, — я просыпаюсь. Тоже сон повторяющийся и тоже очень страшный.

Третий страшный сон, он не повторяющийся, он приснился только один раз, но я очень хорошо помню все подробности, то есть даже сейчас глаза закрою, сразу все увижу. Это опять же мой дом, тоже ночь, вот сон с морем — это днем, а это ночь. Ночь, тоже какая-то всеобщая паника... Прямо последний день Помпеи, действительно. И вот мечется, значит, народ, я будто бы тоже выбегаю из дома, а у нас рядом с домом прямо такой небольшой сквер. Возле сквера стояла тумба афишиная, круглая, и вот на месте этой тумбы стоит статуя Бога. Она... ну большая статуя, такая вся бронзово-золоченая, как я сейчас понимаю, она очень похожа на статуи римские эти, то есть она не то что даже римская... Почему римская — потому что надменная очень, какая-то надменность в ней есть. Где-то у колен стоит распятие Христа, и... все это золоченое, очень золоченое, очень яркое, ну, в темноте-то не видно, что оно яркое, горящее-сияющее все. И вот эта статуя Бога, он поворачивается, когда я подхожу, он смотрит на меня, показывает на меня пальцем и говорит: "Молись мне!". Это настолько страшно, что я просыпалась тоже» (26).

Список информантов

1. Записано Н.Ю. Трушкиной 27.06.98 г., 15.06.98 г., 10.09.99 г. в г. Ульяновске от Щекутиной Тамары Константиновны, 1946 г. р., русской, урож. Баку. Образование высшее.
2. Записано Н.Ю. Трушкиной 15.02.97 г. в г. Ульяновске от Кривоцековой Эльвиры Павловны, 1941 г. р., русской, урож. г. Березовский Свердловской обл. Образование среднее специальное. Сон видела в январе 1976 г.
3. Записано Н.Ю. Трушкиной 02.07.98 г. в г. Ульяновске от Веденской Галины Алексеевны, 1928 г. р., русской, урож. г. Тагай Ульяновской обл. Образование высшее.
4. Записано Е.А. Лукониной 14.07.95 г. в с. Ореховке Радищевского р-на Ульяновской обл. от Субботкиной Анны Петровны, 1930 г. р., русской.
5. Записано Н.А. Фоминой 12.12.94 г. в с. Большое Нагаткино Цильнинского р-на Ульяновской обл. от Красновой Галины Петровны, 1938 г. р., русской. Образование высшее.
6. Записано И.В. Явкиной и О.О. Зудиной 19.07.93 г. в с. Комаровке Новоспасского р-на Ульяновской обл. от Трыновой Тамары Захаровны, 1931 г. р., русской, урож. с. Монастырский Сунгур Новоспасского р-на Ульяновской обл. Образование среднее техническое.
7. Записано Н.Ю. Трушкиной 8.07.93 г. в д. Черногузово Тверской обл. от Ивановой Александры Ивановны, 1922 г. р., русской, урож. д. Черногузово Тверской обл. Образование 4 класса.
8. Записано Н.Ю. Трушкиной 6.07.93 г. в п. Ст. Торопа Тверской обл. от Поляковой Анны Ивановны, 1913 г. р., русской, урож. Шарапанского р-на Тверской обл.
9. Записано Н.Ю. Трушкиной 23.07.93 г. в с. Силаевке Барышского р-на Ульяновской обл. от Горбушкиной Любови Николаевны, 1947 г. р., русской, урож. с. Силаевки Барышского р-на Ульяновской обл. Образование среднее техническое.
10. Записано Н.Ю. Трушкиной 15.08.97 г. в г. Ульяновске от Туралевой Лумикен Ивановны, 1967 г. р., казашки, урож. пос. Калмыковский Клетского р-на Волгоградской обл. Образование среднее.
11. Записано Н.Ю. Трушкиной 01.02.98 г. в г. Ульяновске от Гузь Ольги Михайловны, 1972 г. р., урож. г. Канаш. Образование высшее.
12. Записано Н.Ю. Трушкиной 26.07.99 г. в г. Ульяновске от Гладковой Ольги Геннадьевны, 1980 г. р., русской, урож. г. Ульяновск. Образование среднее (студентка 2 курса).
13. Записано Н.Ю. Трушкиной 8.06.93 г. в д. Черногузово Торопецкого р-на Тверской обл. от Сверкуновой Ольги Сергеевны, 1919 г. р., русской. Образование 4 класса.
14. Записано Н.Ю. Трушкиной 10.07.93 г. в г. Твери от Акименко Оксаны Петровны, 1974 г. р., украинки, урож. г. Поти. Образование среднее (студентка 2-го курса).
15. Записано Н.Ю. Трушкиной 8.07.93 г. в д. Черногузово Торопецкого р-на Тверской обл. от Алешко Надежды Ивановны, 1925 г. р., русской, урож. д. Черногузово Тверской обл. Образование 4 класса.
16. Записано Н.Ю. Трушкиной, Ю.А. Писцовой 27.07.97 г. от Петлеванной Натальи Николаевны, 1928 г. р., мордовки. Образование среднее техническое.
17. Записано Н.Ю. Трушкиной 07.08.98 г. в г. Ульяновске от Анашкиной Галины Петровны, 1961 г. р., русской, урож. г. Донгуз Оренбургской обл. Образование высшее гуманитарное.
18. Записано Н.Ю. Трушкиной 8.07.93 г. в г. Твери от Копыловой Натальи Викторовны, 1974 г. р., русской. Образование среднее (студентка 2-го курса).
19. Записано Н.Ю. Трушкиной 07.07.93 г. в г. Твери от Тараковой Ирины Сергеевны, русской, 1974 г. р. Образование среднее (студентка 2-го курса).
20. Записано Н.Ю. Трушкиной 26.07.99 г. в г. Ульяновске от Ферапонтова Ильи Евгеньевича, 1975 г. р., русского, урож. г. Ульяновска. Образование незаконченное высшее.
21. Записано Н.Ю. Трушкиной 26.07.99 г. в г. Ульяновске от Матлина Михаила Григорьевича, 1951 г. р., русского, урож. г. Ульяновска. Образование высшее.
22. Записано Н.Ю. Трушкиной 15.02.97 г. в г. Ульяновске от Перской Маргариты Константиновны, 1960 г. р., грузинки, урож. г. Барыш Ульяновской обл. Образование высшее.
23. 5.01.95. г. г. Ульяновск. Самозапись Лукиной Екатерины Юрьевны, 1977 г. р., русской. Образование среднее (студентка 1-го курса).
24. Записано Н.Ю. Трушкиной 26.07.99 г. в г. Ульяновске от Пупковой Светланы Ивановны, 1977 г. р., русской, урож. г. Ульяновска. Образование среднее (студентка 3-го курса).

- 25.. Записано Н.Ю. Трушкиной 26.07.99 г. в г. Ульяновске от Имперской Ольги Сергеевны, 1980 г. р., русской, урож. г. Ульяновска. Образование среднее (студентка 2-го курса).
26. Записано И.Е. Ферапонтовым 15.08.99 г. в г. Ульяновске от Н.Ю. Трушкиной.

Примечание

¹ См., например: Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосиб., 1986. С. 320.

И.С. Веселова

Структура рассказов о снах

Сны — одна из наиболее распространенных тем повседневных разговоров. Обычный день нередко начинается с пересказа и обсуждения приснившегося за ночь. В «Рассказах бабушки», воспоминаниях коренной москвички Е.П. Языковой, жившей в конце XVIII — начале XIX в., есть следующий эпизод:

«В то время как сестры гостили у меня, однажды утром сестра Анна Петровна и говорит мне:

— Сегодня я видела во сне, что кто-то говорит мне: “Вот и 1812-й год, а ты еще не в монастыре”.

— Это потому, что ты думаешь об монастыре, оттого тебе про это и снится, — говорю я ей.

— Нет, сестра, это опять мне напоминание.

Надобно сказать, что она еще в 1811 году видела во сне страшный суд, и тогда это ее очень поразило, и она положила идти в монастырь. Во время неприятеля она опять под-

*твёрдила свое обещание, что, ежели Господь всех нас помилует от погибели, непременно вступит в монашество; и тут вскоре она этот сон-то и увидела*¹.

Судя по этому эпизоду, увиденный ночью сон вызывает по ассоциативной цепочке всплеск беседы: обсуждение и толкование этого сна, припомнание похожих снов и связанных с ними случаев из жизни. Впрочем, при кажущемся разнообразии, рассказы о снах довольно отчетливо делятся на две группы: **рассказы о сновидениях и рассказы о сбывающихся снах**. Рассказы о сновидениях чаще всего рассказывают непосредственно после имевшего место сновидения и являются собой пересказы приснившегося с возможной интерпретацией. Рассказы о сбывающихся снах не привязаны по времени рассказывания к времени сновидения. В их структуру входит как составная часть рассказ о сновидении, но к нему присоединяется еще и рассказ о событиях реальной жизни, предвестниками которых были образы сновидения.

Рассказы о сбывающихся снах связывают сновидение и события реальной жизни посредством причинно-следственной связи. Например:

«В Лавре во время войны находились отлитые из бронзы быки, стоявшие раньше у Мясокомбината, это была работа знаменитого скульптора Демут-Малиновского. Когда фронт приблизился к городу, их буквально из-под огня с помощью трактора перевезли в Лавру. Как рассказывал Николай Викторович [Успенский, организатор и первый директор музея-некрополя в Александро-Невской лавре], хотели закопать всю ценную скульптуру, но не успели, некому уже было делать это. И всю войну они так иостояли в некрополе у ворот (1). И Николай Викторович вспомнил рассказанный когда-то Демут-Малиновским сон. Скульптору приснилось, что к нему пришли изваянные им быки (2). И он у всех спрашивал, что бы мог значить такой сон, как можно его истолковать. Никто ему в то время его странный сон объяснить не смог. И Николай Викторович нам говорил: “Зато теперь я мог бы объяснить этот сон. Быки стоят у некропольских ворот, а в нескольких метрах от них могила Демут-Малиновского”. Быки скульптора таким образом пришли к нему через сто лет»².

Итак, рассказ включает два события:

событие 1 — вынужденное перемещение скульптуры в блокадном Ленинграде;

событие 2 — сновидение скульптора.

Текст смог состояться только в устах человека, который был в состоянии «истолковать» сновидение, связать его с событием реальной жизни: сон приснился к тому, что изваянные Демут-Малиновским скульптуры быков через сто лет «пришли» к своему создателю и «встали» рядом с его могилой (схематически эту последовательность можно изобразить так: 2 → 1).

Рассказы о сбывающихся снах, как и другие мифологические рассказы, вызываются к жизни событиями — поводами для рассказывания, которые в структуре самого рассказа суть следствия. События-следствия нуждаются в объяснении, поскольку факт случившегося нарушает равновесие мироздания, требует ответа на вопрос: «Почему так произошло?» Вариантов событий, нуждающихся в интерпретации, не так много. Так, например, в результате рассмотрения 65 текстов современных устных городских рассказов, схожих по структуре (причинно-следственной), было выявлено 7 следующих групп событий, являющихся «сюжетными ядрами»:

1. Болезнь (увечья, изменения характера, внешности к худшему, физические недостатки) / Исцеление.
2. Смерть / Выживание.
3. Катастрофы, войны / Победа.
4. Разрушение (стихийные бедствия) / Строительство.
5. Недостача / Нахodka.
6. Беременность.
7. Имянаречие.

События, входящие в эти группы, характеризуются неконтролируемостью человеческой волей (болезни, аварии, катастрофы), наличием ситуации повышенной неопределенности (отсутствие денег, беременность). Неопределенность, отсутствие имени или значения также выделяют объект из ряда ординарных.

Тексты с причинно-следственной связью событий формируются в результате нескольких этапов рефлексии. На уровне «предмета повествования» (фабулы, по Б. Томашевскому) некое событие, нарушение нормы, требует объяснения. «Речь идет о невероятных случаях, чудесах, неожиданных знакомствах с мистическими сторонами бытия, встречах с потусторонними силами и персонажами (чаще недоброжелательными и даже опасными)»³. На уровне сюжета события связываются по причинно-следственной матрице. По логике повествования болезнь, потери, неудачи и, в редких случаях, удачи суть результаты (следствия) встречи со

сверхъестественными силами. Иначе говоря, в перспективе текста (назовем ее **прямой**) сюжет развивается от встречи со сверхъестественным (в рассказах о сбывающихся снах эту функцию выполняют сновидения) к событию-следствию. В перспективе жизни (толкования жизни, назовем ее **обратной**) вектор повернут в обратном направлении — от событий-следствий к контакту со сверхъестественной силой, которому приписывается значение причины событий реальной жизни. События-следствия нуждаются в возведении к причине: сновидению, приметам, предсказаниям и пр. Поскольку события-причины обладают статусом символических (и часто сакральных), то они берут на себя «ответственность» за произошедшее, перетягивают на себя полюс значимости. Их роль в тексте заметнее. Подтверждением тому является составление указателей быличек по действиям неведомой, нечистой или Божественной силы.

Символическая ценность событий-причин обеспечивается за счет верования. Как и в системе обратной перспективы иконописи, размеры предмета изображения не уменьшаются с удалением, если его символическая ценность велика⁴. Структурно разбираемые тексты идентичны сновидениям, проанализированным П.А. Флоренским в «Иконостасе»: «Нет сомнения, сновидения разбираемого типа суть целостные, замкнутые в себе единства, в которых конец – развязка предусматривается с самого начала и, более того, собою определяет и начало, как завязку, и все целое. Принимая во внимание малозначительность завязки самой по себе, без завершающих ее последствий, как это вообще бывает в крепко сделанной драме, мы имеем полное право утверждать телеологичность всей композиции сновидения: все его события развиваются в виду развязки. Для того, чтобы развязка не висела в воздухе, не была несчастной случайностью, но имела глубокую прагматическую мотивировку»⁵. Как и в описываемых П.А. Флоренским принципах обратной перспективы, в интересующих нас фольклорных достоверных текстах сюжет разворачивается от финала к завязке, от следствия к причине, от простого прошедшего к предпрошедшему времени.

«Чтобы сон не сбылся, его надо рассказать и как можно большему количеству людей. Мне перед Димкиной (сына, — И.В.) болезнью (2) однажды всю ночь снилось сырое мясо (1), а это ведь к болезни. И я ведь всем, всем тогда этот сон рассказала (3). Ну и вот (4)» (Архив автора, № 6).

(2 \leftarrow 1) – (4 \leftarrow 3).
Событие 1 – сновидение.
Событие 2 – болезнь сына.
Событие 3 – предпринятые действия по «нейтрализации»
вредоносного сна.

Событие 4 – выздоровление сына, о чём в тексте прямо не сказано, но собеседницам это известно.

События 1 и 2 образуют первую каузальную цепочку «вредоносное сновидение – болезнь». События 3 и 4 связаны во вторую каузальную цепочку «действия по “обезвреживанию” сна – выздоровление сына». Вероятно, рассказчица не произнесла фразу «сын выздоровел» не просто из экономии речевых средств, а из-за действующего в культуре табу на произнесение положительных фактов, чтобы «не слагить». Обычно об удачах и успехах не говорят до того момента, пока результат не станет «необратимым». Однако во многих случаях «необратимость» недостижима, и потому табу действует всегда. Если оно нарушено, то предпринимают соответствующие символические действия: плюнуть три раза через левое плечо, постучать три раза по деревяшке, сказать «Слава Богу!», добавить обороты сомнения «вроде бы», «кажется».

Рассказы о сновидениях по сравнению с рассказами о сбывающихся снах являются как бы структурно «усеченными». В них пересказывается приснившееся, может быть прибавлена интерпретация, но события-следствия не предъявлены. В рассказах о приснившихся, но еще не сбывающихся снах события-следствия лишь предполагаются в будущем на основании событий-причин и известных способов толкований.

«Мне снился трамвай, красивый такой, весь освещенный, с занавесочками. Он подходил к остановке, и я как раз туда шла (1). И я знаю, что мне обязательно нужно сесть на него. Я знаю, что если я на него сяду, все у меня будет хорошо. И вот я бегу уже, но тут появляется другой трамвай, в другую сторону, и мне никак не перейти улицу. И я боюсь, что я не успею, что этот мой трамвай, красивый, уйдет. Этот трамвай — моя судьба. Так и есть, проехал другой трамвай, а на том мой я так и не успела (1)... Мне вообще часто снится этот сон, про поезд. И я знаю, что когда я не успеваю сесть в вагон, что-то в жизни у меня не получится»⁶.

Событие 1 – устойчивый образ сновидений рассказчицы – «красивый трамвай».

Основой интерпретации этого рассказа служит личная примета рассказчицы, поддержанная общими культурными образами-императивами – трамвая «Желания», метафорой уходящего поезда как несбывшихся надежд, «Заблудившегося трамвая» Н.С. Гумилева и т. д.

Другой пример рассказа о сновидении:

«Федя! Мне снилось, что мы дома и пошли в лес. Отец пел, твоя мать крикнула нас, мы хотели ответить ей, но у нас пропали голоса. И так мы пришли в чужую деревню, и там у нас случилась драка с тамошними парнями. Как только я увидел этот сон, сразу же начал писать тебе эту открытку» (лагерное письмо «остарбайтера» из Норвегии в Германию)⁷.

Как и рассказы о сбывшихся снах, рассказы о сновидениях основаны на причинно-следственной связи событий. Поскольку рассказывают о сновидениях чаще всего непосредственно после пробуждения, их основной функцией является прогнозирование событий реальной жизни. Таким образом, событие-причина (сновидение) присутствует в структуре таких рассказов, а событие-следствие подразумевается или случается. Предпосылкой для прогнозирования становится образ сновидения и имеющиеся в культуре способы их «декодировки».

Таким образом, рассказы о сновидениях и рассказы о сбывшихся снах с большей или меньшей полнотой воспроизводят причинно-следственную структуру повествования. Однако для причинно-следственных отношений важно не столько наличие сополагаемых событий, сколько сама их связь. Причинно-следственное конструирование мира происходит на основе пресуппозиций. События отбираются и соединяются в сюжет посредством эксплицированной в тексте или подразумеваемой связки. В фольклорном тексте область пресуппозиций обеспечивает традиционную, общую для данного сообщества семантику.

Тексты причинно-следственной структуры обнажают точку веры, обнаруживают идеологическую основу в принципах связывания одного события с другим. Установка на истинность интерпретации есть важнейший элемент текстов причинно-следственной структуры. С.Б. Адоньева заметила, что специфика причинно-следственных отношений в волшебной сказке «определенена диалогичностью – закономерностью, свойственной традиционной “картине мира”», при том что «традиционный универсум состоит из двух частей – мира данного, явного и мира подразумеваемого, скрытого,

проявляющегося и при этом исключительно значимого, поскольку активность присуща именно ему»⁸. Мифологические рассказы по определению являются повествованиями о контактах между двумя частями мира⁹.

Основой для построения казуальных цепочек – как рассказов о сновидениях, так и рассказов о сбывшихся снах – служит представление о возможности предвидеть, знать будущее. Это представление вытекает из понятия судьбы и доли, т. е. предопределенности событий человеческой жизни. Сны, способные проецировать будущее, называются вещими.

«А мне приснился сон. УЗИ нам пообещало девочку, но приснился сон. Я лежу в большой светлой комнате, и у меня из-за спины идет свет, такой мягкий утренний свет. Вообще такой свет бывает у меня только в вещих снах. И вот я лежу, а вокруг какие-то люди, и вдруг все как закричат: “Федор родился! Федор родился!” (1). Этого имени у нас не было на примете. Но раз Федор, так Федор. Я запомнила сон. И когда я рожала, это было очень солнечное яркое утро в большой комнате старого роддома. Вокруг меня было много теток, потому что роды были платные, и, когда он родился, мне показывают, что мальчик, я говорю: “Федор родился”. Они так удивились, что я уже знаю, как его зовут, и заговорили: “Федор родился” (2). И что самое интересное, когда мы выписывались из роддома, был день святого Федора Стратилата, так что все точно по святым» (Архив автора, № 8).

В этом тексте образ сновидения (1) калькирует «картина» реального личного события (2). Пресуппозициональная связка текста основана на представлении о том, что сновидение есть зеркальное отражение будущего. Кстати, «зеркальность» сновидения находит подтверждение в правиле толкования их «от обратного». Основой толкования сновидений служат также и общепринятые значения образов, которые публикуются в сонниках¹⁰.

«В ночь на двадцать третье марта я видела во сне Юлечку и тебя и услышала громкий выстрел (1); значит, получу какое-то известие, но где оно? С нетерпением жду его. (В России широко распространено поверье, что выстрел во сне означает, что будет какой-то слух или известие). Симферополь, Крым»¹¹.

Жанровый регистр нарратива определяет мировоззренческая позиция, которой придерживается рассказчик. «Отметка, появившаяся на двери дома, может быть интерпретирована как страшный знак инфернальных сил (мистический триллер), как отметка грабителей (детектив), как тайный

знак куртуазного внимания (мелодрама) и пр. Жизненная интрига определится в зависимости от того, какой из регионов будет избран владельцем дома для интерпретации установленного факта¹². Структурное сходство и общая пре-суппозициональная связка, формирующая общность семантики, позволяет считать рассказы о снах (сновидениях и сбывшихся снах) если не отдельным жанром, то особым типом нарративов среди других мифологических рассказов.

Анализ текста

Из беседы с Натальей Рыковой-Перли (дочерью Н. Рыкова) в передаче «Большие родители» (НТВ) 13.02.2000 г.

«У нас там, в томском подвале, был очень странный человек – бывший следователь, который сидел в том же подвале. Он подошел к камере и сказал: “Позовите Наташу”. Он говорит: “Сегодня приговор привели в исполнение. Расстреляли ваших” (1). А я сказала: “Я знаю” (2). – “Откуда вы знали?”

А у меня был сон (3). Никакого сомнения у меня не было (0). Мы с папой гуляли. Он был в сером костюме, в котором он обычно ходил. Мы лазали по американским горкам. А горки высокие. Вверх – вниз, вверх – вниз, вверх – вниз, вверх – вниз. И вот вдруг он от меня пошел, как-то так весь сломанный, на шарнирах, как паяц. И я ему крикнула вдогонку очень обидные слова. Я не хочу их повторять и даже вспоминать».

Структура

Событие (1): «Сегодня приговор привели в исполнение. Расстреляли ваших».

Событие (2): «А я знаю. У меня был сон».

Структура текста причинно-следственная. Получение известия о расстреле родителей (1) есть повод для нарратории и событие-следствие. Событие-причина (2) – знание об этом, полученное в сновидении. Подтверждение веры в сновидение заключено в связке (0): «Никакого сомнения у меня не было». Подразумевается: никакого сомнения в расстреле. Описание сна: «Мы с папой гуляли. Он был в сером костюме, в котором он обычно ходил. Мы лазали по американским горкам. А горки высокие. Вверх – вниз, вверх – вниз, вверх – вниз, вниз, вверх – вниз. И вот вдруг он от меня пошел, как-то так... И я ему крикнула вдогонку очень обидные слова».

Причинно-следственная структура поддерживается верой в сверхъестественную связь родственников, особенно в кри-

тические моменты, и сновидение – один из каналов этой связи: «Судя по многочисленным семейным мифологическим рассказам, к основным каналам коммуникации с родственниками относится сон»¹³. Еще один семантический уровень – толкование сновидения. Сновидение состоит из нескольких эпизодов-образов. Образ американских горок представляет собой модифицированное колесо фортуны: Н. Рыков, один из создателей революционного государства, член высшей советской элиты, несколько раз переживал страх перед возможными репрессиями. Взлеты и падения карьеры прочитываются в движении вверх – вниз в аттракционе. Далее во сне обычное поведение отца вдруг меняется: «весь сломанный, на шарнирах, как паяц». Этот образ соответствует сломленности Николая Рыкова, как и многих людей того времени, преследованиями и арестами. Ср., например, рассказ в «Сталиниаде» Ю. Борева: «Наталья Рыкова, дочь известного партийного деятеля, просидела 17 лет. Она рассказывала, что ее отец в последние годы жизни приходил домой мрачный. <...> Вскоре Сталин опять поставил на Политбюро вопрос о правотроцкистском уклоне Рыкова, и за него уже никто не заступался. Вернулся домой он почти невменяемым. Молча ходил по комнате, хватался за голову, произносил что-то невнятное»¹⁴. Образ уходящего во сне человека традиционно трактуется как смерть.

Название передачи «Большие родители» определяет ее тематику: дети рассказывают о своих знаменитых родителях. Таким образом, речь идет как о родственных связях и чувствах, так и об общенациональной значимости родителей, проекции их судьбы на судьбу всей страны. Нетвердое, шаткое положение человека власти и сломленность психики, трагедия потери веры – это не личная судьба Николая Рыкова, а судьбы многих сотен советских людей.

Наталья Рыкова касается в этом рассказе очень тяжелых воспоминаний. Кризисность личной ситуации вызывает необходимость психически справиться с ней. Вербализация переживания – один из способов психотерапевтического преодоления кризиса. Связка «Никакого сомнения у меня не было» обнажает искреннюю убежденность рассказчицы в интерпретации событий. Особую исповедальную ноту добавляет последний эпизод сновидения «И я ему крикнула вдогонку очень обидные слова», которые сопровождаются фразой «Я не хочу их повторять и даже вспоминать». Можно было пропустить за туманностью и глубокой «личностно-

стью» данный эпизод, если бы в разговоре до этого не было одного признания Натальи Рыковой. Когда ее посадили в камеру, она на секунду подумала: «Ну ладно, мои-то родители виноваты, но я-то при чем?». В ту же секунду она одумалась, что и ее родители так же невиновны, как и она, но секундное предательство было. В нем она покаялась рассказчику и слушателям. Искренность покаяния не вызывает сомнения. Тот же покаянный смысл (непреходящий стыд перед отцом за предательство) сквозит и в последней фразе текста. Таким образом, рассказчица надеется на то, что слушатели разделят ее опыт и простят предательство.

Примечания

- 1 Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 135.
- 2 Синдаловский Н.А. Петербургский фольклор. СПб., 1994. С. 109.
- 3 Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология: от народных верований к литературе. М., 1998. С. 6.
- 4 Флоренский П.А. Иконостас // Флоренский П.А. Иконостас: Избранные труды по искусству. СПб., 1993. С. 1–174.
- 5 Там же. С. 11.
- 6 Утехин И.В. От сплетни до исторического предания: повседневность и фольклор жителей больших коммунальных квартир // Современный городской фольклор: Материалы и исследования (в печ.).
- 7 Преодоление рабства: фольклор и язык оstarбайтеров / Сост. Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. М., 1998. С. 160.
- 8 Адоньева С.Б. Этнография северорусских притчаний // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Приложение № 7: Обрядовая поэзия Русского Севера: плачи. СПб.; Бохум, 1998. С. 52.
- 9 Это — «устный рассказ-меморат о якобы имевших место сверхъестественных явлениях: встрече, драматичном столкновении самого рассказчика или знакомого ему человека» с мифологическими персонажами (см.: Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии / Ред. К.П. Кабашников и др. М., 1993. С. 26); «Структура жанра раскрывает особенности взаимоотношения двух миров: человеческого и потустороннего, “своего” и “чужого”, “жизни” и “смерти”» (Ефимова Е.С. Русский устный мифологический рассказ: Опыт структурного анализа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. С. 3–4).
- 10 Niebrzegowska S. Polski sennik ludowy. Lublin, 1996. 292 s.
- 11 Преодоление рабства: фольклор и язык оstarбайтеров. С. 160.
- 12 Адоньева С.Б. Сказочный текст и традиционная культура. СПб., 2000. С. 4.
- 13 Разумова И.А. Семейные рассказы // Русский школьный фольклор: От «вызований» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф. Белогузов. М., 1998. С. 172.
- 14 Борев Ю. Сталиниада: Мемуары по чужим воспоминаниям с историческими анекдотами и размышлениями автора. Иркутск, 1992. С. 128.

Е.В. Паунова

Обмирания у липован

K

ультурная традиция, в пространстве которой живет и мыслит себя человек, не только определяет характер его сознания при жизни, но также находит свое продолжение за ее пределами, в мире загробном. Об этом свидетельствуют рассказы переживших «обмирания» (состояния обморока, комы, летаргии), побывавших в мире «ином» и возвращавшихся к жизни. В подобных повествованиях находят отражение традиционные воззрения народа о природе смерти, о сущности души, ее посмертном существовании, о загробном мире, его устройстве и топографии, взаимоотношениях живых и мертвых.

Публикуемые тексты записаны автором в ходе полевой работы 1999–2000 гг. среди старообрядцев-липован, проживающих в настоящее время в Астрахани и в с. Успех Камызякского района Астраханской области.

Астраханские липоване — реэмигранты из румынских сел Тульчинского уезда Сарикей и Каркалиу. Okolo трех столе-

тий прожили они вдали от России. Их предки, не принявшие церковную реформу патриарха Никона, покинули Российскую империю, обосновались в Добрудже, территории которой в силу исторических условий переходила от одного государства к другому.

Первые переселения липован в дельту Дуная связаны с постановлением Собора 1667 г., решением которого были наложены клятвы на тех русских людей, которые остались верны основным канонам древнего православия. Бегство за рубеж усилилось во время правления Петра I. Особую миграционную волну составили старообрядцы, гонимые с острова Ветка, расположенного на реке Сож. Древние слободы Ветка и Стародубье (ныне северо-восточная часть Гомельской области России), находившиеся в XVII–XVIII вв. в польских владениях, долгое время были местом стечения русских старообрядцев, бежавших от преследований за веру из внутренних губерний России. Прибытие сюда тысяч старообрядцев побуждало правительство дважды организовывать военные операции, в результате которых часть жителей с Ветки была насильственно возвращена в Россию, часть отправлена в крепостную неволю, некоторым же удалось спастись бегством, отступив при этом еще дальше от родных пределов. Первый уход с острова Ветка пришелся на лето 1735 г. и связан с вторжением войск полковника Сытина, действовавшего по повелению императрицы Анны Иоанновны. Вторая «выгонка» произошла под натиском армии генерал-майора Маслова, вступившего на территорию Польши по указу Екатерины II.

Старообрядчество придавало первостепенное значение вопросу культурного самоопределения и самоутверждения. Время стерло какие-либо точные сведения о происхождении названия *липоване*. Согласно наиболее распространенной версии, липоване – искаженное название одного из раскольнических толков – «филиповщины». Однако в народе сложились свои версии-толкования. Так, имя некоего полковника Липеня, который якобы увел «благоверных людей» в эмиграцию, упоминается сегодня липованами одновременно с местечком Липшино, родом из которого, по мнению многих, вышли они сами. Где расположено Липшино – неизвестно. Между тем предполагается, что находилось оно там, где росло много лип. «Предки наши посыпались между лип – за то липованами и назвались» (1). С липой связывают липоване и ряд других версий. Одна из них сви-

детельствует об иконописцах, использовавших липовую древесину: «Иконы всего больше писались на липовом дереве. Липа – она вырабатывалась лучше, и поэтому липованы пишут на иконы. Оне – липовцы, липоване» (2); другая версия рассказывает о существовании некоей липовой рощи, ставшей для их предков местом «поклонения» Богу. «Там молиться негде было, оне и стали молиться между липами» (3). С благодарностью говорят об этом дереве липоване, повествуя о первой поре чужбинной жизни своих предков. «Жили оне так у лесах, а кормиться-то чем-то надо, а оне тамотка вот тета пилили или рубили липу. И с той липы оне делали ложки, чашки, поварешки, калгаши, корыта, вертены и прочии всякие другие так вот вещи. И как там базар был, и оне туды на плечах носили продавать, ну что делали. И с тых пор липа и вышли липованами. И вот мы скольки живем, так нас и называют липованами, а все-таки не теряют нашу имя» (2). В народе также ходит версия, связывающая происхождение название «липоване» с известным раскольническим движением – «филиповщиной». «Версия еще есть, что Филипп-предводитель был. И назвали филиповцы. Оттуда как будто произошло название липоване: липовцы-филиповцы» (2). Существует еще одна версия, согласно которой липован – испорченное русским наречием румынское слово *lepodat*, означающее «брошенный, оставленный». С отношением к липованам румын связывают и другое толкование: «Мы жа русские. Оне говорять: “Ды какие жа вы русские? Вы липовые русские, как липовые документы. Так высказал кто-то”» (2).

Исключительной и неповторимой видят свою историю липоване. В уходе предков за пределы родной земли усматривают они вынужденный акт протesta против никоновских преобразований и последующих за ними гонений Великорусской церкви. «Этот Никон-патриарх начал бить, резать людей как попал. Пали людей, запирал их у холодные ямы, закапывал живых. Ну и когда это он патриарх лупил как попал – люди бежали куды попали. То они у леса куды, то на Север самый холодный, то бежали в Латвию, то в Рамынию. Люди не бросали Святую Божию книгу. Оне и кресты все – чисто что было, оне никто не оставил. Спасали свою жизнь, и спасали свою веру-исповедание, и спасали свой закон, християнскую веру-исповедание всех Таин Божия Христова от Христова рождения, которые принял князь великий государь Святой Владимир» (2).

Среди причин пересечения предками границ Российского государства липоване называют также насаждаемое Петром I бородобритие. «Они дюжа веровали и не давали бороды. И оне утякали кто куда, чтоб бороду брить не давать. Грех бороду брить было. Мужчина должна в бородже быть. Женщина должна отдеяться от мужжуку. У нас если борода брита – в церкву не пускали. И када венчают, идеть под венец, что борода была отпущена. Если бороды не было, бог не будет венчать» (4). Уход за пределы России связывают и с желанием избежать антихристовых влияний: «Ушли почему, потому что стали оспу делать – печать антихристову»(5).

Понимание раскола выходит за пределы собственно церковных реформ XVII в. Рассказ о расколе часто подменяется повествованиями о более раннем разделении между восточным православием и католицизмом. Так, наряду с именем Никона осуждению подвергается «католичист Мирон». «Мирон из Каталии, Мирон католический ездил по государствам, людей сманивал, чтобы постов Христовых не было, чтобы ели скромное. А молились за его Бога уже и Болгария, и Греция, и все уже государства. У него вся утроба лопнула, ды он пропал. Его Господь стер с лица земли» (6).

«Теперича у 1442 г. от тетий проклятый из проклятых, я его кляну на каждым сне, Римский, как его называют, Римский Роман Поганый папа-антихрист греков обманул. От греков жа мы приняли христианство, и он чисто обманул их. Как? Он не мог иначе. Как только поехал и вызвал царя и ему наказал, вроде идетя без объявленной войной нападайте на Грецию, чтоб оне испугались, мне пришли и будут просить у мене помошъ.

Ну, хорошо. Эта сделал. И отослал всю свою армию. Приказал, чтобы не кидалися, не билися, нападали как на Грецию. Эта греки видуть, какая дела, что нападають на их, и пошли к этому. У их, у этого папы не было царей, не было королей, только он один был, по государственным делам и был по духовенству. Всем делом он управлял. Он и сейчас так. Да будет трижды анафеме предан, скольки он людей понапортил, а говорить: «Подпишите о принятии Унии католизма, я дам вам, говорить, помошъ». А это все он с бряхней. Ну, это оне не согласилися: «Как это мы предадим Христову?» Эта католизма – это самая проклятая гадина. Я ее проклинаю всегда. И пошли назад не с им. Плачут греки: «Ну, как будем делать? Нападёт на нас. Какую армию посыпает на нас Испансскую. И тада нам и вовсе нашу веру, наше исповедание Христово по-

портит католицизм своим». И пошли обратно. «Подпишите о принятии Унии католизма, и вам дам помошъ», – это сказал, и обратно вернулись домой греки.

Теперича греки плачут: «Что будем делать?». А той все подпирает свою испанец. Теперича пошли оне и третий раз послы с Греции. А он одно твердит. Оне говорят: «Ну, вот что: мы не подпишемся о принятии католизма, а только распишемся о принятии унии», а католизма не приняли. Подписались о принятии унии. Такая же Уния, как и католизма. И тая армия испанская потихоньку ушла. И оне остались тада, некуда деваться. Ну и теперь так оне стали католизмами. Так называли греков – католики» (2).

Сущность старой веры раскрывается, прежде всего, во временной перспективе. Чаще всего липоване объявляют себя преемниками старинного греческого православия, и это представление отражается в многочисленных высказываниях информантов, что книги, по которым исполняются требы, – греческие, а само богослужение ведется там на греческом языке.

Нередко, говоря о происхождении своей веры, липоване утверждают, что корни ее из России. «Она спокон веку из России была. В России жа были благоверные люди. Булгария, Греция – оне все была вера наша, она российская, с России. Греки тогда веровали, а потом они отпали» (6). «Старообрядцы с России же. Может, они и с Греции раньше. Фактически наши предки, то пришли с России при Петра Первого еще. Она старообрядческая вера. Россия была же старообрядческая вся, а потом нашелся какой-то, ды ста переломал – Никон-патриарх» (4).

Несмотря на то что конкретный момент возникновения старой веры вызывает разногласия, основной ее чертой остается древность. В древности – залог ее праведности, истинности. «Наша вера приятная Господу Богу. Наша вера первая. Она первая у Господа Царя Небесного. У нас истинный закон от Господа Бога» (6).

Новизна никоновской веры чаще лишь заявляется информантами. По существу новая вера – это переписанная старая. В ней изменены Писание, книги, церковный устав, иконы, написание и произношение имени Христа «Иисус» (новая версия «Иисус»), крестное знамение. В целом ряде высказываний подчеркивается, что Никон «перевернул» веру, т. е., сделал новую веру во всем противоположной старой. Так, при исполнении таинства венчания, крещения стали «ходить супротив солнца», крест на могиле усопшего

ставят в голове. Кроме того, новая вера представляется облегченным вариантом старой. В ряду утрат называют уменьшение числа церковных таинств, усекновение восьмиконечного креста до четырехконечного, замену трехпогружательного крещения обливанием (православных и сегодня липоване называют «обливанцы»). С осуждением относятся липоване к православному порядку погружать крещаемого в подогретую воду, тем более крестить в одной купели (не меняя воды) нескольких младенцев. «Усе поубавили. Раные старые люди жили, чтоб все тютелька в тютельку, все чтоб нигде не потерять. А новый закон стал, тогда уже книга — надо тут читать, а он вырвал лист. И тада други постановят попов других, того листа — нема, они все так читают. Семь тайн у нас, а у вас пять. У вас легче закон. У вас одну ложжу причастия дают, а у нас три» (6).

В силу исторических причин к 90-м годам XVII в. священство дониконовского становления начало уходить из жизни и в среде старообрядчества появились разногласия, положившие начало разделению на два основных направления: поповцев (*попешников*) и беспоповцев. Не существовало единства в вероисповедании и в придунайских княжествах.

Вопрос духовного выживания нереформированной древлеправославной церкви вылился в задачу восстановления трехчинной иерархии. Устремления и помыслы старообрядцев, оставшихся в России и ушедших за ее рубеж, были направлены на поиски епископа, согласного принять старообрядчество через миропомазание, обладавшего правом совершения таинства посвящения, на учреждение архиерейской кафедры за границей, так как в России в силу усилившимся при Николае I притеснений осуществить это не представлялось возможным.

Расселившись в дельте Дуная, липоване осуществили мечту старообрядчества: они нашли архиепископа, восстановили древлеправославную иерархию, продолжили священство дониконовского становления. Поиски архиерей закончились в Греции. В Константинополе доверенные делегаты познакомились с боснийским митрополитом Амвросием, который после продолжительных бесед согласился перейти в старообрядчество и восстановить полноту епархии в «древлем православии». В 1846 г. греческий епископ Амвросий был тайно доставлен в Белую Крыницу, которая и стала центром старообрядческой метрополии. Здесь начала

действовать древлеправославная белокриницкая, или австрийская, иерархия, в состав которой вошли приверженцы поповского согласия. Об образовании иерархии в народеходит множество рассказов. «Ну, посыались в Белой Крынице. Ну, и таперича оне там попостроили церквя и уся чисто сделали, а священника нет, ни погребений, ни службу какую, ни покрасить человека, ни повенчать человека — ничего нету. А привыкли все чисто с большим умилением. Ну и тогда послали трех человек или двух человек из Белой Крыницы у Константинопольская, тогда называлась Царьградская. Ну и пошли к митрополиту туды, к патриарху. Ну и вот оне скольки ходили, тогда, значит, оне нашли, что есть один Амвросий, что ихния вся семья и от сямьи из рода в род чисто принятые веры християнской. Ну и оне када ходили куды, оне договаривались. И золота дали даже тому патриарху и чего там, и всем чисто. А он согласился. Он тожа ненавидел эту греко-католическую веру. Ну и он согласился. И его можа нарядили у бедного турка. А турки тогда торговали и с Болгарией и дажисть до нашей Сарикею. Оне — все наши села — наименовались турецкими именами. Ну и вот оне пошли тада через Босфор и привязли тада можа через Дунай у Бело-Крыницу, где наших было много собраных беглецов» (2). «Када это дело делалось, тут ужे вроде как не было священников. Можа вроде были оне, но можа им не было постановления. Приезжают из Москвы три человека у Грецию. Када оне к яму подошли, он к им отозвался, с ими поговорил. Оне привязли иконочку, где три: вроде Иисус Христос, Богородица и Иван Креститель. Он говорить: “А вы мене что Евангелия не принясли? Я бы, говорить, на Евангелия глянул ба, я б тада вроде узнал ба”. Той один остался, чи двое остались, а один поехал ды привез Евангелия. Вангелия када он привез, он как глянул на его, перекрятился и сказал: “Я с вами поеду”» (6).

Сами липоване утверждают, что до образования Белокриницкой иерархии старообрядчество было единым, представленным поповским согласием. Разделение же на *попешников* и *беспоповцев* произошло вследствие неприятия частью старообрядчества новопоставленного архиерея. «Ну и тада, када привязли его туда, таперича же некоторым людям не понравился он — патриарх этой, митрополит Амвросий, и обратно разбрелись напополам: теи, которы его не приняли, сделались беспопоуцами, а некоторые приняли его полностью, так и до сейчас две церкви. То беспопоуцы были — Амбrosия не приняли, а мы с попами. А другие вовсе отбились, сделались

хатниками. Стакан чтоб был свой, чашка, тарелка. И када идет куды в гости, а оне уже имеют свою кружку, тарелку, ложку. Вот это называются хатники. С нами оне не были. Были оне у других местах. Отдаля жили». «Беспоповцы этого не приняли — греческого владыку, чи епископа, чи патриарха. Оне его не приняли и остались так без попа. И все я помню: мы малые гуляли дети — дражнилися» (2).

На века оторванные от родных пределов, старообрядцы крепко чувствовали свою связь с прошлым старой церковной Руси, бережно хранили предания отцов. Однако мысль о возвращении в Россию печалью легла в сердцах многих из них. «Ветер вот подует, а бабушка наша была все покойница: “С России нашей ветер дует”» (6). Горячее желание присоединиться к родной земле нашло отражение в переходящих из уст в уста завещаниях-присловьях: «Слышали от старцев: время придет — язык к языку должен итти, языцы ко языцам».

Стремясь к родным пределам, старообрядцы мечтали увидеть Россию поистине святой. «Но придет время — так говорится в Божиим Писании, что все соберутся наши обратно у святую Россию. И подымится Россия, так же как она была при Иоане III — святая во святых. Потому сказали: “Аж када Россия воссиять, када примет свою древнюю православную веру, када она свой путь найдет настоящий. Вот тада она может воссиять, тада будет всем зависть как она может жить — такая богатая страна”» (2). Удивителен сам по себе поворот мысли старообрядца, упомянувшего об особом для Руси историческом моменте — явлении ее миру в облике православного царства. В духовной славе миро увидеть свое отчество добруджский липованин, давший свою фамилию в списки желающих возвратиться в Россию.

О предыстории переезда в Россию рассказывают так: «Наши родители ездили, докучали. Ездили в Бухарест, в Браилово. Тут как консульство портовое на Дунае было. А тада, видимо, до Москвы дошло. Приезжает вот темный Пронин. Прощение к столу Пронина написали, что мы — рыбаки. Желаем на Волгу в Астрахань. Он говорит: “От туда вам и надо”» (3).

В июле 1947 г. постановлением Совета Министров СССР были утверждены списки русских репатриантов, а в сентябре 332 семьи из придунайских сел Сарикей и Каркалиу прощались с румынской землей, отправляясь в неизвестное, называемое Родиной.

На Покров день приехали липоване в Астраханскую область. Часть из них была отправлена в Тюменевку (ныне с. Речное Харабалинского р-на), часть — в поселок Корейский (ныне с. Успех Камызякского р-на). О том, как пришлось пережить им первую зиму, свидетельствуют они сами.

«Тутка ничего не было, пустыня была, змеи ды воронки, ды люди голодные. На берегу кинули нас, потом в клуб привязли, и мы в клубе валялись. А после у пабарваные хаты рассыпали — корецы раные там жили — одне стены, ни вокошек ни дверей — ничевенько. В Рамынин нам немецкие кварталы обещали. Не поняли — какие после войны такие немецкие кварталы — Россия вся разволочена. Отцы наши, первое, шапки сняли и нам в ноги: “Простите нас, дети, Христа ради! Мы вас на жизнь взяли, а оказалось на змий”. На Покров приехали, уже холода. Воду грели, глину мясили, хлеба по месяцу в рот не брали. Перзимовали как — да помилуй Бог. А потом на лето кто куды побегли, кто в Ставропольский край, кто в Молдавию, у кого терпенья было — тот остался» (7).

Возвращение на Родину стало для липован новым испытанием. Оставленные за Дунаем дома, обустроенные многолетним хозяйствованием, мало напоминали разоренные корейские постройки, заселение в которые происходило по принципу: семье (независимо от ее состава) — одну комнату.

Не всем довелось пережить первую зиму. Тяжелым оказался переход к речной воде, ставшей, по мнению липован, причиной смерти многих из них. «Там из колодца пили, здесь с речки. Сколько люду помрало, лягнули человек сорок, пол-кладбища позастялили» (4).

Боль одиночества и оторванность от родного места, ставшего через историю предков их второй родиной, обострились из-за отношения местных жителей. «Отцы наши шапки такие носили вострые молдавские, а тут приехали — одне кричат “румыны рогатые”, другие — “хвостатые”» (7). И сегодня русскими румынами именуют липован местные старожилы.

Однако наиболее тяжким для жизни общины оказался насильственный отрыв от церковной традиции. С приездом в Россию липоване лишились свободы вероисповедания, которая была предоставлена им за Дунаем. Решением местных властей объясняют они отсутствие в селе церкви. «Хотели тут даже мы и построить бы хоч малую церквишку, а наш сельсовет запретил, сказал: “Пересажаем всех — будете

выставлять законы". Существующая в Астрахани старообрядческая церковь не могла поправить положения, так как доехать до города «не было за чего, не было времени и на чем не было» (7).

В связи со всем этим возвращение в Россию не случайно слилось в сознании многих липован с наказанием Божиим: «Бог покрал нас, святыне там остались, а нас сюда привело, грешные наверно. Побрали родителю, детей, маток, попрощались мы приехали в дирки» (4).

Первой оказанной липованам помощью стала ссуда — 5 тыс. рублей. Воспользоваться ею, однако, не пришлось, так как в связи с реформой деньги обесценились. «Ссуду дали, ды чего мы купили за их. Нам нынче ба дали, на другой день оне у нас и смянились. Кто успел купить пять буханок хлеба — купил, а кто не успел — спаси Господи» (3).

Трудно предположить, как сложилась бы судьба липовансских семей на новом пристанище, если бы не перевезли они с собой часть придунайского хозяйства: домашнюю живность, предметы утвари, строительные материалы, мастеровой инструмент и даже дикие камни для укладки печей (каменок) в банях по-черному. Рыбаки «тянули» все необходимое, без чего невозможно было начать свой «рыбальский» промысел: сетки, волокушки, турбуки, трандадаи, кубари, вентеря, сочму, самару, зюньгу и т. д.

Очевидно, память о тех устоях, которые держали отцы и деды, стала залогом сохранения общины, ее самобытного уклада, духовных ценностей. И сегодня, несмотря на ощущимые потери, живы древнего письма иконы, старопечатные книги, традиционная одежда, литургическое пение, фольклор.

«Вот некоторые обмирают и вот их проводивают. И вот будет лестница через море какое, через реку. Там кипит не знаю вода, не знаю смола под лестницей. Вот глядишь, кто пройдет через эту лестницу, то пройдет туды и сюды, а если нету — помрет. И вот идет там мужчина, женщина через лестницу, а там же глубоко видать, что бушует там. И вот должны лестницу пройти и туды и сюды. Вот туды прошла, а када оттылича идет, тоже чтоб прошла, вроде тада уже она святая. Ну, вроде, тада она весь страх прошла. Вот это я слышала, када обмирала» (8).

«Обмирают как? Когда вот это уже сделается с женщиной чи с мужчиной, которые обмирают, и ей надо через ка-

кую-то речку лезть, идти туды. Речка не сильно широкая, но надо ее пройти. Вот ежели она пройдет эту речку, то все увидеть. Там кипить вода чи смола, а тут лестница сделана, чтоб он прошел через эту лестницу. Еши прошел, то все показывают ему, всю историю: что кто помер, кто что заработал, кто грешный, кто праведный. Теперь надо идти еще назад. Еши пройдет он назад, то все — отживеет» (8).

«Там у нас у Рамыни сводная церковь была, а пономарь был не сильно старый. На Рождество там службу отслужат, идут Христа славить. Там дети не ходили, ни люди. Попы идут, дьяк, пономарь идет. И вот как мы сейчас: там стаканчик дадут, там, а ему надо идти звонить лезть на колокольню. А он полез бедный, ды наверное плохо сделалось, а он упал. Ну, и не звонить, не звонить. А када кинулись люди: “Ой, ой...” А у нас по закону если мертвый он, то церковь на семь лет закрывают, чтоб не служить в ей. Оне: “Нет, нет, нет, он живой, мы его живого вынесли”. И она када обмирала, ды сказала: “У сводной церкви пономарь уился. Он мертвый, его мыртыго вынесли. Надо церковь на семь лет закрыть”. Она все сказала. Оне не по правде сделали. Их Бог накажет. На семь лет церква закрывается, человек убается с колокольни. Оне вынесли его мертвого, скрыли, что ж церковь не будет семь лет? Без церкви как?” (4).

«Это дюжая большая басня. Знаешь как было дело? Это у Рамыни было. Оне две сестры были. Поехали к помещику работать, а одна с ими тоже подружка. А оне молодые, лет по четырнадцать, ды ничего не понимают. А там же провожают их на работу. На повозку у нас садются, а теи женщины провожают ды говорить: “Проскут, если мальчика родишь, будет Митрий”, а оне поглядывают. А старые же видуть, что она в положении. Она, девчонка, стесняется, сжимается; обманул ее, бедну. Ну и вот тебе, поехали оне к одному помещику. Договорились. Стали работать, кукурузу ломать. А там надо же кошелки такие двумя руками таскать. Теи девчонки полны. Ну, тада берут по ряду, идуть гектар. А там коруцаж (возничий. — Е. П.) едет туда, везет кукурузу на подводе. А ребята были, а оне кричат: “Дядька Исака, ты поедешь, ложку лишнюю нам вязи, у нас лишний будет человек”. А когда уже пришло время, она уже задумыла рожать. Встанет на ряд. Идеть, идеть, а сама: “Ой, девчата, не могу, не могу”, а девки тада поняли: “Чо ты работаешь? Иди ляжь!”. Она го-

ворить: "Сейчас ряд кончу ды пойду". А потом уже невмоготу, пошла она, легла. А хозяйствский парень приехал, кукурузу грузить. Она попросила: "Дунька, возьми одеяло ды довязи меня до повозки". — "Надо ты мене!" Видишь, какие проклятые были девки. Ну, он, наверное, ее положил ды увез — помещикова сын. А той дядька приехал, глянул (он-то видел, что она лежала), поглядел и там, и там — нету, ды говорить: "А где же Проскутка?" — "Да нема, дядь". А та, Дуська: "А не знаю, хозяйствский хлопец увез ее". Тада он поехал туда опять. Поехал. Там ее нет на курте (это считается как стан). Там ее нет. Хозяйский сын навстречу. А он его спросил: "Ты девчонка брал?". — "Брал". — "А где она?" — "Не знаю. Вот я тут встал. Она мене на таким месте сказала: "Остановись!". И она так пошла на гору, пошла сама на гору". Ну, он обманул. Он, наверное, с ей был вместе. Она разрешилась, может, она и мертвого родила, может, и живого, неизвестно. Он отвез ее туда, наверное, на место, где вот туда кукурузу оне возили, а сам приехал опять и лопаточка у него. А тая, боевая: "Это чай-то и с лопаткой?". А он: "Ды я там место мерил". А чо он скажеть? Ну, потом кончился у их этот кусок. Поехали оне на курт. Приехали оне, там ничего же нету. Она зайдеть на скирду. Плачет, плачет, выйдет, а у ей глазы... Девки же были, армяне, такие поскудные. Потом горя хватили оне.

А от теперь теи хлопцы как начали того парня: "Скажи нам, ты вместе с ей был?". Он: "Да нет, нет". А потом сказал: "Да, я ей помогал". — "А чо у ей? Мальчик чи девочка?" А он говорить: "Хочите посмотреть? Вот идите на той бугор, раскопайте ды посмотрите". — "Пойдем, ребята, завтра сберемся, пойдем, посмотрим". А им надо переезжать еще на другой кусок. Вот тебе с вечера дождь пошел. Дождь, дождь, снег повеял. А потом мороз ударил. Какая же работа? Зима ужэ. Да и поехали оне домой, ды и не видали, кто есть.

А тая, что просила у ей одеяла, она приехала домой ды через неделю померла. А вторая сестра обмирала. И как она стала обмиратъ, ды как стала рассказывать за всех. "Мамка, продавай Дунькины юбки все и рятуй (спасай. — Е. П.). Бабушка под плетнем черная ляжть. Это мать чья-то". И за Проскутку сказала: "Какой грех сотворила Проскутка! Господь ей за все простил". Правда: вышла замуж, такого мужа нашла, еще и детей нарожала.

И она когда до попов дошла, ды сказала: "У отца Игнатия домик хороший, а как у отца Симеона — весь золотой, позоло-

ченный". У нас у Рамынии два попа было. Один бедно жил — отец Игнатий. У его одна хата ды магар (осел. — Е. П.), и сын у его был. А другой жил — хозяин был. Хозяин был такой... Имел землю 100 гектарей. Он в скиту всю бедноту кормил. Старухи, у которых нет роду, в монастырях жили, и он хлеба когда намолотит, то их кормил усех. А земли были у его, и он отслужить, в шапку волосья подбереть и идеть туда работать. И когда стала эта обмиратъ и сказала: "У отца Игнатья хаточка такая хорошая, а у отца Симеона вся золотая стоит". А его коммунисты замучили, его забрали за богатство. Когда эта советы зашли, а у его и две пары лошадей, и два сына, и один работник был — четыре человека, там имел гектарей сколько земли. А у его бородочка была. А он такой был... Пасха придетъ, а он только с алтаря пищить, у его даже голоса не было, а он тутка еще работать идеть. И его у тюрьму взяли, мучили, сбрели бороду ему. А он не хотел умирать без бороды, ды чисто порезали ему руки. Ну, помер он там. Батюшка жа умер, должна его похоронить, в ризу одеть, кадилу дать, Евангелию. Он жа исповедывал людей, это он идеть сам все уносивуетъ это. Так он на первый день Пасхи явился в церкви. Вышел из алтаря ды пошел. Люди все попадали. Явился, вышел облаченный. Усе у его, и Евангелие. И вышел туда на пантерь и все. А та, что обмирала, ей сказали: "Тебе замуж не выходи. Выйдешь ды померашь". Правильно, вышла ды умерла. Вот как» (4).

«У меня свякруха рассказывала, какойся тоже обмирал там у их. Обмирал, да такой ненавистный был, ды Бога не понимал. А жинка у его была золотая. А бедноты жа было много. Село какая у нас была. Она обмеришь там на платье, ды: "Доча, иди-ка к тей тетке отнеси, иди ты тей отнеси". И когда, говорить, обмирал какойся и тоже всем за своих у сяле рассказывал, и за этого. Ишел, ишел, и домики. Глянул — домик у яго красивый, а он выходииваеть. А он говорить: "Федор, какой ты в сяле не хороший, а дом-то какой у тебя!". А он говорить: "Это мене Анисия заработала". Анисия — жинка его» (4).

«Женщина беременная была. А у ей мужик был на работе. Она все брала девчонку ночевать. Боялась. Первые роды, наверное, у ей. А потом уже скоро рожать, а она уже не стала ее братъ. Ды и получилося у ей той. Пришли рано свякруха чи соседи. Она, как вошли на двор, упала ды померла. А тут скриеча на другой день ее хоронить. Скорей прибегла свякруха за-

бирать все, чтоб матка не взяла яе. А у нас там прямо тут кладбище, вот так вот люди живут. И вот похоронили, стон дюжа был. Она обмерла. Потом уже муж раскопал, она уже все пабарвала на себе. Ну, вот сказал батюшка: «Я еще хорошил яе, глянул, а у ей румяница горела». Она обмерла. Похоронили живую; и много слушаев там у нас было. Еще до нас было. Врачей же не было. Пульс не знали слушать, а потом уже стали пульс слушать» (4).

«Одна тетка обмирала, и там мужик богатый умер. И вот когда она обмирала, и говорила так: «Есть такой ров. В тем рову он, мужик один уже тата. А жана если умрет и она будет тата. А через ту пропасть — лестница. По той лестнице должна перейти эту пропасть. Если человек правильный, то он переходить уже на ту сторону, и это уже он муку никакую не примет. А если вот кто такой, прям туда» »(4).

«Када вот обмирали и провяли: вот твоя мать, вот твоя сестра, вот твой брат; вот так ее провяли, и она говорит: «Я видала маменьку, я видала брата своего. Никто там уже не знает: мать, или отец, или дитя. Там никто не знает. Там мать себе, ты — себе» »(9).

«Вот тоже одна обмирала. Все она говорила: кто чего делал, кто убивал людей, кому какая казня. Вот если аборт сделять и ей када умереть, на пороге нясуть этого ребенка и дают ей вилку чтоб она ковыряла его и ела. Она такая черная — женщина. И на подносе держит, а рука трясетя у ей, не хочет, отворачивается, а ее заставляют: «Ешь, раз сделала, ешь...». Если прелюбодей, блядують, то змеи переплетеные сосут ей прямо в роту. И вот она говорила: комнатки так, как хатки, стоять подряд, и на всех замки висят. Ее домик показывают, а открыть нельзя, что это как откроется, грешная она чи нет» (8).

«Одна вот обмирала, ее водили. И вот она говорила: той, что кров кидають, такая могилка, как над пропастью там она над деревом одна висить, а кругом ее пропасть. А одна могилка такая в муравьях, что невозможно даже. Вешальник — это оне все время какой-то груз тянуть. Если вешальник, то черт будет на нем и песок возить, и воду возить. Будет он весь век запряженный сатаны служить. Кто утопился, то вечно будет в воде рыбам на съедение. Рыбы будут его

вечно есть. На опойцах черти будуть возить на том свете дровы и воду. Ласточку убивать нельзя, и гнезда разорять нельзя, вроде будешь плавать по пояс в крови, потому когда Иисуса Христа распяли, а Иисусу Христу колючки впились в лоб, и ласточка вроде летала, летала, и эти колючки вытаскивала, и кровь так брызнула, так ей на груди, и поэтому у ей красненько тут. Голубок нельзя убивать. Голубка — это ангельская птица, это райская птица. Ангелы извещают какою-то праздник, якобы оне обязательно берут пару голубей с собой на землю» (9).

«Чай нельзя пить. Который человек чай пьеть, той отчаянный. Это одна обмирала и там видела мужика толстого, обрюзлого. «А почему, — говорит, — он такой толстый?» — «А это потому, что он сильно чай пил. Он отчаянный, и поэтому вот такой толстый» »(9).

«У нас Галуша, она обмирала. Три дня была мертвая. И вот она все говорила. Ну, только одну вещь не говорють. Только сказала: «Третье слово я не доскажу, не могу. Я не могу рассказывать. Еши я расскажу, я умру». И она ходила все время печальная, она не могла на душе это все таить. Высказала и умерла» (8).

«Када обмирают, молились, в церковь молебен заказывали. Родные молются, помогают. А как молятся? «Пресвятая Госпоже Богородице, умягчение злых сердец, спаси и помилуй рабу имярек» »(4).

«По-моему, я не спала, а это наяву было. Я болела. Болела тифом. Мне уже было, сказать, лет шестнадцать. И вот я обмираю. Ляжу три дня. Только дышу, а так не живая. Батюшку привели, причастили, справили мене. Все. Уже умираю. И только батюшка вышел из хаты, и я взялась с бабушкой (в прошлом ходившей в повитухах. — Е. П.) говорить. А она уже мертвая была. Говорю: «Бабушка, бабушка, я пришла к тебе». А мать у хате, и полная хата людей стоять, слушают как я разговариваю. Бабушка говорит: «А что ты дочека пришла? Тебе рано сюда приходить». У ей, веришь, дочка, вот так вот в подле чашка большая с манной кашей и ложечка маленькая, чайная. И детей маленьких, которые поумирали малые до годика, там у хате у ей не знаешь, куда она их положила. Там как топчан — и каждому место. И оне ля-

жать, только ротики открывают. Она с этой чашки бяреть, то одному, другому ротик открывает, кашкой кормить. И у ей у хате, запомнила как сейчас, такой солнышка, такая прямо святыница, такая красота! У ей в хате, как у церкви. И детишки, и как печка тепленькая. Она такая веселая, детишки такие, только ротики открывают как санзинчики. Не плачут, ничего. И она их кормить. Кормить, кормить их всех. А мене оглянулась вот так и говорит: "Иди, иди, дочека, домой. Иди назад. Не надо ты мене сейчас". Я говорю: "Бабушка, я буду кола детей". Она говорит: "Это мои все дети. Я за ими, доча, ухаживаю, а тебе не надо, ты иди домой"» (10).

«Обмерла румынка. Оне побралися (поженились. — Е. П.), повенчались, а его через недельку забрали в армию. Она осталася беременная. Затосковала, затосковала и обмерла. Похоронили яе. Часто там случалось, что обмирают. У нас и тутка траплялось (случалось. — Е. П.). И вот она обмерла. Ну закопали, закопали. А там сторожа были. Сторож слышит стон той, слышит, храп какой-то дается с земли. Пока он побегды сказал, она уже задыхнулась, она вниз лицом лежит, беременная, перевернулась уже.

А мамотка знаешь как хоронить? Вот оне могилу выкопают и под могилу земь подкапывают и ложут такие доски толстые. Оне тада скореича выкапывают, чтоб земля на яе не упала. И тут у России, и у нас в Рамыни до трех ден кладут зеркало. У человека тада ни пульса не бьется, ничо не бьется. Как говорится, только душа работает. Тая дышит душа, и вот она дает пот. Вот по етому зеркалу угадывают врачи, что человек живой еще, сердце бьется» (11).

«Это в селе было, в Каменке. Одна девушка обмирала и заказывали: "Не говори то, не говори то, где чо деется. Только расскажи, где ты была". Тебе на тем свете встречает в первую очередь Сряда и Пятница. Это Христос создал Середу-Пятницу. Оне спрашивают у души: "Чо ты делала? На тем свете чо ты делала? Чо ты сотворила? Можа ты ругалыся? Может быть, ты Бога ругала? Не понимала ты Бога? Понимала ты Сряду и Пятницу или не понимала?" Сряда-Пятница — оне все побивають. Дажисть можно в воскресение баню топить, а в такие дни нельзя даже баню пропотить. Люди старые не ели даже масло постное.

Вы знаете, что на этом свете переходят оне через огненные реки? Как оне переходят? Это никто не знает. Как мы

их будем переходить? Или через речку мы будем переходить, или через мостинку переходить? Это же неизвестно никому. Это же даже в Писании не пишется. А девушка, которая замирала, ей заказывали, что ничего не говори, только скажи два слова. А эта девушка, когда разбудили ее, все рассказала, что она видела, где она ходила. Видала она у аде своих родных. Ее провожали ангели. Видала она, где рай. В раю самые младенцы, девицы, отроки. Больше никого нет. А у аде вот так вот кипять, вот выдуть, опять окунаются. Выплывать вот так вот по пояс, опять окунаются. Но ей сказали: "Ничего не говори". Она все рассказала, и на другой день она умерла» (11).

«Это хорошо, когда люди обмирают, и все видуть, и все рассказывают. Ангел с ей ходить и он показывает: "Вот я тебе показываю. Вот твоя сестра, вот твоя крестная, вот твоя бабка, вот твой дед". Ей все показывают. Она все это видить. Ну, говорить, теперь пошли под ад. Подошли под ад, а там эта тоже родня кипить в огне. И вот теперь за что ж нельзя котиков обижать? Там во аде веревочка. Подойдет котик, который в аде. Вот она кормила его, кушать давала, хорошо угощала. Ну, он гон и умирает, той котик. Ну и теперь в аде эта вот веревочка словится и поймается, и вот он подойдет к ей и вытягивает яе. И по этой веревочке она вылезает из ада. Вылезать она чичас. Вот ее Господь-ангел окрестит, и она выйдет из ада. Так же еще кто заслужить. А кто не заслужить, той и будеть всю жизнь в аде кипеть» (12).

Список информантов

- 1 Головенков Петр Прокопьевич, 1931 г. р., с. Успех.
- 2 Гуреев Феофилакт Епифанович, с. Речное.
- 3 Бужоров Сазон Васильевич, с. Успех.
- 4 Кутузова Марфа Артамоновна, 1931 г. р., с. Успех.
- 5 Киселева Полина Григорьевна, 1942 г. р., с. Успех.
- 6 Киселева Пелагея Сафоновна, 1904 г. р., с. Успех.
- 7 Лабушева Евдокия Климоновна, с. Успех.
- 8 Федорова Лукерья Карповна, 1919 г. р., г. Астрахань.
- 9 Самсонова Марфа Михеевна, 1930 г. р., г. Астрахань.
- 10 Головенкова Елена Яковлевна, 1926 г. р., г. Астрахань.
- 11 Евсеева Феврония Ивановна, 1929 г. р., с. Успех.
- 12 Петрова Васса Михеевна, 1932 г. р., с. Успех.

Иномирное пространство сна

Восприятие сна как временной смерти и смерти как вечного сна относится к универсальным стереотипам культуры и находит многообразное выражение в языке (ср. *успенение, усопший, уснуть вечным сном* и т. п.), фольклоре (например, в причтаниях), ритуале (ср. у восточных славян обычай «будить покойника» на второй день после погребения) и верованиях (ср. представление о выходе души из тела во время сна). Оппозиция яви и сна трактуется в народной традиции в категориях жизни и смерти, «этого», земного и «иного», потустороннего, загробного мира. Заснувший человек как бы переступает невидимую границу двух миров и входит в непосредственный контакт с обитателями потустороннего мира и прежде всего со своими умершими родственниками. Сон оказывается одним из главных каналов связи между миром живых и миром мертвых наряду с такими «регулярными» видами общения, как

поминания и поминальные трапезы в доме (с приглашением предков) или на кладбище и такими, гораздо менее «кодифицированными» и потому несравненно более опасными, способами сообщения, как встречи с «ходящими покойниками». Иномирная природа сна проявляет себя в нескольких устойчивых сюжетах и мотивах, образующих особую область традиционных народных представлений о сновидениях и оформленных в виде клишированных текстов «снотолкований» и рассказов о снах. Можно выделить три типа таких текстов: 1) бинарные формулы толкования снов, предвещающих смерть (например, «видеть во сне цветы – к смерти»), 2) рассказы о явлении покойников во сне и 3) рассказы о так называемых обмираниях (летаргическом сне, во время которого спящий путешествует по загробному миру). Каждый из этих типов текстов по-своему раскрывает тему «сон = смерть» и оказывается важным источником для реконструкции мифологических представлений как о сне и сновидениях, так и о смерти и потустороннем мире, о соотношении и взаимодействии мира живых и мира мертвых. Материалом для излагаемых ниже наблюдений послужили полевые записи народных толкований снов и рассказов о снах, сделанные участниками этнолингвистических экспедиций в Полесье под руководством Н.И. Толстого в 1970–1980-е гг. и хранящиеся в Полесском архиве Института славяноведения РАН, а также появившиеся в последние годы публикации по этой теме, содержащие новые интересные тексты из других славянских регионов и затрагивающие вопросы их интерпретации¹. Речь идет, таким образом, об устном соннике как особом жанре славянского фольклора в отличие от сонника в средневековой книжной традиции². Между этими двумя типами сонников, безусловно, существует и содержательная, и двусторонняя преемственная связь: как письменные сонники, имевшие широкое хождение в народе, влияли на устную традицию, так и устные толкования снов проникали в письменные тексты. Однако каждый из этих жанров соответствует логике своей культурной модели и потому должен рассматриваться прежде всего в контексте соответствующей – устной или письменной – традиции.

Сны, предсказывающие смерть

В собственно соннике, или соннике в узком смысле слова, т. е. в корпусе бинарных формул снотолкований, сны,

предвещающие смерть, составляют одну из самых обширных категорий, что вполне объяснимо той абсолютной значимостью, какой наделяется оппозиция «жизнь—смерть» в системе народной аксиологии. Польской исследовательницей Станиславой Небежевской установлены стандартные логические модели соотнесения увиденного во сне (или, по Небежевской, «образа») с приписываемым ему значением («толкованием»), а именно — модели противопоставления, тождества, подобия (лексикального или семантического), метонимии, общей оценки и сложные модели, сочетающие в себе несколько элементарных. Из них в группе, толкующей сны о смерти (с толкованием «смерть»), используются почти исключительно «модели сходства» (т. е. тождества, подобия и метонимию) и практически не встречаются толкования, построенные по принципу от противного. В результате совокупный «образ» смерти, представленный в народных толкованиях снов, оказывается весьма полным воспроизведением основных семантических единиц погребального обряда и концептуального поля смерти и по существу представляет собой подробно проработанный метафорический текст, соотносимый и с ритуальной, и с ментальной моделями смерти в народной культуре.

К числу ключевых концептов, формирующих этот текст и одновременно наиболее частотных, следует отнести **белый** и **черный** цвета как универсальный знак траура (белый, более архаичный, до сих пор сохраняется в некоторых славянских регионах). Не только сам цвет, но и его «носители» в образах снов часто соответствуют реалиям похоронного ритуала. Так, в польском устном соннике как предвестие смерти толкуются увиденные во сне: белая постель, простыня, платье, белье, висящее на заборе (ср. постель умирающего и смертную одежду), белый конь (ср. перевозку тела на лошадях, а также устойчивые потусторонние коннотации коня в народных представлениях), белые цветы; черная земля (один из главных символов погребения), черная одежда, платок, хоругвь, черное облачение священника (знаки похоронной церемонии и траура). Ср. полесские толкования: «Як снится сивый конь чи белый чи бела кура — то к смерти» (ПА, брестск.); «Если черные кони снятся — к смерти» (ПА, гомельск.). Реже упоминаются такие белые и черные объекты, которые не ассоциируются непосредственно с реалиями похоронного обряда, — например, белые гуси, мука, черные уголь, ягоды и т. п. Соответственно как знак смерти толку-

ются действия, «каузирующие» белое, такие как беление полотна или побелка дома (*«Если хату во сне белишь — к покойнику»* — ПА, брестск.), в последнем случае дополнительно подключается семантика «отделки дома», о чем ниже.

Важную роль в символике смерти вообще и в толковании снов играют концепты воды и земли. Многочисленные действия с **водой** в самом похоронном ритуале (достаточно вспомнить обязательное обмывание тела, выставление воды «для души», выливание воды из всех сосудов в доме сразу после смерти домочадца), а также известные всем славянам мифологические представления о переправе умерших через воду³ объясняют устойчивую ассоциацию воды со смертью и загробным миром в народном соннике. Видеть во сне воду, особенно мутную, темную, идти через воду, брести по воде, видеть или ловить рыбу в воде и т. п. всегда толкуется как знак смерти: «Черная вода снится и не переплыешь ее — к смерти»; «Если снится пароход, лодка, то скоро кто-то умрет» (ПА, гомельск.); «Если снится лодка в воде — к смерти» (ПА, брестск.), ср. древнеславянский обряд похорон в ладье.

Не столько мифологический, сколько обрядовый характер носят толкования, относящиеся к **земле** (и песку — желтому и белому), ассоциирующие ее прежде всего с могилой, рытьем могилы, могильной насыпью, но подразумевающие и более глубинную трактовку земли как «среды обитания» умерших (ср. выражения типа «землей пахнет» о глубоком старике). Обрядовые ассоциации лежат и в основе толкований разного рода **земляных работ**: видеть во сне пахоту, копание, рытье земли, сгребание земли и устройство грядок, насыпи и т. п. означает скорую смерть и погребение. По полесским представлениям, не только увиденная во сне работа на огороде предвещает смерть, но и сами *«грядки на своем огороде да и спелое что расте»* (ПА, гомельск.); в польском соннике аналогично трактуются головки капусты на грядках.

Еще один характерный для стереотипа смерти мотив — движение **вниз**, падение, а также сами **низкие места**: низины, рвы, ущелья, колодцы — все они во сне предвещают смерть: «Я переходила реку у сне — три жердочки лежать, так я не знаю, как перейти, и перешла через среднюю жердочку и увалилась, а вулезти не могу, а раз увалилась и не вулезла — так помру скоро, увалюсь» (ПА, гомельск.); «Ежели глубокий колодеж во сне и вода в нем темная и ежели упадешь у той ко-

лодеж и тебя не вытянут — то это к смерти» (ПА, брестск.); «Снится мне — иду я с того краю деревни и бачу: колодец выкопали глубокий-глубокий, а рядом цебрик полон меду. И я-то спужалась и побигла. А на другом краю бачу: люду много-много и так плачут все. Я стою и дывлюся, а мне и кажут: то Мыхай помер»; «Во сне попросила я: тата, построй колодец, а вун: пусть Микита ставить. И через дня так три Микита, мой брат, умер» (ПА, гомельск.). У всех славян известно верование, согласно которому увидеть наяву или во сне падающую звезду — к смерти, однако в этом случае имеет значение не столько «падение», сколько популярное представление о том, что для каждого человека в момент рождения зажигается его звезда, а в момент смерти она падает с неба и гаснет.

Присутствующий в образах снов о смерти мотив разрушения, ломки, развала не имеет непосредственной привязки к ритуалу; он отражает общую идею деструктивности смерти в противоположность конструктивности, созидальному началу жизни. Этот мотив связан главным образом с **домом** как локусом жизни; его разрушение (выпадение окна, треснувшая стена, сорванная крыша, развалившаяся печь) во сне символизирует и предвещает смерть кого-то из домашних: «Як снится, что стинка вывалится покутня — то к смерти» (ПА, брестск.); «Вот, як у мене жинка помирала, мне сон заснися — крыша закрыта, одна сторона упала, другая стоит. Пошел я до бабы, вона сказала: одна помреть, а друга останется. И жинка у мене померла» (ПА, пинск.); «Якщо бачиш во сні печь развалюється — к мерцю» (ПА, мозырск.). Вместе с тем сам дом и его строительство и обустройство получают аналогичную трактовку на основе параллели **дом—гроб** (ср. домовина «гроб»), могила как место обитания покойника (ср. полесск. «собирается до дому» о зажившемся старике). В этом случае строительство дома, побелка дома, заготовка материала (досок) начинают обозначать изготовление гроба, т. е. смерть и погребение: «Як дом ставляють, то говорать — умре» (ПА, волынск.); «Як приснится, что робишь дом, значит, у той семьи буде смерть»; «Ежели хату у сні строят, то смерть буде в доме»; «Як хату строишь у сне, так смерть приде» (ПА, брестск.); «Хату рубиши и недорубиши у сне — то смерть» (ПА, гомельск.); «Хаты билиты [во сне] — гроб. То же койка або лавцы с постелью» (ПА, волынск.).

Та же идея разрушения и распада применительно к человеку, его телу и его жизни получает выражение в повсемест-

ственно распространенном толковании сна о выпадении зуба: если при этом появляется кровь, то умрет кровный родственник, если обходится без крови — умрет кто-то посторонний; если выпадет передний зуб — умрет родственник, задний — чужой человек; если снится, что зуб упадет слева, — умрет кто-то из близких родственников, справа — кто-то из дальних (ПА, брестск.) и т. п.: «Якщо зуб в сні выпадае и кров иде — к мерцю» (ПА, мозырск.); «Ежели приснится — зуб вылетел и кров иде, то з родных помре хто»; «Як у сні зуб выпаде и кров видишь, то говорать, крэвны нехто помрэ. А без крови, то неприятности якіе будуть» (ПА, брестск.); «Як [во сне] вылетить зуб, то хтось умре, задний зуб — то старший, передний — младший. Як кровь не йдэ, то з дальней родыны, а як кровь йдэ, то хтось с ближней родыны» (ПА, волынск.). Мотив «нарушения целостности» как результата некоего разрушительного действия или процесса определяет ассоциацию со смертью таких явлений, как треснувший в печи хлеб (ср. универсальную метафору «хлеб = человек»⁴; обувь с оторванной подошвой и т. п. Не вполне ясно прочитывается устойчивая у восточных славян ассоциация **«мясо—смерть»**, соотносимая, по-видимому, с представлением о плоти и крови как внутренней субстанции человеческого тела, о телесных ранах и близкая тем самым к мотиву смерти как «разрушения».

Как скорая смерть толкуется сон, в котором появляется персонифицированная Смерть в белом платье или плаще, с косой, откуда и само действие кошения и жатвы начинает пониматься как предсказывающее смерть (ср.: «смерть косит людей»).

Народный сонник подтверждает широко известное отождествление смерти и **свадьбы** (браха), манифестирующее себя не только в поэтической фольклорной метафоре (ср.: «обвенчаться с сырой землей»), но и в мифологической и структурной близости соответствующих обрядов⁵. В польской традиции толкований снов семантика смерти приписывается увиденной во сне свадьбе, свадебной процессии, невесте в свадебном наряде, фате, обручальному кольцу (правда, снимаемому с пальца). Ср. также полесск. «Увидеть свадьбу кого-либо из знакомых, то он скоро умрет» (ПА, брестск.).

«Прямыми» знаками смерти во сне являются многочисленные **реалии погребального обряда**: солома (ср. народный обычай перекладывать умирающего на солому, обмывать

покойника на соломе), длинная рубаха (ср. саван), обувь (ср. обязательное обувание покойника), гроб, могила, кладбище, могильный крест, венок, свеча (обязательный атрибут погребального и поминального ритуала), книга (ср. чтение над покойником), колокольный звон и даже священник в церковном облачении. К этой группе реалий, предсказывающих смерть, можно отнести и часы, которые, хотя и не являются ритуальным предметом, также участвуют в «тексте» погребального обряда (ср. обычай останавливать часы в момент смерти). Столь же «прямой» характер носят толкования являющихся во сне умерших родственников или знакомых, якобы зовущих спящего в свой мир («*Покойники к живым приходят [во сне] и зовут*» — ПА, мозырск.).

В ряду «образов», толкуемых в сновидениях в качестве знаков смерти, встречаются (хотя и не слишком часто) **животные**: в польской традиции, по данным С. Небжеговской, — корова, свинья, кот; у восточных славян, по данным А. В. Гуры⁶ — также заяц, птицы (ворон, сорока, кукушка) и летающие насекомые (мухи и пчелы). В полесской традиции особенно часто в толкованиях снов фигурирует пчела или пчелиный рой: «*Рой пчел снится — к смерти*»; «*Свой рой вүйде — к смерти*» (ПА, гомельск.); «*Приснилось пчелы, рой взвился на дворе — так человека забило*» (ПА, волынск.)⁷. Если семантическая связь птиц и насекомых с хтоническим миром и пространством смерти хорошо известна (ср. хотя бы представление о птицах и насекомых как душах умерших, о вороне как вещей птице и т. п.), то в случае с домашними и дикими животными эта связь не обнаруживает прозрачной мотивировки в конкретном контексте сна и обычно требует привлечения дополнительных семантических «звеньев». Так, корова и особенно свинья может ассоциироваться со смертью через мотив убоя скота, ср.: «*Як снится — свинку забье, то то женщина умре, а як кабана — мужчина*» (ПА, волынск.); кот может трактоваться как предвестье смерти на основе распространенного представления о том, что кот или кошка (или другое животное), перепрыгнувшие через мертвое тело или перебежавшие дорогу погребальной процессии, способны вызвать превращение покойника в вампира и его посмертное «хождение», чем объясняется распространенный обычай (особенно у восточных славян) в случае смерти прятать домашних животных и «караулить» тело покойника.

Полесский народный сонник содержит некоторые толкования, не отмеченные для польской традиции. К наиболее

характерным (не единичным) примерам такого рода можно отнести следующие предвестия смерти: месяц (луна), например — «*Кали маладзичок снится, да маленьких смерть*» (ПА, гомельск.; ср. универсальное соотнесение луны с загробным миром); голоса людей и животных — «*Як спишь и тако уздарится, что у окна гутарять и кличутъ по имени, — от тоже к покойнику*» (ПА, брестск.); «*Курица во сне заговорила и обещала смерть*» (ПА, мозырск.); выгребаемый из хлева навоз (ПА, брестск., гомельск.); сено — «*Сено як привезешь до хаты — к смерти, а як солому — то некий шум буде, а не до смерти*» (ПА, брестск.); мед (ПА, гомельск.).

Несмотря на конкретность многих ассоциаций, лежащих в основе народных толкований снов, многие из них имеют мифологический подтекст. Так, цветы предвещают смерть не только потому, что они фигурируют в погребальном ритуале и убранстве могилы («*Если снятся цветы — это к болезни или смерти*» — ПА, гомельск.): цветы и — шире — цветение растений обнаруживаются в народной традиции сугубо мифологическую интерпретацию⁸. О мифологической основе толкований снов вообще (т. е. не только снов — предвестий смерти) см. статью Н. И. Толстого⁹.

Рассмотренные в первом разделе тексты составляют особую часть народного сонника, или сонник в узком смысле слова. Как и письменные сонники, они могут быть отнесены к символико-толковательному жанру: каждый из текстов представляет собой двучлен, состоящий из символа (образа) и его интерпретации (в данном случае нас интересовал только один тип интерпретаций — смерть). Отношение между символом и его толкованием носит характер предсказания будущего по некоему зрительному образу, явившемуся во сне. Прогнозирующая сила этих образов основывается на видимой случайности, неконтролируемости их появления и, следовательно, на их независимости от человека и предопределенности свыше (в данном случае мы отвлекаемся от магического программирования сновидений в контексте девичьих гаданий о судженом и т. п.). Это сближает сонник с такими жанрами народной традиции, как приметы, предсказания, гадания.

Сны об умерших родственниках и знакомых

Среди рассмотренных выше видов снов определенное место занимают сны, в которых спящему являются умер-

шие. Образы покойников в этих случаях по своей логике ничем не отличаются от других «знаков» смерти (таких, например, как реалии, атрибуты или персонажи погребального обряда), и их толкование предопределется самим фактом их принадлежности к потустороннему миру. Однако существует обширный корпус текстов принципиально иного жанра и иной «функции» и pragmatики, в которых также рассказывается о явлении умерших во сне. Это уже не символико-толковательные формулы типа «видеть во сне покойника — к смерти», а нарративы, имеющие, так сказать, программирующую функцию и контролирующие взаимоотношение между миром живых и миром мертвых. При этом являющиеся живым во сне образы мертвых — уже не «случайные», посланные свыше знаки судьбы, а активная сторона, действующая не по указанию небесных сил, а по собственной потребности и воле. Мертвые являются во сне, чтобы просить и требовать, чтобы укорять и предъявлять претензии, чтобы угрожать и наказывать. Сон оказывается тем пространством, на котором развертывается общение (пусть по большей части одностороннее) и разыгрываются драматические отношения между живыми и мертвыми.

С другой стороны, подобные же рассказы о приходе покойников могут быть не связаны со сном, а воспроизводить ситуацию видения или звукового восприятия (реже тактильного восприятия) *наяву*, причем сюжеты и мотивы обоих типов рассказов во многом совпадают. Это относится прежде всего к восточнославянской и, в частности, к полесской традиции. Однаковой для сна и яви оказывается и оценка этих посещений как крайне опасных для живых, и их «прагматика», т. е. обстоятельства приходов (время, место, сроки, причины), поведение пришельцев, их облик, применяемые по отношению к ним обереги и отгонные средства, а также «ответные» действия живых людей, стремящихся удовлетворить требования и просьбы покойников и тем самым обезопасить себя от их хождения и прекратить его. Тем не менее каждый из двух видов имеет свои особенности (и сознательные, и жанровые) и специфические мотивы¹⁰, требующие обстоятельного изучения. Пока что в имеющейся литературе при общем обилии рассказов о посещении покойниками своих живых родственников почти не было попыток выделить и специально рассмотреть тексты, повествующие о явлении покойников во сне. Одна из немногих работ такого рода — недавняя публикация болгарской фольклористки

Албены Георгиевой, представившей полевой материал, записанный от влашского населения северо-западной Болгарии в последние годы¹¹. Благодаря этой работе появляется возможность провести самое предварительное сопоставление текстов этого жанра в трех разных традициях: полесской (по материалам Полесского архива Института славяноведения РАН), польской (по материалам книги С. Небжеговской) и болгарской (влашской).

В Полесском архиве содержится множество записей, представляющих собой ответ на вопрос программы Полесского этнолингвистического атласа: «Что делали, чтобы покойник не ходил?». Хотя вопрос подразумевает ситуацию «реального» хождения, среди ответов немало таких, которые говорят о приходе покойников во сне; во многих случаях эти два вида появления умерших (во сне и наяву) практически не различаются, а в части свидетельств предложенный вопрос понимается именно как относящийся к сновидениям.

Помимо рассказов о конкретных снах в собранном материале содержится некоторое количество записей, формулирующих в общем виде *поверья* о причинах и целях прихода мертвых во сне, например: «Хто не строит дяды [т. е. не устраивает поминального ужина], к тем родители и приходят [во сне]» (ПА, гомельск.); «Если не исполнить воли покойного, то он будет являться, сниться. Одной приснилось — мать [говорит]: “Чого ты скатерь мени не положила?”. Так вона пишила до другого и положила у домовину» (ПА, ровенск.); «Если не исполнить воли покойного относительно вещей, одежды, полагаемой во гроб, то ничего не будет. Но если не устроить поминок, то покойник будет являться во сне и жаловаться, что голоден» (ПА, мозырск.); «Мертвец не довжен позирать. Щоб був хороший [т. е. не досаждающий живым] мертвец, йому очи закривають. Як не поправить, то вон потим сниться, обижается: “Чого ж ви мени не поправили?”» (ПА, ровенск.); «Нельзя ничего брать с могил; если возьмешь, то за этой вещью будет являться покойник» (ПА, волынск.); «Дужэ плакаты нэ варто [по покойнике], то будэ сниться» (ПА, волынск.).

Другая группа поверий содержит предписания относительно способов защиты от являющихся во сне покойников, причем эти способы и меры не отличаются от приемов защиты, применяемых в случае «явного» хождения¹². Главным средством защиты является самосейный мак, которым осыпают дом и могилу в расчете на то, что пока покойник, хо-

дящий всегда ночью, пересчитает маковые зерна, наступит утро и он должен будет вернуться в могилу: «Як сныться чы прэдки становяцца в глазах, обсыпалы маком святоным хату и могылу» (ПА, брестск.); «Як покойник снится часто, то хаты маком святоным обсыпали» (ПА, мозырск.). Используются также освященные растения, святая вода, деньги: «Если покойник является во сне или ходит, поливают могилу святой водой» (ПА, гомельск.); «Як покойники сняться, накуриваются [т. е. окуривают себя дымом] чертополохом» (ПА, брестск.); «У могилу покойника сыплють гроши, шоб он не снися, не ходыв, и говорять пословицу: “На тоби плату за хлевá и хату”, шоб не говорил: “Я вам оставил, ничего не взял, а вы пользуетесь...”» (ПА, ровенск.). Откупались от покойника также жертвоприношениями в церковь или милостыней, поданной нищим: «В зависимости от того, что просил покойник, являясь во сне, в церковь несли деньги, хлеб давали нищим» (ПА, брестск.); «Як покийнык снится, нищому дают хлеб, тоды покийнык будэ пойдаты цэй хлеб и нэ приходитэмэ. Гроши нэ можна даваты — покийнык бэрэ их и пэрэсыпае з руки в руку та никуды нэ йдэ» (ПА, волынск.); «Як снится часто, то трэбы дати на панаходу батюшке» (ПА, брестск.); «Як снится часто, так трэба чо-нибудь из тый хаты чужой людьини дасті» (ПА, черниговск.).

Самым надежным способом избавиться от покойника считается удовлетворение его просьбы и нужды (требуемые вещи закапывали в могилу или клали в гроб очередному покойнику) и прежде всего совершение поминания: «Як снится, надо блином помянуть на пороге — и не буде сниться» (ПА, брянск.); «Снится — соснится и всэ, обед надо справлять, сбратъ своих пообедать, а то он вроде обижается, беспокое — обедать хоче» (ПА, гомельск.); «Снится сон — надо справлять поминки об нем, заздоровник. Тогда зямля над гробом не буде прыподняўшы» (ПА, гомельск.); «Старцам [т. е. нищим] припоминали яго имя, коб не сніўся» (ПА, гомельск.); последнее также было символическим актом поминания. Но иногда действенными признаются и оскорбительные для покойника поминания: «Як снится часто, то як ідэш в туваlet, то помяны их по имэni, шоб ты нэ придавався мни у сні» (ПА, брестск.); «Як уже покойник снится — или у пустую дежжу погляди, или, як у туалет пойдеш, здумляй тога покойника да иди потом, не оглядайся» (ПА, гомельск.). Превентивные меры, предупреждающие приходы покойников во сне, могли совершаться и в рамках погребального ритуала: «Когда при-

дешь в хату, где есть покойник, нужно сразу посмотреть на его ноги, а не на голову — тогда он нэ будэ в очах стоять [т. е. не будет сниться]» (ПА, житомирск.); «Шоб покойник не снился, приди да поцапайся за яго [т. е. дотронься до него]» (ПА, черниговск.).

Полесские **рассказы** о сновидениях, в которых являются умершие, разрабатывают те же мотивы, что и поверья, т. е. повествуют о просьбах, претензиях, обидах и нуждах покойников, о том, как живые на них реагируют и какие меры защиты они принимают. Вот несколько примеров: «Покойнику ремень подвязать забыли, и он стал являться — во сне ходит и говорит: “Вы мэнэ скололи”. Обратились к женщине, которая его обряжала, и выяснилось, что она его “шпилькой шпилила”. Тогда закопали в могилу ремень (ямку прокопали), и он перестал сниться» (ПА, брестск.); «От не уклалы у гроб зямля святоного, то вон прыходыв у сни и всэ каже: нэ вклалы. То возмы позастрякай [воткни эти освященные растения] у вуглы, дэ ворота видкрываются, у тей плот» (ПА, житомирск.); «Умирала мати, у ей було гроши мныго. “Дэ ж я их подию?” Пошила сама соби у гроб подушку и туди зашила. А дятям не сказала. Подложылы юй ту подушку и поховалы. Да вай она дятям снится: “Откопайтэ вы менэ!” Откопалы и забралы гроши — перэстала сниться» (ПА, брестск.); «Удаўсь жинцы у сни, шо прыходить и ходить по хаты [умерший муж]. То вона носыла на могылу кал, кажутъ. Паскудно» (ПА, брестск.).

Менее характерны для полесских рассказов о сновидениях образы «того света», которые являются основным содержанием сюжетов об обмираниях (о которых ниже). Один пример такого рода был записан Е.С. Зайцевой в с. Присно Ветковского района Гомельской обл.: «Мужа убило. Матка жене говорила: выход замуж, одной трудно жить. Она не соглашалась. Сон снится ей, шо вона його [покойного мужа] шукае. И вот нашла: калидор и каютки; у двух каютках побыла — нема, когда у трэтю зайдла, дак на одном боку лежить жененчына у койцы — белая дэўка, як снег, красавая, простыней укрыта, а йон на другой койцы. А столик на сэредине. Йон говорит: “Иди, чого прышла?” А тая дэўчына подымается и говорит: “Почему сюда прыйшла, ты не законная, невенчаная”. А у её двое детей. “Я пришла, шо дети у него”. — “А твои дети у його законные, а ты — не. Иди, шоб ноги сюды не укладала. Я, говорит, здесь з йим повенчалася, и Господь хлеб разрезал нам”. И лежить булка на столе. Она проснулася, ко-

сы повыривала на себе от страха и от жалости. Ну и тады кинула з головы его шукать и волноваться, замуж пошла. Белая дёйка — это не наша, это якой-то предсказатель, небесная дёйка, но белая, ажно зияе ўся».

Записанные С. Небежеговской польские народные рассказы о снах, в которых мертвые являются живым (из 110 опубликованных текстов таковых 17), содержат общие с полесскими мотивы просьб и претензий умерших, однако по сравнению с полесскими в них, пожалуй, слабее выражена идея вредоносности явления покойников во сне (подчас эти посещения оказываются желанными), их отношения с живыми носят менее односторонний характер; умершие более дружественны по отношению к своим живым родственникам, приходят их проводить, готовы им помочь и действительно иногда помогают, дают советы, предупреждают о смерти, предсказывают события и т. п. Ср.: «Я тоже слышала, как тут одной моей знакомой снился умерший: он был без одного рукава, весь обтрепанный. Так она тоже отдала рубаху какому-то бедняку. Так он потом ее поблагодарил, когда еще раз приснился. Так что когда кому-нибудь приснится покойник голодный или обтрепанный, то нужно какому-нибудь бедному что-то дать»; «Моей бабке, мы ее звали старка, так вот ей приснилось. Приснилось ей, что ее дядя пришел к ней. Он покойник. Он пришел к ней во сне и сказал: собирайся! Принес ей зеленый венок: собирайся, через неделю ты пойдешь за мной. И она в воскресенье умерла. Через неделю умерла». В другом рассказе тоже говорится о том, что во сне женщину позвал умерший дядя и она отозвалась на его голос, чего нельзя было делать. «Может, если бы она не отозвалась, то не болела бы и еще бы пожила». Еще одна женщина попросила приснившегося ей покойного отчима помочь ей разыскать потерявшихся во время войны родных. И он указал ей место, где она найдет их; она поехала туда и действительно нашла своих близких.

Болгарские (влашские) рассказы в большей степени, чем полесские и польские, повествуют о жизни умерших на «том» свете. Главным для них оказывается мотив зависимости положения обитателей «того» света от отношения к ним живых родственников, от того, насколько точно соблюдаются ими правила погребения и поминания. Например, умершая мать показывается дочери во сне в расстегнутой блузке и упрекает дочь за то, что та так ее похоронила и теперь уже ничего нельзя поправить; она же жалуется, что ей не доста-

лось хлеба в Петров день, потому что дочь, когда его месила, плакала. Умершая дочь является матери с несколькими айвами в руках и жалуется, что это единственное, что мать раздала на помин ее души, что у нее на «том» свете нет своего стола, где она могла бы положить хотя бы эти плоды. Покойник, которому после смерти не успели зажечь свечи, страдает в полной темноте, и это видят те его близкие, которым он является во сне; чтобы вызволить его из тьмы, семь его родственников должны в течение недели (второй недели после Пасхи) соблюдать строжайший пост; умерший может получить лишь то, что предназначено лично ему, он не может воспользоваться ничем чужим. Умершие являются живым во сне и для того, чтобы рассказать о своей жизни и показать ее: умерший муж рассказывает жене, как он работает на «том» свете, объясняет, что в этот день (была поминальная Дмитровская суббота) всех покойников отпустили на землю, чтобы они могли взять из дома то, что им необходимо; жена провожает его и видит множество покойников, которые вместе с ним должны возвращаться назад. Во многих случаях живые сами стремятся увидеть своих умерших родственников, узнать об их жизни и нуждах, для чего используют магические средства; например, одна из рассказчиц призналась, что, желая почаще видеть во сне своего покойного мужа, она держит под матрацем правый рукав его рубахи, и уверяет, что благодаря этому уже почти пять лет видит его во сне каждую ночь. В меньшей степени это характерно для польских и полесских рассказов. Таким образом, в этой традиции отношения между живыми и мертвыми, регулируемые посредством сновидений, оказываются вполне деловыми и мирными; во влашских текстах практически отсутствует мотив опасности, исходящей от являющихся во сне покойников, и защиты от них, столь характерный для полесских поверий и рассказов.

Рассказы об обмираниях

Особый тип текстов о сновидениях составляют рассказы о случаях летаргического сна, во время которого спящий общается со своими умершими родственниками на «их терриории», т. е. посещает «тот» свет. Эти рассказы, испытавшие на себе влияние некоторых жанров книжно-письменной традиции (прежде всего апокрифических сюжетов типа «Хождения Богородицы по мукам» и разного рода «видений», а

также духовных стихов), известны главным образом в православном ареале славянского мира — у восточных и южных славян, но остаются недостаточно полно собранными и изученными. Между тем они интересны не только как продукт взаимодействия письменной и устной культуры, но и как образцы народной прозы, сохраняющие многие черты мифологического восприятия потустороннего мира и отношений между живыми и мертвыми.

От предыдущих двух видов текстов обмирания отличает сразу несколько черт: во-первых, в них представлена не обыденная ситуация сна, а экстраординарный случай летаргии, воспринимаемой как болезненная аномалия и трактуемой в категориях сверхъестественного; во-вторых, как уже было сказано, в обмираниях именно спящие оказываются активной стороной (хотя и действуют отчасти по воле какой-то высшей силы), они сами тем или иным способом (как правило, вполне мифологическим) попадают в загробный мир и становятся наблюдателями его порядков; в-третьих, сцены из загробной жизни часто носят назидательный характер, демонстрируя посмертные мучения разных категорий грешников; в-четвертых, в обмираниях часто фигурирует «проводник» (старик, «сивенький дедок», умерший родственник, персонаж сакрального мира — ангел, архангел, святой), который одновременно «интерпретирует» увиденное; в-пятых, путешествующий по загробному миру получает там какое-то тайное знание (в частности, знание дня собственной кончины) и обязуется под угрозой смерти не раскрывать его; наконец, в жанровом и сюжетном отношении тексты обмираний отличаются гораздо большей определенностью и более жесткой структурой сравнительно с рассказами о явлении покойников в сновидениях.

О том, что народные рассказы об обмираниях были сравнительно широко известны и интересовали не только собирателей фольклора, свидетельствует следующий отрывок из детских воспоминаний поэта Я.П. Полонского: «Смутно я помню эту старуху, сидящую наверху и расчесывающую свои волосы большим деревянным гребнем, каким лен расчесывают перед тем, как начинают прядь нитки. Помню, что она заваривала чай у себя в горшочке и пила его с медом. Но другая старуха, у которой была своя, покривившаяся, с дырявой крышей хатка посреди города на углу Воскресенской и Введенской улиц, старуха, которая приходила гостить на два, на три дня, — не раз занимала мое ребяче-

ское воображение тем, что рассказывала мне, как она умирала, три дня была в царствии небесном, видела бесов, рай, престолы, Богородицу, ангелов и как ей было сказано три слова с тем, чтобы она никому в жизни не поверила их, никому не поведала, и как она через три дня воскресла. Кто-то мне говорил, что старуха эта, действительно, обмирала, т. е. около трех дней лежала в обмороке. Если вы спросите меня, как я относился к такого рода рассказам, — вместо ответа на этот вопрос я вам только скажу одно, что когда была гроза и я в окно ночью смотрел на молнию, я воображал, что это трескается свод неба и что сквозь эту трещину на одно мгновение просвечивает царство божие, — и было очень мне досадно, что в эту мгновенно появляющуюся и закрывающуюся трещинку я никак, никак не мог разглядеть никак, ни ангелов...»¹³ (рассказ относится к Рязанской губернии).

Русские рассказы об обмирании в последние годы привлекли внимание нескольких собирателей и исследователей¹⁴, однако тема, безусловно, нуждается в дальнейшем оснащении материалом и более пристальном изучении.

Это относится и к другим традициям — восточно- и южнославянским, по которым, насколько мне известно, до сих пор не было специальных публикаций текстов и исследований. Между тем этот жанр народной прозы заслуживает со-поставительного и сравнительно-исторического рассмотрения, поскольку тексты, относящиеся к разным традициям, обнаруживают примечательные схождения и различия, которые могут пролить свет на историю развития жанра и характер его зависимости от книжно-письменных текстов.

Немало текстов обмираний, как весьма пространных, так и совсем кратких, было записано в полесских экспедициях. Два из них опубликованы в «Полесском этнолингвистическом сборнике»¹⁵, небольшая коллекция из восьми записей появилась недавно в «Живой старине» (1999. № 2). В дополнение к ним приведем в сокращенной русской передаче интересный во многих отношениях текст, записанный в центральном Полесье (с. Дорошевичи около Петрикова) знаменитым польским исследователем К. Мошинским в 1914 г.: «[Агата Сугреева тяжело болела и обмирала, спала.] Когда я лежала, пришел ко мне человек и говорит: “Пойдем со мной!”. — “А как же я вернусь назад?” — “Коли Бог даст, то вернешься!”. Я схватилась за мужа, чтобы он меня удержал, а он не пожалел меня и дети не пожалели. Тот человек привел

меня к порогу, я оглянулась на порог и как вышла в сенцы, так и загорелась вся, как загорается бумага. И поднялась вверх, а потом опустилась и стала на снегу, и снова тот человек рядом стоит и ведет меня на восход солнца (т. е. на восток). Нет ни лесу, ни хат, ни изгороди, только белый свет и снег, снег, снег. Как иду, так и падаю за провожатым. Привел он меня к высокой горе и говорит: «Лезь за мной!», — и сам быстро пошел. Я лезла, лезла на ту гору и даже взяла и башмаки сбросила.. Слезли мы с той горы на зеленую травку. Там шеренгами стоят солдаты, я между двойным строем прошла и попала в темный лес — одна земля и неба не видно, перешла его, вышла на широкую дорогу, цветы цветут в садах. Иду я, и идут большие души. Поздоровались, и они говорят, кто за какой грех [терпит наказание], затем идут средние души и говорят то же самое, дальше идут маленькие с локоть и летят, как комарики (утром родились — вечером померли) и тоже говорят, «что за что грех». Подошла я к большому дому. Вышел старый дед, я думала — мой отец, хотела за руку его взять, а потом поняла, что не он. Тогда подошли мужчины и начали танцевать вокруг меня. Я отвернулась от них. Тогда стали танцевать вокруг простоволосые женщины («без хусток»), и волосы у них разлетаются. Вдруг слышу: «Сакарека!» (а Сакарека — женщина у нас была, что в тот год умерла, а жила она все с чужими мужьями, а не со своим). И думаю: «Что ж ты тут делаешь?». А посередине дома стоит большая кадка, а над кадкой колесо, и распята эта Сакарека на колесе руками и ногами, колесо крутится и окунается в смолу и пищит: «Сакарека..!» Это был ад. Смотрю — какая-то женщина стоит надо рвом, и смола течет с нее в этот ров, так она уже совсем падает в этот ров, одна голова осталась. А дальше — огненное озеро и посередине человек, что пчел драл, и два улья висят и по ушам его бьют. Прошла я это огненное озеро, иду уже вдоль песчаного моря, а там души выныривают из песка и все говорят: «Господи, слава тебе!». [Наконец, усталая Агата подошла к воротам, прилегла у ворот, и вошла Смерть: два зуба наверху, два внизу и платок над щеками без мяса. Агата стала умолять и просить, и Смерть отошла. Встала тогда Агата и пошла дальше по дорожкам через ад. Видела мородок, не сохранивших верность в браке, увидела парня, на которого падала кладка снопов, а он стоял и поддерживал ее. Были другие души, у которых Агата не могла узнать, за что они наказаны, так как они не отвечали; были две молодки, которые давали друг другу свое молоко, выливая его в

бездонную бочку; были и женщины, таскающие камни. Наконец кто-то показал Агате дорогу домой, и она вернулась на этот свет. На третий год ей приснилось, что она нашла башмаки, которые оставила под горой, не поспевая за проводником]»¹⁶.

Столь детальных текстов в наше время записывать уже почти не приходилось, правда, и Мошинский считал свою запись уникальной по полноте и набору мотивов. В частности, в текстах обмираний нам не встречался (вообще хорошо известный) сюжет о больших, средних и маленьких душах (людях); остальные мотивы записанного Мошинским рассказа, хотя обычно и не столь красочно изложенные, сохраняются и в современных текстах. Приведем для сравнения (в русском переводе) один из самых прозрачных рассказов, записанный Г.И. Трубицыной в с. Дроздынь Рокитновского района Ровенской обл. в 1978 г.: «У нас тут есть одна старая женщина, она мне рассказывала, что заснула она. А приснилось, что, говорит, иду, иду, иду в незнакомом селе. Аж, говорит, такой дом, дом, дом, большой дом, длинный, и огорожен частоколом; такие ворота большие. Подхожу, говорит, к этим воротам и думаю: «Ай-ай-ай, какой дом!». Интересно мне посмотреть на этот дом, что там делается. Подхожу я к тем воротам, стоит человек — сторож. Так снимается, а я говорю: «Соколик мой, пусти меня в этот двор». А он говорит: «Тебе не разрешается сюда. Тебе не разрешается». — «Ой, мой миленький, родненький, почему же мне не разрешается? Пусти меня, я посмотрю». Стала я ему кланяться, просять, он взял да и пропустил меня. Вхожу, говорит, я в этот двор — такой длинный дом и лестница, крыльце такое высокое. Стоит там женщина, на крыльце, на ступеньках. Я, говорит, начала просить, и она меня пустила. Я на это крыльце, а женщина говорит: «Иди». Вот так меня за руку взяла и говорит: «Иди за мной, только, говорит, потихоньку, иди за мной, и чтобы ничего не шелохнулось». И вводит меня в тот дом. Большой, длинный дом, и такие кругленькие стоят столики маленькие, как тумбочки в больнице. И беленькой скатеркой накрыты. И на этом столике стоит, говорит, такая солоночка и такая тоненькая свечечка горит. И так пахнет хорошо, оттого что свечки горят. И, говорит, вот столик и еще столик, и от этого столика до этого столика такой шнурочек [протянут], ленточка, от столика до столика. А женщина ведет меня за руку и говорит: «Смотри не наступи на этот шнурок, переступай между шнурочками». И ведет меня, ведет

меня. Она впереди, а я за ней, и по всему дому провела меня. И так тихонько, так, говорит, светятся ясненько эти свечечки, горят везде. И так долго, так долго она меня вела. Потом вводит уже в двери, уже в другие двери. Открывает двери, ведет. "Тихо", — говорит мне. Повела она меня туда, в те двери. Там уже огонь горит, такой нехороший огонь горит, темный огонь горит, и так смердит там и темно-темно. А я, ох, говорит, моя голубушка, я уже боюсь туда идти. Она: "Поди, — говорит, — за мной". И вот она меня вводит, вот уже такая хатка, как моя. Уже не дом, а такая избушечка кругленькая. Вся эта избушка обвешана мясом. Входит сначала человек, а женщина за этим человеком. Человек идет и откусил мяса, и женщина за ним откусила мяса. И вот они так кругом ходят. А я стою, и она стоит, говорит: "Тихонечко стой". И снова они так ходят кругом — мужчина укусит мясо, и женщина за ним. А я спрашиваю: "Что же это, моя соколочка, что ж это такое? Что это они делают?" А она говорит: "Это Козуб и Козубиха, муж и жена. Они чародейством занимались, вот им Бог на том свете и дал. И вот они будут свою жизнь есть. Они портили людей, скотину". А потом, говорит, открыла двери да как даст мне в спину кулаками. Да я, говорит, полетела да — ой-ой-ой — падаю с этого крыльца. Падаю, говорит, и — на полу на нарах дома сплю». На вопрос собирательницы, что это за женщина, водившая по раю и аду, рассказчица пояснила: «Это мертвые стоят на страже. Вот я бы померла, так я буду стоять сторожить, пока другой кто-нибудь помрет — через неделю или, может, через год, я буду там стоять, дежурить. А помрет другой, так уже он становится сторожить».

Гораздо чаще изложение опускает подробности, однако в большинстве случаев сохраняется мотив полученного на том свете тайного знания, например: «*Ну, слышала я, что человек спит, просто умер человек. А у него на руках жили бьються. Значит, не умер, а замер. И он долго, три дня лежит — сколько уж там ему Бог написал полежать. И он встает и все рассказывает и только одного слова не говорит или трех слов. Потому что, говорит, как скажу, так сразу и умру. Вот и не рассказывает*

» (ПА, житомирск.).

Еще один популярный мотив обмираний — отказ стражей ворот пропустить спящего на тот свет. Он встречается и в восточнославянской, и в южнославянской традициях. Ср. болгарский рассказ, записанный в Разградском округе: «Господь и ангелы живут в раю. Вот что рассказала своим

близким одна женщина из с. Кривня, которая "ходила" и "вернулась" с того света. Как только она умерла, к ней явился ангел и вознес ее высоко на небо, где она оказалась перед большими воротами. У ворот стояли св. Петр и дьявол. Они измеряли на весах грехи людей, и праведников св. Петр пропускал в рай, а остальных забирал дьявол. Возле ворот было много народа. Кривнянка никого не узнала, кроме жены своего старшего брата, которая умерла лет 25–30 тому назад. Подошла очередь взвешивать и ее грехи. Однако явился ангел и сказал, что ее перед еще не пришел, и ее не пустили. Родственница (жена старшего брата) позвала ее, чтобы показать ей рай. Внутрь нельзя было входить, можно было только посмотреть через ворота. Она увидела длинные столы, уставленные пышными, богатыми яствами, вокруг них стояли праведники. Каждый из них ел и весело разговаривал с соседями. Возле каждого праведника текла речушка, чистая, как слеза. Вода была горячая. Женщина спросила свою родственницу, что означает эта речушка, и услышала в ответ, что это слезы близких, оплакивающих умершего. В это время ее настиг ее ангел и вернул ее назад на землю, после чего она пробудилась и ожила»¹⁷.

В западнобелорусском рассказе, опубликованном в конце прошлого века известным собирателем М. Федоровским, мы снова встречаемся с этим мотивом: «Один человек умер, а потом снова встал, так он рассказывал, что его крестная мать повсюду водила: на небо, в рай, в ад, в чистилище и в бездну. Он обо всем говорил, только не мог того сказать, что он там видел (потому что ему так Бог велел). Он говорит: "Водила она меня, водила, а потом привела к конскому трупу и говорит: "Еще тебе не пришла пора тут быть, лезь в этого коня!". Мне, говорит, так не хочется лезть, а он как толкнет меня, так я и встал". Еще после того этот человек жил лет пятнадцать»¹⁸.

Несколько иначе выглядит этот мотив преждевременности попадания на тот свет в сербском рассказе, записанном в конце 30-х годов неподалеку от Белграда: «Обмирал человек, а когда пришел в себя, рассказал: "Иду я всё дорогой — с одной стороны лес и с другой стороны лес. Птицы поют, погожий день, настоящая весна. Иду себе так, иду, навстречу мне святой Архангел. "Ты куда?" — спрашивает. "Иду дорогой", — отвечаю ему. "Вернись, — говорит, — ты не для этого света". — "Когда же мне приходить?" — "Вот когда будет праздник, когда будут жарить ягнят, когда будет в твоем

селе самое большое веселье". Пошел я назад. Шел, шел и проснулся". Когда наступил сельский праздник, все село его праздновало. Жарились ягнята на вертеле, молодежь танцевала, пришли гости из соседних сел. Тогда тот человек, который обмирал, позвал свою сноху и сказал ей: "Сноха, пошли в магазин за свечой и спичками. Принеси корыто и налей в него теплой воды, чтобы я мог выкупаться". Выкупавшись, он надел новую одежду, лег в постель, взял свирель и заиграл, как играют пастухи, пася скот. Остановился и сказал: "Вот святой Архангел сидит передо мной и смотрит на меня". Затем он продолжил играть, а через полчаса отложил свирель в сторону, зажег свечу, перекрестился, скрестил руки на груди и — умер»¹⁹.

Из приведенных примеров видно, что рассказы об обмираниях, записанные в разных славянских регионах, разрабатывают один и тот же набор мотивов, подчас почти повторяют друг друга дословно, следовательно, мы имеем дело с особым жанром фольклорной прозы, сложившимся, подобно духовным стихам, на пограничье устной и письменной традиций и представленным в многообразии локальных вариантов, различающихся по тому, какие именно мотивы из единого набора получают доминирующее значение, а какие опускаются. Все это лишь самые предварительные наблюдения, нуждающиеся в подтверждении систематически собранным материалом.

Примечания

- 1 См.: Живая старина. 1999. № 2.
- 2 Толстой Н.И. Славянские народные толкования снов и их мифологическая основа // Сон — семиотическое окно. Сновидение и событие. Сновидение и искусство. Сновидение и текст. XXVI Випперовские чтения. М., 1993. С. 89–95; Он же. Толкование снов: беглый взгляд с филологической и этнографической точек зрения // Наука в России. 1994. № 3. Май–июнь. С. 33–37; Небжеговска С. Сонник как жанр польского фольклора // Славяноведение. 1994. № 5. С. 67–74; Niebrzegowska S. Polski sennik ludowy. Lublin, 1996.
- 3 Mencej M. Voda v predstavah starih Slovanov o posmrtnom življenju in šegah ob smrti. Ljubljana, 1997.
- 4 Толстая С.М. «Человек из теста» (фольклорные мотивы и семантические модели) // Русский язык в его функционировании: Тез. докл. междунар. конф. (Третий Шмелевские чтения). М., 1998. С. 99–100.
- 5 Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 64–99.
- 6 Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- 7 См. подробнее там же. С. 454–455.
- 8 См.: Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000. С. 195–219.
- 9 См.: Толстой Н.И. Славянские народные толкования снов...
- 10 См. подробнее: Толстая С.М. Полесские поверья о ходячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник: Матер. и исслед. М., 2001.
- 11 Георгиева А. Сънищата — послания от света на мъртвите (по материали от гр. Брегово, Видинско) // МИФ. София, 2000. № 6. С. 110–166.
- 12 Толстая С.М. Указ. соч.
- 13 Полонский Я.П. Соч. Т. 2. М., 1986. С. 373.
- 14 См.: Живая старина. 1999. № 2.
- 15 Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 70–72.
- 16 Moszyński K. Polesie wschodnie. Warszawa, 1928. С. 169–172.
- 17 Еличинова М. Фолклорни наративи като тълковни единици // Български фолклор. София, 1994. № 5. С. 99.
- 18 Federowski M. Lud białoruski na Rusi litewskiej. Т. 1. Kraków, 1897. № 1097.
- 19 Петровић А. Грађа за изучавање наше народне религије // Гласник Етнографског музеја. Београд, 1939. Књ. 14. С. 36.

Сны и обмирания у духоборцев

тельная память Агафьи Михайловны (Гани, как зовут ее в деревне, — духоборцы называют «своих» уменьшительными именами независимо от возраста) сделали бы честь любому долгожителю. Ганя пользуется большим уважением: она помнит множество псалмов, которых уже никто не помнит, а ее врачебные знания (включая молитвы-заговоры) только прибавляют почтения: в отличие от церковных православных и любых старообрядцев духоборцы считают знахарство Божиим делом; неугодна Богу только порча.

Агафья Михайловна помнит множество чудес, случавшихся в духоборской жизни, и — возможно, в силу ее призыва — сама видела немало вещих снов. Ниже предлагается расшифровка небольшой части ее рассказов. В одном из них главным персонажем является «родимая Лушечка» — Лукерья Васильевна Калмыкова, предводительница духоборцев с 1863 по 1886 г., которая в духоборской среде пользовалась и продолжает пользоваться всеобщей любовью и почитанием и которая, по рассказам духоборцев, обладала ясновидением и способностью творить чудеса.

Как и другие духоборцы, Агафья Михайловна — носитель южного говора, наиболее яркие черты которого (яканье, женский род вместо среднего, спорадическая мягкость в глаголах третьего лица) переданы в расшифрованных текстах.

Сны Агафьи Михайловны

Вещие сны о смерти

«Мне снится во сне: я в Горелом там, в своем доми. Вышла на улицу — глядь, — Лушечка идет. Говорю: “Родимая Лушечка, ну расскажите, как там”. Знаю, что она мертвая. Она говорит: “Мне время нет, я пойду к Ване Гололову”. Повярнулись и пошли по улице. Ох ты, Господи. И я сразу проснулась. Ох, до чего нехороший сон. Тут, тут видела я во сне. Вот я днем тут живу, а ночью я в Горелом. Теперичка слухаю — Ваня вроде приболел, и прошло должно дня четыре, и он умер, Ваня. Вот. Как скоро случилось.

А чаво с Володей случилося. Володя (сын Агафьи Михайловны. — С. Н.) захворал, в больнице был. Я ведь ничаво не знала. И снится мне во сне. Так, небольшое помещение, и все, что на могилочках стоят памятники, все тут. А я на коленки упала, с Лушечкой, думаю, буду видаться, с памятничком. Глядь, Лушечка подле меня стоят на коленочках, а у меня два

Я застала Агафью Михайловну Гончарову за привычным делом: она наговаривала на четвертинку с водой «молитву». Говорила тихо, сосредоточенно, периодически отнимая бутылку от рта и встряхивая: чтобы «лучше улеглось». Потом отдала родственнице большой с наказом, чтобы во время транспортировки (а добираться надо в другую деревню за 14 км) бутылку все время вверх держать: там межи, там речки, если перевернешь — пользы не будет.

Агафье Михайловне 90 лет. Она самый старый человек в духоборском поселке Архангельское Тульской области. Духоборцы — представители русского народного протестантизма — переехали сюда в конце 80-х начале 90-х годов из села Гореловки (Грузия), где они прожили 150 лет. Гореловку они все время вспоминают: «Днем я тут, а ночью в Горелом», — говорит и Агафья Михайловна. Ясный ум и удиви-

платочки носовых в руке. Я взяла положила, а Лушечка взяла их сабе. Теперь я говорю: "Родимая Лушечка, видаться?" – "Видайся", грит. Я только поклонилась видаться. "Погоди, – грит, – нехай мущина вперед повидается". Глядь, лезет мущина на четвереньках, чисто голый, видаться лезет».

Я. С памятником видаться? Как?

А.М. «Как видаться с памятником? Поклонисся: "Память вечная, всем святым, праведным родителям". Вот тебе: "Нехай он вперед повидается". И я сразу проснулась: "Ой, Господи, помилуй, Отец небесный. Два платочка родимая Лушечка взяла, да что ж это такое?". Я думала, с Настей (дочь Агафьи Михайловны. – С. Н.) что случилось. Два дня прошло, приехал КамАЗ, Настя пишет: "Мать, чтобы ты приехала обязательно, Володя в больнице". И вот тебе. Поехала туды к нему, он в Туле был в больнице, операцию в голове делать, с головой плохо. "Володя, сыночек, давай тебя выпишем, домой поедешь, я лечить буду, тебе лучше будет. Вот увидишь, тебе лучше будет". Он говорит: "Ну как же, вот двоим уже сделали операцию, они уже ходят". Ну что ж, не шутки – в голове операцию делать. Я прям кричала яму: "Деточка, ну давай сделаем, я тебе лечить буду, давай выпишем тебя". Он: "Нет, нянька, еще полежу, погляжу. Мне вроде легче чуть стало". И вот тебе остался. И должно сяделю прошло, и операцию сделали яму, и он умер. Разва три я видела Лушечку во сне – все к смерти. И если увидишь какого начальника во сне – тоже нехорошо. И если увижу новый дом – тоже к смерти. Не знаю как кому, а мне нехорошо».

Нарушение запретов и вещий сон

«Один мальчишка ой какой хорошенъкий был. Тут они живут (родители. – С. Н.). Жана никогда в понедельник не стирала. А муж у неё то обмотки, то носки возьмет в речке помоет в понедельник. У нас тут в Гореловке речка текеть в Харитоновой балке. Тут под мостом крыги были – лед такой. А мальчишки прыгают-прыгают там, я не знаю, в шастой чи в сямой он класс ходил, как прыгнул, а крыга первярнулась, и он утоп. Там же недалеко машину мыл один, и не видал. И унясло яво, этого пацана. Два дня шукают, лазиют по этой речке, сапоги понадевали этакие рыбацкие, лазиют с граблями, и нету там. Я там допоздна была там. Сквозь глядим все. Я грю: "Може, дальше унесло?". А Василь-отец: "Нет, не може быть, чтобы дальше унесло?". Ну, я пошла. Пошла оттель, лягла спать. Лягла, снится мне во сне: пойду я погляжу, выта-

кивают дитя чи нет. Этой же мне снится. И шла, и шла, а там соединяется речка, оттель речка текеть и отсель тоже, а там понабило этого льда – и оттель и отсель – прямо страх. Я подошла, а там стоит пацан – так вот лет десять шиль больше – такой хорошенъкий, на нем накинуто плащ. Военный. Я подошла, говорю: "Деточка, а ты чаво стоишь? Пойдем, – говорю, – со мной". А он мне говорит: "Я не очнусь никак". Я ему опять: "Деточка, пойдем, ну пойдем со мной". А он опять: "Тетка, я не очнусь никак". Разва три или чатыре я ему сказала, и он мне так ответил. Сразу проснулась, думаю: – ну что ж это такое? Полежала, полежала, думаю: "О, Господи, что ж я. Они там шукают". Убралася я. Убралася, лежжу, начинает белеть. Я накинула шубку и пошла туды. Пошла и говорю: "Василь, вот такой я сон видала, может, правда там". "Да нет: туды не унесет". Ну, я пошла туды. Иду, а оттеля мужчина – Андрей его звать – по крыгах по этих, по льду идет суды. "Андрей, какой интересный сон я видела, вот на этом месте пацан стоял. Какой хорошенъкий. Я его звала, а он мне говорит: "Не очнуся никак"». Андрей говорит: "А Бог его знает". Теперь стоит: "Тетка, вон она, ручонка". И тут шумнули, и отец прибег, и дядя все собрались, и вытащили его, этого дитя. Вот увидишь, как сбылся сон мой».

Вещий сон о наказании

А.М. «Какой человек рождается, каждому нарякается счастье и какой смертью яму умереть.

Я. А кто нарекает?

А.М. Господь. Мы без Бога ни до порога. Знаешь, у нас одна женщина была, ну она любила ходить у церкву нашу. Мы сиротский дом называем. У неё трое детей было. А тогда еще стала беременная. Одна бабушка научила: "Ты, – грит, – цибульные шкорки скипяти, натошишак выпей, стакан там чи больше, и все пройдет". Ну, ей немного было. Она лягла спать. Снится ей во сне – ох, грит, дрова у печки горят.

Я. Она уже выпила эту цибульную?

А.М. Нет, не пила, приготовила только. Будет пить утром, натошишак. Теперь, говорит, дрова так жарко горят и два чугуна стоят. На этой стороне и на этой. На правой стороне вода кипит. Так, говорит, сильно кипит вода. А на левой стороне змеи, говорит, высёвывают головы, так страшно, говорит, сюды носы высёвывают прям вот. И корыто стоит подле печи. Ой, Господи. Она проснулась: "Ваня, какой я сон неправый видала, вот так и так". – "У-у, спи, где сон бредил,

там Бог не был". (А яму после какая наказания была!) <...> Другой раз заснула. Заснула, опять ей это снится. А тогда пошла в сиротскую: "Ой, Господи, какой я сон видала". — "А это к этому, что ты приготовила — вылей, чтобы не делала этого. Это, грит, змеи твою серцу будут сосать, а вода кипит — это молоденца обмывать". И корыта стояла.

Соседка А.М. Ну а что, неправда, что ли? Грехи наши перед нами».

Обмирание

А.М. «Один умирал, он в Орловке жил, сутки ляжал мертвый, а тогда отживел и рассказал. Вот, говорит, Господи, дюже мне хотелось поглядеть материю и отца, но никого не признал. Такая, говорит, пения, такая пения. Орловка, она же к Святому (название кургана в Грузии. — С. Н.) туды. Такой, грит, луг большой, стоят молодцы отдельно, женщины отдельно. И поют. А дальше, грит, туды — старичок, такой, грит, старенький стоит, вот такая белая бородка.

Дочь А.М. Ты с начала рассказала бы. Как он болел, потом умер. Жена думает, что спит с утра до вечера. Посмотрит, подумает, что старику лучше стало, что он спит и спит. Придет, поглядит на него и уходит <...>. Придет, посмотрит — спит стариик — ну и пусть спит. И до самого вечера. Дочки, занятые на работе на покосе, а он спит. А тогда к вечеру — ну, рассказывай, бабуля.

А.М. Тогда к вечеру уж скотина пришла, уж темнеть стало — он отживел. Она пришла: "Ваня, — грит, — ты, может, чайку выпьешь, спиши целый день. Как я, — грит, — рада, все я управилася". А он заплакал и говорит: "Эх, старуха, я уж на том свете побывал". Да. Мокрый, грит, как мышь, и постель мокре все. Лучше, говорит, десять раз умереть, чем один раз отживлять. Вот, говорит, трудно.

Когда умер я, пришли, грит. Старуха плачет, дочка сабе плачет. Старуха затопила печь, нагрела воды. И он говорит: мне дюже диковинно (а у него шшака была тут разрубленная, рубец был). Погляжу — и стою я, и ляжу я. Дюже мне вот это диковинно. И стою я, и ляжу я. Да что же это такое? У них зёркала была, они у хатёнке жили. Погляжу — я стою, шрам тут. Обмывать стали. Обмыли. Нясут меня в хату, и я за следом иду. Пришел туды — там уж утишки висят и постели постелены. Положили меня. Я, грит, стою. Поглядел в окно — какую назначали корову резать, зарезали корову. Котлы висят, кошевары там энти. Всё, говорит, вот как хоронят

человека, всё это казалася. Когда выносить его, пришли попрощаися, несть надо. На двор вынесли — так солнце ярко светит, пташки поют — душу вынимают. Я, грит, стою подле гроба. Ну, попрощаися, понесли меня. Я рядом с гробом иду, с правой стороны. Иду рядом с гробом. Вот кто, грит, меня толканет, оттель я к перёду чуть. Чуть они отслонятся, я должен рядом итти. Пришли, грит, на кладбище. Принесли. Тут попрощаися. Ох, говорит, когда опускать стали — я думал, грит, лопну я зараз. Так, грит, нехорошо. Ну, душа с телом расстается. Так жутко. Хоть бы, грит, кто сказал — закопали меня. Я, грит, стою подле памятника. Хоть бы кто сказал: — пойдем — я, може, пошел бы с ними, а то стою — покель скрылись, так, грит, жутко — невозможнно.

Я, грит, гляжу — идут два молодца. Ну слава Богу, мне легче стало. "Дедушка, пойдем с нами". И повели меня, грит, к Святому Ну вот там самое пенье была. Никаво, грит, я не угадал. Сястра у меня, грит, умирала, мать, отец. Дюже мне хотелось с материю увидаться, с отцом. Никого не признал. Все, грит, стоят. Умирают и маленькие, и большие. А там, грит, как по шнурку стоят все ровные. Теперичка один и говорит: "Дедушка, ну стой тут, а я пойду к старичку к этому". Вот такая бородка, грит, белая-белая. А так, грит, низочко кланялся, чуть да не доб земли. Чаво с ним гутарил — пение, и далеко, не слыхал я, чаво он с ним гутарил. Теперь оттель повярнулся, идет ко мне, поклонился, говорит: "Дедушка, иди домой — тебе не время". Да. И вот он стал отживлять. Опосля десять лет жил».

[Заметим, что в этом рассказе отразилось отношение духоборцев к пению, составляющему сердцевину их культуры («пения, какая пения», — прежде всего вспоминает А.М., рассказывая об обмирании; ср. из духоборского псалма: «С кем Господь небеса творил? — С глаголом и пением»)].

Наказание в обмирании

«Вот собираются товарищи. Один дюже Богу молился. Это так верил. Один грит: "Я ничаво не признаю. Ничаво там нет. Я умру — нехай мной тын подопрут". И вот когда умер он, он вперед умер, который ничаво не веровал, а этот опосля обмирал. Вот, грит, вядут меня молодцы. А, грит, гляжу — да что такое: стяна стоит — рукой не достанешь — высокая. А так раньше сажни шшытали, теперь метры. Ну так метроу пять или шесть далина. Стоит, грит, старенький какой, заросший. Подпирает эту стену. Стяна похишилась от няго, он на эн-

тот бок забег, там подпирает. Вот самые этий тын подпирает. Теперь он говорит: «Ой, Господи, за што же эт человек так мучается?». А эт, грит, когда был живой, он говорил: – «Я умру, нехай мной тын подопрут». Так не признал, что он его товарищ».

Я. – У вас часто так обмирают?

А.М. – Раньше редко, но обмирали, а зараз никто не обмирает. Зараз все кипим в котле в энтим. Мужики пьют, бабы ругаются. А еще видел он, нет, другой, какие женщиныaborты делают, стоят в огняной реке, волосы дыбом, горят и не сгорают. А как червяки дети ползают.

М.П. Чередникова

Письменная традиция обмираний

В

1998–1999 гг. во время экспедиций по Ульяновской области нами было обнаружено несколько школьных тетрадей, содержащих объемные тексты так называемых «обмираний», или «видений»¹.

На обложке первой тетради, состоящей из 24 листов, название: «Ето будит феклушина виденья». Почекрк, особенностии орфографии и пунктуации свидетельствуют о том, что текст переписывался малограмотным человеком. Орфографические ошибки позволяют судить об особенностях произношения переписчика: аканье, твердое произношение согласных на конце слов («псалтыр», «хранител» и т. п.), сужение в глагольных формах («знаш», «понимаш»), твердое произношение мягких шипящих («страшилишчи»). Обращает на себя внимание, что точка в тексте выполняет функцию разделения не предложений, а слов. Точка, стоящая после каждого слова, словно передает интонацию человека,

едва умевшего читать. Весь текст написан без прописных букв.

Наименование второй тетради (14 л.) – «Видение девы Веры». Обе тетради найдены в селе Соловчихе Радищевского района Ульяновской области и принадлежат В.А. Кононваловой (1918 г. р.).

Третья тетрадь (24 л.) под названием «Вера-мученица» обнаружена в рабочем поселке Старотимошкино Барышского района и принадлежала Т.Д. Новеньковой (1920 г. р.).

Оба рассказа, объединенных именем Веры, переписаны достаточно грамотным человеком. Рукописи, за исключением немногих орфографических и некоторых пунктуационных ошибок, другими характерными особенностями не отличаются.

Начало повествования во всех трех текстах содержит общую деталь: приуроченность событий к определенному времени. «Феклушкино виденье» датировано декабрем 1902 г., «видение Веры» в одном случае – 9 марта 1962 г., в другом – 1965 г. Даты с указанием не только года, но и определенного месяца и числа должны подчеркнуть «документальность» повествования.

Все найденные нами тексты отличаются характерной для данного жанра трехчастной структурой. Первая часть (С.М. Толстая называет ее «заставка») знакомит читателя и слушателя с обстоятельствами, предшествовавшими видению. Однако заставка в письменных вариантах, в отличие от устных текстов, представляет собой подробную развернутую экспозицию, содержащую не только рассказ об обстоятельствах обмирания, но и биографические сведения о человеке, которому дано видение. Так, о Феклуще говорится как о послушнице тихвинского Введенского монастыря. В 17 лет она пришла в обитель. «Почти неграмотна. с трудом. читат. псалтыр. целыми. днями. находится. в монастырских. послушаниях»². Подчеркивается, что, будучи в монастыре, первое время «она. плохо. говорила. так. как. она. из оленецкой. (Олонецкой?) губерни. в их. деревни. особое. наречия»³. Обращает на себя внимание последняя фраза этой характеристики: «об участи. праведных. и грешных. она. мало. имеет. понятие. так что воображенье. на нее. не могло. действовать»⁴. Рассказчик, передающий некогда слышанное от Феклушки, акцентирует внимание на том, что видение послушницы никак не связано с ее предварительными знаниями об участии людей на том свете.

Как уже говорилось, с именем Феклушки связаны Олонецкая губерния и тихвинский Введенский монастырь. В связи с этим интересен факт, о котором упоминает в одной из своих статей Б.А. Успенский. Речь идет о «чуде, бывшем в 1641 году в Красном Бору на Северной Двине и записанном тогда же “при священниках и при народе”... Крестьянка Фекле, Спиридоновой дочери, явились Спас и Богородица Тихвинская и велели ей говорить в народе, чтобы христиане не пили табак и матерно не бралились: «а в которое время кто матерно избранит, в то время небо и земля потресется и Богородица... вострепещет...»»⁵.

В 1989 г. в Тверской области Л.В. Гинзбурская и М.Л. Лурье записали рассказ об обмирании «Феклы какой-то»⁶. Все детали этого рассказа совпадают с найденной нами письменной редакцией «Феклушкина виденья». Через огненную реку по тонкой жердочке Феклушу переводят святой Георгий, говоря: «ты. миня. знаш. от. юности. ты. любила. миня. молилас. мне.»⁷. Наказанные грешники сидят в аду “друг. другу. спинами. как бы. не видя. друг. друга”^{7а}. Далее речь идет о блуднице, вокруг которой обвилась змея, и о колдуне, который ест «разную. сквернот.». Названные мытарства – общие места в «видениях». Однако в данном случае важен тот факт, что последовательность канонических формул одинакова в обоих вариантах – устном и письменном. По наблюдениям С.Е. Никитиной, рукописная письменная традиция выполняет консервирующую функцию, закрепляя «в письменной форме местный инвариант текста. Если этот текст существует одновременно и в устной традиции, то его текстовые трансформации и варианты будут менее значительными, чем вариантные изменения в текстах, живущих только в устной традиции»⁸. Исходя из сказанного, можно предположить, что найденный нами список связан с северо-западной традицией.

В свою очередь, местом жительства Веры-мученицы в наших рукописях называется Одесская область. Само по себе это, конечно, не дает оснований делать какие-либо выводы. Но некоторые особенности лексики двух списков свидетельствуют о том, что первоначально их редакции не были связаны со Средним Поволжьем. В обоих текстах встречаются слова, не понятые местному читателю. Так, за словом «крыжма» в скобках следует «крестик». В другом случае значение этого слова объясняется как «большое полотно», которое крестная мать дает крестникам при крещении. Несколько

ко раз в тексте употребляется слово «коливо», которое также сопровождается более понятным для читателей Среднего Поволжья словом «кутья». И слово «крыжма» (вар.: «крижмы»), и слово «коливо» в названных значениях известны в украинском языке и юго-западных русских говорах⁹.

Предыстория видений Веры-мученицы — рассказ о ее долгой мучительной болезни: она «была парализована и все время лежала в течение 20 лет и просила Бога, чтобы ей умереть, чем так тяжело мучаться, тяжело болеть и быть в тягость своим двум сестрам, которые отказались от нее и издавались над ней, а чужие люди приходили к ней навещать и ухаживали за ней»¹⁰.

Обстоятельства обмирания во всех текстах описываются вполне канонично. Феклуша, прия в свою келью после обедни, почувствовала сильную слабость и уснула необычным неспокойным сном. Ее тело содрогалось от конвульсий, из глаз текли слезы. Окружавшие ее «монашествующие» думали, что она не доживет до утра. Вера в один из дней внезапно увидела резкий свет, приближившийся к ней. Это ощущение и стало началом обмирания.

О всех последующих событиях, происходящих во время странствия души по «тому» свету, повествуется от первого лица.

Наибольшее сходство в письменных текстах видений проявляется в описании хождения души по мукам. И Феклушу, и Веру-мученицу на «том» свете сопровождают проводники. Феклушу первоначально встречает родная сестра, умершая «13 лет. тому. назат. в чахотки, 16-ти. лет. от роду.»¹¹ С ней Феклуша идет полем. Поле сменяется страшным темным местом, переходящим в пропасть. Здесь Феклуша впервые видит грешников, падающих в бездну. Тогда же исчезает из виду ее сестра и появляются главные проводники: один из них Ангел-хранитель, другой — Георгий Победоносец. Позже к ним присоединяется Царица Небесная. Проводники Веры на «том» свете — святой Василий (вар.: святой Иоанн), святой Георгий и Богоматерь. Главная функция проводников — провести душу по торным тропам адских мучений и растолковать смысл увиденного.

Каждому земному греху, каждому отклонению от норм христианского поведения соответствует определенное наказание. Чаще всего грешники горят в огне (в огненной реке, в огромных печах) или мучаются от нестерпимого жара: рогатые бесы обливают их кипятком, сажают на раскаленные

плиты, сталкивают в кипящие котлы. Другое наказание, упоминаемое во всех текстах, — наказание крючьями, на которые бесы подвешивают грешников или которыми раздирают их на части. За язык подвешиваются сплетники и клеветники, за уши — болтуны, которые вели праздные разговоры во время церковных богослужений. Черви или змеи присасываются к блудницам. Неверующие наказываются вечной тьмой, находясь в которой, они слепнут.

Каждое страшное видение сопровождается вопросом, с которым странствующая душа обращается к проводнику: «За что эти люди так сильно мучаются и кричат неустанно?». В этой части письменные «видения» близки одному из явных первоисточников данного жанра — древнерусскому «Хождению Богородицы по мукам». Как и обмирающих в «видениях», Богородицу в этом апокрифе сопровождает проводник — архистратиг Михаил. И она, как и странствующие по «тому» свету души, задает ему тот же вопрос: «Что есть согрешение ихъ?»

Повторяющееся ядро современных письменных «видений» — перечисление мук грешников и их объяснение — совпадает с основной частью «Хождения Богородицы по мукам». Близко древнерусскому апокрифу и лирическое начало «видений». Так же, как Пресвятая в апокрифе, души женщин, странствующих по тому свету, испытывают жалость и сострадание к несчастным и не могут сдержать слез: «Мне было их сильно жаль, и я их оплакивала», — признается Вера-мученица¹². В «Хождении Богородицы по мукам» стерегут грешников, надзирая за ними, ангелы. Ангелы скорбят и печалятся «грешникъ ради», но они обязаны неукоснительно исполнять волю Господа. А он грешных не прощает и только ради молитв Богоматери дает им короткую передышку от Великого четверга до Троицына дня. В «видениях» же грешники находятся всецело во власти бесов (демонов, страшилищ). Именно они осуществляют все наказания: раскаляют печи, сталкивают страждущих в огненные рвы и т. п.

Бесы опасны не только для грешников, но и для обмерших. Они стремятся заполучить новую душу, пришедшую с земли. Этот мотив опасности определяет вторую функцию проводников: они охраняют странствующую душу от притязаний бесов. Так, в «Феклушкином виденье» обмершую послушницу в «темном и тесном месте» окружают «страшилищи» и подносят к ее глазам «хартию»: «я. тут. увидила.

свои. грехи. от юности. записаны.». Однако Ангел-хранитель разгоняет страшилищ: «он... сказал. не смеити. севодни. уст-
рашат. эту. женщину. она. причасница. и ни показывайтесь.
впереди. нас.»¹³ В другом случае Феклуша оказывается в о-
громном доме без потолка. Посреди дома стоят весы, на ко-
торых «страшилища» взвешивают «добрые дела и худые». Ког-
да грехи оказываются тяжкими, бесы с ревом хватают душу грешника. Длинные руки бесов тянутся и к Феклуще.
Но Ангел-хранитель снова спасает ее, бросив на чашу весов платочек, который послушница когда-то дала нищему. Этот платочек перетянул «все худые дела».

В апокрифах и духовных стихах о Страшном суде участь грешников, единожды определенная Господом, неизменна. Их мука — «мука вечная»¹⁴. В одном из духовных стихов грешников проклинает даже «Дева Мария, Богородица»¹⁵. В письменных текстах «видений» судьба грешников на том свете отнюдь не безнадежна. Изменить ее могут живущие на земле: «и хотя душа и находилась бы в мучении, то по молитвам за нее... освобождается и переходит в вечное обитали святых»¹⁶. Однако молиться и поминать грешников надо «правильно». Здесь подразумевается оппозиция *христианские/языческие* нормы обрядового поведения. О нормах «правильного» поминования обмершая узнает от проводников. Богородица объясняет деве Вере, что общепринятые народные ритуалы поминования усопших на кладбище не только не помогают, но усугубляют их мучения. Вечно рыдающие грешники — те, кого «неправильно» поминают на земле: «с водкой и пивом ходят на могилу и там молятся, пьют водку и пиво и ставят ее на стол за усопших»¹⁷. По-настоящему же облегчает муки грешных только церковное поминование и тайная милостыня, которая способна принести спасение даже самоубийцам и пьяницам.

Виды поминовений, совершаемых живыми и облегчающими участь грешных, многообразны. В «Феклшином виде-
ние» знаменательна встреча обмершей с послушницей Тих-
винского монастыря. На вопрос Феклушки, хорошо ли ей живется, старица отвечает: «ранше. ни особино. хорошо...
сама. знаш. с народом. жила. много. греха. было. но сестры.
в 6 недел. умолили. за мине. тепер. мне. очен. хорошо.»¹⁸ В других случаях «отмолить» грешную душу гораздо труднее: «нужно три года на Пасху освятить 40 яиц и купить 40 свечей, 2 коробки спичек. Освятить надо первым, чтобы успеть раздать, это следует встать с краю, где начинает священник

святить, и потом раздать, кому яйцо, кому свечу зажжену. Зажигать отдельной спичкой. Если это выполнить, то через семь лет их Господь выведет из ада»¹⁹. В этом сквозном мотиве вызволения грешных из ада сказываются демократические настроения, которые определили в свое время популярность «Хождения Богородицы по мукам». Ныне живущие на земле, как некогда Пречистая, надеются «отмолить» грехи мучимых в аду. «Видения» для них — свидетельство того, что эта надежда имеет веские основания.

Повествовательная структура хождений по мукам определяется описанием зрительных впечатлений, за которыми следует комментарий к ним. Небесный путь души — это переход от одного видения к другому. Таким образом, композицию «видений» можно назвать кумулятивной, поскольку она представляет собой соединение однородных эпизодов. Переход от одного эпизода к другому маркирован клишированной формулой: «Мы пошли дальше, и я увидела...». Однако названная структура осложнена за счет многочисленных вставных микросюжетов. Иногда они возникают как иллюстрация к нравоучительным толкованиям и приобретают форму притчи. Таков рассказ в «Видении девы Веры» о бесполезной попытке спасти грешницу. Богоматерь приводит Веру к котлу с кипящей смолой. В нем «были люди черные, как головешки». «Здесь, — рассказывает Вера, — я увидела нашу соседку-девицу. Она кричала мне: “Спаси меня, Вера, вытащи меня отсюда”. Мне Царица Небесная говорит: “Вытащи ее!”. Я взяла ее за руки, и за нее ухватились еще несколько человек, и я их легко потянула, и уже были на самом берегу, а она как закричала на них: “Меня нужно тянуть, а не всех”. И тут же ее рука отпала от моей, и она полетела обратно в котел с сильным ревом. Я спросила: за что же такое мучение, когда девица еще жива? “Вера, которых ты видишь здесь, они тоже живы, ты о них никому не сказывай на земле, а мучаются они здесь за самолюбие и гордость, и она еще жива, а место уготовано уже здесь, видишь, что не хочет, чтобы кто еще спасся, а только она одна! Этот грех очень тяжелый”»²⁰. Такие рассказы-притчи тяготеют к книжной традиции. В отличие от них фольклорное начало преобладает в сюжетах, представляющих собой развернутую инструкцию о том, как спасти грешную душу (как, например, в случае рассказа о спасительных 40 милостынях в день Пасхи).

Еще одна форма вставных эпизодов — рассказ, иллюстрирующий неопровергимость того или иного народного ве-

рования. Так, представление о том, что волосы как средоточие жизненной силы требуют бережного к себе отношения, воплотилось в двух микросюжетах. Их начало — картина видения: «Мы пошли дальше, и я вижу плиту, разожженную докрасна, и в огне копалась какая-то женщина, и кричала от сильной жары и боли. Она таскала из огня по одному волоску»²¹. Далее в соответствии с традицией следует толкование увиденного: «Эта женщина так страдает и мучается за то, что она при жизни своей на земле обрезала свои волосы и жгла их на огне, она будет мучаться до тех пор, пока по одному волосу не вытаскат все волосы»²². Заканчивается эпизод в одном случае правилом бытового поведения, которое нельзя нарушать: «Женщина должна быть с покрытой головой и длинными волосами до перехода в вечность». В другом варианте в конце рассказа дается инструкция о том, как можно искупить подобный грех: «Следует говорить на исповеди и после не кидать в огонь, но собирать в мешочек, а когда умрешь, то сказать родным или знакомым, положить в гроб покойной. А еще за этот грех следует купить плоскозубцы и дать неимущему, то будет тогда перед душой, а то сильно печет руки»²³.

Особое место в «видениях» занимают рассказы об участии детей на том свете. Некрещеные младенцы испытывают муки ада, как и взрослые грешники. Участь этих детей вызывает у обмерших особую жалость. Крещеные и некрещеные младенцы могут находиться рядом, но им не дано соединиться. Место, где находятся крещеные дети, изображается как некое сказочное пространство: «Там протекало молоко и река меда и река воды чистой святой». Некрещеные же дети «играли на горячем песке и сильно плакали, что их непускают играть, где играют крещеные дети»²⁴.

Страдают в аду невинные младенцы. Народное сознание пытается преодолеть это противоречие. Основой одного из вставных эпизодов в тексте «Вера-мученица» становится поверье о мертвцах — медиаторах между живыми и мертвыми: «Я видела своей сестры девочку. Она умерла некрещеная. Жила она один день. Мои умершие дети были в белом одеянии и золоченые веночки на них, племянница была в черном одеянии. Она сказала мне: "Тетя Вера, окрестите меня". Я ответила: "Тебя нельзя теперь крестить, ты умерла некрещеная". Она сказала мне: "Можно. У батюшки Николая. Жена его родит девочку, и они назовут ее Еленой, и когда будут крестить, то дайте им мою крыжму (крестик) и

все, что нужно для крещения. И пусть священник меня назовет тем именем, в который я день родилась, какого тогда было святого имени. И когда дитя покрестят, имя его и мое назовут. Затем мой крестик положите младенцу умершему и так же назовите мое имя и положите в гроб крестик. И крестик тогда будет у меня, и имя мое можно будет поминать»²⁵.

Таким образом, в соответствии с народными верованиями восстанавливается нарушенное в мире равновесие: невинный младенец не должен страдать после своей смерти. Знания, которые получают обмершие в этом случае, диктуют новые правила поведения родителям умершего младенца: у них появляется возможность своими молитвами способствовать его спасению.

Вторая часть «видений» — путешествие по райским пределам — по размерам значительно уступает первой. Интересно то, что ад и рай в «видениях» находятся на одной горизонтальной плоскости. Переход от одного пространства к другому происходит сразу, вдруг и обозначается прежде всего сменой ощущений и настроения обмершей: «мы. пошли. далши. я. чувствовала. что. все. становится. теплее. и теплее. необыкновенный. свет. разливался. по тому месту. по которому. мы. шли. мне. стало. так. радосно. и весило. что. я. стала. улыбаться»²⁶ «Мы пошли дальше и пришли в зеленый сад. Красоты его нельзя описать: пение птиц, ликование святых, там было много обитателей. Каждому уготовано место несказанной красоты»²⁷. В этих обобщенных описаниях «земли обетованной» используются многочисленные клише, известные по древнерусской книжной традиции, например «Я увидела сильный свет. Этот свет был сильнее солнечного света, и я упала на камни, поднять глаза не могла. Свет становился такой, как бы светило не одно солнце»²⁸.

В свою очередь, в идеализированном изображении райского сада преобладают сказочно-поэтические и песенные образы: «У фруктов корешок сиял, как золото, а сами фрукты блестят в глазах, как алмазы, а стволы винограда в рост трехлетнего дитя, а яблоки и груши и все фрукты в большом размере, каких нет на земле... О цветах в саду Матерь Божия сказала, когда она плакала по сыне своем, видя его распятого на кресте, то из слез моих вырастали цветы, их надо посадить на землю»²⁹.

Итогом райского странствия для обмерших становится посещение небесного храма. Это своего рода центр «земли

обетованной». К нему в письменных текстах «видений» приводит обмерших Царица Небесная. Описание небесного храма интересно с точки зрения понимания некоторых представлений народного православия. Небесный храм также необходим, как земной. Умершие приходят сюда молиться за живых. Здесь же можно очищаться от грехов, но «только тому, за кого на земле молятся Богу и подают за него бескровную жертву»³⁰. Церковь небесная отличается от земной необыкновенной красотой и размерами: свечи в ней горят рядами, напоминающими море: «как у моря не видно другого берега, так и я не могла глазами найти конца свечам»³¹. Народу в храме много, но величина его такова, что он кажется очень просторным. Необычным с точки зрения земного человека является убранство церкви, где, кроме креста и Евангелия, нет ни одного образа. Богоматерь, сопровождающая обмершую, объясняет, что иконы тут не нужны, «потому что все здесь стоят живые... Я увидала святых столько, что и сосчитать невозможно было»³². В другом тексте говорится о том, что в небесной церкви «образы были живые»³³.

В центре небесного храма возвышается хрустальная гора с Престолом Господним. Иногда обмершей дается счастье видеть Иисуса. В изображении Господаказываются представления, сложившиеся под воздействием тех или иных иконописных сюжетов: «На престоле сидел Спаситель, на нем была риза голубого цвета, от ризы исходило сияние. Возраст он был 30 лет. Лицо его сияло, как солнце, а вокруг головы исходили лучи. На концах лучей сидели Херувимы и Серафимы. Они славили Господа. Из ног и рук Спасителя мира струится кровь»³⁴.

После трепетной молитвы к Господу обмершие начинают свой обратный путь к земной юдоли. Во время этого пути им открываются все новые и новые подробности райской жизни. Иногда в «земле обетованной» для праведных не только сохраняется, но и умножается земное имущество: «Мы увидели неописуемой красоты пастище. Там было много ягнят, были белые и серые, разного цвета. Их оберегали пастихи с посохами, одетые в голубые и серые ризы. Я спросила: «Что, и на небесах есть ягната?». «Кто подал одногого ягненка, тот здесь получит 40 ягнят, а кто два — тот приобрел 80 себе»³⁵.

Праведники в раю трудятся, как на земле. Но труд их неизменно радостен и доставляет им удовольствие. Картины,

посвященные работам в «земле обетованной», создают у читателя приподнятое эмоциональное и эстетическое впечатление. Послушница Феклуши в сопровождении святителя Николая выходит на «сенокосную полянку». На ней она видит умерших монахинь, «которые гребли сено. и светло. у них было... вдруг. в воздухи. точна. блеснула. что. я уви-дила. над етим. местом. где работали. наши. небольшой. венчик. он. был. золотой. все. делался. болши. и болши. наконец. он. сделался. во всю. пожню. то. подниматся. с восточ-ной. стороны. то опять. опускатся.»³⁶ Этот золотой венец, осеняющий пожню, где работают праведницы, становится в тексте «видения» символом райской красоты и блаженства.

В описании «обетованной земли» наиболее отчетливо проявляется различие рассматриваемых текстов «видений». В «Феклушкином виденье» возникают картины монастырского рая, где каждая монахиня имеет свою келью — «красивый одноэтажный домик». Каждый монастырь и на том свете располагается отдельно. Звонят монастырские колокола, созывая монахинь на службу. По просторным светлым полям к монастырю идут «полки монашествующих в белых и парчовых мантиях и в серебряных венцах с крестами»³⁷. В отличие от Феклуши Вера видит в раю близких и дальних родственников, односельчан, своих умерших детей и племянников. Они вкушают райскую пищу и славят Бога.

Перед окончательным возвращением странствующие видят место своего будущего успокоения. Это «прекрасная комната» (или келья), в которой множество горящих свечей. Заходя в эту комнату, обмершие чувствуют необыкновенную радость и не хотят никуда уходить. Но появившийся святитель Николай напоминает о необходимости возвращения.

Пробуждение — завершение рассказа о странствиях души по «тому» свету.

Однако исповедь Веры-мученицы на этом не заканчивается. Ее продолжение — история тяжелой болезни. Таким образом, «видение» Веры-мученицы имеет кольцевую композицию. Однако повествование в последней части ведется от первого лица.

Рассказ о многолетней мучительной болезни объясняет, почему именно Вере было дано увидеть и узнать то, что скрыто от глаз других людей. История земных мук героини — своеобразное житие рассказчицы. Это безыскусное повествование о частной судьбе с множеством ярких реалистических деталей. Разговорная интонация, искренность чувст-

ва придают рассказу Веры-мученицы эстетическую выразительность. Героиня горестной исповеди – человек незаурядный. Чем тяжелее страдания, выпавшие на ее долю, тем мужественнее ее противостояние судьбе.

После тяжелой травмы позвоночника Вера не могла ходить. Но это не сломило ее. «Я на четвереньках ползала, что могла делала: готовила еду своему семейству, ползком ползала по двору, веником подметала комнату»³⁸. Испытания только укрепляют веру в Бога (должно быть, с этим связан выбор имени в «видении»). Что бы ни происходило, героиня не теряет кротости, силы духа и милосердия.

Рассказ о земных хождениях по мукам так экспрессивен, что под первом переписчика акцент делается уже не на «видении», а на личной судьбе. И весь текст воспринимается как своеобразное мученическое житие, о чем свидетельствует название текста – «Вера-мученица».

Знаменательно то, что во втором варианте этого текста опущены подробности из личной жизни. Рассказ заканчивается пробуждением обмершей, и рукописная тетрадь озаглавлена «Видение Веры». Дидактическая функция рукописного текста подчеркивается цитатой из современного духовного стиха, следующей сразу после рассказа о видении:

«Без любви и Веры – кто же жизни рад?
Люди будут звери – в мире будет Ад»³⁹.

Таким образом, переписчики хорошо чувствуют особенности жанра. При многочисленном переписывании текста конкретные детали и подробности утрачиваются, и рукописный вариант «видения» «выравнивается» в соответствии с законами жанра.

Сравнение устных и письменных разновидностей этого жанра убеждает в том, что письменные формы выполняют прежде всего консервирующую функцию, закрепляя все повторяющиеся мотивы, характерные для сюжетов той или иной традиции.

В устных рассказах, как правило, разрабатываются лишь некоторые мотивы письменных сюжетов. Предпочтение в них отдается описанию мучений грешников. Картины райского блаженства лишены подробностей и сводятся к немногим устойчивым формулам.

Наши записи устных текстов показали их зависимость от письменной традиции, в которой они находят идеи, образы, сюжетные мотивы и их толкование.

Дальнейшие исследования могут показать пути распространения рукописных текстов, а изучение устной традиции в отдельном регионе позволит выяснить характер межрегиональных связей и местных особенностей в жанре «видений».

Приложение

Письменные тексты «видений», отрывки из которых приводятся ниже, принадлежат В.А. Коноваловой из села Соловчик Соловчикского района Ульяновской области. В Соловчиках нет церкви, и Варвара Алексеевна с благословения священника ближайшего Сызранского храма руководит в случае необходимости православной обрядностью в селе. В доме В.А. Коноваловой собираются пожилые женщины, и хозяйка дома читает жития святых, духовные стихи и молитвы. В круг таких чтений входят и письменные тексты «видений».

Варвара Алексеевна относится к числу людей, которых С.Е. Никитина называет «центрами-личностями». От них «репертуар расходится в разные стороны»⁴⁰. Устные рассказы об обмирании Феклушки и Веры-мученицы мы записывали не только в Соловчиках, но и в близлежащих селах.

Тексты «видений» Варвара Алексеевна переписала из традей одной «старенькой набожной старушки», имени которой она не помнит.

Феклушкино виденье

В публикации сохраняются все особенности рукописи, за исключением единственной поправки: в целях удобства чтения предлоги с существительными пишутся раздельно.

Хождение по мукам

«мы. пришли. к такому. темному. месту. что. сказать. тру-
дно. и по ту. и по другую. сторону. рвы. в один. падают.
иноки. а в другом. выходят. тут. сестра. моя. скрылас. ко
мне. явилис. 2. юноши. светлыя. красивые. такия. каких. у
нас. нет. тут. я. спросила. их. за что. падают. в ров. юноша.
ответил. мне. за свою. нерадивую. жизнь. в монастыре. они.
падают. и тают. и опять. падают. потому что. нет. тепер. на

земле. наставников. и руководитеlei. и спасается. будут. только. одними. болезнями. и скорбями.»

«мы. с юношой. подошли. к большим. печам. около. печей. страшилищи. они. бегали. с крюками. а в печах. на решетках. были. точно. дрова. которые. горели. страшилища. вытаскивали. их. молотом. вдруг. из головни. делатся. чилювек. и силным. ревом. бросался. опять. в печ. тут. я. очень. устрашилас. что. я. попаду. туда же.»

«мы. пришли. к ледяному. колодцу. у катораго. сидела. женщина. и разливала. варижкой. воду. в обои. стороны. я. спросила. юноши. что. ета. женщина. делает. он. ответил. мне. она. при жизни. продавала. молоко. разводила. ево. водой. вот. за ето. ее. тепер. заставили. отделят. воду. от молока.»

«мы. пошли. по берегу. реки. народу. в нем. было. множество. все. они. как. будто. выпрыгнут. хотят. и снова. окуналис. и громко. кричали. люто. мне. люто. мне. в реке. я. увидила. знакомаго. мужчину. из нашей. деревни. который. кричал. мне. зачем. ты. сдес. уди. отсуда. тебе. не вынести. одной. искры. етаго. пламя. в ето. время. я. почувствовала. что. искра. упала. мне. на руку. левую. и. я. вздрогнула. я. спросила. у святого. великомуученика. георгия. за какие. грехи. сдес. страдают. ети. люди. он. ответил. мне. сдес. будут. все. самоубийцы.»

«вдруг. я. увидила. глубокии. снек. был. силный. ветир. и. вюга. так. что. я. шла. с. большим. трудом. едва. вытаскивала. ноги. была. ужасно. холодно. так. что. я. чувствовала. что. все. мои. члены. начинают. стынут. от холода. мы. подошли. к большому. полю. оно. покрыта. лдом. лед. был. очень. толстым. и. тут. я. узнала. инаков. по. адежди. сидят. они. волосы. у них. распущчины. все. трясутся. от холода. и сильно. щолкают. зубами. мне. стало. их. очень. жал. св. георгий. сказал. мне. ети. иноки. жили. в обителе. и нося. ризу. царице. небесной. жили. беспечно. нерадиво. в послушании. роптали. на трапезу. там. на земле. они. много колотили. языками. а сдес. господ. заставил. колотит. зубами.»

Земля обетованная

«я. увидила. огромное. поля. которое. покрыта. травой. и цветами. посреди. протекала. речка. св. георгий. сказал. ето. обитованная. земля. кроткие. наследуют. ее.»

«когда. мы. вышли. из большого. храма. то. вошли. в храм. рядом же. стоял. но. гораздо. менши. и мы. опят. вошли. в

него. посреди. храма. стояли. три. стола. вокруг. этих. столов. стояли. прекрасныя. юноши. сидели. отроки. и плели. венки. из разных. цветов. которых. были. насыпаны. на всех. столах. великому. множестве. юноши. ети. учили. отроков. плести. венки. среди. етих. отроков. я. увидила. свою. племянника. который. умер. в этом. году. он. увидел. миня. улыбнулся. но. ни. подошел. ко мне. и мне. сделалось. так. обидно. что. он. ни заговорил. со мной. я. долго. стояла. и мне. не хотелос. уходит. но. св. георгий. взял. миня. за руку. и мы. вышли. ис. храма. на мои. вопрос. для ково. плетут. ети. венки. св. георгий. ответил. для праведных. нидалико. от. етаго. храма. я. увидила. три. обители. св. георгий. сказал. мне. ето. обител. веденских. игуменеи. когда. мы. подошли. к ним. то. из одной. обители. вышла. недавна. умершая. наша. игуменша. рафиля. она. обратилась. ко мне. и сказала. ты феклуша. сдес. уже я. тибя ешчо. ни. возму. тебе. надо. ешчо. потрудится. в своей. обители.»

Возвращение

«я. опят. увидила. около. сибя. святителя. николая. он. сказал. мне. тепер. пойдем. я. провожу. тебя. и точно. мы. прошли. в келью. я. легла. на кроват. а он. пошол. в большой. угол. и скрылся. а тут. я. проснулас. окинула. взглядом. всю. свою. келью. какая. грязная. и мрачная. показалась. мне. после. тово. что. я. видила. и вслух. зарыдала. зачем. я. опят. на землю. среди. етой. грязи. пришла. сначала. я. никово. ни узнала. кто. был. около. миня. такие. они. мне. показалис. дурные. чудные. после. тех. каких. я. видила. в. том. поли. которых. шли. полками...»

Послесловие

«после. етаго. сновидения. она. пролежала. в постели. 10 дней. очень. слаба. можно. сказать. находилас. между. жизнею. и смертью. сильной. у нея. был. страх. она. боялас. оставатся. так. она. была. слаба. в 10 лен. вечером. ее собрали. с трудом. она. могла. стоят. во время. евангелия ее поддерживали. под руки. по прочтению. же. последняго. она. почувствовала. крепост. какуюта. особую. бодрост. с етаго. дня. стала. поправлятся. тепер. совершена. здоровья. ходит. на все. послушаный. страх. ее. прошел. и послушница. жива. в настоящее. время.»

Видение девы Веры

«9 марта 1962 года в день Памяти 40 мучеников я увидела сильный свет, приближающийся к моей постели. И когда сияние света остановилось около моей постели, я увидела святых Василия и Георгия Победоносца. Они сказали мне: "Раба Божия Вера, пойдем с нами". Я им ответила: "Как я могу пойти, я уже не хожу 20 лет", — а они сказали: "Мы тебе поможем", — и взяли меня за руку, и я встала и радовалась, что стою сама, и они повели меня из дома моего в воздушное пространство. Одни звезды сияют в небесах, мы приближались к ним все ближе. И когда мы приблизились совсем близко, я увидела, что это не звезды, а люди и такое множество их, что невозможно сосчитать. Одни горели и сияли сильным светом, а другие слабее, а некоторые совсем не горели и были мрачны, некоторые падали на землю молниеносно. Я спросила своих сопровождающих: "Что это такое? С земли мы видели звезды, а когда приближались к ним, они оказались людьми. Одни горят сильным светом, а другие слабее, а некоторые совсем не светятся и падают?" "Это все люди. Когда они рождаются, и их звезды на небесах и горят по силе их веры, и горят светом до тех пор, пока человек живет на земле, а когда умрет, и звезда его падает. А душа переходит в вечное житие в селение святых, уготованное по вере его, а другие переходят в вечное мучение, уготованное им же беззверием"».

Земля обетованная. Место успокоения

«Владычица говорит: "Иди, покажу после твоей кончины обитель, где ты будешь отдыхать до Страшного суда Господня". И увела меня в такую прекрасную комнату, что я не помнила себя, не знала, что и говорить. Стол был убран красиво, на нем было много просфор, а они все множились и множились. Я спросила: "Что это? На столе много просфор, а они все растут и растут?" — "Это твое страданье на земле. Оно растет в вечное блаженство. Терпи, молись Богу и не проси теперь смерти без времени"».

Возвращение

«Я поклонилась Царице Небесной, и в этот момент появился около меня убеленный сединами старец. Владычица сказала: "Возьми, Николай Заболотский, эту душу и отнеси

ее на землю". И в это время на тринадцатые сутки я пронеслась и рассказала видение много стоявшим около меня врачам и народу».

Вера-мученица

(Из рукописи Т.Д. Новеньковой)

«Св. Василий был с правой стороны, а св. Иоанн с левой. Они поддерживали меня, и мы поднялись сразу вверх, а не в дверь. Чем выше мы поднимались, тем чище казался воздух. Я видела звезды огромной величины. Мы дошли до первого неба, так пояснили мне святые отцы. Там была неизъяснимая человеческим языком красота. С первого неба мы поднялись на второе, на нем были так же очень большие звезды и такое же голубое небо. На втором я заметила было яснее первого. Я шла и радовалась, что иду ногами».

«Тут мы увидели полосу в виде радуги и на ней написано половину красным: "Путь праведных", а половину черным: "Путь грешных". Дальше мы увидели врата Господни, они сияли, как солнце, я не могла смотреть. Возле врат стояла девочка в розовом платье, на голове ее был золотой венец. По левую сторону стоял юноша в сером одеянии и венец на голове. Девочка держала большую книгу, на которой написано большими буквами "Книга жизни". Юноша тоже держал толстую большую книгу. Девочка указывала путь праведным душам, а юноша указывал путь грешным душам. Девочка мне сказала: "Тетя Вера, мы с этим мальчиком пришли сюда в один день. Меня зарезало трактором, а его убил охранник за небольшой арбуз". Тут я увидела многое шло по правую сторону праведников. Все эти люди были одинакового возраста — тридцати лет. Праведники были в белом одеянии, а на головах сияли на солнце венцы. А по левую сторону шли грешники в черном одеянии. Лица их были черные. Они слезно плакали.

Девочка открыла книгу жизни, где я увидела — там были записаны люди живые и мертвые, которых я знала на земле. Кто праведный, записан красными буквами, а грешники — черными. Я видела красными буквами записаны люди, которые были еще на земле, но мне не велено говорить, чтобы они не потеряли веру и не оставили свой узкий путь.

Тут мне девочка сказала: "Тетя Вера, я была в серой тьме три года с половиной, а теперь я на свободе и дежурю у Гос-

подних ворот". Я спросила: "За что ты была в серой тьме?" — "За оскорбление отца своего. Четыре слова прощено, а одно слово не прощено". Девочка просила передать маме, чтобы она не плакала по ней. А то Господь гневается на родителей, если они плачут. А когда они своими молитвами через святые храмы поминают и в домах, то мы тогда молимся за родителей своих. Мне здесь хорошо. А брату Павлику скажите, тетя Вера, пусть не оскорбляет отца и мать, а то непростительный грех, и никто не минет этой тьмы серой, пока не вымолят родители".

«Затем мы пошли до столов, все они были покрыты белым полотном. Стояли в муке горящих двадцать свечей и двадцать четыре бублика (крендели) и двадцать четыре монеты. Сюда привели Святые Ангелы человека в серой одежде, и сюда явились семь бесов с хартиями в руках, черные, страшные, неописуемой величины, рогатые. Все семь держали хартии. Они сказали: "Этот человек наш, он, живя на земле, выполнял все грехи, чему мы ему поучали, это — наглая душа". Святой Ангел сказал: "Он имеет искупление души, он покаялся на исповеди и подал вышеуказанное подаяние, и Господь принял и простили". После этих слов бесы закричали, и я видела, как один бес схватил полотно, на котором лежала мука, и на ней стояли двадцать четыре свечи, бублики и двадцать четыре монеты, а бес тогда схватил муку и немного рассыпал тут у стола. Ангел сказал: "Если соберете эту муку, то душа ваша будет", и бесы стали собирать муку. А святые Ангелы взяли человека и перевели его по тому полотну и сказали: "Иди, Григорий, ко Господу"».

«Видела я, когда вели душу. Это была крестная мать многих детей, ее крестники закрывали крыжмой (большим полотном) ту сторону, где стояла черная стена, а за стеной клокотало огненное море, это той крыжмой они закрывали, что дает крестная мать при крещении крестникам. Там были не только младенцы, но и взрослые 30 лет».

«Дальше напишу, дорогие сестры и братья, с чего началась моя болезнь. В 1948 году меня ударил баран в грудь, я упала на кучу камней и получила сотрясение мозга. И повредило мне три сустава в позвоночнике. Я лежала в больнице 10 месяцев, мне делали операцию, 38 дней не ела ничего. Я лишилась Божия Света, 3 месяца не видела, взяли меня домой и я стала видеть глазами, а больница мне ничего не помогла. В 1956 году я на четвереньках ползала, что могла, делала: готовила еду своему семейству, ползком пол-

зала по двору, веником подметала комнату. Я мучилась. Местный врач предложил лечь в больницу. Взяли меня лечить светом. У моей кровати не было розетки, мне давали свет по 8 минут в другом корпусе, то вдруг дежурная говорит: "Я поведу тебя на свет, а оттуда придешь сама". Я думала, она шутит. Отвела меня, и я лежала под светом 2 часа, они забыли про меня, а я встать без помощи не могла. Потом подняла меня дежурная и сказала: "Иди сама!". А двор был длинный. Я пошла. Было темно во дворе, я упала, и у меня косточка свяхнулась, и опять ушибла позвоночник и вновь лежала без памяти я на снегу долго. Благодаря собачке, никто не знает, откуда она взялась, собачка лаяла, царапала в дверь, а потом по коридору до дежурной, а та стала ее гнать на двор и увидела меня, лежавшую на снегу в одном халате и в тапках. Троє их внесли меня без сознания, обложили меня грелками. Должны были троих судить, но я всех их покрыла, я сказала, что я сама пошла на свет и оттуда шла сама и упала, а они не знали, и так никого не судили. У той дежурной, что больше всех виновата, трое детей, и я пожалела. И так уже с 1956 года лежу по сей день. 9 лет не хожу ногами, а левая рука у меня без движения. Но я за все благодарю Бога, так сказала Царица Небесная, когда я засыпала, что каждый больной, если терпит безропотно, получает великую награду».

Примечания

- ¹ См. об этом: Лурье М.Л., Тарабукина А.В. Странствия души по тому свету в русских обмираниях // Живая старина. 1994. № 2. С. 22–25; Толстая С.М. Полесские «обмирания» // Живая старина. 1999. № 2. С. 22–25.
- ² Феклушкино виденье. Рукопись хранится в фольклорном архиве кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета, архивный номер: 1. С. 3.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Успенский Б. Экспрессивные выражения и культ матери-земли // Человек и природа. 1990. № 10. С. 31.
- ⁶ Лурье М.Л., Тарабукина А.В. Указ. соч. С. 26.
- ⁷ Феклушкино виденье. С. 20.
- ^{7a} Там же. С. 9.
- ⁸ Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993. С. 40–41.
- ⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967. С. 291, 376.

- 10 Видение девы Веры. Рукопись хранится в фольклорном архиве кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета, архивный номер: 2. С. 1.
- 11 Феклушкино виденье. С. 4.
- 12 Вера-мученица. Рукопись хранится в фольклорном архиве кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета, архивный номер: 3. С. 3.
- 13 Феклушкино виденье. С. 6.
- 14 Страшный суд // Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX веков. М., 1991. С. 247.
- 15 Там же. С. 249.
- 16 Видение девы Веры. С. 4.
- 17 Там же. С. 8.
- 18 Феклушкино виденье. С. 31.
- 19 Вера-мученица. С. 31.
- 20 Там же. С. 16.
- 21 Видение девы Веры. С. 9.
- 22 Там же.
- 23 Там же. С. 10.
- 24 Вера-мученица. С. 10.
- 25 Там же. С. 33–35.
- Подобные рассказы о возможности передать умершему необходимую для него вещь широко бытуют в современной устной традиции. В наших экспедициях мы неоднократно записывали сюжет, в соответствии с которым мать умершей девушки-невесты по ее слову, сказанному во сне, передает дочери подвесочный наряд, положив его в гроб молодому солдату, погибшему в Афганистане.
- 26 Феклушкино виденье. С. 24.
- 27 Видение девы Веры. С. 22.
- 28 Вера-мученица. С. 11.
- Ср. в апокрифе «Сказание отца нашего Агапия...»: «Когда Агапий вошел внутрь, он увидел сияние в семь раз светлее света, так что глазам невозможно было смотреть на него. И Агапий пал лицом на землю» (Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980).
- 29 Там же. С. 18–19.
- 30 Видение девы Веры. С. 9.
- 31 Вера-мученица. С. 8.
- 32 Видение девы Веры. С. 4.
- 33 Вера-мученица. С. 8.
- 34 Там же. С. 11–12.
- 35 Там же. С. 6.
- 36 Феклушкино виденье. С. 36–37.
- 37 Там же. С. 33–34.
- 38 Вера-мученица. С. 40–41.
- 39 Видение девы Веры. С. 24.
- 40 Никитина С.Е. Указ. соч. С. 40.

С.Г. Леонтьева

Рассказы о «привидениях» среди визионерских жанров

P

ассказы о «привидениях»¹ — это повествования о контакте с необъяснимыми явлениями, которые самими визионерами атрибутируются не только как увиденный ими объект, но и как непосредственно процесс «привидения» во всей его протяженности (пусть даже кратковременной). Надо сказать, что мотив «привидения» встречается в различных фольклорных жанрах, в частности в жанрах несказочной прозы. Привидеться может покойник, русалка, клад — набор мифологических персонажей, контактирующих с человеком, хорошо известен. Но употребление лексемы «привидеться» не стабильно, она свободно заменяется на другие: покойник *приходит*, русалка просто *на камне сидит*, домовой *внезапно наваливается* и т. д. В подобных случаях, видимо, нельзя говорить о собственно «привидениях», здесь «срабатывают» и иные механизмы идентификации самого момента встречи, свя-

занные с представлениями об изоморфности реального и ирреального мира, их взаимопересечении и проникновении. Любопытно, что покойник может не только привидеться, но и присниться, и рассказчик в этом случае обязательно оговорится: «Нет, наяву не видела, а вот снятся часто». Эта вариативность слов, вводящих повествование о встрече с представителем иного мира, не случайна. Оказывается не столь существенным, привиделся покойник, приснился или просто пришел. Способ, каким он устанавливает контакт с визионером, менее значим, чем само содержание общения, которое имеет либо программирующую, либо прогностическую функцию (кстати, таких функций у рассказов о собственно «привидениях» нет).

Представляется, что существуют особые формы повествований, которые, кстати, выделяются самими исполнителями. Показательно следующее наблюдение: отвечая на вопрос: «А не бывает ли так, что привидится или прислышишься?» — информант не рассказывает (или только в очень редких случаях) о приходе покойника или домовом. Его интерес скорее сосредоточен не на персонажах, а на факте визионерского контакта и условиях, в которых он произошел. Так, в подавляющем большинстве это рассказы о неких местах, на которых может «привидеться», что позволяет констатировать валентности лексемы «привидеться» с различными обстоятельствами места. Очевидность особой нарративной структуры этих рассказов дает право говорить если не об отдельном сюжетном типе, то по крайней мере об особых моделях текстообразования.

В таких рассказах устойчивы инициальные формулы: «Вот здесь, все раньше все и чудилось», «Вот здесь, повыше километра полтора отсюда», «Там вроде привиждается», «А у нас там такой камень был, переедешь реку — камень такой, и у этого камня всегда привиждалось». Функциональность речевой тактики сводится к констатации особого статуса места, «точки контакта», локализованной в пространстве. Такое одиночное обстоятельство, выраженное дейктическими элементами (здесь, там, тут и пр.), не комментарий, а самоценный в рамках высказывания компонент (ср. у А.А. Прозоровой понятие «топика»)².

С одной стороны, это место, о котором известно, как о месте «привидения»: «Привиждалось, у нас примерно... Жили мы в деревне, не в этой, а двадцать километров отсюда, и вот, если ночью идешь, обязательно там привиждается, там

видит кого-то кто-то, да это место такое, около Симанова» (1). По терминологии И.М. Богуславского³, такое локтивное обстоятельство можно определить как «миропорождающее», т. е. не только фиксирующее точку физического пространства, но и объясняющее происшествие «следствием определенных свойств места»⁴, а значит, при попадании на это место прогнозируется и ожидается встреча с «привидением»: «От, говорят, к Желудовскому ручью, вот, бывало, едут, если на мельницу же рано ездили туда в Воскресенское, едут и говорят: «Ой, привидится!» (2); «Вот однажды едем с ним вечером на лошади и как раз и говорим: «Вот на этом месте, говорят, привиждается». И в это время под санями: «Гон-гон-гон!». Я так и замерла. Это, оказывается, лошадь наступила на тетерку. Я не верю, думаю, так пугали» (3). Абсолютизация подобной мотивации ожидания приводит к возможности экскурсий по местам «привидений»: «Да там вот за Лутки, Лутки есть, мол, это старые рассказывали, мы ходили — нам ничего не привиждалось, это по большаку, там гора есть, и под горой мостик есть такой маленький через ручей. Мол, привиждалось. Мы ходили и по одному, и артелью, но ничего. Такая Лутинская гора, вот и все» (4). По-видимому, такие варианты рассказов выводят подобные текстообразующие модели в область нарративов о «святых местах» с соответствующим комплексом сюжетов⁵. Но в то же время применительно к описываемым нарративам скорее можно констатировать своеобразный произвол в «выборе» места «привидения», что, по-видимому, несколько уточняет ставшую уже традиционной оппозицию «сакральное/профанное».

С другой стороны, речевая позиция информанта обусловлена зачастую не только потребностью обозначить место контакта, хотя, разумеется, есть тексты, описывающие вполне конкретные топонимы: «Там Попово озеро, тута привиждалось», «Привиждалось в Белогубово», «Цыплово, там, говорят, привиждалось», — инвентарь для презентации мест распределается по линии от конкретного топонима до дейктического обозначения. Правда, в отдельных случаях «размеры» локуса мыслятся как нечто протяженное в пространстве: «Да вот я и говорю: у нас с поселка до Нямково привидение было» (5) — в подобных вариантах обозначение локуса тяготеет к длительности некоторой дистанции, само место приобретает свойства процесса.

Не удивительно, что в подобных повествованиях мы наблюдаем сопряжение пространственных и временных ха-

рактеристик: «Есть такое место, что всегда приходится, четыре километра отсюда. Это место всегда старались пройти артельно, не по одному» (6). «Всегда» здесь, указывая на дискретную повторяемость моментов времени в постоянной точке пространства, транслирует идею особой функции локуса⁶. Но во многих вариантах мы имеем дело с попыткой просто обозначить направление перемещения визионера: «Вот мать его, она шла с Абрамова», «Вот раньше мамка рассказывала, с Михалева идешь...». В этой группе нарративов репрезентируется не столько место, сколько сам процесс «продвижения» в пространстве, преодоление какого-то отрезка пути, причем сам путь мыслится как движение незаконченное, при котором принципиально не достигается конечная цель пути. При этом конечный пункт может быть и обозначен: «Это что-то... Ну, как-то в город шли. И где-то там сосна ли елка, что-то было — горит огонек. С города пришла баба и рассказывает, а там привиделась» (7) — или указывается на отвлеченный вектор движения: «Куды бяжишь и боишься, и чудится как, как и я знаю, бяжишь и чудится» (8). В любом случае нарративная структура подобных повествований принципиально не замкнута.

Отметим, что анализ глагольных лексем позволяет говорить о специфичной грамматической форме глаголов в описываемых текстах. Так, стоит указать на устойчивое употребление глаголов несовершенного вида: «Ходила вечером к отцу, и на поле мне все конь казался и все время исчезал» (9). Согласно Е.В. Падучевой, глаголы в таких грамматических типах высказывания представляют динамическую ситуацию, выраженную в негомогенном процессе, который стремится к «внутреннему пределу» движения⁷, причем, по всей видимости, в таких ситуациях можно даже говорить о неактуальности предела, так как «для смысла высказывания важен самий процесс, внимание сосредоточено на его поступательном развитии, на нарастании процессуального признака, на занятости субъекта действием, а не на потенциальном пределе; тем самым направленность действия к пределу ослабляется»⁸. Вообще, по утверждению С.М. Толстой, «концепт движения-хождения относится к числу основных понятий традиционного миропонимания»⁹. В рассматриваемых нарративах акциональный компонент становится «семантической доминантой» (С.М. Толстая), так как предметом рефлексии рассказчика является сам путь, локализованный в конкретном пространстве. В этом контексте особенно пока-

зателен следующий пример: «Я вот слышала, что там вроде привиделась, где-то что-то, кто-то; а дядя мой рассказывал: ехал когда-то с Торопца, желтая гора, дороги не было ему — стягал брызгевелину¹⁰. На следующее утро пошли — дорога как дорога, только брызгевелина вся состегнута, вот, что ему так привиделось?» (10). Синтаксическая конструкция «дороги не было ему» эксплицирует невозможность движения, тем самым семантически выделенным оказывается «хождение», а не встреча с привидением. В.Г. Гак определяет такую конструкцию как «актантную трансформацию»¹¹, когда глагольное обозначение («Я не могу пройти, мне что-то мешает») заменяется вторичным средством номинации действия. Нам в этой связи важно подчеркнуть, что помеха на пути имманентно присуща свойствам самой дороги, т. е. не кто-то появляется и пугает, а сам путь чреват неожиданным и непонятным. Любопытно, что путь, понимаемый как продвижение в определенном направлении, как бы ломается и разворачивается вспять от того места, где привиделось. Причем возвращение назад представлено лишь через описание стрессового состояния визионера: его напуганность, даже беспамятство. По-видимому, эта особенность нарратии рассматриваемых повествований объясняется общими механизмами восприятия и презентации «странных и страшного»¹². В силу тех же причин рассказы о собственно «привидениях» часто заканчиваются описанием повторной попытки преодоления того же отрезка пути, правда, уже с другой целью: «освидетельствования» места «привидения»: «И им привиделся овраг, и по оврагу идет лошадь, и лошади такой не было в селе, они назывались саврасой масти — это такая мышьякового цвета, так называли таких лошадей. И вот эта лошадь — они там чуркались — ничего не помогает, но когда на второй день посмотреть, то там уже ничего не было» (11). Повторные «осмотры» обычно сопровождаются скептическим комментарием рассказчика, в котором достоверность призрака ставится под сомнение: «Иду я на гулянку лесом, едет воз. Везет мужик сено. Такой большой, что мне никуда с дороги не свернуть. Куда я сворачиваю — и он за мной, я туда — и он за мной. Ну, думаю, задавит он меня сейчас, наедет на меня, ударю я по колю по этому. Ну, я размахнулась, как вдарила, что палка выскочила с рук, и я бежать, и никого больше не видно. Думаю, убила, не оглядываюсь, бежу скорей. Ну, оттуда пошли, уже светать стало. Погляжу, думаю, пойду, где этот конь. При-

шила, а это большая куча говна конячьего насрана. Лежала ку-ча, а показалось, что это конь» (12). В то же время сам факт визионерства редко подвергается сомнению, несмотря на метатекстовое знание о действительно происходящем: «Привиждался вот в Игнашово. Вот то место, вот там привиждалось в кустах. Даже вот ехала Ольга с Ворошилова, и едет, и вот все горит. А там никакого костра нет, ничего» (13)¹³. Более того, для рассказчика не существенно, что результат контакта несостоителен, значимое уяснение возможности соприкосновения с непонятным: «Я слышал, вот старые, мать моя говорила, привиделось что-нибудь, а там нет никого. Ну, вот идет в ночное время что-нибудь и боится, назад осматриваться нельзя, когда в ночное время идешь, никогда назад не осматривайся — тебе все будет привиждаться страшным страшно, боится — привидит. Привиждения! Привиждения там — побежала какая-то баба в халате в белом, а там нет никого» (14).

В таких примерах отчетливо проявляется одна из специфических черт рассказов о собственно «привиждениях»: презентативная функция этих повествований. Рассказчик представляет факт визуального контакта с необъяснимым и более ничего: «Мой отец работал на железной дороге, там в Ранцево что ли станция, и вот тут у нас озеро в Богуменье есть, и он шел к нам домой, плохо жили — нам яду нес, и яму привиделся белый, во всем белый человек. И он прибежал домой, весь загаркавши, а в действительности там никого не было, не было или было что, ну, что-то белое, такое большое, привиделся ему» (15).

Контакт может быть не только зрительным, но и слуховым: «Ну а мне самой накануне Троицы, мама сажала капусту, мне двенадцать годов было, надо идти в баню. “Дочь, сведи лошадь” — ну я и повела, а солнце, пока привела, и село, а лошадь потеряла звонок еще до Троицы. Вот только села пугать, а дядя Мелоха кричит: “Иди, одень звонок!”, — я пошла на гору: “Дядя Мелоха!”, — а его нет, два раза ходила. Третий раз не пошла. А мне надо было сходить, а видела б и кого али нет. По голосу он» (10).

«Прислушивание» гораздо реже встречается в качестве самостоятельного мемората, но его семантико-функциональные особенности связаны с теми же нарративными механизмами, что и в рассказах о «привиждениях»: «Привиждалось, это уже было — моя мамка была возраста такого, как вы, так вот была там такая река, в реке был такой, был

большой овраг, и вот там да... бывало, говорить, от идем с гулянки, и как начнут плакать голосом, плачут, просто плачут... Она говорит, мы ближе-ближе, ближе-ближе: артелью-то не боятся, и потом тише, тише — и куда-то делись» (16). Последний пример еще раз показывает, что рассказчику важно определить не только то, что показалось, но и как происходил контакт с необъяснимым. И именно поэтому в составе рассказов о «привиждениях» не стоит рассматривать повествования о русалках, водяных, лещих и т. д., применяя к ним традиционный персонажный подход, так как повествования о визионерстве тем и выделяются из ряда описывающих некоторые случаи изоморфности реального и ирреального, что они репрезентируют сам момент визионерства, «глюка». Интерес рассказчика прикован к самому галлюцинированию; другое дело, что привидение принимает какие-то «реалистические» формы. В этой связи представляется методологически верным привлекать к анализу материал с окказиональными «примерами привидений» как наиболее ясно демонстрирующих идею визионерства в качестве основного концепта повествований.

Обращаясь к персонажному аспекту рассказов о «привиждениях», стоит указать на некоторые варианты тактики общения с привидениями. В целом они отражают общие возможные ситуации контактирования субъектов коммуникации в пространстве. Так, персонаж может осуществлять движение навстречу: «Были на конференции зимой. И мы шли с Красной Горки до Ветошек, вот такое там поле чистое, и далеко-далеко видно, значит, огончик от леса, огончик так приближается к нам, ну, мы не волнуемся, потому что там народ-то ходит, хоть и вечером-то, вечером с конференции идем, ну, ближе. Потом огончик остановился — мы идем; когда ближе подходим, видим, как будто бы одет саван какой-то, какой он белый, какой, там трудно рассмотреть, потому что зимняя ночь, и огонек, значит, а мы подумали, что нас просто кто-нибудь пугает, потому что это были Рождественские праздники, везде гулянки... И вот равняется с этим факелом эта моя подружка: “Ой, я тебя узнала!”, хотела схватить за саван, а он из него. А в лес мы вошли, и слышно стук конских копыт» (17); причем если сначала персонаж действительно двигается навстречу, то в ходе речевой презентации контакта «двигательная способность» персонажа существенно ослабевает и активность переходит к визионеру, если он до этого не успевает покинуть место «привиждения».

ния»: «Разливы у нас были такие... место. Мы жили-то в лесу везде... Говорили, бывало, старики, ну и я один раз прихожу — елка была очень высокая такая, из всего леса, и все на том месте привиждается что-нибудь. Я прибежала — вот привиделось, как будто сидят два человека и ко мне ползут, ну а там не было ничего — как будто правей, ей-богу, ей-богу, я Богу верую. На второй день пошел дядя мой Степан и папа пошли — никакого гнезда нет, а почему все там только привиждалось, в этих Разливах в этих, место такое было. Кричала я, бежала вся мокрая, и я заболела потом, сколько я отлежала» (18). Есть и обратные случаи агрессии, исходящей от привидения: «Шла, значит, в свою деревню, меня на этом месте закидали землей, что не войти было; ну я и шла из другой деревни домой, это место такое, как уж привиждается тое место, и все гнали и песком кидали, а я бежала; там ручеек и кустки» (19). Кстати, в этом примере в очередной раз можно наблюдать приемы презентации «непроходимости» места — «не войти было».

Инициатива общения может исходить и от визионера: «Я шел с рыбаки. Но я не пошел лесом, а пошел в обход тропинкой и на дорогу и там между... мост, Калачий мост называется; и вот я там ловил овицу, сам лично. Потом она под мост подошла и пропала» (20).

Персонаж может оказаться в своем движении вполне самодостаточным, перемещаясь параллельно пути визионера: «С тех пор я помню, взяли меня на сенокос родители, я там была, вот отошла немножко это в сторону, стою — выезжает на лошади девочка, такая маленькая девочка, вот вижу на лошади, вот я: “Тятя, тятя, беги скорее, поймай эту девочку с лошадью!” — “А, нет, ложь это, — говорит, — никого ня видно”. Ну, я вот до сих пор помню, что я ее прекрасно видела, если б я спала — так я стояла! Почему это такое? До сих пор ня знаю никак. Что бы это такое случилося со мною? Ничего не случилось. Так я и все. И так вот и выехала с осиннику по-перек и в осинник и поехала, девочка года три так, такая... маленькая; и не то что высокая большая лошадь, а маленькая, и девочка маленькая на лошадке выскошила и зато вот так проехала» (21) или двигаясь впереди: «Вот в Борку как-то раз, это я сам видел, ехал на такси как-то раз в Борку, не по сейчасной дороге, а по старой дороге, что сделана раньше была, и вот тут болотина и с этой стороны болотина, и маленько за поворот мужик шел с рюкзаком, это я сам видел, я за ним, думаю сейчас догоню, выезжаю — мужика нет. А что

это было, к чему — не знаю, так я и не понял, куда он делся, сам не знаю, вот и думаю, что это такое было. И не один был — с Вадиком вместе, а кто такой? Выехали из-за поворота, а его уже нет» (22). Исчезнение опережающего попутчика может быть и не обусловлено изменением траектории его пути: «Вот этому самому Соловью видеть там девка, напримерно, хоть бы и ты, идешь в белой кофте с гулянки, а она просила его погодить: “Погоди, Володь, мене, пойдет со мной Колька (ну там Колька или Ваня — это я так называю) ну пойдешь он мене с работы, а может и не пойдет”. Впереди со мной гулявши. А я, говорить, иду и думаю: “Ну вот Женька меня просила, уже идеть впереди меня — как она попала? Определила мене? В белой кофте — Женька”. Пошла, я итить и итить, на! Куда эта Женька делась, в белой кофте — нету этой белой кофты» (23).

Персонаж может быть просто локализован в пространстве, акционально закрыт от визионера, представляя собой некую «живую картину»: «С пустоши поехали, пустошью раньше называли туда далёко-далёко, это было в субботу, и там ехал и видит, что сосед пашет — вот там гора у нас, теперь она, где песок брали; пашет, говорит, сосед, ночь, говорит, уж темно, дождь моросит — и надо же, надо пахать, надо в субботу в бане мыться, а он пашет! Подъехал — никакого нету, и паханого нету, примерещилось» (24), вплоть до экзотических вариантов: «Вот раньше привиждалось, а сейчас вот никакого привидения нету. Вот раньше мамка рассказывала, с Михалева идешь, там Попово озеро тута, там Попова деревня называется, там поп раньше жил... И тут как с Михалева идешь, и все это мамка рассказывала, ейный муж, ну, с братом пошел купаться в Попово озеро, ну и вот, купаются это в обед, а вот, и, говорит, там ров такой есть, и вот только волосы плывать это по воде — а никого не видют, это как волосы плывать по воде, это и все. Так вот оны голые прибегли и одежду забыли там на озере, и прибегли голые домой» (25).

Частотны случаи просто статичного пребывания персонажа, которое наблюдается очевидцем: «Бегали — привидывалось, а теперь нету. У нас все было пойдут, дак говоривали, — ох, вот дойдешь, у нас вот было озеро, дак, говорят, до этого озера дойдешь — все человек сидит, сидит, а никто и не видел, сидит или не сидит» (26).

Любопытен самоанализ, к которому прибегает визионер для уяснения истинности произошедшего: «Может быть, это в глазах кому-нибудь померещится что-нибудь такое, и

представится, будто бы ты видишь это, вот то, о чем думаешь, и может даже раз — и в глазах может так представиться, вот это бывает. Даже и у меня и у самой: ищу — корову потеряла. Вот корова, вот корова, а она там и не корова, после этого смотрю, а чего мне это так показалось, это просто, наверное, так в глазах представление делается» (27). Такой самоанализ часто содержит заключительную формулу отождествления контакта: «Вот что ему привиделось», «Ведь это уже причудие».

Истинностная оценка выражается в установлении казуальных отношений, лежащих в основе факта визионерства, который в постинтерпретации зачастую объясняется каким-то казусом зрения или другими медицинскими и психологическими причинами. Так, например, в качестве наиболее распространенного достаточного условия выдвигается нетрезвое состояние очевидца, но все эти приемы адаптирования непонятного к повседневной норме жизни лишь подтверждают возможность визионерства вообще, ведь столь же часто чудится и абсолютно трезвым и здоровым¹⁴. В этой связи существенна дистрибуция со смежным визионерским жанром — рассказом о сне, ведь в повествовании о «привиждении» нередко «явь» произошедшего противопоставляется сну как никогда не бывшему в действительности: «...если б я спала — так ведь я стояла» (см. 21), в этом случае мы имеем дело с психосоматической интерпретацией состояния визионера.

По отношению к другим визионерским жанрам значимыми оказываются иные факторы, как, например, содержательный (религиозная тематика видений) или функциональный (прогностическая функция рассказов-предсказаний, имеются в виду предсказания о войне, в частности Великой Отечественной, или других социальных катаклизмах). Если же говорить о спонтанном контексте возникновения повествований о «привиждениях», т. е. в ходе свободного потока ассоциаций сознания, то обычно указанные нарративы возникают на стыке преданий об особенностях местного ландшафта и ламентаций на эсхатологические темы, в частности о современной ущербности людей, которая может истолковываться двояко. С одной стороны, это связано с тем, что раньше больше виделось по причине недостатка образования прежних людей, что истолковывается как положительное условие: «Люди стали хитрее биса. А раньше простые были да неграмотные, дак им все и казалось. А теперь сами как черти: ходят по деревне, крадут да пьют, ай!» (28), кроме того, соб-

ственно визионерские «способности» предыдущих поколений были на порядок выше, чем у современных людей: «Привиждалось, да, даже у нас в деревне, вот одна женщина, вот уже старенькая, пошла она в ягоды, ну и ей показалось, что идет она в лесу одна, ей показалось, что какие-то мужчины побежали, и она испугалась и прибегла домой вся приподдевши. Раньше, говорят, мои детки, и правда все что-то представлялось, вот казалось — народ видел! Вот теперь вот не видишь, а раньше люди видели, говорят, что и правда какие-то представлённики были» (29). Существование представлёнников в прошлом обусловлено именно «даром видения» предков.

Вообще современное отсутствие «привиждений» связывается с общими эсхатологическими трактовками настоящего, с выделенной ролью интерпретаций на религиозные темы. Таковой, в частности, является представление об особой греховности современных людей: «Мы стали грешные, Бог откоснулся от нас, вот так и говорят, что ничего и не привиждается, правда это или нет...» (30), конкретной формой которой становится характерное для современности общее безбожие: «Где тут теперь будет привиждаться, когда народ теперь такой ставши, раньше ведь народ Богу веровали» (10). Традиционное сознание видит в общем неверии нарушение мироустройства, вплоть до признания нечистой миражности мира в целом: «Было такое место, а теперь ничего, потому что мы сами привиждены. Мы ни в кого не веруем — ни в Бога, ни в черта, ну вот, мы сами ставши как черти, что это, раньше черти привиждались. А теперь мы сами сделавши как черти, и привиждений не осталось» (31).

Действительно, с точки зрения информантов, раньше количественно и качественно привиждалось больше, но такая позиция не претендует на исчерпывающую, так как нынешние редкие случаи «привиждений» не отменяют оптимистических прогнозов о возможности визионерства, потому что теперь все к церкви повернулись и видеться стало чаще. Причем современное неблагополучие, в силу общих стереотипов восприятия настоящего, может связываться и с тем, что не привиждается, и, наоборот, с тем, что мы «видимся». Визионерство как таковое, пожалуй, оценивается в большей степени как положительная норма повседневной жизни, к которой надо стремиться. Залог успешности результата, по убеждению рассказчиков, — благочестивая вера.

Среди эсхатологических ламентаций особо замечательным кажется объяснение, апеллирующее к пространствен-

ным аргументам: «Было разно, бывало и плачут, такие места. Теперь таких мест, теперь они заросли, после войны были все-таки они, эти, видны, и было больше мест, а теперь все заросло лесом, не поймешь, может теперь в каждом углу и слышаться, и видеться» (32). «Повсеместное привиждение» обусловлено в данном случае не миражностью самих наблюдателей, а особенноми чертами пространства. Кстати, мотив зарастания земель распространен в эсхатологических рассказах. Такое наложение мотивов в аксиологических суждениях связано не только с формальным контекстом, но и с содержательной корреляцией этих нарративов. Осмысление «последних времен» в таких нарративных интерпретациях оказывается тождественным осмыслению пространства.

Такие особенности нарративной структуры рассказов о «привидениях», как локальная приуроченность, актуализация акционального компонента, семантизированность феномена визионерства, семантико-функциональная специфика персонажей и другие, более частные приметы этих текстообразующих моделей, позволяют включать их в состав визионерских жанров (разумеется, признавая при этом их известную маргинальность).

Список информантов

1. А.В. Андреева, 1916 г. р., пос. Сережино Торопецкого р-на Тверской обл. 96080659.
2. Е.Д. Федотова, 1941 г. р., д. Орехово Андреапольского р-на Тверской обл. 980807100.
3. Е.А. Лебедева, 1922 г. р., д. Зеленый Бор Торопецкого р-на Тверской обл. 97081468.
4. И.И. Терентьева, 1936 г. р., д. Воскресенское Андреапольского р-на Тверской обл. 97080542.
5. Н.П. Федорова, 1924 г. р., пос. Сережино Торопецкого р-на Тверской обл. 96080805.
6. Л.Д. Вихрова, 1941 г. р., д. Старожево Лодейнопольского р-на Ленинградской обл. 9901050.
7. А.М. Васильева, 1921 г. р., д. Воскресенское Андреапольского р-на Тверской обл. 97080246.
8. Е.М. Кононова, 1915 г. р., д. Новое Долгое Хвойненского р-на Новгородской обл. 98085459.
9. И.Н. Васильева, 1930 г. р., д. Карцево Торжокского р-на Тверской обл. Полевые записи автора.
10. Е.И. Михайлова, 1921 г. р., д. Воскресенское Андреапольского р-на Тверской обл. 97080220.
11. Н.А. Александрова, 1919 г. р., д. Яковищенские Ключи Хвойненского р-на Новгородской обл. 98085306.
12. О.Н. Клементьева, 1929 г. р., д. Потаракино Андреапольского р-на Тверской обл. 97081991.
13. Т.С. Приютова, 1922 г. р., д. Нивки Андреапольского р-на Тверской обл. 97081944.
14. Н.И. Харитонова, 1933 г. р., д. Спиридово Андреапольского р-на Тверской обл. 98080657.
15. К.А. Михайлова, 1926 г. р., д. Орехово Андреапольского р-на Тверской обл. 98080788.
16. Т.Ф. Поликаровой, 1917 г. р., с. Подберезье Локнянского р-на Псковской обл. 9908181.
17. В.Т. Лебедева, 1922 г. р., д. Зеленый Бор Торопецкого р-на Тверской обл. 97081467.
18. К.И. Голубева, 1922 г. р., д. Миритиницы Локнянского р-на Псковской обл. 99080417.
19. Н.Е. Воробьева, 1912 г. р., пос. Сережино Торопецкого р-на Тверской обл. 96080653.
20. А.Г. Шешерина, 1936 г. р., д. Дмитрово Андреапольского р-на Тверской обл. 97080754.
21. М.В. Захарова, 1925 г. р., д. Рахново Андреапольского р-на Тверской обл. 98081558.
22. В.В. Кудрявцева, 1974 г. р., д. Подберезье Локнянского р-на Псковской обл. 9908110.
23. А.Е. Полякова, 1931 г. р., д. Спиридово Андреапольского р-на Тверской обл. 98080961.
24. А.Н. Никитина, 1921 г. р., д. Семенкино Мошенского р-на Новгородской обл. 98083505.
25. А.Е. Дементьева, 1928 г. р., д. Рахново Андреапольского р-на Тверской обл. 97081525.
26. М.В. Бодрякова, 1918 г. р., д. Николаевское Мошенского р-на Новгородской обл. 980830110.
27. О.В. Фомина, 1924 г. р., д. Заручевье Стругокрасненского р-на Псковской обл. 99085229.
28. Н.А. Сытникова, 1923 г. р., д. Саньково Тихвинского р-на Ленинградской обл. 98031417.
29. Н.Н. Добринская, 1938 г. р., пос. Сережино Торопецкого р-на Тверской обл. 96080854.
30. Л.М. Лежнева, 1932 г. р., д. Барсуки Локнянского р-на Псковской обл. 99082604.
31. В.М. Смирнова, 1932 г. р., д. Болотово Андреапольского р-на Тверской обл. 97081816.
32. М.В. Строганова, 1925 г. р., д. Гуляево Андреапольского р-на Тверской обл. 97081361.

- 1 «Привидение» — привидение, призрак: Петербург, Луж., Смолен. // Словарь русских народных говоров. СПб., 1997. Вып. 31. С. 139. В статье преимущественно использован материал Северо-Западного региона и северо-западной части Тверской области, где распространен указанный диалектный вариант. Материал, представленный в статье, собран в ходе фольклорно-этнографических экспедиций Академической гимназии СПбГУ (при участии автора). Все записи паспортизованы в примечаниях в конце статьи, к каждому паспорту дается номер единицы хранения в фольклорном архиве АГ СПбГУ.
- 2 Прозорова А.А. Место и действие в аспекте коммуникативной перспективы // Действие: лингвистические и логические модели. М., 1991.
- 3 Богуславский И.М. Лингвистический процессор и локативные обстоятельства // Вопросы языкоznания. 1991. № 1. С. 69–78.
- 4 Прозорова А.А. Семантика отношений характеризации: место и действие // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 106.
- 5 Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. С. 115–132 и др.
- 6 Подробнее о значении «всегда» см.: Падучева Е.В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 221–232.
- 7 Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1983. С. 224.
- 8 Бондарко А.В. Предельность // Действие: лингвистические и логические модели. М., 1991. С. 20.
- 9 Толстая С.М. Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 96.
- 10 Брызжевельник — можжевельник обыкновенный // Словарь русских народных говоров. Л., 1968. Вып. 3. С. 179.
- 11 Гак В.Г. Номинация действия // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 81.
- 12 О некоторых аспектах этой проблемы (в частности, применительно к жанрам мифологической прозы) см.: Ефимова Е.С. Поэтика страшного в народной культуре: мифологические источники. М., 1997.
- 13 Истинность произошедшего может обусловливаться особой приоритетной в плане толкования позицией наблюдателя, т. е. визионера-очевидца: «Мы ему верили и не верили. Когда сам видишь, то точно знаешь, что вот правда» (5) (ср. у Е.В. Падучевой о «семантической валентности на наблюдателя» у глагола «показаться» — Падучева Е.В. Говорящие: субъект речи... С. 165.)
- 14 В этой своей части рассказы о «привидениях» отчасти содержательно коррелируют с сюжетами быличек о том, «как черти пьяных водят», но они никак не сходны морфологически.

Видения в духовной беседе

C

овременная прихрамовая среда не знакома с бескорыстным любованием прекрасным, ей чуждо эстетическое переживание, не имеющее практического, т. е., собственно нравственного, приложения. Цель земной жизни человека — спасение души, каждое его действие и слово должно служить будущему спасению (в противном случае оно является греховным). И общение между людьми оправдано только в том случае, если оно становится своеобразной школой спасения. Характерно, что даже элементарные бытовые действия «церковные люди» стремятся подчинить высшей жизненной цели, испрашивая на них благословение духовного отца (или, за неимением такового, любого священника) и придавая им статус послушания. Непосредственное наблюдение за жизнью «церковных людей» позволило нам выделить три основные формы, в которых осуществляется общение. Во-первых, это духовная беседа —

обязательное «мероприятие» для прицерковных и промонастырских общинок, как постоянных, так и стихийно возникающих в местах паломничества. В таких общинках духовные беседы происходят по возможности часто, не пропускается ни одного вечера, да и днем ради беседы откладываются текущие дела. «Церковному человеку», в отличие от крестьянина, никогда не бывает некогда ответить на вопрос духовного содержания, и ответ, как правило, оказывается развернутым и занимает долгое время, поскольку духовное просвещение становится много выше всего остального. Во-вторых, это совместная молитва. И в-третьих, короткие ситуативные встречи, во время которых происходит обмен информацией, обычно поразительной для рассказчика. В таких случаях чаще всего рассказываются короткие чудесные случаи, которые либо произошли с самими участниками встречи, либо у них на глазах.

Для нас наибольший интерес представляет духовная беседа, поскольку именно она является (и так осмысляется самими участниками) той школой, где «церковный человек» непосредственно обучается «искусству спасения».

Функция подобных бесед двойная: во-первых, ролевое просвещение, без которого современные православные не представляют себе духовного роста; во-вторых, «установление определенной эмоционально-нравственной атмосферы, особого “православного” мироощущения»¹ — по-видимому, главное, чего добивается ведущий беседу в абсолютном большинстве случаев². «Просвещение» для верующего — это

«Православное мирочувствование» для верующего – это истинное видение мира, которое достигается размягчением душевной оболочки, снятием с глаз пелены, которой их закрыл сатана, «зомбирия»³ грешников и подготовляя тем самым царствие антихриста, и наконец раскрытием «третьего ока» – «духовного», что, впрочем, возможно лишь для подвижников благочестия. Православный человек должен как бы совидеть прошлое, которое искупительная жертва уврекла во времени с настоящим и грядущим, а также мистические силы, которые для него не менее реальны, чем предметы материального мира. Высшая же степень такого «совидения» – Божественное откровение, или видение. Именно поэтому видение занимает самое почетное место в духовной беседе, является главным и неоспоримым доказательством обсуждаемого положения и, как правило, кульминацией беседы.

Видения (мы в данном контексте употребляем термин «видение» лишь в значении «видения во время бодрствования», т. е. не учтываем сны и обмирания) в духовной беседе встречаются двух типов. Во-первых, бывшие в прошлом, например, открывающие историю того или иного храма или монастыря, а также видения, где визионер — святой, независимо от времени, когда он жил. Во-вторых, видения, где визионер — наш современник и лицо, не известное большинству слушателей. Последние встречаются достаточно редко, так как визионерство считается одним из важнейших признаков богоизбранности. В прошлом Господь был ближе человеку, поэтому и видения случались чаще. Святой — избранник Господа; если же визионер — современный святой, то эта способность служит доказательством его святости⁴. Если же визионером оказывается простой смертный, то, значит, он в данный момент ближе к Господу, чем все остальные.

Эмоциональная структура духовной беседы особенно отчетливо проявляется в классической ее форме, когда беседу ведет один человек, признанный авторитет в духовной жизни, обычно – руководитель маленькой прихрамовой общинки⁵. Опытность такого ведущего позволяет строго выстроить беседу, подчиняя ее главной идее, не сбиваться и не отвлекаться и добиться максимальной поглощенности слушателей атмосферой духовного очищения. В одной из таких классических бесед мы приняли участие летом 1995 г. в Почаеве. Вела ее матушка С., руководительница общинки из семи человек, вместе живущих и ведущих совместное хозяйство. Нами рассматривается часть этой беседы, тема которой – святость Почаевского монастыря⁶.

Композиционно беседа делится на четыре части. В первых двух рассказывается о прошлом Почаевского монастыря: видение Божьей Матери, «в огне не сгорающей» (Неопалимая купина), бывшее двум монахам и пастуху; оно открывает историю обители. Камень со следом, оставленным Божьей Матерью, — одна из двух главных святынь монастыря.. Вторая часть — обретение помещицей Анной Гойской чудотворной иконы Божьей Матери Почаевской — второй главной святыни — и исцеление от этой иконы слепорожденного брата Анны Гойской.

Другие две части беседы повествуют о современных чудесах Почаевской Божьей Матери. Это опять-таки исцеление слепорожденного и видение Богородицы в храме рядом с чудотворной иконой.

Уже сама композиция беседы неразрывно связывает прошлое и настоящее. Настоящее определяется прошлым, так как в Божьем мире все взаимосвязано, в православной картине мира нет места случайности. Но «отношения» прошлого и настоящего не исчерпываются этой взаимосвязью. Явная параллель – в обоих случаях видение Божьей Матери и исцеление слепорожденного – оставляет в сознании слушателя впечатление единства настоящего и прошлого, неизменности Божественного бытия.

«Эта гора, на которой стоит монастырь, она была сравнительно высокая. И она была такая... лесом кругом у подножия, только вершина была обнаженная. Там ничего не росло, а камень был, камень был не гранитный, а песчаник, здесь песчаник больше...».

«И значит, был ясный день вот такой, монахи вышли, что-то делали, может, у них были грядки какие, либо дрова собирали...».

Повествование насыщено деталями, которые заставляют слушателя не только узнавать о событии, но и созерцать его мысленным взором. Причем эти детали знакомы слушателю по его эмпирическому опыту: монахи, например, становятся свидетелями чуда, когда выходят из жилища, как часто выходим и мы – на грядки или за дровами. Рассказчица делает картину еще более зримой, как бы иллюстрируя происходящее тем, что слушатели непосредственно видят: день, когда явилась Божья Матерь в столпе пламени, был такой же ясный, как сейчас. Таким же был и песчаник на вершине горы, на котором ничего не растет. Все знают, что «здесь песчаник больше». Но слушатели также представляют и главную святыню монастыря – камень с отпечатком стопы, который они не имеют возможности увидеть: «... а на этом песчаном камне остался след стопы вдавленный, правой ножки Божьей Матери, правой ноги. И потек источник воды».

Прошлое соединилось с настоящим, через которое проянулась нить в эсхатологическое будущее: первую часть беседы матушка С. заканчивает впечатлениями от собственного посещения святыни, упоминает, что источник почти иссяк, воду монахи собирают по капле, а значит, «...может быть, и жизни нам осталась капля».

Но прошлое соединяется с настоящим не только и не столько событийной линией, сколько самой поэтикой рассказа. Конкретность деталей, яркость красок и одновременно размытость временных границ – все то, что заставляет

слушателей «совидеть» событие, – черты поэтики видения. Слушатель, находясь в настоящем, созерцает видение прошлого. Таким образом, он оказывается эмоционально вовлеченым в действие, снимаются границы между текстом и действительностью, эстетическое переживание становится сопереживанием. То есть решается задача духовной беседы как обучения «искусству спасения»: человек учится переживать услышанное с той же остротой, что и события, непосредственным участником которых он был.

«Совидение» и сопереживание вызывают те эмоции, которые являются основополагающими в православной эстетике, «двумя сторонами одного и того же образа чувствования, двумя основаниями художественной постройки»⁷. Это умиление и трепет, «исполнение страха Божия». Обыденность и простота забот монахов перед великим чудом действует умиляющее; умиление тем более усиливается, что свидетелем чуда оказывается пастух Иоанн Боский, «простоватый». То есть умиление простотой действий переходит в традиционное для православия умиление простотой ума, или младенчеством. Трепет, который вызывает видение, усиливается по контрасту. Меняется самый тон повествования:

«...Он простоватый был. Он овец пас там на лугах. И вот они, значит, монахи эти и пастух увидели на вершине горы огненный столп. В огненном столпе живую Божью Матерь стоящую».

Вообще умиление и трепет обычно соседствуют в текстах духовной беседы. Во второй части беседы (обретение Анной Гойской чудотворной иконы Почаевской Божьей Матери и исцеление слепорожденного) чудо исцеления следует сразу за описанием действий и переживаний слепого:

«Филипп слышал, может, разговор этот, взрослый же был, что митрополит ей подарил икону, из Константинополя, ценная икона. Ну и он, наверное, молился, заходил, так как он хоть и слепорожденный, а знал, наверное, в комнаты какходить. И молился перед ней. <...> О чем же он молился, как был слепорожденный, наверное, чтобы ему хоть свет видеть».

Здесь «совидение» (слушатели ясно представляют слепого, ищущего ощупью нужную комнату) порождает эмоцию более глубокую, чем ассоциация с личным опытом, – сочувствие к чужой беде, жалость и вновь умиление, но на этот раз малостью того, что сделает человека счастливым: «чтоб ему хоть свет видеть». Примечательно, что на этом месте рассказ был прерван сожалениями участников беседы о сво-

их «дерзновенных» молитвах. Исцеление же вызывает трепет перед Божественным всесилием (после рассказа об исцелении рассказчица еще раз подчеркнула, что исцеленный был слепорожденным).

«Современная» часть беседы начинается с убеждения слушателей — то, что будет рассказано, действительно произошло. Хотя слушатели и не подвергают сомнению слова матушки С. (столь велик ее авторитет в данной общине), ее точки зрения истинность происшедшего нуждается в подтверждении, в каком не нуждалось сказанное в первой «исторической» части беседы. Ведь, во-первых, о событиях прошлого матушка С. прочла в «божественных» книгах, что уже неоспоримо доказывает истинность этих событий. А во-вторых, мы живем в эсхатологические времена, дьявол почти полностью захватил мир, подлинные чудеса сейчас крайне редки и каждое нуждается в подтверждении.

«Ну и через эту икону очень много совершалось чудес. И по сей день они совершаются. Такая велась книга чудес еще до революции, велась книга чудес. Даже и сейчас еще чудеса бывают. Даже такие чудеса, как прозрение слепых...» — то, что чудеса бывают «даже и сейчас», доказывает чудотворную силу святыни, что и является тематической задачей беседы.

Далее рассказчица заставляет слушателя окунуться в обстановку, в которой она сама услышала про чудо. А обстановка-то вовсе не располагает не только к духовной беседе, но и вообще к разговорам: переполненный автобус до Почаева в жаркий день, пыль, назойливая попутчица. Матушка не хочет разговаривать и не верит своей собеседнице: «...Она что-то хочет говорить, а мне не хочется — эта жара, эта пыль, так она душит. И думаю: "Что-то она: "А я вот видела там чудо". Думаю: "Какие выдумки там, или чего...»». Заставляет ее прислушаться и поверить сообщение собеседницы о том, кто она такая: «"Я здесь тоже живу, только в центре. Я вот учительницей работала, сейчас на пенсию пошла. Я сама лично видела в Почаеве", — когда она так сказала, кто она-то, я так подумала, что, значит, правду слышу...».

Рассказ о чуде структурируется таким образом как «свидетельство» — форму, которую имеют абсолютно все рассказы о современных чудесах, если они попадают в духовную беседу, т. е. не являются самодостаточными, а служат примерами, подтверждающими какую-либо идею. Главный признак «свидетельства» — фигура конкретности, причем

«свидетель» должен быть не только известным, но и достойным доверия. В тексте матушки С. «свидетельница», назвав себя, взяла ответственность за свои слова, чем уже заслужила доверие. Важно также, что она учительница: учителя часто являются героями рассказов «церковных людей», причем всегда положительными, так как верующий учитель для них — эталон мирского благочестия (благодаря своей миссии), как для крестьян — эталон образованности.

Одним из возможных признаков «свидетельства» является неосведомленность «свидетеля» о факте, который подтверждается чудом. Здесь о факте — чудотворной силе иконы — «свидетельница», безусловно, осведомлена, но она сомневается: *«Я сама в мыслях думала, что еще никогда не видела чуда. Как у меня только в мыслях было!»*. Сомнение — тяжкий грех для православного. И именно сомнение «свидетельницы» служит мотивированкой истинности «свидетельства»: Господь сделал свидетельницей чуда учительницу, чтобы избавить ее от греха сомнения. Изранность «свидетельницы» потом подчеркивается: прозревшему запретили рассказывать о чуде, ей же он рассказал, потому что само чудо ей «открыл Бог»: *«...ну раз вам уже Бог открыл, мне, — говорит, — не велено говорить»*.

Неосведомленный получает высшее знание через откровение, слабый в вере видит чудо. Подобным же приемом пользуется матушка С. в начале «современной» части беседы, чтобы убедить слушателей: нерасполагающая обстановка, нежелание слушать — и важнейшая информация, свидетельство чудотворной силы иконы Почаевской Божьей Матери.

Рассказывая о чуде исцеления слепорожденного, матушка С. опять-таки достигает «совидения».

«Я, — говорит, — от рождения слепой, у меня не были прорезаны глаза... И вот когда, — говорит, — я приложился к иконе, то я почувствовал, что кто-то мне как ножом прорезал, такая боль была, как вот ножом. От неожиданности, что эта боль была нестерпимой, я вскрикнул, руками взмахнул и вот эту вот лампаду (уронил. — А.Т.)».

Слушатель как бы видит все подробности происходящего, понимает каждое действие, соощущает боль исцеленного, на этот раз не душевную, как брата Анны Гойской, а физическую. И ведущая эмоция здесь — не умиление (сочувствие, жалость), а трепет, страх Божий, что закономерно — ведь чудо должно убедить усомнившуюся, с которой слушатели идентифицируют себя. Трепет перед Божественным

всемогуществом вообще становится основной эмоцией, которую призваны вызвать «свидетельства». Текстам этого рода свойственна некоторая агрессивность, о чем говорит и само их название. Они призваны доказать, в широком смысле, бытие Бога в эпоху католической власти.

Четвертая часть беседы — видение Матери Божьей — начинается со «знакомства» с визионером. Это монахиня Мария, знакомая рассказчицы. В Почаев она приехала после десятилетней ссылки, будучи совершенно больной. В Почаеве голодала, не имела жилья. Мучения, которые претерпевала Мария, сделали ее, по убеждению рассказчицы, ближе к Господу. Когда же жизнь Марии наладилась, исчезла и способность визионерства:

«А после я, — говорит, — много раз приезжала. Становилась, — говорит, — на это же место. — Но у нее уже была квартира. — Я уже все, стала жить так, как люди. Сколько не становилась, — говорит, — я, чтобы мне еще когда-нибудь увидеть, и никогда больше не видела».

Матушка С. заставляет слушателей представить место видения, всем им хорошо знакомое: «...в Успенском соборе, большом, где загорожено, смотрела, где эта икона, вы видели там на шнурочках?...», обстановку в храме, где было мало народа, и люди, подходившие к иконе, не закрывали ее. «...Когда я вверх взглянула, я купола не видела храма, а видела небо открытое. А туда когда взглянула, в сторону икон, я тут увидела, что вместо священника стоит Божья Матерь. — Она даже рассказывала, в чем Она одета, такая мантия на ней, и вишневая, и фиолетовая, вся так переливается. И, значит, — она говорит, — так постояла, рукой правой держалась за икону и на всех людей просто смотрела. А когда, — говорит, — одна женщина подходила — люди прикладывались к иконе. — Когда одна женщина подходила, то Божья Матерь так сделала на эту женщину. Я видела, — говорит, — из Ее уст как радуга, такой воздух в виде радуги на эту женщину. И женщина приложилась к иконе. Когда она именно прикладывалась, в том момент Она так сделала, и женщина: «Ой, я исцелилась! Ой, я исцелилась!» — сказала. Только на одну так Она сделала. А когда все уже люди прошли, Божья Матерь, я ясно видела, прошла внутрь, в Царские врата, внутрь храма, за престол. И все, и мне видение кончилось».

Видение проходит перед мысленным взором слушателей, как и все, что они слышали до сих пор. Но видение — картина, которую видит визионер, именно так его должны

«увидеть» и слушатели. Поэтика видения в других рассказах уподобляет их видению как жанру, однако последний текст беседы оказывается наиболее эмоционально значимым. Это «свидетельство» не только всемогущества Божественной власти, как рассказ об исцелении, но и непосредственного физического, а для избранных и зрячего Божественного присутствия рядом со святыней. «Свидение» Божьей Матери, и не в прошлом, а в настоящем, заставляет слушателя «преполниться страха Божия» в большей мере, чем все, что он узнал ранее.

Видение становится кульминационным моментом и в развитии темы беседы. Слушатель не только получает еще одно подтверждение святости чудотворной иконы, он понимает, что такая святость иконы: Сама Богородица присутствует рядом с ней; также становятся понятны и чудеса от иконы: Богородица исцеляет избранных Своим чудотворным дыханием.

Заканчивает беседу матушка С. выводом о необходимости веры в святость Почаевского монастыря и Божью Матерь, «в огне не сгорающую»:

«Вы верьте непременно, что она стояла живая в огне. Это значит, Божья Матерь настолько молится Богу, просит Его, чтобы Господь не допустил полного сгорания мира, что Она готова одна гореть в огне, только бы Господь не полностью землю».

Содержательный вывод становится эмоциональным завершением: страх Божий и умиление жертвенной любовью Божьей Матери слушатель испытывает одновременно.

Духовная беседа матушки С. напоминает профессиональную проповедь. Действительно, хотя ведущие подобных бесед не готовятся к ним специально и не выбирают заранее тему (рассмотренная беседа была ответом на вопрос собирателя о святынях монастыря), школой для них стала традиция проповедничества, причем советского времени, проповедничества в условиях «духовного голода», когда слушатели — «младенцы веры» и нуждаются в разъяснении самых простых понятий. Но нельзя не отметить и разницу между проповедью и духовной беседой. На проповеди прихожане дистанцированы от проповедника его саном и самой обстановкой храма, обстановка же беседы лишена сакральности. Это, как и отсутствие духовного сана у ведущего беседу, исключает из духовной беседы нравственные темы, которые для проповеди являются ведущими, и уж тем более невоз-

можен в духовной беседе обличительный пафос, направленный на слушателей. Нельзя также забывать, что духовная беседа представляет собой неструктурированное общение, в котором слушатели могут становиться собеседниками, ведущие меняться и т. д. Кроме того, само содержание бесед далеко не всегда соответствует канону или нормам, установленным церковью.

Примечания

- 1 Берман Б.И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 162.
- 2 В классической духовной беседе обычно один ведущий — повествователь, который может смениться после того, как заканчивается одна тема. Возможны также беседы, где несколько рассказчиков принимают равное участие.
- 3 Слово «зомбировать» вошло в лексикон прихрамовой среды в последнее время. Оно означает «лишить человека свободы воли, полностью подчинить его сознание злым силам».
- 4 См.: Кулешов Е.В., Тарабукина А.В. Культ духовного отца в прицерковной среде // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре. Studies in Slavic Folklore and Folk Culture. / Под ред. А. Архипова и И. Полинской. Oakland, California, 1997. Вып. 2. С. 30.
- 5 Руководителями подобных общинок бывают обычно монахи, живущие в миру.
- 6 В дальнейшем часть духовной беседы, объединенную одной темой, мы условно называем беседой. Текст записан совместно с Е.И. Цейтлин. Пользуемся случаем поблагодарить Евгению Цейтлин за помощь в экспедиционной работе в Почаеве.
- 7 Берман Б.И. Указ. соч. С. 164.

E.C. Ефимова

«Сон о доме» как элемент современного тюремного текста

Сон как художественный прием

B

богословском труде, посвященном поэтике и мистике иконостаса, назвав художество «оплотневшим сновидением», П. Флоренский тем самым указал на внутреннюю религиозную сущность искусства: искусство, как и сновидение, возникает на границе двух миров — тленного и нетленного, материального и духовного, внешнего и внутреннего, мира явлений и мира смыслов. Использованием приема сна в художественном произведении достигается эффект создания особого «углубленного» пространства в пространстве, становящегося восхождением к миру подлинных сущностей. Если изображаемый в литературном произведении сон фантастичен, то прием сна является методом правдоподобия; если же картины сна абсолютно реальны, то сон играет роль «линии, обводящей видение» (как говорил П. Флоренский об иконе¹ — путем введения сна осуществляется восхождение от реалистического изображения мира к выявлению его логической сущности — сам сон (как облака на иконах раннего Возрождения) сви-

детельствует о скрытой чудесности событий. Когда сон исчезает из текста — исчезает изображение принципиальной разницы между двумя типами пространства и понимание их несовместимости: текст утрачивает религиозно-символический характер, явление утрачивает мистический смысл, переходя в горизонтальное пространство, и его чудесность «гаснет». Сон в литературе сопоставим с иконописным методом «сечений», который дает возможность «сохранить территориальное единство мистического и реального и в то же время дать каждому из них нужную независимость»². Рассматриваемый нами прием сна является устойчивым элементом тюремного текста покаяния: он возводит персонаж (сновидца и снотолкователя) в пространство иконостаса, раскрывая смысл судьбы персонажа тюремного текста.

Покаяние в тюремном тексте

Раскаяние в совершенном преступлении не свойственно представителям современного тюремного мира. Христианские символы, постоянно встречающиеся в тюремной культуре (на татуировках, в тюремных альбомах, вербальном фольклоре) не имеют покаянного смысла. Этот мотив «нераскаянности» зафиксирован в тюремной поэзии, где крест становится символом «избавления, но не покаяния». Раскаяние и искупление вины перед Богом и «народом православным», характерное для тюремного текста прежних эпох, современной тюремной культурой отрицается, его заменяет осознание вины перед матерью, выраженное в ряде символовических сюжетов и образов.

Особое почитание божественно-материнского начала русским народом отражено в тюремном покаянном тексте, где место Отца, принимающего покаяние блудного сына, занимает Мать.

нимает матв. В многотиражных газетах органов и подразделений системы ИТУ (исправительно-трудовых учреждений) с большим постоянством публикуются произведения заключенных, отражающие тюремный покаянный текст. Сотрудники газет проводят своеобразный тематический отбор произведений, создавая таким образом мифологизированный образ раскайвавшегося зека. Газетные публикации, не давая, конечно, представления о подлинной тюремной картине мира, тем не менее полно раскрывают одну из ее сторон. Являясь в большой степени носителями фольклорной традиции, редакторы провинциальных многотиражек ориентируются на

фольклорные и народно-православные образцы, создают тексты, в которых образ главного героя — современного преступника, имеющего конкретные социально-психологические черты, действующего в современном мире, накладывается на традиционную сюжетную схему народной легенды или духовного стиха (преобладающие сюжеты о «чудесном» духовном спасении, покаянии). Создается фальсифицированный образ постсоветского зека как «кающегося грешника». Материал, отобранный сотрудниками газет и представленный единым блоком, позволяет судить об особенностях народно-тюремного православия.

Газетная страница и сама представляет собой фольклорный текст, ориентируясь на определенную народную «учительную» традицию. Показательно преобладание в газетах, адресованных осужденным, образа матери. Так, например, во владимирском «Вестнике» (учредитель – Служба по исправительным делам и социальной реабилитации УВД) в находящихся в фондах РГБ 25 газетах за 1993 г. (50 номеров, по 2 номера в газете) 15 фотографий, изображающих женщин, в том числе 12 изображений матери с младенцем.

В философской, богословской и специальной фольклорно-этнографической литературе отмечена исключительная роль Матери Божьей в русском народном варианте православия. Ф.И. Буслаев, по воспоминаниям В.В. Розанова, указывал, что «между прилепленностью человеческого воображения к Божией Матери и к Иисусу Христу всегда шла борьба, и именно в том смысле, что человек искал утешения, облегчения, хоть какого-нибудь света в Божией Матери»³. Г. Федотов свидетельствовал: «Вся тоска страдающего человечества, все умиление перед миром божественным, которые не смеют излиться перед Христом в силу религиозного страха, свободно и любовно истекают на Богоматерь». «В кругу небесных сил — Богородица, в кругу природного мира — земля, в родовой социальной жизни — мать являются, на разных ступенях космической божественной иерархии, носителями одного материнского начала»⁴.

Тюремное пространство порождает специфический покаянный тюремный текст, в котором раскаяние в совершенном преступлении, таинство исповеди (покаяния) и прощение грехов переводятся на язык пространственных понятий: покаянный смысл имеет изменение пути («возвращение»), существом высшего порядка, облеченный властью прощать грехи, становится мать-родительница, обретающая в наивной

литературе условный символически-обобщенный облик Вечной Матери, а обращенная к Матери просьба о прощении становится исповедью. Вертикальный смысл придает покаянному тексту мотив сна, широко используемый в покаянной тюремной наивной литературе.

Построение тюремного покаянного текста отражает народно-православную традицию:

Центральный персонаж (подвижная величина) — кающийся грешник, блудный сын.

Его путь блудного сына из отчего дома — ложный, путь к дому — правильный, покаянный.

Просьбы о прощении, обращенные к матери, имеют смысл покаянных молитв:

Мама! Дорогая! Не грусти,
Вытри слезы, улыбнись, родная.
Я прошу — за все меня прости,
Ты простишь, простишь, я это знаю.

(А. Иванченко, г. Ржев // Пр. 1993. № 16–17)

Твои глаза... как много в них печали,
И сердце выстрадало столько долгих дней.
Я знаю, что не спиши ночами.
Прошу тебя, ты горьких слез не лей.

(В. Болотников. Учр. нач. Г.Е. Бычков // Нп. 1995. № 25)

Ритуально «правильное» поведение персонажа имеет метафизический вневременный смысл, воздействует на общий ход вещей и обуславливает перемену в небесном мире.

Мать и сын связаны мистической связью, отклонение сына от «верного» пути — причина материнских слез, возвращение — источник Абсолютной Радости.

Мать и дом — неподвижные элементы текста, душа матери разворачивается в материализованное пространство дома, дом является плотью матери.

Мать — персонаж мира сверхчувственного, ахронного, она изъята из временного потока, элементы ее текста не образуют сюжетной линии, являя одно абсолютное Событие. Мать плачет о сыне и скорбит в с е г д а. Мать в тюремном тексте — это Скорбящая Мать:

Не забыла ты родного сына,
Ты сейчас, наверно, слезы льешь,
Затаив под сердцем грусть-кручину.

(А. Иванченко, г. Ржев // Пр. 1993. № 16–17)

Мать всегда на пороге или у окна. Это положение обусловлено её связью с сыном и имеет смысл молитвенной помощи: «Знаю, что как только вспомнишь ты о сыне, Сядешь у окошка, слезы льют из глаз». А. Курочкин // ВИЗ. 1997. № 17–18.

Греют меня, словно солнце
Воспоминанья, мечты.
Вижу, — сидишь у оконца,
Знаю, что думаешь ты.
Думаешь: где же он, где же,
Мой ненаглядный сынок.
Дай ему силушки, Боже,
Чтобы беду превозмог.

(В. Логунов. Учр. нач. Г.Е. Бычков // Нп. 1996. № 23)

Мать открывает для сына священное пространство (дом = храма = горнего мира). Ожидание Матерью сына соединено с её мифоритуальной функцией: она дает «отпущение во всех грехах», имеет власть прощать «жизнь в неверном направлении», которая осмысливается как грех против Ее.

Сон-покаяние

Сон позволяет переместить повествование под знак вечности, маркирует границу между падением и воскресением, тленным и нетленным состоянием, задает иную систему координат: неверному пути противопоставлен спасительный путь-возвращение:

Выл я волком от стужи лютой,
Кляя распроклятую судьбу.
Изменить мне хотелось бы круто
Жизнь загубленную свою.

И с мольбою просил я бога:
«Помоги мне, я не такой!»
А по ночам снилась мне дорога,
По которой иду домой.

(Е. Лебедев. Подразделение, где начальником
В. Бедарев // ЗПВТ. 1990. № 40–41).

Отчий дом, ты по ночам мне снишься,
Никогда тебя мне не забыть...

В юности случайно оступившись
И неверный сделав шаг,
С домом суждено мне рас проститься,
Наказанье надо отбывать.

(А. Баженов. Учр. ОЕ-256/2, общий режим,
пос. Паприха // НП. 1993. № 4)

Сну синонимичны мечта и воспоминание, также сопрягающие нынешнее и Вечное, события и Миф. Сны, мечты и воспоминания о доме и Матери имеют смысл религиозного духовного видения («Греют меня, словно солнце / Воспоминанья, мечты / Вижу, — сидишь у оконца, / Знаю, что думаешь ты» В. Логунов // Нп. 1996. № 23, «И часто видится и снится мне, что я стою у твоего порога» Н. Седов // КЧЖ 1995 № 9).

Мать не только является в снах: она незримо присутствует в тюремном мире. Это присутствие матери в жизни осужденного является спасительным чудом, оно разрушает границу между горним и дольним, между сном и явью:

Поседели волосы, серебрятся инеем
Материнский голос часто в ночи слышится:
«Сыночка-кровиночка, не ходи далече,
А не то душе моей принесешьувечье...»

(Н. Семенов. Учр. нач. Е.Н. Санников// ЗИЧ. 1993. № 24)

Мать из высшего мира сходит в падший мир ради блудного сына, наставляя его на правильный путь:

Такой смысл имеет образ матери осужденного в рассказе Н. Антонова Судьба (СИЗО-3, г. Ржев). Реальная земная жизнь соотносится с образом матери, что придает повествованию вертикальный смысл.

«После каждого свидания с матерью перед глазами Саши долго стояло ее лицо с ранними морщинами, ее умоляющий, тревожный взгляд, в какую сторону метнется сын» (Пр. 1994. № 5–6).

Особенности пространства сна

Сон пишется в иной стилевой манере, чем явь: явь обрамляет сон, который становится внутренним сакральным текстом-иконой, для пространства сна-иконы характерна особая тишина — тишина пути к дому, самого дома и цветущего сада, тихие слезы ожидающей матери.

Мир сна в свою очередь неоднороден, он расслаивается по признаку подвижности / неподвижности, звучания / беззвучия: (глаголы «вхожу», «говорю», «молю» характеризуют поведение подвижного персонажа в пространстве сна; неподвижность матери символизирует ее абсолютную, неизменную готовность принять покаявшегося сына; мольбам, возносимым персонажем к Матери, противопоставлено беззвучие материнского иконописного пространства:

Ты на меня печальная в упор
Глядишь, не начиная разговора. (Н. Седов // КЧЖ. 1995. № 9).
Задумчив взгляд ее в тиши. (Н. Семенов // Нп. 1992. № 47).

Беззвучие сопрягается со слушанием и является признаком божественного совершенного мира: — «необыкновенная тишина» (Лихачев) отличает «тихих ангелов» Рублева, она присуща Февронии Муромской и ряду других персонажей церковно-христианского текста.

Мать-родительница в момент ритуала обретает смысл Матери Бого诞迪цы (пресвятой матери), пространство дома — смысл высшего, горнего мира. Знаками «иной» природы матери и дома является цвет — золотой и белый:

Какую ночь уже подряд
Приходят сны, как наважденья:
Мой отчий дом, и вишни в ряд,
И яблонь белое цветенье.

(Н. Семенов. // Нп. 1992. № 47)

А у тебя уже почти совсем / Вся голова белым бела — седая.
(Н. Седов / КЧЖ. 1995. № 9).

И руки те, что для меня святые,
И прядь волос, что золотом горят
(В. Болотник. Учр. нач. Г.Е. Бычков // Нп. 1995. № 25).

Белый и золотой цвета освящены иконописной традицией. Это цвета-синонимы, символы нетленного мира, фаворского света Преображения («и одежда Его сделалась белою, блистающею» — Лк, 9: 29; «Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить» — Мк, 9: 3); «и просияло лицо Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет» — Мф, 17: 2). В мире русской иконы золотой цвет — высший в ие-

пархии иконописных красок. Е. Трубецкой характеризует его так: «золото полуденного солнца – из цветов цвет и из чудес чудо. Все прочие краски находятся по отношению к нему в некотором подчинении»⁵.

Реальный отчий дом не равен сновидческому дому. Если первый находится в одном пространстве с тюрьмой, но в другом времени, то второй – в одном времени, но в ином пространстве.

Две свободы в тюремных снах

Тюремным снам известны два противоположных друг другу пространства воли: одно раскрывает идею абсолютно го Дома, другое – идею абсолютной Тюрьмы. Соответственно существуют два разных в смысловом отношении сна о воле:

1. Сон о тюрьме, где воля служит напоминанием об отсутствии дома (здесь и дом – символ того, что дома нет).

2. Сон о Доме, раскрывающий чистый, непреходящий смысл непреходящего мира (Дом – символ того, что Дом всегда). Смысл второй «воли» раскрывается в связи с развязкой сна.

Развязка сна: символика пробуждения

Сон – выход в «другой» мир (для арестанта – в мир свободы); пробуждение персонажа соотносится с его заключением в пространство неволи (граница двух миров отмечена специфической тюремной лексикой).

Я ароматом наслаждался,
Был счастлив, весел и здоров,
Вдыхал я полной грудью воздух...
Но вдруг в дверях взвизжал засов.

Проснулся я, исчезла радость,
Нет ни родных и ни друзей...
Увидел грязную парашу
И часовую у дверей⁶.

Внезапно просыпаюсь я,
Но рядом я тебя не вижу.
Ах, где же, где же, где же я?
О, что же, что же, что же вижу?
Закрыты плотно тормоза,
И тусклый свет на шонку льется,

И тихо катится слеза,
Как долго мне сидеть придется.

(С. Пезина, ЖК)

Снится здесь малолеткам – они снова на воле,
Вновь гуляют с подругой, пьют хмельное вино,
А наутро проснутся – вновь стальные засовы,
Возвышаются стены, не видать ничего.

(Е. Коготков, ДК)

Стук знакомый замка снова будит меня.
Вновь на сердце тоска заключенного дня

(ДК)

Замок, засовы, закрытые двери отмечают границу сна и яви, замыкают пространство сновидения и одновременно пространство свободы. Это последние образы сна и первые образы яви, это «конец-развязка» сновидения, предусмотренная с самого начала и определяющая собой и завязку, и целое. П. Флоренский писал о телеологии композиции сновидения: «...все его события развиваются в виду развязки».⁷ Сон о свободе, завершающийся тюремными звуками, – это сон о тюрьме, и сон, завершающийся изображением замка, – это сон о тюрьме. Звук замка или засова не может пробудить от сна-покаяния, который является принципиально, онтологически иным сном – сном о другом.

Если перемещение в пространство сна маркирует вход в нетленный мир и воскресение, то обратное перемещение имеет символический смысл возвращения в мир тленный и в земное падшее состояние. Пробуждение отмечено слезами, маркирующими пространство неволи и «плача»:

Я вновь почувствовал неволю
И боль в измученной груди,
Что то был сон: что я свободен
И только слезы потекли⁸.

Тягостное пробуждение – необходимый элемент любовного сна, сна о радостях вольной жизни. Сон-покаяние не сопровождается тягостным пробуждением: герой остается в пространстве сна или пробуждение является просветленным возвращением. Возвращение в «земной» мир здесь также отмечено слезами, но они имеют противоположный символический смысл:

И слезы, с которыми я просыпаюсь
То слезы не горя, а счастья
Ведь я перед мамой стою, и каюсь
И знаю она спасет от ненастья» (ЖК)

Персонаж, просветленный видением Матери, обретает «дар слезный» — дар плача «за грехи», сопряженного с радостью о Ней (ср.: в церковном христианском тексте сочетаются формулы радования и плача: «Сеющие слезами радостию пожнут», «и переменю печаль их на радость, и утешу их, и обрадую их после скорби их»). Покаяние осмысливается как единственный путь подлинного освобождения. Сон-покаяние имеет символический смысл надежды на искупление греха.

Тюремный сон-покаяние, письмо-покаяние и духовный стих «Притча о блудном сыне»: степень мистической интуиции

Подвижный элемент тюремного текста — блудный сын. Его возвращение в отчий дом осуществляется путем покаяния, и это возвращение является моментом Праздника и ритуала. В соответствии с иконографией сюжета о блудном сыне пространство дома требует от «вернувшегося» персонажа коленопреклонения. Это религиозно значимый жест признания вины.

В жанре письма к матери коленопреклонение откладывается до времени возвращения из тюрьмы:

Выдержу все и прощенья
Буду просить возле ног...
(В. Логунов Учр. нач. Г.Е. Бычков // Нп. 1996. № 23).

Сон дает «чудесную» возможность совершения ритуала в настоящем:

Стую на коленях у мамы в ногах
И молю ее словно святую
Что б дала отпущене во всех грехах
Что б простила мне жизнь пустую (ЖК)

Интересно сопоставить современный тюремный сон-покаяние с духовным стихом «Притча о блудном сыне»: если в первом символический смысл дома и ожидающего родителя лишь угадывается, то во втором он выражен отчетливо. Однако, помня о смысле стиха, в котором под домом пони-

мается Храм, а под отцом — Бог, слагатели и исполнители духовных стихов забывают мистический смысл этого отождествления: символ становится аллегорией.

При описании покаяния, приносимого блудным сыном, духовный стих, как и покаянное письмо, использует глаголы в форме будущего времени («Притча о блудном сыне»): «пойду», «паду», «реку», «расплачуся», «пролью... слезы»⁹. Утраты духовным стихом мистической интуиции проявляется в том, что не только мольба, обращенная к отцу, но и просьбы о прощении, обращенные к Богу, отодвигаются во времени. («Паду пред отцем, умилюся, / Да его пиши не лишься!... Пойду и реку ему смело: / “Согреших ты, отче мой, зело!”» — «Пойду я ко Господу, смируся, / Паду на пречистыя Его нозы, / Пролью я умильныя слезы: / “Прости мене, Господи Владыко, / Как заблудшаго сына”»¹⁰.

Два мира в духовном стихе не разведены в пространстве (утрачено представление об их принципиальной несовместимости) и потому покаяние отодвигается во времени. Тюремный покаянный стих «сон о доме» воспроизводит религиозное мировидение: в нем, как и в иконе, миры сосуществуют, накладываются друг на друга (тюрьма и дом существуют в одной точке четырехмерного пространства, но в разных измерениях). Потому для возвращения в «дом» требуется только совершение мистического действия («вхожу», «говорю», «молю»), которым становится покаяние. Тюремный сон становится свидетельством.

Мистический статус тюремного стиха «сон-покаяние» выше, чем духовного стиха «Притча о блудном сыне», в последнем на смену религиозному символизму приходит аллегоризм (свидетельство книжного происхождения текста), допускающий сосуществование небесного Отца и земного сына в одном пространстве: они отделены только временем (в итоге на смену мистической картине мира, данной Евангельским благовествованием, и по-своему преображеню воссозданной в тюремном «сне-покаянии» приходит некий рационалистический винегрет). Хотя в тюремных «снах-покаяниях» мать не названа Богоматерью и лишь в одном встретившемся мне варианте именуется «пресвятой матерью», идея невозможности сосуществования миров матери и сына в одном пространстве (как мира высшего и земного) свидетельствует о глубоком мистическом чутье авторов этих «снов».

В тюремном покаянном тексте существует только сновидческий дом (дом-мечта, дом-воспоминание, дом-буду-

щее), здесь отсутствует реальный дом, так как соприкосновение с ним лишит персонаж статуса осужденного и явится началом другого текста.

Сон-ответ и сон-призыв

Дорога домой во сне может интерпретироваться в двух планах: когда сон следует за покаянием (*«И с мольбою просял я Бога: / Помоги мне, я не такой, / А по ночам снилась мне дорога, / По которой иду домой»*), он становится ответом Бога. Когда же сон пробуждает в персонаже покаяние, но сам он свершается без какой-либо мотивировки, согласно собственной высшей логике, то он является знаком происходящего чуда.

Повторяющиеся сны (*«часто снится мне удивительный сон», «какую ночь уже подряд»*), характеризуются как *«наваждения»*. Повторение сна усиливает его сакральную значимость. Он воспринимается не просто как *«сообщение от единственного другого»*, *«обращение Его ко мне»*¹¹, но как требовательное обращение, настойчивый призыв, необходимо нуждающийся в истолковании и исполнении. Поэтический текст *«сна о доме»* обретает учительный смысл призыва к покаянию.

Канон

Поэтический сон следует канону, художественно воплощающему истины вещей (в каноне человечество, по словам П. Флоренского, закрепило *«свое постижение истины, проверенное и очищенное собором народов и поколений»*¹².

Сновидец, как иконописец, должен быть человеком достойным, избранным. Персонаж, достойный видеть сон-покаяние, обладает способностью к покаянию и *«благоговению»* (качество, требуемое от иконописца): он не просто сновидец, он — свидетель. Увидеть мать как *«пресвятую мать»* может тот, кто способен к коленопреклонению (знак покорности).

Сон, в пространстве которого блудный сын возвращается в Дом и встречается с ожидающей его Матерью, — это непосредственно переживаемое религиозное таинство, в котором персонаж становится соучастником вечного События, это Праздник, возможность переживания которого открыта для каждого персонажа тюремного текста.

- Связь между мирами возможна через таинство;
- таинством является символическое возвращение сына домой;
- смысл возвращения — таинство покаяния;
- сон как прием *«сечения»*, отмечающий несовместимость двух миров, изображает логическую сущность возвращения, а не его реальность.

Введение приема сна, выделяющего мистическое пространство четко очерченной границей, является знаком продуманности логики сосуществования двух миров. Устойчивость структурных элементов тюремного *«сна о доме»* свидетельствует о существовании канона, сформировавшегося в тюремной наивной литературе.

Внутренний смысл притчи о блудном сыне раскрывается как в греческом подлиннике, так и в памятниках русской иконографии XVII–XVIII вв.: отец трактуется как Христос, дом как Храм, праздничный стол как Престол. В одном мире (одновременно) изображается падение блудного сына и его возвращение, лобызание его Спасителем, радость, выраженная ангельскими чинами¹³.

В иконе Отец и блудный сын (в период своего падения) размещены в разных уровнях четырехмерного пространства. Момент единения Отца и сына (лобызание сына Христом и увенчание его) совершается в храме, т. е. в ином, символическом пространстве, не соотнесенном с реальным географическим. В тюремной лирике этому храмовому пространству соответствует сон.

Сон как состояние

Для тюремного текста характерно разрушение знаковой системы упорядоченного мира: тюрьма — антимир, в котором персонажи действуют в соответствии с перевернутыми законами (день-сон / ночь-бодрствование). Ночное время отмечено состоянием бодрствования, имеющего смысл жизни (*«Самая работа, самая жизнь в тюрьме начинается нынешним»* — (ЖК), дневное — состоянием сна).

Продолжением состояния жизни во сне является метафора *«жизнь-сон»*.

В тюремном тексте оппозиция сон-явь разрушается: *«Каждый день здесь проходит, как будто в тумане / Или спишь, или ждешь — это изо дня в день»* (из тетради осужденной Кери, ЖК); *«Словно через сон здесь года проходят, /*

Обернешься вдруг — видишь только тьму» (Коготков Е., ДК). Сон-жизнь, в котором пребывает персонаж, воспринимается как «кошмар»:

Хочу забыться на мгновенье,
Чтобы сказать, да это сон.
То лишь кошмарное виденье,
Ах, как же долго снится он.

(С. Пезина, ЖК)

Для тюремного текста, характеризующего тюрьму как мир смерти, актуальна оппозиция свободное—бытовое / тюремное—мистическое. Сны оказываются в одном ряду с чтением, поэтическим творчеством, философией и мистикой. «В сны там (в тюрьме. — Е. Е.) верят, особенно в сны, в которых являются какие-то святые. Очень многие видят мадонну. Там настолько приближаешься к потустороннему этому миру. Я ловила себя на том, что я в тюрьме три с половиной года прожила во сне, я хотела заснуть. Я видела свободу, я жила в этих снах. Когда я просыпалась, я видела только серые стены и одни огорчения. Поэтому я старалась больше спать. Потом я начала писать стихи, читать. Недаром говорят, что рецидивисты, строгий режим, которые уже много сидят, они такие философы» (ЖК).

Сны тюремные как «необычные», пророческие, сакральные видения противопоставляются внеtüремным — профанным снам.

«Что касается снов, то все три с половиной года, которые я провела в изоляторе, я каждую ночь видела сны. Сны необычные, которые запоминались, ну, которые мне говорили о том, что будет со мной в будущем. Многое свершилось, многое нет. В общем, необычные. Совершенно невозможно сравнить то, что было на свободе. Вообще подвержены все мистике там» (ЖК).

Пересказы снов популярны в женских камерах. Тюремное утро «начинается с чаепития. Конечно, рассказывание снов» (ЖК); «Чтобы сбылся сон, его рассказывают после обеда. Если приснился сон, который предвещает нехорошее, желательно поделиться им, этим сном, с как можно большим количеством людей, потому что это не исполнится или снизит количество несчастий, там, объем несчастий, можно так сказать. А если приснился хороший сон, который предвещает что-то хорошее, его лучше утаить, затаить и не делиться с ним, чтобы все хорошее осталось при тебе» (ЖК).

Дополнение

Некоторые символические элементы тюремных снов
В тюремной наивной литературе имеет место мотив опасной преграды между миром тюремы и свободы:

Приснился сон мне этой ночью:
Идут ко мне внучата в гости.
Злой ветер рвет туман на ключья,
А между нами узкий мостик («Горький сон»).

(ТВ. 1990. № 28)

Границы, отделяющие арестанта от «своего», человеческого пространства, от семьи и социума имеют не столько мифологический смысл границы «мертвого царства», сколько религиозно-этический смысл наказания: своим преступлением арестант отделил себя от родных.

Сонники

В тюремном мире, где нарушена знаковая система, основные символические образы сновидений имеют смысл, противоположный обычному, «вольному»: Вот, например, записи из тюремных тетрадей: «Увидеть церковь — выйти на волю»¹⁴. «Церковь (на воле) — к тюрьме (к терпению)»; «Церковь (в тюрьме) — к воле» (СР, 1998 г.). В этой тетради в трех сонниках дано толкование 164 + 54 + 200 символовических образов сновидений, частично они заимствованы из современной периодики, частично отражают фольклорную тюремную традицию — «диктовал один старичок».

«Обувь увидеть: сапоги с длинными голенищами — к дальней дороге (на этап); ботинки — к ближней дороге»¹⁵.

Сонники отражают специфику данной картины мира, свойственную определенной культуре, выделяя наиболее значимые ее элементы. Тюремные сонники особое внимание фиксируют на дороге. Как этап, так и освобождение предвещает приснившаяся обувь. В разные моменты тюремной жизни один и тот же сон может иметь разные толкования: обувь, приснившаяся перед судом, предвещает освобождение, после суда — этап или какую-либо другую дорогу.

Значение сна меняется в зависимости от времени и места нахождения сновидца, сонник «двигается» вместе с персонажем, претерпевая в определенный момент те же смысловые изменения.

Сон-покаяние в тюремной лирике
(сохраняется орфография оригинала)

СОН, КАК НАВАЖДЕНИЕ

Какую ночь уже подряд
Приходят сны, как наважденья:
Мой отчий дом, и вишни в ряд,
И яблонь белое цветенье.
Как будто я во двор вхожу,
И сердце бьется учащенно —
Родную мать там нахожу,
В саду, где дышится привольно.
Моих шагов она не слышит,
Задумчив взгляд ее в тиши,
Здоровьем уж лицо не пышет
От горьких слез и пустоты.
Глаза покрылись пеленою,
Туманом глянцевой воды.
И душно мне, как пред грозою,
И страшно мне от темноты.
И так стояли мы в молчанье,
И каждый думал о своем.
Я о любви к любимой маме.
А мама думала... О чем?

(Н. Семенов. Учр. зам. нач. по восп. раб.
Г.Н. Устинов, // На переломе. 1992. № 47)

В ОПРАВДАНИЕ К МАТЕРИ

Пришло прозренье в дальнем далеке,
Как мало прожил я с тобою, как мало
Твою я руку грел в своей руке,
Как много задолжал тебе я, мама!
Не по чужой, а по своей вине
Мне в жизни рано выпала дорога
И часто видится, и снится мне,
Что я стою у твоего порога:

Стою и оправдания слова
Невнятно говорю почти рыдая,
А у тебя уже почти совсем
Вся голова белым бела — седая.

Ты на меня печальная в упор
Глядишь, не начиная разговора,
О Материнский, матери укор!
На свете тяжелее нет укора.

Прости! Вот вдалеке произношу.
Прости! Что я душой твой беспечно
Дышал как воздухом дышу,
И это мне казалось будет вечно.

Хоть от тебя и дома вдалеке
Пришло прозренье, все-таки как мало
Твою я руку грел в своей руке,
Как много задолжал тебе я, мама!

(Н. Седов. Подразделение, где зам. нач. по
восп. раб. А.П. Бенько // К честной жиз-
ни / Изд. Упр. ЛИТУ, Княжлогостинский
р-н, п. Вожаель. 1995. № 9)

МАМЕ

Часто мне снится удивительный сон
От которого я просыпаюсь в слезах
Во сне том я вижу родимый свой дом
Себя на коленях у мамы в ногах

Вот ведь как устроил Господь
Если даже сон словно исповедь
В которой желая себя привозмочь
У мамы прощенье хочу я вымолить.

Стою на коленях у мамы в ногах
И молю ее словно святую
Что б дала отпущене во всех грехах
Что б простила мне жизнь пустую.

О будь милосерден ко мне Господь,
Но я на весь мир заявить должна
Что для меня пресвятая мать
Женщина, которая меня родила.

И слезы, с которыми я просыпаюсь
То слезы не горя, а счастья
Ведь я перед мамой стою и каюсь
И знаю она спасет от ненастя.

Спасет от бед и печалей всех
Спасет поддержкой одной
И будет верить, что я человек
Что не испортить меня тюрьмой.

А так же знаю еще одно:
Что если бы эта поддержка
Уже бы не было бы меня давно
И жизнь мне была уже не нужна.

Так спасибо родная моя тебе
За то, что ты есть на свете,
За то, что не веришь ты злой судьбе,
За то, что меня ты любишь как прежде.

Спасибо за то, что на зло судьбе
Ты веришь в меня как прежде
И я оправдаю твою веру ко мне
Не дам умереть твоей надежде

И лишь об одном я у Бога прошу
Дай силы ей, дай ей терпения
Не дай, что б сомненья закрались к ней в душу
Пусть крепится, дай ей смирения.

(Из тюремной тетради осужденной
Кери, ЖК)

Примечания

- 1 Флоренский П. Иконостас // Богословские труды. Сб. 9. М., 1972. С. 98.
- 2 Раушенбаух Б.В. Пространственные построения в древнерусской живописи. М., 1975. С. 93.
- 3 Розанов В.В. Религия и культура // Соч. М., 1990. Т. 1. С. 444.
- 4 Федотов Г. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 49, 78.
- 5 Трубецкой Е. Три очерка о русской иконе. М., 1991. С. 48.
- 6 Таныгин М. За железной решеткой. № 2–3. с. 84. Цит. по: Лурье В.Ф. Песни заключенных в тюремных журналах 1920-х годов // Фольклор и культурная среда ГУЛАГа / Сост. В.С. Бахтин, Б.Н. Путилов. СПб., 1994. С. 192–193.
- 7 Флоренский П. Указ. соч. С. 86.
- 8 Там же.
- 9 Калики переходные. Сб. стихов и исследование П.Бессонова. Вып. 4. М., 1863. С. 158–159.
- 10 Там же.
- 11 Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 222.
- 12 Флоренский П. Указ. соч. С. 106.
- 13 Покровский Н. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских // Тр. 8-го Археологического съезда в Москве. 1890. Т. 1. СПб., 1892. С. 215.
- 14 Дичаров З.Л. Из лагерной записной книжки // Фольклор и культурная среда ГУЛАГа. С. 205.
- 15 Там же.

Сокращения

Из многотиражных газет органов и подразделений системы ИТУ:

ЗПВТ – «За пример в труде».
ЗИЧ – «Зона и человек»: Еженедельная газета УИН. Новосибирск-15.
НП – «Новый путь»: Областная газета для осужденных и лиц, содержащихся в ЛТП. Вологда.
Нп – «На переломе». Челябинск.
Пр – «Преодоление». Тверь.
ТВ – «Трудовой вымпел»: Изд. службы по испр. делам и соц. реабилитации. Киров.
КЧЖ – «К честной жизни»: Издание Управления ЛИТУ Княжепогостинский р-н, п. Вожаель (Респ. Коми).
ВИЗ – «Вчера и завтра»: Учредитель – УИН. Ульяновск.

Из архива автора:

ДК – детская колония.
ЖК – женская колония.
СР – колония строгого режима.

Ониромантическая символика браха, рождения, смерти в современных устных рассказах

Сон, бесспорно, является основным каналом экстрасенсорной коммуникации. В последние годы активизировалось изучение сновидений в культурологическом аспекте¹, анализируются принципы снотолкования в народной культуре, взаимодействие устной и книжной традиций, функционирование текстов². Мы обращаемся к той части «народного сонника», которая по области значений связана с важнейшими событиями жизни семьи и индивида и реализуется в форме устных рассказов, бытующих преимущественно в группах родственников. Материалом служат тексты, записанные в 1995–1999 гг. от жителей городов и поселков северо-западного региона России. Предметом рассмотрения являются рассказы о сновидениях, интерпретация которых основывается на сакральной мотивировке образов. Такие сны принято называть вещими. Они либо содержат знание, опережающее события, либо демонстрируют скрытый смысл происходящего.

Сфера сновидений регламентирована. Сны включены в систему мантики (ониромантия). Лучшее время для вещих снов совпадает с периодами гаданий. Есть ограничения, рекомендации и запреты на рассказывание сновидений. Запреты связаны с потаеннойностью личного или семейного знания. Информанты неоднократно просили не только не фиксировать их паспортные данные, но и не записывать сам текст. Вместе с тем обсуждение сна в более или менее узком кругу представляет специфическую коммуникативную ситуацию. Оно принято у женщин и, по мнению И.-Р. Ярвинен, играет особую роль во взаимоотношениях матерей и дочерей³.

Проблема интерпретации ониромантической символики рассматривается Н.И. Толстым и его последователями как установление связи между знаком—символом сна и его ожидаемым результатом⁴. Степень жесткости связи образа и значения определяются укорененностью символа в культуре, а также рядом индивидуальных причин.

Образ сновидения может интерпретироваться а) на уровне «общезвестных» значений, закрепленных текстами устных нормативных примет и письменных сонников; б) как конвенциональный (в том числе семейный) или в) персональный символ. Наименее подвержены варьированию обрядовые символы, но и они включаются в различные сюжеты. Так, утрата кольца означает разлуку в разных ее значениях: как расставание супругов, смерть одного из них, ссору и т. п.

Большинство ониромантических символов трактуется в аспекте семейно-родственных взаимоотношений, поскольку эта сфера наиболее близка сновидцам. Вещие сновидения интерпретируются прежде всего в контексте переломных событий семейной жизни, которые одновременно представляют основные вехи индивидуальных биографий. Значение снов чаще всего сводится к отмеченным моментам жизненного цикла родственников: браку, рождению, смерти (болезни).

Сфера сновидений традиционно представляется как а) область сакрального, «неявленного» знания и б) средство связи с близкими, находящимися в пространственном отдалении или в ином мире. Сновидения демонстрируют возможности общения в виртуальном пространстве. В них являются родственники, пребывающие в «ином» мире, причем не только умершие, но и будущие. Последнее относится к брачным партнерам (в меньшей степени — к свойственникам) и нерожденным детям.

Предназначенность будущих супружеских пар выражается в существовании «знания» друг о друге еще до знакомства. Для описаний первой встречи характерны формулы: «возникло чувство, что все это уже было»; «будто давным-давно знакомы»; «как будто они знали друг друга вечно» — и т. п. Это «знание», скрытое до известного момента, означает наличие родственной связи, которую нужно не установить, но распознать, что соответствует этимологическому единству значений «знать» и «состоять в родстве»⁵. «Предбрачный» сюжет в значительной части выстраивается из мотивов «узнавания», ритуальную аналогию которых содержит свадебный обряд⁶.

Реализация сюжета создания семьи как «узнавания» брачного партнера предполагает развитую прогностику и опирается на мотив «сбывающегося гадания о замужестве». Ониромантия — часть девичьей предсвадебной обрядности⁷. Подобной мантической практики не чужды и юноши. Абсолютное большинство текстов о сбывающихся гаданиях опирается на ониромантические мотивы. К ним примыкает значительное количество рассказов о неспровоцированных веющих сновидениях.

Область значений визуальной символики включает установление самого факта замужества / женитьбы, появление брачного партнера, качества союза (счастливый / несчастливый), места встречи, облика и свойств суженого.

Образы вполне традиционны: фигура в виде сердца означает большую любовь, гроб — вынужденное супружество и т. д. Интерпретация пророческого гадания, сновидения со временем уточняется в контексте свершившегося факта: «Тогда мне было пятнадцать или шестнадцать лет. Во сне увидела, что покупаю в какой-то лавке бусы с крестом... Известно, что бусы — это к любви, замужеству: но тогда к чему же мне приснился крест? <...> Сон мой сбылся, потому что там (в лагере). — И. Р.) я познакомилась со своим будущим мужем, а произошло наше знакомство в церкви. Вот к чему мне приснился крест» (Анна, 21 г.).

В семейном рассказе традиционный образ приобретает дополнительное аксиологическое значение и может мотивироваться персональным опытом: «Однажды бабушке приснился сон, что к ее окну то ли подполз, то ли подплыл гад. А змей, как она говорит, ей снятся только к хорошему. И вот через несколько дней в их деревню вернулся красивый демобилизованный солдат (мой дедушка)» (Анна, 22 г.). Змей связыва-

ется в мифологии с плодородием, огнем (домашним очагом), мужским оплодотворяющим началом⁸. Одновременно существует тенденция к негативной интерпретации образа, связи его со сферой смерти. Конкретизация значения зависит от лично-семейной практики.

Брачные партнеры являются во сне не только друг другу, но и ближайшим родственникам; чаще всего — зять теще: будущая теща, уснув «к печке глазами», увидела зятя, с которым познакомилась через год⁹. И символические, и непосредственно мотивируемые образы могут устанавливать связи с семьей будущих свойственников: девушка увидела в зеркале, как «чья-то рука поставила седьмую свечу», позже выяснилось, что в семье мужа она стала седьмым человеком (А.В., 46 л.); матери информанта «однажды приснилась корова будущей свекрови, хотя она ни разу ее не видела. Корова с перебинтованным рогом» (Мария, 17 л.).

С любовно-брачной символикой традиционно ассоциируются образы определенных животных: медведя, коровы (быка). Сновидица видит рядом с собой двух телят, одного из которых «уводит» подруга, второй остается (будущий муж) (Анна, 17 л.). По свойству животного судят о будущем муже: женщине снится, что за ней бегает поросенок и хрюкает; ей объяснили, что «муж будет кашлюн», как это и оказалось в действительности (Валентина А., 63 г.); девушке приснился рыжий бык «с карими глазами», в чем она усматривает предзнаменование встречи с мужем («красивый, кареглазый и рыжеволосый») (Юлия, 21 г.). Роль быка, теленка в сновидениях свидетельствует о наделении образа значениями мужской силы и медитативными¹⁰.

Пространственные образы рассказов соответствуют мифоритуальному брачному сценарию. Наиболее частотны из символов связи — дорога, из пограничных локативов — дверь: «Снится много-много дорог, а в конце каждой — двери. Дверей много, но среди них выделяются две: одна очень старая, но радует взгляд и тянет к себе, а другая совсем новая, красивая». Во сне информант выбирает старую дверь и, объясняя сновидение, связывает это с последующим выбором между богатым претендентом и бедным, но любимым, в пользу последнего (В.И., 48 л.). В данном случае в контексте брачного сюжета актуализируется значение двери как «выхода» (замуж), отождествляемого с человеком.

Провидческому соединению супружеских сопутствуют вегетативные символы в различных сочетаниях: «Я иду по доро-

ге, сплошь усыпанной цветами, кажется, и вокруг везде появляются цветы. А навстречу мне идет Он — человек моей мечты» (Татьяна, 29 л.); «Мама вспомнила, что за несколько месяцев до первой встречи с отцом ей приснился сон, будто она с каким-то молодым человеком косит траву, а тем молодым человеком и был мой отец» (Светлана, 19 л.).

Справоцированное сновидение может буквально реализовать мантическую формулу, произнесенную перед засыпанием: «Она (бабушка в молодости. — И. Р.) построила колодец из спичек и сказала: «Суженый-ряженый, приходи воды напиться». Во сне ей приснилось, что какой-то мужчина зашел к ней в дом и попросил воды». Через год, наблюдая, как муж стоял у дверей и пил из ковша воду, сновидица «вспомнила, что во сне мужчина, который просил воды, был вылитый дед» (Елена, 18 л.). Содержание сновидения полностью соответствует способу загадывания: «Я легла спать с носком лишь на правой ноге, сказала приговор: «Суженый-ряженый, приснись». Мне приснился человек, которого я любила, и он мне одел второй носок. Это значило, что в скором будущем мы поженимся. Так и случилось» (Л.Г., 20 л.).

Брачный партнер является в сновидении (так же, как в видении или в зеркале при гадании) свой непосредственный физический облик. Конкретные признаки касаются глаз, реже — волос, зубов: «У моего отца есть еще два брата. У них в семье была одна интересная закономерность — они все видели вешний сон о своих будущих женах. Примерные черты лица они видели в своем сне, и в скором времени знакомились с ними. Все они являлись братьям с длинными темными волосами» (Нина, ок. 20 л.).

В большинстве случаев, однако, персонаж оказывается «без лица» и распознается по иным признакам или обстоятельствам: «Во сне она (мать. — И. Р.) видела ленинградский вокзал и облик молодого человека без лица. Спустя некоторое время она первый раз встретила и увидела этого молодого человека на ленинградском вокзале» (Алла, 18 л.); «И снится мне сон. Сижу у окна, пряду <...> с горки спускается мужчина в сером пиджаке, в галифе, одежду помню, лица нет. В январе дело было, а в феврале я его встретила, в моей одежде он и был...» (М.М., ок. 70 л.); «Твой отец... рассказывал мне, что видел свою будущую жену во сне, зная, что это именно она, но лица не помнил. Запомнил лишь то, как она была одета...» (Л.Н., 46 л.); «она (бабушка. — И. Р.) говорит, что когда встретила моего деда, то он был не только похож обликом на

приснившегося, но и одет так же, как и во сне» (Александр, 22 г.) и т. п.

Одежда и отдельные ее элементы — основная примета персонажа вещих сновидений и видений, по которой впоследствии распознается суженый: «мужчина... в розовой рубашке»; «фигура в шинели»; «с погонами»; «молодой человек в синей куртке»; «образ... мужчины молодого в солдатской форме. На нем была шапка солдатская и шинель» и т. п., — причем атрибуты военной формы явно преобладают. Благодаря одежде иномирный персонаж наделяется культурными признаками, приобретая свойства «своего».

Согласно рассказам явление суженого в видении заставляет визионера принять неожиданное или изменить ранее принятые решения о брачном партнере: «Моя бабушка до замужества дружила с парнем и собиралась даже замуж за него. Однажды перед сном она загадала: «На новом месте приснись жених невесте». Во сне она увидела незнакомого человека, а через некоторое время она случайно с ним познакомилась и вскоре вышла за него замуж. Это был мой дедушка. Через много лет моя мама тоже увидела во сне своего будущего мужа. Хоть он и был ее одноклассником, она очень удивилась, потому что тогда не собиралась за него замуж» (Людмила, 17 л.).

Сюжетика рассказов о распаде семьи (разновидность — необратимая ссора жениха и невесты) во многом опирается на мотивы, симметричные тем, которые варьируются в «брачном сюжете». Эта сфера также доступна прогнозированию. Матери невесты снится свадьба дочери, на которой та не в белом, а в ярко-желтом платье (устойчивый «цвет разлуки»); через месяц пара, ко всеобщему удивлению, распалась (К.И., 71 г.). К сожалению с возлюбленным девушке снится, что она передает подруге свадебное платье и оно становится черным (Татьяна, 21 г., со слов подруги). Свадебное платье — один из самых устойчивых обрядовых символов, выступающих в сновидениях, чому во многом способствует развитая система запретов, связанных с его использованием.

Сновидцами становятся как сами участники событий, так и ближайшие прямые родственники, включая детей, положение которых существенно меняется с распадом семьи: «Когда мне было лет восемь, мне приснилось, что отчим уходит из дома с сумками, а плачу при этом только я. В этом году случилась именно такая ситуация» (Мария, 18 л.).

Следующий возможный «ход» брачного сюжета — второй брак. На него также распространяется прогнозирование:

«Незадолго до своего замужества (первого. — И. Р.) она уви-
дела сон... Во сне она увидела, что идет по базару с пьяным
мужчиной, вокруг много народа, она оборачивается, а с ней
идет уже другой мужчина» (Марина, 26 л., о бабушке).

Прогнозирование распространяется на все виды воссое-
динения родственников: от установления брачного союза
до любой встречи. В символику семейно-родственной связи
включаются образы, которые наделяются значениями собы-
тий, совокупной доли, плодородия и рядом других.

Значение «сниться к родственникам» отмечается у сим-
вола «красные ягоды». Ягода в мифопоэтической традиции
наделена комплексом положительных значений: молодости,
энергии, звучания и др.¹¹, в народной лирике это любовно-
эротический символ¹². В снотолковании значение образа
дифференцировано: «ягоды — к слезам, так у нас говорили»;
«ягоду красную видеть — хорошо, черную — к слезам»¹³. Очевидно, в данном случае сыграл роль цветовой признак, ассоциирующийся с кровью и положительным началом. Кроме того, с ягодами связаны идеи сортирования и множественности, актуальные для концептуализации родственных от-
ношений: «Мама всегда знает, когда я должна приехать. Говорит, что перед этим ей снятся красные ягоды, и она их собирает, а это к родственникам» (Любовь, 17 л.). Напомним, что большой урожай красных ягод (рябины, калины) расценивается как предзнаменование рождения множества детей-мальчиков и потому — возможной войны.

Значения множественности = плодовитости присущи также грибам, которые соотносятся с плодородием и фаллическим культом. В.Н. Топоров приводит в этой связи фольклорный сюжет о сестре, съевшей гриб и ставшей женой своего брата¹⁴. В одной из северорусских сказок героя-иниция рождается из гриба-волнушки¹⁵. В народном снотолковании «грибы — к новой родне» (Екатерина, 18 л.). Женщина, у которой муж на фронте, видит во сне, что ей дают рыжиков. Ей объяснили, что это к встрече с мужем, что и оправдалось (В.И., 64 г.).

Комплекс представлений, связанных с рождением ребенка, ритуальная практика¹⁶ находят соответствие в повествовательной традиции. Представление об иномирном происхождении ребенка и связи его с предками выражается в устойчивой системе прогнозирования и утверждающих ее текстах о сбывающихся предзнаменованиях.

В прогностике рождения, в отличие от других ритуально значимых событий, визуальная символика не занимает доминирующего положения, хотя рассказы о сновидениях весьма распространены. Вещие сновидения не провоцируются магическими действиями и могут быть подразделены на сны со значением «к беременности» и прочие, касающиеся свойств будущего ребенка, его судьбы, количества детей в семье. В этом смысле само состояние беременности является отчасти провоцирующим, поскольку связано с повышенной символизацией поведения и ощущений женщины.

С семантикой рождения связан образ рыбы (самый частотный из символов данного ряда), наделенный значениями плодородия, здоровья, а также связью с душами умерших¹⁷. В контексте семейного быта актуальны такие истолкования образа: «рыба — к прибыли в дом» (Анна, 17 л.) и «видеть рыбью (с уточнением — в чистой воде) — к беременности» (Юлия, 17 л.). Последнее значение хорошо поддерживается сказочной традицией. Большинство вариантов мотива «чудесного рождения» — рождение героя от съеденной матерью рыбы¹⁸. Рассказ о сновидении: «Во время последних месяцев беременности моей маме снился один и тот же сон. Она стоит на берегу быстрой речушки, где несет течением мертвую рыбу. Мама отгребает мертвую и ищет живую. Только в последнем сне перед родами маленькая рыбка замахала хвостиком. Она взяла рыбку на руки и прижалась к груди. Роды проходили очень тяжело» (Н., 17 л.). В снотолкованиях образы дифференцируются применительно к необходимой дополнительной информации о ребенке, в первую очередь касающейся пола: «Существует такое представление, что рыба снится женщине к беременности. Также известно, что к рождению мальчика может присниться окунь или лещ, а к рождению девочки — плотва или щука» (Ольга, 18 л.).

Образ рыбы вообще один из ключевых в сновидениях — встречается и в других мотивах: «Мой папа был на фронте в 1939 году. Мама видит сон. Покупает со своей подругой рыбью. Мама взяла себе хвост, а подруга голову. Пришла утром на работу, рассказала женщинам. Одна говорит: “У тебя муж ранен, а у той подружки навряд ли есть ли хоть живой”» (Валентина И., 63 г.) (муж сновидицы вернулся с фронта, муж подруги погиб). Рассказ представляет возможную мифонаративную параллель к идее распределения доли (судьбы, жизненной силы и т. п.), которая в обряде выражается разделением целокупного объекта на части¹⁹.

Предзнаменованием рождения в сновидениях выступают образы птиц — вестников из мира предков, в том числе во-площающих души нерожденных детей и собственно ребенка²⁰, и дерева — универсального символа человеческой жизни. В сновидении, по которому были определены пол и имя будущего младенца, визионер «увидела маленькую птичку на дереве, которая пела человеческим голосом: “Люд-мил-ка! Люд-мил-ка!”» (Вера, 39 л.).

Предвещает беременность пересаживание дерева во сне или вырастание его, особенно из замкнутого объема. Женщине, которая долго не могла иметь детей, снится, что они с мужем «поехали в лес на какую-то поляну собирать цветы <...>. Саша заметил, что большая ель заслоняет какое-то маленькое дерево. Мы взяли и пересадили его на полянке. А через несколько дней после сна я узнала, что беременна» (Л.П., 48 л.). Другая женщина рассказала: «Приснился мне сон, как я стояла одна на незнакомой местности и какой-то человек... положил что-то на мою ладонь и сжал ее в кулак. Человек исчез, а я открыла руку и увидела маленький зеленый росточек, который стал расти на моих глазах от размера веточки до большого красивого зеленого дерева» (Татьяна, 25 л.).

Присутствуют в сновидениях и собственно образы детей: «Мне приснился сон, что я держу на руках девочку и убаюкиваю ее...» (Елена, 21 г.) и т. п. Часто матери отмечают точное «сходство» увиденного ребенка с родившимся впоследствии. Аналогичные сны (хотя и не всегда точные) видят будущие отцы: «Папа говорил, что за месяц до моего рождения ему приснился сон. Он идет по улице и на руках несет маленького мальчика, и мальчик очень похож на него. Отец, когда проснулся, даже расстроился, что вдруг мальчик родится» (Светлана, 17 л.).

Информанты не всегда могут точно вербализовать визуальные образы, отмечая, что сон был «светлый» («свет» в женских видениях и сновидениях часто означает беременность), после него было «спокойно и радостно на душе», «настроение с утра отличное» и т. п. Если подобные тексты отражают массовую традицию, то рассказ о видении, в котором к женщине в полночь через балконную дверь приходил «сияющий человек» (как считалось, она не может иметь детей, но после этого случая родила), следует отнести к редким и связанным с психологическими особенностями информанта (Ирина, 20 л. — со слов подруги).

Разнообразны способы распознавания имени будущего ребенка. Имя предлагается явившийся в сновидении предок или другой родственник; оно написано на «метрике», призванной к руке младенца (Елена, 21 г.), и т. д. По прогностическим сновидениям определяется судьба ребенка, особенно если она несчастливая: «Моей маме, когда она была беременная, приснился сон, что ее сын утонул. Когда родился мой брат, мама всячески оберегала его и ни на шаг не подпускала к воде. Через двадцать лет он все равно утонул» (О.Е., 42 г.). Таким образом, сон предсказывает одновременно и рождение (по крайней мере в отношении пола ребенка), и смерть. Данный текст представляет прямую параллель традиционным сюжетным типам новеллистических сказок о неизбывности судьбы, предписанной при рождении²¹.

Лучше всего разработана ониромантическая символика смерти. Сновидения со значением «к смерти», как и другие пророкические сны, делятся на условно-символические (кто-то в родне умрет) и конкретно-персонажные, указывающие на родственника, который находится на пороге смерти. Убеждение в том, что человек предчувствует свою смерть, — общераспространенное. Оно иллюстрируется пересказами видений и сновидений умерших, которыми те передались перед кончиной.

Особую роль в символике родственной связи играет мотив «собирания» родственников, в семантике которого соединены идеи множественности и единства близких. В рассказах о вещих сновидениях «общесемейный сбор» может обозначать любую ритуальную ситуацию, но чаще ассоциирован со смертью, ее прогнозированием. Данный мотив включается в рассказы о сновидениях как самого умирающего, так и его близких. Дополнительную смысловую нагрузку несут обстоятельственные элементы: сидение членов семьи за общим столом, собирание их у постели больного, в незнакомой комнате и т. п., причем встреча может происходить и в «пространстве жизни» (например, домашнем), но чаще — в локусе смерти. Одна из разновидностей последней — «райский сад» с его традиционной топикой, который естествен для размещения родственников: «Я увидела очень странный сон, но красивый. <...> Вся наша семья Симоновых (перечень членов семьи. — И. Р.) приехали на машине в сад. Все деревья в цвету, гуляют павлины, поют птицы, кругом все красиво. Мы ходим по саду. <...> Он мне приснился именно в этот день, когда умер мой дедушка, папин отец. <...> Позже я

увидела этот сон снова, и снова после него нам сообщили о смерти прабабушки» (Елена, 17 л.).

Тот факт, что идентичные формы предчувствий и предзнаменований наблюдаются у самого умирающего и у его родственников, свидетельствует о единстве группы перед лицом смерти. Бабушка видит «плохой» сон перед неблагополучными родами внучки и смертью младенца (Виктория, 17 л.). Самый устойчивый образ, демонстрирующий единство «родственного организма», касается состояния самого визионера, которое указывает на утрату близкого: выпадение во сне зуба (зубов). Зубы связаны с идеями крепости, отвердения человека²², жизненной силы и энергии. Выпадение двух передних зубов в сновидении означает утрату родителей (Китай)²³.

Мотив варьируется, конкретизируется: «Зуб во сне теряешь с болью — к смерти родственника, без боли — просто знакомого» (Светлана, 17 л.). По расположению утраченных зубов («топографии») определяют степень близости/ дальности умершего: «Подхожу я будто к зеркалу, смотрюсь, вдруг не вижу одного бокового зуба. Нет ни крови, ни боли. Смотрю — и коренного, подальше, с другой стороны, тоже нет. Я очень удивилась, что были зубы и вдруг нет, а мне не больно. Наутро рассказала сон бабушке. Она вспомнила, что выпавший зуб во сне — к смерти. И точно. Пришел дедушка (он у нас коз нас) и сказал, что умерла тетя Зина, которая жила рядом, и подальше — та знакомая» (Нина, 18 л.). Информант сопроводила рассказ чертежом, на котором обозначила расположение улиц и домов соответственно расположению выпавших зубов.

Наблюдается параллелизм образов смерти и рождения: «Перед рождением моего двоюродного брата маме приснилось, что у нее вырос зуб» (Людмила, 17 л.). В данном случае в сновидении присутствует в обращенном виде представление о том, что в реальности с рождением каждого ребенка женщина обязательно «теряет» один зуб.

Усиленная (и наиболее частотная) форма приметы «к смерти» — выпадение зуба с кровью. Кровь — универсальный культурный символ жизненного начала, рождения, генеалогической связи²⁴. Из снотолкований: «Кровь — к встрече с родными» (Юлия, 17 л.); «Если кровь у себя — жди кого-либо кровного» (Мария, 18 л.). Подтверждающий рассказ: «Часто вижу во сне кровь перед приездом родителей. Однажды совсем не ждала их, а кровь приснилась. Пришла из универ-

ситета, а они уже в общежитии, ждут меня» (Н., 18 л., есть варианты). Кровь чаще ассоциирована с другими символами, оценка которых определяет общее истолкование. В сочетании с негативными образами она означает несчастье с родными; «невидение» ее в неприятной ситуации — свидетельство избегнутой опасности: «Однажды бабушка увидела себя в роли палача. Она рубила тело человека, а рядом была моя мама, при этом она не видела крови. Проснувшись утром, она сказала, чтобы мама поберегла себя в этот день» (в школе с девочкой едва не произошел несчастный случай) (Мария, 18 л.).

Этимологически родственны кровь и сырое мясо²⁵. Сближены они в одном из самых устойчивых снотолкований: «кровяное (сырое) мясо — к плохому с родственниками» (А.П., 85 л.). Этот знак считается особенно страшным, он вступает в сочетания с различными образами смерти: «Мне снилось сырое мясо, я его несла домой и все съела по дороге, думала, мама будет меня ругать. Через неделю умер дедушка. Через два года снился тот же сон — умер лучший друг отца» (Ольга, 18 л.); «Перед смертью дяди Саши маме приснился вот какой сон. На улице зима, и из ворот лошадь вывозит целый воз кусков мяса. И один кусок шевелится и еще дышит. Вскоре он умер» (Екатерина, 17 л.).

Смерть предвещают также змея (клубок змей), дохлая кошка, человек с одним глазом, осипавшаяся зеленая елка, сломанные ветки деревьев, трава, черный платок и вообще все черное и еще многое другое, что в большинстве своем имеет более или менее явные мифоритуальные коннотации. Самые устойчивые группы составляют образы, план выражения которых сопрягается с а) домом и частями помещения; б) строительно-плотницкими работами; в) уборкой и мытьем; г) транспортными средствами; д) дорогой; е) водными локусами; ж) погребально-обрядовыми реалиями. Комбинируясь, они создают сюжеты и образные картины, калькирующие элементы ритуального и мифopoэтического сценария.

Анализ текстов притчаний, проведенный Л.Г. Невской, продемонстрировал, как смерть члена семьи связана с разрушением дома, изменением функционально и ритуально значимых его компонентов²⁶. В вещих снах разрушение дома — знак скорой потери родственника: «Моя бабушка рассказала мне сон. Видит она дом, и она бежит в дом этот. На пути встречаются разные препятствия. Но она все-таки за-

бегает в дом. Но видит, что от дома часть оторвалась. Человека убирает из дома, и он видит, что от дома оторвалась часть. Через некоторое время умер ее родственник» (Анна, 18 л.). Изменения, переделки часто касаются потолка и пола, причем они могут быть связаны с аномалиями: «Перед смертью прадедушки прабабушка видит сон, что лежит она на кровати и смотрит на потолок. Одна потолочина (доска) совсем гнилая. И вдруг соседняя крепкая доска обвалилась, а гнилая осталась. Через полгода ее муж умер» (Екатерина, 18 л.). Провалившийся во сне пол в старом (дедовском) доме сразу вызывает у сновидицы «некоторое чувство», а затем оказывается предзнаменованием ее тяжелой болезни и операции (Е.Р., 47 л.). Перестройка в доме, уборка, появление плотников — мотивы, складывающиеся в цельную картину смерти: «Перед смертью дедушки я была у тети Аллы. Во сне видела: плотники, этого, пришли пол сплотнять, два. А печку токо сделали, не убрано. Я им, значит, говорила: "Кто вас послал? У меня не убрано еще на полу, а вы сплотняйте". Вот. И приехала оттудова, и сразу дверь открыла, и дедушка на полу и умер. И не успела, видишь» (Софья Д., 66 л.).

Верной приметой смерти считается сон, в котором делается уборка, моются полы, а также явлен сам вид вымытого пола: перед трагической смертью сына отцу приснился сон, что он утром вышел в общий коридор, а пол «намыт до белизны». На следующий день пришло известие, что сын погиб (Владимир, 44 г.). Главная связь устанавливается между домом, в котором моют или подметают пол, и смертью его хозяина. По этому признаку определяют, к близким или дальним относится предвестие несчастья: «Перед смертью своего близкого друга видела сон, что я выметала пол у них в квартире. Через некоторое время он скоропостижно умер» (Н., ок. 40 л.); «Мне приснился сон, что я подметала тротуар в соседнем доме. Утром я узнала, что умер наш близкий родственник. Когда я рассказала свой сон бабушке, она сказала, что есть такая примета: подметать или мыть пол — смыть кого-то на тот свет, а так как я подметала у соседей, это случилось не с самым близким человеком» (Мария, 17 л.). Мытье и подметание — «вымывание» и «выметание» живых²⁷, с чем связаны широко известные запреты на уборку в день отъезда, в период важных событий, например заменов и т. п. Наоборот, предписывается немедленно вымыть пол, если в доме побывал нежелательный визитер.

Переезд — одна из метафор смерти. Она реализуется как переселение, но не в новый дом, а в старый: «Однажды ма-

ме приснился сон, что ее сестра переезжает из нового красивого дома в старый. Через какое-то время ее сестра умерла. После этого прошло много лет, и мама увидела снова сон, где она переезжала из нового в старый дом. Мама тогда подумала, что с ней произойдет то же самое. Но она обошлась болезнью. Правда, эта болезнь очень серьезная. А вообще дом — это организм (во сне)», — обобщила рассказчица (Анна, 18 л.).

В сновидениях, как и в похоронных причтаниях, для покойника строят другой «дом». Из рассказа, записанного в 1971 г. на Пинеге: «...вижу, что Сергей Иванович делает дом: стена толстая без окошек, избушка наоборот. Построил, а двери вырубил, где должны быть окна. Видно как гроб, картина ясная. И потом за мной приехали: мать померла»²⁸. Из современных записей: «Снится мне сон, как будто дедушка наш строит три теплицы. Я его спрашиваю: "Вадим, зачем нам три теплицы, и почему они без выхода?" А он отвечает: "Одна для нас, другая для родственников, третья для соседей". В этом году умерли дедушка, его брат Роман и наша соседка» (А.М., 59 л.). В сибирском рассказе из собрания В.П. Зинновьева брату строят длинный сарай, заполненный наполовину пшеницей («к слезам»), наполовину дровами; затем распиливают его. «А те плотники, что сарай-то во сне распиливали, те ему гроб-то и делали», — заключил информант²⁹. И характер строящихся объектов, и сам вид деятельности — плотничанье (акустически — стук топора) служат приметами смерти. Плотники — изготовители последнего «дома», что дополнительно сакрализует их ремесло и усиливает корпоративную выделенность³⁰. «Моей бабушке приснилось, что дед строит себе новую лодку. Бабушка испугалась, так как знала значение этого сна, а дед был тем более плотником и делал в деревне всем гробы...» (сон — к смерти сына) (Ксения, 17 л.). Лодка — известный погребальный транспорт и одновременно символ самого человека. Сновидение с таким отмеченным образом не может не запомниться: «Говорят, что сон может исполниться только через несколько лет, но моей бабушке приснился сон, который исполнился лишь через двадцать лет. На море была буря, а на берегу привязаны две лодки, одна, видно, сделана недавно, еще совсем новенькая, а другая старая. И вот подул сильный ветер, и молодую лодку унесло, осталась одна старая, однако через некоторое время унесло и ее. Через двадцать лет умер бабушкин сын, моей мамы брат, дядя Саша. Еще совсем молодой был, а через некоторое время умер и дедушка» (Екатерина, 17 л.).

Возникновение пространственной преграды между персонажами всегда указывает на смерть одного из них. Та же семантика присуща всем формам исчезновения объекта сновидения. С наибольшей очевидностью она устанавливается, когда персонаж скрывается под землей. Варианты мотива ухода под землю: персонаж падает в яму, спасая родственника; скрывается в щели в горе³¹; исчезает в дыре в канаве: «Снится мне дорога ровная, ровная. Около дороги идут канавы. Идем мы со свекром по этой ровной дороге. Я иду впереди, а он сзади. Шли, разговаривали. Я его что-то спросила, а он молчит. Оглянулась — свекра-то нет. Стала я искать его, спустилась в канаву, а в ней такая травка сырватая. Кричу: “Папа, где ты?”. Слышу, слабо так: “Зде-есь, зде-есь”. Я опять: “А где ты?”. Смотрю — в канаве дыра. Я снова кричу, а ответ слышу из-под земли. Сунула я руку в дыру, хотела его вытянуть, да не смогла. Проснулась утром и поняла — не к добру сон, ой, не к добру. Так и было ведь — через несколько дней телеграмма пришла, что папа умер» (Мария С., 71 г.). Характерно, что персонаж-сновиц пытается задержать, спасти уходящего родственника (ср. мотив эсхатологических легенд)³². Согласно неписанным правилам поведения во сне, визионеру предписывается быть активным. Другое дело, что в данной ситуации все его действия оказываются безрезультатными.

Земля и земляные работы жестко связаны со сферой смерти. Ониромантическая примета: «работаешь на земле (копаешь землю) — в родне будет покойник» (Мария, 19 л.). Если человеку снится, что его самого засыпает землей или песком, то объяснение однозначно. По ассоциации, клумбы — могилы: «Это снится мне перед смертью близких. Я очень боюсь этот сон. Я вижу перед моими окнами много огороженных клумб, как будто это маленькие могилы» (А.В., 44 г.). Ландшафт смерти — песчаная отмель, низина. Из расстений нижнего яруса в сновидениях фигурирует трава, особенно сырья или обволакивающая ноги: «... травушка-муравушка, шелковиста да зелена. Иду я, значит, по травушке-то, а она впрямь-таки аж ноги обволакивает. И долго так ходила-то, а ноженьки-то уж вязнут в траве той. <...> А ма-менька моя, царство ей небесное, то мне и сказывала — к по-койнику эта трава-то. И ведь как в воду глядела!» (Полина П., 60 л.). Аналогии из других сновидений — водоросли, красные пионы со дна реки. Анализ славянских поверий, предпринятый Л.Н. Виноградовой, демонстрирует связь

представлений о цветении с поминальным мифообрядовым комплексом³³. Водяные растения и особенно цветы (лилия, например) в первую очередь обнаруживают свою принадлежность к иномирному пространству.

Еще одна форма исчезновения: родственник «теряется», скажем, в лесу при собирании грибов или ягод либо при любых других обстоятельствах. Его тщетно ищут³⁴. Близкую утрату означает сама нечеткость визуального образа, размывание его в сновидении: «человек медленно растворяется, как в тумане, исчезает» (Илья, 18 л.).

Символика разъединения присутствует и в снах, которые информанты не относят к вещим, т. е. не находят для них удовлетворительного объяснения. В этих сновидениях явлены уже умершие родственники и в основном фиксируется их «инобытийность»: «Мне приснилось, что тетя идет по нашему коридору мимо меня, но на меня не смотрит (не видит), и я на нее стараюсь не смотреть, хотя совсем рядом; не думаю, чтобы это было плохо» (Ирина, 36 л.); «Мне приснилась жена моего дяди. Она умерла год назад. Я ехал в троллейбусе, и было как будто лето. Открываются двери, и я вижу ее, она стоит на остановке. Двери закрываются, и я подумал: ведь она уже умерла, почему я ее вижу? И как будто я уже в Петрозаводске еду в троллейбусе, и на улице зима» (Михаил, 17 л.); вдовец (37 л.) видит, что он ходит в каком-то помещении и жена его за стеклом, общаться нельзя.

Утрату человека означает потеря принадлежащей ему вещи: «Была у свекрови моей плюшевая жакетка. Снится сон мне, будто потеряла я ее плюшевую жакетку. И стала я искать ее. Ищу — нигде нет. Шла я, шла и пришла в церковь. Смотрю — плюшевая жакетка лежит в церкви на полу. А чтобы забрать ее, надо перелезть за цепь. Она будто цепью огорожена. Я хочу ее забрать, а меня за цепь непускают. Так и не отдали мне жакетку, <...> Вот так вот сны-то и сбываются. А если бы забрала жакетку, может быть, еще и свиделись с ней» (Мария С., 71 г.). В рассказах отмечаются отдельные предметы одежды (черный сарафан, серый платок и т. п.) или узел с вещами, которые обнаруживают «смерющую» принадлежность.

В сновидениях «к смерти» закономерны образы дороги (тропа, шоссе и пр.) и различного транспорта — основных компонентов мифоритуального сценария³⁵. Функции традиционных средств транспортировки нередко выполняют ав-

томобили. Не только в ониромантике, но и в других гаданиях образ «машины» символичен: «Я тут перед смертью машины в рождественскую неделю бумагу жгла. И вот — машина грузовая, крест. Четко было. У нас на грузовиках хоронят, в Пряже-то. И как бы я ни крутила бумагу, везде машина с крестом» (гадание по теневому изображению) (Евгения, 41 г.). Реальная ритуальная транспортировка составляет содержание опережающего сна, все детали которого имеют прямую мотивировку: «Мама едет в машине, рядом сидят знакомые мужчины (кто именно — непонятно). Вдруг видит окно, красные стены, толпа народа, проезжали по улице Федосовой... Через месяц умерла тетя Зина. Ехали по улице Федосовой в похоронный зал, мама брала машину с работы, мужчины с работы помогали хоронить, красная комната — похоронный зал» (Елена, 23 г.).

Картина похорон с участием родственников не нуждается в дополнительной расшифровке. Перед смертью деда внучка видит его в гробу, в церкви, в окружении родных. «Только одно меня удивляет, — заметила сновидица, — я никогда не видела этого человека, а он мне приснился» (Юлия, 18 л.).

По преимуществу материнские сны о смерти детей содержат провидческие атрибутивные и топографические детали; они не только предвещают сам факт, но сообщают точное знание о том, что совершилось или совершится. Ситуация порождает популярный сюжет о том, как мать по сновидению находит место гибели ребенка (жена — мужа и пр.) или даже успевает его спасти. В одном из рассказов мать находит утонувшую дочь, руководствуясь сном, который видела восемнадцать лет назад³⁶.

Прокопические сны предполагают, в первую очередь, активность сновидца-интерпретатора и в ряде случаев участника увиденного. Есть также тексты, в которых родственник, уходящий в небытие, сам приносит это известие, выступая активной стороной. Создается ситуация прощания: «Вещий сон был один у бабушки, когда ей приснился ее первый муж и сказал, что его убили на войне» (Г., 19 л.); «В октябре моей сестре приснился сон. К ней пришел племянник и сказал: "Ну что, тетушка, прощай!". Сел в свою машину и уехал. Утром она рассказала сон мужу, он поворчал и сказал, что ей вечно снятся глупости. Вечером они пошли к Сергею (племяннику) домой, но его не было, не появился он и на другой день. А через два дня его нашли в гараже, он задохнулся в своей ма-

шине» (Светлана, 30 л.). Информация иногда содержится не в словах (прямой речи) явленного родственника, а в его поезде и облике: «Мама, когда ее муж (мой отец) уехал в командировку в Финляндию, увидела такой сон. Муж стоит и тянет к ней руки, а на лице его выражение муки» (погиб при пожаре в гостинице) (Артем, 18 л.). Если с родственником давно не виделись, то приезд его во сне, особенно с подарками, может означать прощальную ситуацию: «Видимо, все-таки связь с отцом у меня не прервалась, хотя я и не видела его с четырех лет. Кстати, накануне того дня, как мне сообщили о его смерти, я видела сон, что он приехал к нам и привез целую сумку подарков» (Наталья, 17 л.).

В целом, рассказы о вещих сновидениях, аккумулирующие символику брака, рождения и смерти родственников, являются выражением самосознания семейного коллектива, способствуют поддержанию его целостности, выполняют нормативную функцию, пользуясь языком визуального кода, что и определяет их исключительное значение как формы манифестиации родственного единения.

Примечания

- ¹ Сон — семиотическое окно / XXVI Випперовские чтения. М., 1994.
- ² Толстой Н.И. Славянские народные толкования снов и их мифологическая основа // Сон — семиотическое окно / XXVI Випперовские чтения. С. 90–94; Niebrzegowska S. Polski sennik ludowy. Lublin, 1996; Uzellez Ф. Влияние народного снотолкования на сонники // Рябининские чтения-95. Петрозаводск, 1997. С. 188–194.
- ³ Jarvinen I.-R. Mothers, Daughters and Dreams. Family relations reflected by dream narratives in a Karelian village // Family as the Tradition Carrier. Tallinn, 1994. P. 23.
- ⁴ Толстой Н.И. Указ. соч. С. 90–92.
- ⁵ Топоров В.Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева // Труды по знаковым системам. Т. 5. Тарту, 1971. С. 133.
- ⁶ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. С. 76–77.
- ⁷ Токарев С.А. Приметы и гадания // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычая. М., 1983. С. 66; Логинов К.К. Девичья обрядность русских Заонежья // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 74–75; Виноградова Л.Н. Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели) // Славянский и балканский фольклор: Обряд. Текст. М., 1981.
- ⁸ Иванов В.В. Змей // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1991. С. 468.
- ⁹ Мифология Пинежья / Вступ. ст., подгот. текстов, comment. А.А. Ивановой. Карпогоры, 1995. № 97. С. 62.
- ¹⁰ Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С. 30.

- 11 Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образы мира и миры образов. М., 1996. С. 398.
- 12 Еремина В.И. Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978. С. 113.
- 13 Пигин А.В. Каргопольские экспедиции Петрозаводского университета // Живая старина. 1997. № 4. С. 45.
- 14 Топоров В.Н. Семантика мифологических представлений о грибах // Балканский сборник. М., 1978; Он же. Грибы // Миры народов мира. Т. 1. М., 1991. С. 335–336.
- 15 Иванецкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2. М., 1890. С. 189.
- 16 Байбурин А.К. Указ. соч. С. 40–62; Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993. С. 14–100; Винокурова И.Ю. Дети в некоторых обрядах и представлениях вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 41–63; Мазалова Н.Е. Родины на Русском Севере: соматические представления // Обряды и верования народов Карелии: Человек и его жизненный цикл. Петрозаводск, 1994. С. 31–40; Белоусова Е.А. Представления и верования, связанные с рождением ребенка: Современная городская культура / Автореф. дис. ...канд. культурологии. М., 1999; Живая старина: Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. М., 1998. № 2.
- 17 Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 405–411; Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 339–342.
- 18 Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979. С. 303; Русские народные сказки Карельского Поморья. Петрозаводск, 1974. С. 169; Русские народные сказки Пудожского края. Петрозаводск, 1982. С. 28–29.
- 19 Байбурин А.К. Указ. соч. С. 217.
- 20 Бернштам Т.А. Орнитоморфная символика у восточных славян // Советская этнография. 1982. № 1. С. 22–34; Иванов В.В., Топоров В.Н. Птицы // Миры народов мира. Т. 2. С. 346–349; Винокурова И.Ю. Пернатое царство в мифологических представлениях вепсов // Фольклористика Карелии. 1998. С. 49–58.
- 21 Сравнительный указатель сюжетов... С. 934A, 934F*** и др.
- 22 Байбурин А.К. Указ. соч. С. 161–162.
- 23 Бидерманн Г. Указ. соч. С. 100.
- 24 Там же. С. 134–135; Маковский М.М. Сравнительный словарь... С. 204–205; Чеснов Я.В. Этнический образ // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 67–68.
- 25 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986–1987. Т. 2. С. 379.
- 26 Невская Л.Г. Балто-славянское прочтение. Реконструкция семантической структуры. М., 1993. С. 73, 90–91.
- 27 Новичкова Т.А. Сор и золото в фольклоре // Полярность в культуре. СПб., 1996. С. 148.
- 28 Миология Пинежья... № 191. С. 61.
- 29 Миологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосиб., 1987. С. 299, № 432.
- Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 56–58.
- Мифологические рассказы... С. 300, № 434, 436.
- Сравнительный указатель сюжетов. С. 300.
- Виноградова Л.Н. Цветочное имя русалки // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995.
- Мифологические рассказы... С. 29, № 435, 436.
- Невская Л.Г. Семантика дороги и смежных представлений в погребальном обряде // Структура текста. М., 1980; Чистяков В.А.: Представление о дороге в загробный мир в русских похоронных притчаниях XIX – начала XX в. // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 114–127.
- Мифологические рассказы... С. 301, № 438.

Осмысление инобытия в традиционной культуре (Сон или видение)

И

рландская сага «Приключение Неры» (Echtra Nerai) является, как нам кажется, одним из самых сложных с сюжетной точки зрения и малопонятных с точки зрения смысла памятников эпической традиции. Этот текст был переведен нами примерно 15 лет назад для тома «Похищение быка из Куальнге», вышедшего в серии «Литературные памятники», но перевод, признаемся, был сделан нами максимально приближенно к тексту, пофразно, поскольку общий смысл саги понятен нам не был. В ответ на наши сетования по поводу сложности саги С.В. Шкунаеву, составителю тома, тот посоветовал нам переводить его «как есть, поскольку он и должен быть непонятным». В свое время Р. Турнейзен даже предположил, что сага «Приключение Неры» является компиляцией двух разных сюжетов, связанных одним героем, которые были искусственно соединены вместе позднейшим переписчиком¹. Так же

рассматривается данный текст в статье «Структурный анализ Приключения Неры», автор которой стремится применить к ирландскому эпосу метод анализа при помощи бинарных оппозиций, следуя, как он пишет, за методикой К. Леви-Стюара, сформулированной в первую очередь в его «Структурной антропологии»². На фоне сказанного более чем странно звучат слова ирландского исследователя О’Дулярги, который говорил, что «сюжет саги прост и легок для запоминания»³; впрочем, в его статье анализируется, как и в книге А. и Б. Рисов, только первый эпизод — с тремя домами.

О чём же эта сага? В ней рассказывается о том, как в ночь перед Самайном, кельтским днем Нового года, 1 ноября (впоследствии — Хэллоуин), в ночь, когда раскрываются чудесные холмы — сиды и их обитатели могут вступить в контакт с живыми людьми, король Коннахта Айлиль и его воины сидели у костра, а «демоны мелькали в воздухе вокруг них». Король Айлиль велел Нере, одному из своих воинов, пойти и обвязать веревками ноги мертвца — пленика, видимо, принесенного в жертву. Нера отправился к мертвцу, и тот попросил его отнести его в какой-нибудь дом, чтобы он смог напиться. Пройдя мимо двух домов с мертвцом на спине, Нера вошел в третий дом, где тот напился, а затем отнес его назад⁴. Вернувшись, Нера обнаружил, что король и его воины мертвцы, на месте костра лежит груда отрубленных голов, а их крепость разрушена. Как он понял, это было результатом набега обитателей сида. Желая отомстить, он последовал за ними внутрь холма, но там узнал, что все, что он видел, было лишь образом будущего, которое наступит ровно через год, в следующий Самайн. Нера провел год в сиде, вступил в брак с тамошней женщиной, был свидетелем отдельных, довольно загадочных эпизодов, а когда холм вновь раскрылся, вышел наружу и увидел, что Айлиль и его люди по-прежнему сидят у костра и котел с мясом еще даже не сняли с огня. Еще год провел он среди людей, а когда холм вновь раскрылся, его обитатели действительно вышли из него и напали на воинов Коннахта. Однако король Айлиль был уже предупрежден Нерой об этом нападении и обитателям сида не удалось застать людей врасплох. Они отступили, и Нера ушел в сид вместе с ними и, как кончается сага, «Не выйдет он оттуда больше уже никогда».

Таков, в значительной степени — в упрощенной форме, сюжет этой саги. Не вдаваясь в отдельные, заслуживающие

специального анализа, детали повествования, отметим, что, как справедливо указал Дж. Кэри, главная тема «Приключений Неры» – «это общение между тем и этим миром, которые разделены не столько в пространстве, сколько во времени»⁵. Примерно то же пишет о «Приключениях Неры» и А. Ватсон, который отмечает, что «между пространственными зонами, маркирующими центральную дихотомию саги, лежит естественный барьер – время, который затрудняет общение между двумя мирами. Нarrативная схема ясно показывает, что два мира существуют в разных временных плоскостях. <...> Разница между естественным и сверхестественным временем может быть рассмотрена как разница между линейной и циклической структурами»⁶. Однако разница между скоростью течения времени и, возможно, его направлением, практически всегда отмечаемая в сюжетах о посещении «иного» мира, в данном случае оказывается не в пользу мира этого. Действительно, в отличие от универсальных и широко представленных в ирландской саговой традиции сюжетов о посещении героем Чудесных островов или Страны вечной юности, где время прекращает свое движение (вернувшись и ступив на землю, герой превращается в старика или рассыпается в прах), в «Приключениях Неры» наблюдается обратный феномен: герой проводит в «ином» мире год, но возвращается в мире этом в ту же временную точку, с которой началось его приключение («котел с мясом даже не сняли с огня»).

Однако данный пример хотя и редок, но не единичен. С аналогичным «замиранием» времени в мире этом мы встречаемся и в саге «Совращение Бекфолы» (Tochmarc Beccholta), героиня которой, жена короля Диармайда, отправляется ранним воскресным утром на встречу со своим тайным возлюбленным, сказав мужу, что якобы идет забрать свои драгоценности, оставленные ею у ручья. Король говорит ей, что воскресенье – не удачный день для таких бы они были путешествий, но она отправляется в путь, взяв с собой служанку. В результате после долгих блужданий женщины встречают стаю волков, которые раздирают служанку на куски (Бекфоле удается спастись на дереве). Через какое-то время она встречает в лесу странного юношу по имени Фланн, следует за ним в лодке на остров, они проводят вместе ночь (юноша отказывается вступить с ней в близкие отношения), а затем наутро между ним и неожиданно появившимися воинами начинается поединок, из которого он вы-

ходит победителем. После этого Фланн отводит Бекфолу обратно, причем оказывается, что служанка ее жива и, более того, Бекфоле даже не приходится объяснять мужу причину своего отсутствия: он только что проснулся и говорит ей: «Правильно ты поступила, что осталась дома»⁷. В этом мире время не двигалось, и, покинув его воскресным утром, героиня возвращается в ту же «исходную» точку. Как полагает Дж. Кэри, в данном случае мы можем говорить о том, что в тексте как бы «существует две версии одной ночи: в одной служанка погибла, в другой – спаслась»⁸, однако мы не уверены, что смысл данного эпизода следует понимать именно так, и то, что он называет «парадоксом “иного” мира» как мира, параллельного реальному, может быть интерпретировано скорее как вневременное бытие, для этого мира вообще не существующее.

Как нам кажется, та же сюжетная схема («время, как и сюжет, движется в “ином” мире, но замирает в мире реальном») в значительно искаженном виде предстает и в саге об Этайне и Мидире, в эпизоде с королем Элкмаром, его женой Этайн и богом Дагдой: «Пожелал Дагда быть близким с ней, и уступила бы ему женщина, если бы не страх перед Элкмаром. Тогда отправил Дагда Элкмара к Бресу, а когда тот пустился в дорогу, навел на него Дагда великие чары, дабы не мог он вернуться прежде срока. Избавил Дагда Элкмара от голода и жажды и рассеял для него ночную тьму. Долгим сделал он путь Элкмара, так что прошли для него девять месяцев словно один день, ибо говорил Элкмар, что воротится обратно еще до заката»⁹. Мы полагаем, что в данном случае также можно говорить о «замирании» (или – замедлении) времени в мире реальном (время короля Элкмара) и движении времени в мире «ином» (время бога Дагды и Этайна). Причем, что интересно, во всех трех названных наами сюжетах мы сталкиваемся примерно с одной и той же персонажной схемой: представитель реального мира (для которого время неподвижно или замедленно) – представитель «иного» мира (для которого время движется) – герой (свидетель временного парадокса).

Естественно, применительно к традиции мифопоэтической мы не можем говорить о том, что тот или иной мир предстает как реальный, тогда как другой – как иллюзорный. Оба мира, земной и «иной», описанные в ирландских сагах, одновременно реальны и нереальны для носителя традиции и ее позднейшего фиксатора. И поэтому, например,

мы принципиально не можем сказать, что в «Приключениях Неры» замедлено время короля Айлиля и его воинов или, напротив, растянуто время Неры, находящегося в сиде: в параллельных мирах время движется некоординированно, но каждый мир при этом объективен внутри самого себя.

Как же может быть интерпретирован данный феномен и в чем его истоки? Как нам кажется, помочь ответить на этот вопрос может эпизод из саги «Болезнь Кухулина», герой которой также посещает «иной» мир (он следует туда за женщиной-сидой по имени Фанд, в которую он влюбляется), но при этом — остается в мире этом, впадая в состояние, которое может быть названо трансом или, пользуясь иной терминологией, «обмиранием»: «Он прислонился к высокому плоскому камню. Тоска напала на него, и вскоре он погрузился в сон. И во сне явились ему две женщины <...>. Улады, видя, что с Кухулином творится что-то неладное, хотели его разбудить. «Не прикасайтесь к нему, — сказал Фергус. — У него сейчас видение»¹⁰. После этого Кухулин на год впадает в сумеречное состояние и лежит на своем ложе, а придя в себя, рассказывает, что был в чудесной стране вместе с Фанд.

Итак, не являются ли рассказы о посещении «иного» мира особой трансформацией и переосмыслением опыта, переживаемого во сне, в котором также время движется по иным законам?

Мир сновидения загадочен и принципиально необъективен, причем свидетельства о нем по самой своей природе не могут быть верифицированы. Сновидец может лишь рассказать о сне, который, как ему кажется, он видел, однако никто и никогда не узнает, видел ли он данный сон действительно, что именно из «увиденного» он запомнил и насколько правильно («правильно» — естественно, на уровне его же собственного первоначального восприятия того же сна) он запомнил воспроизвел. Несмотря на то что знание о самом феномене сновидений и искусство их толкования имеет более чем многовековую историю, попытки соотнесения сновидения с некоторыми физиологическими процессами в человеческом организме были предприняты только в конце прошлого века (в 1892 г.), когда Дж.Т. Лэдд высказал предположение о связи данного явления с особыми движениями глаз у спящего. Потребовалось еще много лет, чтобы была разработана соответствующая аппаратура, позволяющая следить за состоянием спящего, что в целом привело к тому,

что в 1953 г. Ю. Азерински и Н. Клейтманом была открыта знаменитая БДГ-активность (БДГ — «быстрые движения глаз»)¹¹. Итак, можно говорить, что сновидение получило документальное подтверждение и стало объективным явлением? Конечно, нет. Отмечаемая прибором БДГ-активность действительно может соотноситься со «сновидческой» деятельностью мозга, однако сам факт ее наличия и фиксации не может служить верификацией того, что спящему был представлен именно такой зрительный и слуховой образ, который запечатлелся в его сознании в момент пробуждения. То же можно сказать и о продолжительности фаз сна и оценке данной продолжительности самим спящим (о чем — ниже, в связи с феноменом времени сна).

В свое время теории Клейтмана и его коллег (Азерински, Демента и др.) подверглись резкой критике со стороны американского философа, ученика Витгенштейна, Н. Малкольма, который в своей книге «Состояние сна» (Dreaming) отмечал принципиальную невозможность применения псевдообъективной физиологической методики к феномену, который существует только в сознании человека и по самому определению не физиологичен. Мы полагаем, что феномен сновидения все же не полностью «не физиологичен» (о чем также — ниже), однако должны признать, что в книге Малкольма безусловно привлекает внимание его стремление в первую очередь ориентироваться на принципиально субъективное сознание человека, причем не только в интерпретации содержания сна и возникновения его «сюжета» (что является скорее предметом психоанализа), но и в самой оценке наличия факта сновидения и соотнесения его с реальностью. «Если после пробуждения от сна, — пишет Н. Малcolm, — ребенок говорит нам, что он видел, или делал, или думал о разных вещах, ни одна из которых не может быть истинной, и если в его отношении к этим событиям не наблюдается изобретательного вымысла, а присутствует непосредственность, то мы можем сказать ему: «Это был сон»¹². Но, отметим, он с легкостью пишет: «ни одна из которых не может быть истинной...», тогда как сам критерий истинности в данном случае оказывается условным (в рамках каждой культуры). Как нам кажется, речь должна идти не об истинности или неистинности, правдоподобии или неправдоподобии явленного во сне образа (человеку может присниться, например, что его двоюродный брат сломал ногу, что, в принципе, вполне возможно в реальном мире), а скорее об

особом опыте отличия сна от яви, которому человек учится постепенно. Как пишет сам же Малcolm, «Я слышал о маленьком мальчике, который, проснувшись однажды поутру, взволнованно рассказал историю о том, как за ним гнался волк. <...> Его мать сказала: «Это был сон». Его мать знала, что это был сон, но мальчик не знал этого. Мы видим здесь в выражении “он рассказал сон” многозначность. В каком-то смысле мальчик не рассказывал сон — у него не было установки, что его предложениям должен быть придан тот специфический смысл, который был описан выше. Но его мать придала им именно такой смысл, когда сказала “Это был сон”»¹³.

Как мы понимаем, в принципе возможно и противоположное явление: человек видел нечто, что вызвало его изумление, и затем смог убедить себя, самостоятельно или с чьей-либо помощью, что виденное было лишь сном. Пример такого явления приводит и Малcolm: «Например, вы просыпаетесь с ощущением, что в вашу комнату входил полисмен; другие люди, находившиеся в доме, говорят, что этого не было; вы решаете, что вам это приснилось, но это событие произошло на самом деле, и другие просто говорились, чтобы ввести вас в заблуждение»¹⁴. Наверное, каждый с легкостью может вспомнить аналогичные, но гораздо более яркие, сюжеты, положенные в основу художественных произведений (как в литературе, так и в кинематографии).

Итак, для человеческого сознания граница между сном и явью оказывается достаточно зыбкой, поскольку восприятие как первого, так и второго базируется на субъективных перцептивных чувственных образах, возникающих в мозгу. Человек постепенно учится отличать первое от второго, как правило — интуитивно, но в первую очередь, основываясь на свидетельствах старших, утверждающих, что существует такой феномен, как сновидение. Но представим себе, например, ситуацию типа «Маугли», когда просто некому объяснить человеку, что случившееся с ним ночью было лишь его видением. Как оценит он сам пережитый им опыт?

Мы не знаем, как ответить на последний вопрос, но знаем из истории фольклора множество преданий о так называемыхочных гостях, которые имеют обыкновение являться человеку, когда он в темноте лежит в постели и, как он думает, не может заснуть. Так, например, в средневековой европейской демонологии широко известны существа, называемые инкубами и суккубами (от лат., соответственно,

incubare ‘ложиться сверху’ и succubare ‘ложиться снизу’), которые ночью приходят к людям и вступают с ними в интимные отношения (ср. также предания о лисах-оборотнях в средневековой Японии и Китае). В восточной демонологии существует вера в то, что живые люди также могут обладать особыми «духами зла», которые, являясь отчасти их двойниками, могут в ночное время, т. е. во время сна, явиться к тем, кто нанес их владельцам обиду, и отомстить за нее. Явление подобного духа-мстителя, например, описано в романе «Гэндзи Моногатари», где рассказывается о том, как дух Рокудзё, отверженной возлюбленной героя, явился ночью к своей счастливой сопернице и вызвал смерть последней. Интересно при этом, что явление духа изображается сначала как произошедшее во сне, однако затем герой якобы просыпается и вновь видит у своего изголовья «женскую фигуру, ту самую, которую видел он во сне»¹⁵.

В фольклорной традиции практически всех народов также известны разного рода демоны, являющиеся, как правило, ночью и приносящие человеку тот или иной вред. Кроме очевидных в данном случае и достаточно универсальных вампиров назовем, например, тюркскую *албасты*¹⁶, которая также является обычно ночью, пьет человеческую кровь, насыщает болезни иочные кошмары, но может при этом и сожительствовать с охотниками, проводящими много времени на дальних кочевьях (о приходах «лесной девки» к охотникам см. также в книге Е.С. Ефимовой «Поэтика страшного»)¹⁷. В фольклоре европейских народов данные функции исполняет, в частности, женщина-демон, называемая «мара» или «старуха» (old hag) у германцев, «мора» у славян и «кокемар» — в Бретани. Данное существо появляется обычно среди ночи и начинает давить человека, вызывая у него состояние удушья и иногда даже смерть (ср. также «ламия»). Эффект удушья возникает обычно вследствие того, что мара наваливается на человека всем телом и перекрывает ему доступ воздуха. Так, например, Снорри Стурлусон в одном из эпизодов «Саги об Инглингах» описывает внезапную смерть одного из героев, объясняя ее вмешательством мары: «...его стал одолевать сон, и он заснул. Но тут же проснулся и позвал к себе и сказал, что его топчет мара. Люди его бросились к нему и хотели ему помочь. Но когда они взяли его за голову, мара стала топтать ему ноги, так что чуть не сломала их. Тогда они взяли его за ноги, но тут она так сжала ему голову, что он сразу умер».

Как пишет о данном феномене Я. Перковски: «Лилит, ламия, стрикс, инкуб и суккуб имеют три общие черты. Они покушаются на человеческую жизнь, они имеют выраженный эротический характер, и они нападают среди ночи. По моему мнению, все они являются манифестацией универсального явления — ночного кошмара»¹⁸. Изучение ночного кошмара данного типа как своего рода навязчивого сна было в свое время проведено последователем Фрейда Э. Джонсоном, который в первую очередь концентрировал внимание на эротическом характере данных видений и расценивал их как своего рода реализацию подавленных инстинктов¹⁹. Развитие данной идеи — правда, с совершенно иных позиций — было затем предложено в лабораторных экспериментах Д. Хаффорда, который исследовал случаи кошмара у тяжелобольных и пришел к выводу, что состояние, в котором казалось, что к ним является враждебное существо, было не столько сном, сколько особой формой «сдвинутого сознания», при которой глаза могут оставаться открытыми, а мозг проявляет так называемую галлюцинирующую активность. Отрицал он также и важность эротического характера данных видений, полагая этот эффект скорее вторичным и встречающимся далеко не всегда, в то время как «эффект удушения» казался ему в данном случае основным. Интересно, что в своих опытах Д. Хаффорд имел дело в первую очередь с представителями городского населения Соединенных Штатов, из которых лишь часть была до этого знакома с рассказами о «ночных визитерах», однако описания представивших им видений были поразительно похожи друг на друга. Из этого он делает вывод, что фольклорные «мары» являются порождением чисто физиологических процессов, проходящих в организме больного ночью, но не наоборот²⁰.

Данная оценка ночного кошмара (в отличие от ночного страха, когда БДГ не фиксируется) в настоящее время является общепринятой. Как пишут об этом С. Криппнер и Д. Диллард, «феномены, напоминающиеочные кошмары, судя по сообщениям, отмечаются и в "сумеречных" состояниях, которые иногда сопровождаются "гипнотическим толчком", когда человек, засыпая, вдруг оказывается вытолкнутым обратно в состояние бодрствования. При засыпании нередко возникает и "сонный паралич" — в этом состоянии бывает невозможно сделать какое-либо движение. Предания, относящиеся ко временам средневековья, рас-

сказывали об "инкубах" — страшных созданиях, которые усаживались на спящего, не давая ему шевельнуться...»²¹.

Странное ощущение реальности происходящего во сне описано не только в собраниях фольклорных преданий. Так, например, К. Юнг вспоминает о том, как во сне ему явилась его умершая жена, причем данный сон сопровождался странным «чувством объективности»: «Я увидел ее во сне, и этот сон был как видение. Она стояла далеко от меня и пристально на меня глядела. <...> Я знал, что это не она, а портрет, который она для меня подготовила и передала»²². Ощущение не столько сновидения, сколько «явления» или «прихода» умершего родственника отмечается достаточно часто в свидетельствах информантов, относящихся к самым разным социальным слоям. По данным неопубликованного архива Института сновидений (существовавшего с 1992 по 1995 г., но собравшего за это время огромное количество записей снов и попыток их «наивных» интерпретаций), в таких случаях информант, воспитанный в культуре, требующей разграничивать сон и явь, как правило, понимает, что имеет дело все-таки со сном, но при этом не может отрешиться от ощущения реальности и чувства, что родственник действительно приходил к нему и пытался что-то сообщить.

Но если человек Нового времени, ясно отдающий себе отчет в том, что такое сновидение, и умеющий отличать сон от реальности, так часто и так последовательно впадает в одну и ту же ошибку и принимает свой ночной кошмар, вызванный плохим состоянием, за реально имевший место приход к нему злонамеренной «мары», не мог ли человек более архаической культуры аналогичным образом «ошибаться» и расценивать как странствия в «иной» мир сновидения, в которых ему являлись неведомые земли и необычные существа?

Слова о том, что «в архаической культуре сновидение — это реальное событие и свидетельство»²³, можно встретить достаточно часто. Но в большинстве случаев они употребляются скорее метонимически, т. е. пытаются интерпретировать распространенные у всех народов представления о так называемых вещих снах как посланиях из «иного» мира или текстах, направляемых человеку богами. Но не следует ли употребить их совершенно буквально и представить себе, что на определенной стадии развития психики человек действительно не различал сон и реальное событие, свидетелем

которого он явился? Более того, даже современный человек в случае расстроенности психики или просто нарушенности адекватности восприятия действительности, как часто отмечается в работах по психологии, не всегда может отличить сон от яви. Ср., например, в работе Г. Стюарта «Восприятие сновидения и трансфер»: «Ей (пациентке. – Т. М.) часто снились длинные запутанные сновидения. Благодаря их интерпретации и работе с ними анализ существенно прогрессировал. Большую часть начального периода она была не совсем уверена: снились ли ей эти сновидения или же она пережила это в действительности»²⁴ и «Он (пациент. – Т. М.) рассказал что, начиная с периода полового созревания такие сны снятся ему всю жизнь. Кроме того, он добавил, что после таких сновидений у него всегда оставалось ощущение, будто бы он вовсе не спал, а попадал в какой-то жуткий мир»²⁵.

Но обратимся еще раз к так называемым ночным посетителям. Как мы уже писали, в данных видениях выделяют обычно два основных, достаточно универсальных момента, независимо от того, какой из них расценивается как более важный тем или иным исследователем. Это эротический характер видения и эффект «удушения» спящего, которое якобы пытается произвести явившийся ему демон. Но при этом изучение БДГ-активности также показало, что в момент наиболее длительной фазы так называемого быстрого сна, когда сновидение наиболее вероятно и когда, предположительно, в сознании остается наиболее ясный отпечаток (т. е. то, что называется «сон»), у спящего «наблюдается возбуждение половых органов, изменение сердечного ритма и ритма дыхания, а также расслабление мускулатуры»²⁶. Но если выраженность эффекта «удушения» оказывается все же зависящей от общего состояния спящего и проявляется в первую очередь в момент болезни или стресса (почему мара и может «задавить до смерти»), высвобождение либидо носит характер гораздо более универсальный. Ср. на фоне сканного распространенность практически у всех народов возвращения в демона, который является ночью и вступает с человеком в сексуальные отношения. Как пишет об этом С.Ю. Неклюдов, «согласно повсеместно распространенным народным рассказам, нечистая сила начинает ночами навещать вдову или солдатку, тоскующую по отсутствующему или – особенно – покойному мужу, приняв его облик». В других случаях фантомом становится предмет безответной

любовной страсти, который, таким образом, двоится на ««дневную», реальную фигуру и ночной призрак – воплощаясь в него, демон удовлетворяет неразделенные желания духовидца»²⁷.

Обратимся еще раз к приведенным нами в начале примерам из ирландской нарративной традиции. Практически во всех случаях обретение супернатурального опыта и контакт с представителем «иного» мира носил характер откровенно эротический: Нера вступил в связь с женщиной из сида, Кукулин последовал за возлюбленной Фанд, Мидир воссоединился с Этайн, а Бекфола провела ночь, лежа рядом со странным юношей, который, правда, отказался вступить с ней в близкие отношения. В другой работе уже упомянутого современного американского исследователя Дж. Кэри («Время, пространство и иной мир») также отмечается, что «иной мир всегда характеризуется сексуальной свободой»²⁸.

Более того, как нам кажется, именно с такой точки зрения мы можем рассмотреть и другой сюжет, также относящийся к циклу рассказов об Этайн, в котором о собственно посещении иного мира и не говорится. Мы имеем в виду сагу, также называющуюся «Любовь к Этайн», в которой рассказывается о том, как брат короля Эохайда Айрема, Айлиль Ангуба, воспыпал любовью к его жене Этайн, таил свою страсть и чуть не умер от тоски. Узнав о причине его болезни, Этайн решила дать ему «то, что было ему необходимо для полного исцеления», однако назначила для этого встречу в ночное время и вне пределов королевского дома, поскольку «позор короля не должен свершиться в его собственном доме». Как говорится далее в саге: «Первую часть ночи Айлиль бодрствовал. Но час сидания проспал он и пробудился лишь поздно утром на следующий день. Этайн же пришла в условленное место и встретила там мужа, обликом подобного Айлилю. Он жаловался на слабость свою после болезни. Она же обошлась с ним так, как это было бы приятно Айлилю»²⁹. Аналогичные события происходят далее на вторую ночь и на третью, причем днем Айлиль открыто говорит Этайн, что заснул, пропустив свидание, и из его слов та догадывается, что на встречи с ней являлся кто-то другой. На третью ночь она говорит незнакомцу, что не ему назначала встречу, на что тот отвечает, что он – бог Мидир из племен богини Дану, который любил ее и был ее мужем в прошлой жизни, и что он «отнимал силу у Айлиля, чтобы честь Этайн не подверглась позору»³⁰.

Глядя на мифологический сюжет сквозь призму универсальной физиологии, мы можем предположить наличие в нем особым образом реинтепретированного осмыслиения эротического сна, при котором сновидице является некий мужчина, который кажется ей похожим на брата мужа, но им не является, и с которым она вступает в интимные отношения — однако действительно честь ее не подвергается поズору. Описанный нами сюжет в своей экспозиционной части почти полностью повторяет начало саги «Совращение Бекфолы»: король — жена короля — несовершившийся адюльтер (Бекфола отправлялась на свидание с воспитанником короля) — место несостоявшегося земного любовника занимает представитель «иного» мира. То есть, иными словами, настроенность на любовную встречу вызывает соответствующее сновидение, которое затем интерпретируется как свершившееся событие.

Обретение супернатурального опыта вследствие посещения «иного» мира — сюжет универсальный. В традиции ирландской он представлен не только в саговом корпусе, но и в многочисленных поздних по фиксации, но ранних по возникновению фольклорных текстах. Однако в данном случае необходимо отметить, что в фольклорных повестях об удивительных приключениях в «ином» мире часто (но не всегда) речь уже открыто идет о том, что проникновение за пределы мира посюстороннего возможно именно во сне. Кроме многочисленных рассказов о пастухе, заснувшем ночью на холме и увидевшем пляски чудесных сид (фейри) либо получившем дар прорицания после контакта с представителем «иного» мира, следует обратить внимание на достаточно большую группу повестей, которые могут быть объединены общей сюжетной схемой, построенной по принципу «рассказ в рассказе». Так, мы имеем в виду в сюжет, который условно может быть назван «Человек, который не знал ни одной сказки» и который может быть описан по следующей схеме: герой не умеет рассказывать истории; однажды он ночью попадает в странный дом, хозяин которого предлагает ему рассказать историю; герой ссылается на незнание историй и хозяин выгоняет его из дома (либо удаляет под предлогом выполнения просьбы); герой попадает в другой дом, где оказывается свидетелем чего-то необычайного (в данном пункте наблюдается максимальная вариативность текстов), что пугает его; он бежит и вновь оказывается в первом доме; он рассказывает хозяину об увиден-

ном, на что тот отвечает, что отныне на просьбу рассказать историю он сможет ответить этим рассказом; герой ложится спать, но утром обнаруживает, что спал на голой земле.

Данный сюжет был в свое время описан в указателе фольклорных сюжетов О'Сулливана и Христиансена под № 2412 (*The Man who had no story*), причем авторы указали, что существует 137 его вариантов, основываясь, видимо, на вариативности центрального эпизода³¹. Выделение данного сюжета было затем оспорено, с нашей точки зрения — несправедливо, ирландским фольклористом О'Каханом, который, в примечании к публикации в 1965 г. в журнале «Беллайдяс» («Фольклор») еще одного рассказа на эту же тему, отмечал, что при выделении сюжета авторы опирались «лишь на его голую схему (*only the frame*)», тогда как внутри нее есть много субвариантов». Но, как нам кажется, именно «схема» и есть та основа, на которой в данном случае и строится сюжет. То есть во сне происходит обретение знания, имеющего нарративную ценность. Но, отметим, данный пережитый сверхъестественный опыт в фольклорных повестях уже осмыслиивается как сон: человек уже научается ограничивать сновидение от реального события.

Интересно, что нечто вроде «переходного звена» нарративной традиции можно встретить и в сагах. Так, в саге «Рождение Кухулина» рассказывается о посещении уладскими воинами странного дома с крышей из лебединых перьев, в котором им были предложены трапеза и noctleg, однако наутро «не было больше ни дома, ни хозяев, ни птиц, а одна лишь пустая равнина вокруг них»³². Ср. аналогичную концовку саги «Приключения Кормака в обетованной стране»: «Когда наутро Кормак пробудился, он увидел себя на лужайке Тары...»³³.

Обратим внимание на «рамочность» конструкции в сюжетах о «человеке, который не знал ни одной сказки»: во всех случаях герой перед тем, как оказаться в ситуации контакта с «иным» миром, сначала попадает в дом, который кажется ему реальным, но затем также оказывается порождением сновидения. Нечто аналогичное, как нам кажется, можно найти и в повестях о Нере (эпизод с пленниками), и в «Совращении Бекфолы» (эпизод со служанкой и волками). Во всех случаях мы встречаем нечто вроде «прелюдии» к собственно повести о посещении «иного» мира, которая может быть с основным сюжетом связана лишь опосредованно. Продолжая двигаться по уже проложенному нами пути

интерпретации сюжетов подобного типа посредством анализа разных проявлений БДГ-активности, мы можем вспомнить также общеизвестный феномен многофазовости того состояния, в котором наиболее вероятно сновидение в течение одной ночи. В свое время Демент и Клейтман выделили четыре фазы БДГ-активности, длительность которых, как правило, значительно различалась. Так, первые три фазы были относительно короткими (от 1 до 10 минут) и чередовались обычно с интервалом в 90 минут, тогда как последняя, заключительная фаза, отмечаемая непосредственно перед естественным пробуждением, длилась уже от 25 минут до 40. Данная последняя фаза, видимо, и оставляла отпечаток сюжетного сновидения, тогда как первые исполняли функции «преамбулы».

И наконец, о движении времени во сне. Факт, что в момент сновидения человек может «прожить» гораздо более длительный период времени, чем собственно длится сон, является общеизвестным. Объяснение данного феномена находится вне пределов нашей компетенции, хотя, как нам кажется, именно несовпадением того, что может быть названо «временными режимами», и объясняется другое, не менее общеизвестное явление — эффект необычайно быстрого забывания сна непосредственно после пробуждения. Для нас в данном случае важнее другое: за несколько минут человек может явиться «свидетелем» достаточно длительного разворачивания событий, что и воплощается затем в рассказах об ином течении времени в том мире, где данные события якобы имели место. Как пишет Дж. Кэри, анализируя некоторые из описанных нами сюжетов: «Я уверен в том, что в “ином” мире время не просто движется не соотносимо с земным временем: оно носит совершенно иной характер (*is fundamentally different in kind*)»³⁴. Но именно с этим мы сталкиваемся и во сне...

И в заключение мы хотели бы отметить два момента:

1. Сюжеты, строящиеся на несинхронном течении времени в этом мире и в мире ином, как мы понимаем, далеко не ограничиваются древнеирландской нарративной традицией и поздним ирландским же фольклором. Они широко известны практически во всем мире (ср. «чашка с чаем еще не успела остыть...»). Но именно их универсальность, как нам кажется, и подтверждает верность нашей гипотезы: фазы БДГ-активности и сопутствующие им физиологические явления также универсальны для всех человеческих особей. Болез-

ненное состояние, стресс, навязчивая идея или страх — все это способно вызвать эффект реальности увиденного.

2. Сопоставление мифа и сновидения в настоящее время уже является общим местом. Однако в трудах основоположников данного направления акцент всегда делался на содержании того, что является человеку во сне, из чего затем извлекалась некая универсальная схема «желаемого», и оказывалось, что все обязательно должны хотеть жениться на матери и убить отца. «Мы грезим не только во сне, — писал еще в 1909 г. в книге «Сновидение и миф» К. Абрахам, — мы грезим и наяву. В сновидениях наяву мы переносим себя в нереальную ситуацию и формируем весь мир и наше будущее в соответствии с нашими желаниями. Та же тенденция присуща и ночным сновидениям»³⁵. Однако, даже грезя наяву, человек обычно ясно отдает себе отчет в том, что все, что он представляет, есть лишь продукт его воображения. Мы не спорим с тем, что коллективное «желаемое» также могло воплотиться в мифе, как и индивидуальное — в сновидении, мы просто говорим совсем не об этом.

При всей необычности феномена сновидения он реален и универсален, однако интерпретация данного феномена зависит от культурной традиции, к которой принадлежит каждый индивид. Интерпретация самого факта наличия сновидения, повторяем, но не его содержания. К идее, что увиденное ночью — это только сон человек приходит постепенно, проходя при этом разные фазы (типа «странствия души» и пр.). Более того, осмысление сна как яви в отдельных случаях может наблюдаться и в достаточно развитых культурах как своего рода эксклюзивные явления: приходы мары, с одной стороны, и шаманизм, с другой.

И наконец, обратимся вновь к традиции ирландской. Живший в IX в. король Мунстера Федельмид мак Кримтани был известен странной ненавистью к монастырям, которая сочеталась в нем с истовой религиозностью. О нем принято говорить, что он разрушил церквей больше, чем все викинги вместе взятые, но особенной ненавистью пользовался у Федельмода монастырь Клонмакнойс. И, как записано в «Анналах Клонмакнойса», в 846 г., «когда этот Федельмид покоился на своем ложе»³⁶, ему явился основатель монастыря, святой Киаран, умерший в середине VI в., и ударил его в живот своим жезлом. Пробудившись наутро, Федельмид обнаружил у себя огромную рану, которая скоро начала нагниваться. Федельмид не мог уже более вставать со своего ложа и вскоре умер.

Примечания

- 1 Thurneysen R. Die irische Helden- und Königsage. Halle, 1921. P. 311–312.
- 2 Watson A. A Structural analysis of *Echtra Nerai* // *Études celtiques*. Vol. XXIII. 1986. P. 130.
- 3 O'Duilearga S. *Nera and the Dead Man* // Essays and Studies presented to Professor Eoin Mac Neill. Dublin, 1940. P. 533.
- 4 Анализ данного эпизода и сопоставление его с древнеиндийским сюжетом см.: Rees A., Rees B. *Celtic heritage. Ancient tradition in Ireland and Wales*. L., 1961. P. 300.
- 5 Carey J. Sequence and causation in *Echtra Nerai* // *Ériu*. Vol. 39. 1988. P. 69.
- 6 Watson A. Op. cit. P. 139.
- 7 См.: Dillon M. *The Cycle of the Kings*. Dublin, 1994. P. 75–78.
- 8 Carey J. Op. cit. P. 70.
- 9 Предания и мифы средневековой Ирландии / Сост., пер. и comment. С.В. Шкунаева. М., 1991. С. 60.
- 10 Ирландские саги / Пер. А.А. Смирнова. М.; Л., 1933. С. 179.
- 11 Подробнее см.: Криппер С., Диллард Д. Сновидения и творческий подход к решению проблем / Пер. с англ. В. Рогова. М., 1997. С. 59–64.
- 12 Малкольм Н. Состояние сна / Пер. с англ. В. Руднева. М., 1993. С. 92.
- 13 Там же. С. 131.
- 14 Там же. С. 104.
- 15 Боронина И.А. Духи зла моно-но кэ в японской литературе эпохи Хэйан (IX–XII вв.) // Восточная демонология: От народных верований к литературе. М., 1998. С. 116.
- 16 См.: Басилов В.Н. Албасты // Мифологический словарь. М., 1991. С. 29.
- 17 Ефимова Е.С. Поэтика страшного в народной культуре: мифологические источники. М., 1997. С. 165–168.
- 18 Perkowski J. *The Darkling. A Treatise on Slavic Vampirism*. Columbus, 1989. P. 70.
- 19 Jones E. *On the Nightmare*. N. Y., 1951.
- 20 Hufford D.J. *The Terror that comes in the night: An Approach to Applied Folklore*. Philadelphia, 1982. P. 225.
- 21 Криппер С., Диллард Д. Указ. соч. С. 163.
- 22 Йонг К. Воспоминания, сновидения, размышления / Пер. с нем. Киев, 1994. С. 293.
- 23 Розин В.М. Природа сновидений и переживания произведений искусства: опыт гуманитарного и социально-психологического объяснения // Сон – семиотическое окно. М., 1993. С. 28.
- 24 Стюарт Г. Восприятие сновидения и трансфер // Современная теория сновидений. М., 1999. С. 180.
- 25 Macud Kan M. Правильное и неправильное использование сновидения в психической жизни // Современная теория сновидений. М., 1999. С. 137.
- 26 Криппер С., Диллард Д. Указ. соч. С. 60.
- 27 Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология: От народных верований к литературе. С. 28–29. Подробнее см.: Неклюдов С.Ю. Ночной гость // Живая старина. 1996. № 1.
- 28 Carey J. Time, Space and the Otherworld // *Proceedings of the harvard Celtic Colloquium*. Vol. VII. Harvard, 1987. P. 15.
- 29 Ирландские саги. С. 257.
- 30 Там же. С. 259.
- 31 O'Suilleabhan S., Christiansen R. The Types of the Irish Folktale // *FF Communication*. № 188. Helsinki, 1963. P. 343.
- 32 Ирландские саги. С. 100.
- 33 Там же. С. 287.
- 34 Carey J. Op. cit. P. 8.
- 35 Абрахам К. Сновидение и миф / Пер. с нем. М. Кадиша // Между Эдипом и Озирисом. Становление психоаналитической концепции мифа. Львов; М., 1998. С. 67.
- 36 Byrne F.J. *Irish Kings and High-Kings*. L., 1987 (1973). С. 226.

А.Б. Мороз

Символика засыпания—сна—пробуждения в сербских календарных обрядовых песнях

Работа выполнена на материале сербских песен, исполняемых в зимне-весенний период народного календаря: это святочный, лазарский, кралицкий, юрьевский циклы.

Святочный ритуальный комплекс включает значительное число обрядов, в рамках которых исполняются различные песни. В первую очередь это колядование — совершающееся на Рождество или Новый год обходы домов ряжеными, сопровождаемые танцами или игровыми сценками и песнями-колядками, обращенными к хозяину дома, домочадцам, реже — скоту, другим домашним животным (кошке, собаке, курам), хозяйственным постройкам (мельнице) и т. д. В таких песнях в той или иной форме высказывается пожелание благополучия, просьба о награде и, в случае отказа, проклятие. На Рождество поются и песни иного характера: во время подготовки дома к празднику, приготовления обрядово-

го ужина, встречи *бадняка* — полена или ствола дерева, срубаемого в сочельник и приносимого в дом, где он будет тлеть в очаге в течение ночи. Песни поются также и за столом во время праздничной трапезы, и на протяжении всего святочного периода — за столом и в хороводах (*оро, коло*), которые водятся на Рождество после обеда и в другие дни.

Лазарские песни поются в Лазареву субботу, накануне Вербного воскресенья, *лазарицами*, участницами обхода домов. Процессия из нескольких (как правило, пяти—семи) девочек или девушек, ряженых или одетых в белую праздничную одежду и украшенных цветами, среди которых одна — главная — носит имя Лазаря, а другая — Лазарицы, как и колядники, ходят по домам села и исполняют танец, сопровождаемый пением специальных лазарских песен. Они могут быть похожи на колядки или даже совпадать с ними, но, как правило, в таких песнях преобладает не хозяйственная, а любовно-брачная тематика.

К лазарским песням очень близки кралицкие. *Кралицы* — также процессия девушек, совершающая обход домов, но не приуроченная к какой-либо одной дате. Этот обход может совершаться на Троицу, Духов день, Вознесение (*Спасовдан*), Юрьев день, Николу вешнего. Девушки, нарядно одетые и украшенные зеленью, сопровождают *краља* и *краљицу*, также девушек, особым образом одетых: *краљица* закрыта платком, а *краљ* держит в руке саблю. Все остальные участницы представляют собой свиту. В процессе танца, исполняемого перед домами или в домах, поются кралицкие песни, в основном любовного содержания, адресованные, в первую очередь, молодежи.

Цикл юрьевских обрядов начинается обычно в пятницу накануне весеннего дня св. Георгия. Этот день имеет название *Буревдан*, а пятница, ему предшествующая, называется *Бильани петак*. Наименование связано с ритуалами, производимыми в этот день: рано утром, до зари, парни и девушки собираются, чтобы вместе идти в лес собирать лекарственные травы и растения, которые используются в обрядовой практике. Первые вставшие будут остальных специальными песнями, затем все вместе отправляются по травы. Шествие в лес, обрядовая трапеза на месте сбора растений и сбор также сопровождаются пением.

На сам день св. Георгия устраиваются качели, водятся хороводы, происходит ритуальное купание, доение овец — все эти действия совершаются под пение юрьевских песен.

Многие праздники, такие, как Рождество (*Божић*), день 40 мучеников (*Младенци*), Прощеное Воскресенье (*Бела недеља*), Вербное Воскресенье (*Цвети*), Юрьев день (*Бур евдан*), Тодорова суббота (*Тодорица*) и другие, начинаются с обряда, называемого *ранило*. Он проводится рано утром, до восхода солнца, когда молодежь встает, собирается вместе и, взяв с собой пищу и дрова, отправляется в гору встречать солнце. При этом разводится костер, устраивается совместная трапеза и поются песни.

Как вспомогательный материал привлекаются и тексты, включенные в другие календарные обряды, такие, как пасхальные, ивановские и троицкие (не связанные с *кралицами*).

Засыпание, сон и пробуждение — один из весьма частотных мотивов, встречающихся в сербских календарных песнях. Он чаще всего появляется в начале текста и мотивирует дальнейшие события или повествование. Завязкой значительного числа календарных песен служит сообщение о том, что персонаж спит (засыпает) и/или пробуждается.

Засыпание обычно связано с другими действиями и, как правило, предшествует им и вводит их. В этих случаях действия персонажа выражаются однородными предикатами или сложным предложением. Глагол *заспати* — «заснуть» — стоит обычно на первом месте, а за ним следует другой, обозначающий последующее действие, производимое тем же или другим субъектом: бужение (*будити*) или пробуждение (*будити се, дићи се*), сновидение (*сан видети, снити*). Именно на этот второй предикат падает основная смысловая нагрузка, с ним связано главное действие сюжета.

В других случаях само засыпание может следовать за какими-либо иными действиями: глагол *заспати* сочетается с другими, обозначающими хозяйственную работу или иное занятие: сбор цветов, подметание дома, двора, вышивание. В таких песнях персонаж женского рода — девушка (*девојка, мома*), Богородица (*Дева Марија*). Все это совершается до засыпания, которое прерывает действие, соответственно последовательность предикатов иная, чем в предыдущем случае: предикат, выраженный глаголом *заспати*, стоит на втором месте: парень и девушка собирают цветы — *куде брали, туј заспали* (где собирали цветы, тут и заснули); *мома <...> 'де је мела, туј заспала* (девушка... где подметала, тут и заснула); при этом может выстраиваться тройная цепочка предикатов: *Дева Марија је <vezak> везла <...> заспала <...> чу-*

дан сан уснила (Дева Мария вышивала... заснула... дивный сон увидела...).

Собственно о состоянии сна говорится редко; в этих случаях акцент делается на сновидении, или, точнее, на его пересказе:

<...>Знаш ли, мајка, што сам снио: ...Знаешь ли, мама, что мне снилось:
На сан сам се ожено, Я во сне женился,
Сву ноћ сам се радова... Всю ночь веселился...
(Лазарская из Разбойны¹)

*Заспаја ми млад нежењен
У ливади покрај воде,
Чим заспала, с'н видеја:
На руке му лепа мома.*

Заснул молодой парень
На лугу у реки,
Как заснул, сон видел:
Обнимает молодую девушку.
(Пасхальная из Косова²)

Все сны героев календарных песен имеют любовно-брачную тематику. Такие сюжеты находим в песнях, исполняемых во время обрядовых обходов и адресованных не вступившей в брак молодежи: парням или девушкам. В них неженатому/незамужнему статусу в реальности (наяву) противопоставляется женитьба/замужество/любовное свидание во сне.

Хотя в разных случаях антитеза явь/сон (= неженатый, незамужний статус/женитьба, замужество, любовное свидание) мотивирована по-разному — как ответ девушки на вопрос парня, видит ли она его во сне³, как материнские разъяснения относительно смысла сна дочери⁴, как ответ парня на отказ матери женить его⁵, — сон всегда есть форма выражения желаемого в противоположность действительному состоянию.

Само засыпание также связано с брачной тематикой:

*Вишњичица род родила <...>
Нема који ги да бере,
Само момче и девојче.
Куде брали, туј заспали <...>* Вишня принесла плоды...
Некому их собирать,
Только парню и девушке.
Где собирали, там и заснули...
(Кралицкая из Лесковацкого края, исполняется парню или девушке⁶)

Кроме того, в редких случаях засыпание может обозначать смерть:

*Заспало ми вакло јагње
У ливаде, у јагоде,
Мајке млеко надолело,
Татку сузе навиреле.* Заснул ягненок
На лугу в землянике,
У матери молоко льется,
У отца слезы текут.
(Лазарская из Лесковацкого края, исполняется умершему ребенку⁷)

В других случаях засыпание выступает лишь в качестве мотивировки дальнейшего пробуждения персонажа. В этих текстах, как и в тех, где сон выступает как антитеза яви, мы имеем две противопоставленные одна другой реальности. Пробуждение знаменует границу между ними. В зависимости от того, кому песня поется, цель или причина пробуждения может варьироваться, сообразно с ней меняются и противопоставленные таким образом признаки (состояние до сна—пробуждения / после сна—пробуждения).

Переход от сна к бодрствованию выражается тремя глаголами: *устати, будити (се), дизати (се)*. У них общая семантика, они не отличаются никакими нюансами.

Как правило, эти глаголы употребляются в синтаксической роли предиката, стоят в большинстве случаев в форме второго лица императива и включены в обращение одного персонажа к другому. Призыв к пробуждению обычно исходит от персонажа песни, который соотносится с исполнителем обрядового обхода. В других случаях героя призывает проснуться вила (антропоморфный мифологический персонаж, живущий в лесу / горах), птица, св. Петр (обращается к св. Троице, св. Неделе), сноха (обращается к свекру). За призывом к пробуждению следует описание ситуации, объясняющей его необходимость. Обычно в таких случаях подчеркивается, что спящий должен принять участие в каких-либо ритуальных действиях: обрядовом сборе трав (*пелен да беремо*), одаривании участников обхода домов (*треба <краља> даровати*), приготовлении к сватовству (*диг' се, мајко, ћеру спремај... дошли људи да јо просе*), получении благой вести (о приплоде скота, о приходе Рождества и т. д.) — или выполнить хозяйственную работу: разжечь огонь, поднести дом, принести воду (*огањ да наложиш, кућу да пометеш, воду да донесеш*), которая, впрочем, тоже связана с ритуальными действиями (заметим, что такие действия должна выполнить в ходе свадебного ритуала только что приведенная в дом мужа молодуха⁸ — таким способом она испытывается на соответствие новому статусу. Песни такого содержания адресуются молодежи и молодоженам).

Императив может быть высказан не прямо, а опосредованно, через другое действующее лицо: *трепетљико девојко, трепни брату под око да се дине порано* («девица-осинка, открои брату глаза, чтобы он встал пораньше...»). В таких случаях хотя формы императива нет, но семантика его остается. Слова персонажа, содержащие императив, составляют

весь текст или его большую часть, так что последствия поведения, т. е. само пробуждение, не описывается.

Даже в текстах, где нет императива, пробуждение одного персонажа представляет собой следствие воздействия другого: герой календарной песни практически никогда не просыпается сам, по своей воле, а пробуждение влечет за собой непременные последствия.

В песнях, исполняемых молодежи, момент пробуждения связан с любовно-брачной тематикой и служит поводом, причиной или условием для любовного свидания, сватовства: парень будет девушку, чтобы на ней жениться (лазарская из Косова⁹), поцеловать ее (лазарские¹⁰); мать невесты будут, чтобы она готовилась встречать сватов (песня на ранило¹¹); парень, проснувшись и убедившись, что видел девушку лишь во сне, хочет покончить с собой, но мать указывает ему на невесту (пасхальная из Косова¹²; лазарская из Лесковацкого Поморавья¹³):

<i>Заспао ми млад нежењен На крај воде у ливаде, У руке му мала мома. Разбуди се лудо младо, А при њега нема мома! Узе ножи да се боде. Спазила га стара мајка: «Немој сине, мили сине!» — Te гу мома у градине <...></i>	<i>Заснул молодой парень На лугу у реки, Обнимает молодую девушку. Проснулся молодой парень, А девушка рядом нет. Взял он нож, хотел заколоться, Увидела его старая мать: «Постой, сын, милый сын!» — А с ней в саду стоит молодая девушка<...></i>
---	---

(Лазарская из Лесковацкого Поморавья¹⁴).

Имеется и противоположный пример, когда поводом для пробуждения оказывается не свидание, а измена: вилы будут парня и сообщают ему об измене возлюбленной (ивановская из Лики и Бани¹⁵).

В песнях, адресованных молодоженам, мать будет младенца, чтобы накормить его (кралицкая¹⁶); молодуху будет муж, свекор, свекровь и т. д., чтобы она занималась хозяйством:

<i>Устај снашо танана, Свекрва је усталла, Три времена опрела, А четврто почела. Устај снашо танана.</i>	<i>Вставай, снохастройная, Свекровь уже встала, Три веретена напряла, А четвертое начала. Вставай, снохастройная.</i>
--	---

(На ранило¹⁷; лазарская¹⁸).

В песнях, поющихся пожилым людям, хозяину и хозяйке, которые всегда содержат пожелание богатства и благополучия, в понятие благополучия также может входить и женьба, но не самого адресата песни, а его детей:

*Будите се, коледо, сви козари, коледо,
Козе ви се, коледо, искоzиле, коледо,
Све яричи, коледо, краткоуви, коледо,
Дугоноги, коледо, брононоги, коледо!*

Просыпайтесь, пастухи,
У вас козы окотились:
Все козлята краткоухи,
Длинноноги, быстроноги!
(Колядка из Хомольской обл.¹⁹)

Гости (исполнители обходного обряда) будят хозяина, чтобы сообщить ему известие о приплоде, урожае, увеличившемся богатстве и т. п:ср. ивановская из Охрида и Преспы²⁰; колядки²¹. В троицких песнях это известие сообщается разбуженной Троице или святой Неделе²².

В песнях, адресованных и хозяевам, и молодоженам, и неженатой молодежи, часто пробуждение может быть мотивировано скорым приходом исполнителей обряда (лазариц, кралиц, колядников) и необходимостью принять участие в ритуале. Для этого сноха будет свекра и спрашивает его, чем одарить колядников (колядка²³); хозяин будет хозяйку или, наоборот, хозяйка хозяина, чтобы та (тот) одарила кралиц (кралицкие²⁴); мать будет дочь, чтобы она прибрала дом к приходу колядников (колядки²⁵); сестра будет брата, чтобы он купил для Лазаря — персонажа процессии лазариц, обходящей дома на Лазареву субботу, — зеркало (лазарская из Косова²⁶); мать будет дочь, сообщая ей, что пришли лазарицы звать ее на роль Лазаря (лазарские²⁷).

В песнях, адресованных матери и младенцу, мать будет свое дитя якобы для защиты его от лазариц:

*Ето иду лазарке,
Да т' украду капченце <...>*

Вот идут лазарки
Украсть у тебя шапку<...>
(Лазарская²⁸)

или чтобы накормить, одеть его:

*Мајка шије бел кошуљу,
Сестра плете бел чарапе,
Татко шије фермеренце,
Да обуче дундуленце.*

Мать шьет белую рубаху,
Сестра вязет белые чулки,
Отец шьет кафтанчик,
Чтобы одеть малыша.
(Кралицкая²⁹)

В ряде текстов, входящих в обряды, связанные с ритуальным выходом из села с целью сбора трав, цветов, плетения

венков и т. п., содержит обращенный к участникам обряда призыв пробудиться для его исполнения (юрьевские³⁰; колядка³¹).

Наконец, имеется небольшое число легендарных песен, в которых действуют христианские святые или персонифицированные дни недели и праздники и которые никак не относятся с семантикой или структурой исполняемых обрядов. В них мотив пробуждения имеет христианско-дидактическую направленность: Введение будет Воскресение (Пасху) (пасхальная³²) или св. Петр Троицу / св. Неделю (троицкие³³), сообщая, что все души (иногда кроме одной, самой грешной) попали в рай:

*И заспа света Троица
Светоме Петру на крило,
Свети је Петар бузаше:
«Дизи се, света Троица,
Све душе у рај отоше!»*

Заснула святая Троица
У святого Петра на груди,
Святой Петр ее будет:
«Вставай, святая Троица,
Все души в рай отправились!»

(Троицкая из Липляна³⁴)

В ряде текстов мотив пробуждения напрямую связан с мотивом пути, выхода из села. Для обозначения двух этих взаимосвязанных действий используется глагол (*по-, под-, у-*)ранити. Его семантика определяется так: «вставать рано поутру; рано приывать (куда-л.), заранее быть на месте»³⁵, однако в календарных песнях он имеет несколько иное значение. Это слово не встречается в императиве и употребляется почти исключительно в третьем лице индикатива. При тех же субъектах и обстоятельствах цели, что и у других глаголов пробуждения (*раны* девушка, парень, иногда птица, чтобы отправиться в горы/лес собирать травы, вить венки, будить пастухов и т. д.), лексема *ранити* обладает важной особенностью: она управляет существительными в аккузативе с предлогами направления (*ранити куда? — у горе, на воду*) или в локативе с предлогом *по* (*по планини, по ливади*).

*Пораниле девојке,
Пораниле на воду,
Ал' на води јелене
Рогом воду мућаше<...>*

Поднялись девушки
Утром рано на воду,
А у воды олень
Рогом воду мутит<...>

(Билярская из Хомольской области³⁶)

Из этого видно, что семантика глагола складывается из двух элементов: пробуждения и движения, причем такое со-

чтение двух значений принципиально для песен и для обряда, что подчеркивается необходимостью выбора места и времени его исполнения (ср. также название обряда — *раннило*, — образованное от того же глагола). Во всех случаях употребления этого слова присутствуют оба компонента его значения, они образуют одно смысловое целое, не предполагая при этом какой-либо вариативности или многозначности.

При всем многообразии ситуаций, в которых один персонаж будет другого или просыпается сам, видна одна закономерность: пробуждение ото сна связано с изменением статуса просыпающегося или его благосостояния: предстоящей или расстроенной женитьбой, богатым урожаем, приплодом скота, рождением детей, любовным свиданием, участием просыпающегося в исполнении обряда, посещением дома исполнителями ритуала и т. п. Эти изменения взаимосвязаны, поскольку, с одной стороны, с участием человека в исполнении ритуала и с посещением дома участниками обрядового обхода связывается ожидание изменения реальной ситуации, т. е. получение какой-то пользы, будь то богатство, приплод скота, урожай, удачный брак и пр.; с другой, сам факт участия в ритуале меняет сущность и статус исполнителя — ср. выражение как способ перевоплощения. Даже «пассивное» участие, выражющееся в том, чтобы принять посетителей и одарить их, включает человека в коммуникативную ситуацию «человек — иной мир» и как бы поднимает его над миром повседневности. Поэтому и необходимость подготовить дом к приходу лазариц, кралиц или колядников может быть расценена как изменение ритуального статуса персонажей песен.

В значительном числе песен, где пробуждение мотивируется необходимостью участия (активного или пассивного) в ритуале, этот мотив можно расценивать как косвенное указание на время действия — утро. В песнях, поющихя на *раннило*, призыв проснуться или пробуждение персонажа ранним утром объясняется требованием выхода участников за пределы села до восхода солнца. Исполнение других обрядов, в особенности обходных, также часто приурочено к утру, с чем связан мотив пробуждения в песнях. Утро и вечер имеют в ритуальной практике особую значимость, подавляющее большинство обрядов совершается именно в это время. Пограничье между днем и ночью (временем, когда нечистая сила активизируется и становится опасной), противопоставленным в

этом отношении дню) позволяет с большей легкостью установить контакт с иным, «чужим» миром, получить от него желаемое, что и составляет цель исполнения обряда.

В народных верованиях сон также противопоставляется яви, но по несколько другим признакам: это специфическое состояние между жизнью и смертью, когда душа человека обретает некоторую свободу и отправляется в иной мир. Отсюда восприятие сновидения как сигнала, несущего информацию о будущей судьбе человека, и существование многочисленных толкований снов, а также гаданий, в которых информация получается через сновидение. На том же основаны представления о здухачах (*здухаѣ* или *ветровъак*) — мифологических персонажах, душа которых, когда они спят, покидает тело и, летая по небу, разгоняет градобойные туши³⁷. В песнях такие представления практически не отражены или встречаются в сильно опосредованном виде (вещий сон парня о женитьбе), а мотив сна выступает, скорее, как форма выражения желаемого и/или как способ объяснения в любви; сохраняется сама идея противопоставления сна яви, но мотивируется она по-другому.

Календарные песенные тексты ощутимо оторваны от обрядов и верований и, с другой стороны, связаны с песнями иных жанров. Большое влияние на формирование поэтического языка календарных песен оказали необрядовые лирические любовные песни. Семантика самих обрядов, в значительной степени забытая, в песнях может переосмысливаться по-своему, а идея контакта с иным миром, лежащая в основе любого ритуала, преломляется в них через призму поэтического текста.

Те песни, в которых как бы комментируются обряды, регламентируются их исполнение, наиболее близки в плане символики к самим обрядам, поскольку они описывают и ритуальные действия. Однако вместе с тем, поскольку такие тексты лишь передают последовательность действий, в них эта символика наиболее темна. В таких случаях мы имеем дело не с собственно песенной, а с обрядовой символикой, которая переходит в текст в опосредованном, уже «застывшем» виде и служит лишь знаком определенного фрагмента, атрибута ритуала, которые упоминаются в песне лишь потому, что имеют место на практике. Так, если раннее утро как время исполнения обряда имеет особое значение переходного момента от ночи (времени «чужого») ко дню («своему»), наиболее благоприятного для ритуала, то в пес-

нях эта идея сводится к необходимости раннего пробуждения по причине, например, скорого прихода лазарца, кралиц, колядников, которых следует одарить.

Примечания

- 1 *Zečević Sl.* Elementi naše mitologije u narodnim obredima uz igru. Zenica, 1973. С. 89; ср.: *Васиљевић М.* Народне мелодије Лесковачког краја. Београд, 1960. № 39б, 57; *Борђевић Др.М.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави // Српски етнографски зборник. Књ. 70. Београд, 1958. С. 257, № 42; *Златановић М., Тошић Ст.* Чудно дрво. Лирске народне песме Југосточне Србије. Ниш, 1971. С. 55.
- 2 *Бован Вл.* Народна књижевност Срба на Косову. Књ. 1. Лирске песме. Приштина, 1980. № 93.
- 3 *Васиљевић М.* Указ. соч. № 57.
- 4 *Златановић М., Тошић Ст.* Указ. соч. С. 55.
- 5 *Zečević Sl.* Указ. соч. С. 89.
- 6 *Васиљевић М.* Указ. соч. № 72ж; ср. № 72л.
- 7 *Борђевић Др.М.* Обичаји, обредне и друге народне песме и здравице // Лесковачки зборник. VIII. 1968. С. 108, № 16.
- 8 *Кашуба М.С.* Народы Югославии // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988. С. 122, 127.
- 9 *Бован Вл.* Указ. соч. № 60.
- 10 *Златановић М., Тошић Ст.* Указ. соч. С. 62; Народне песме и игре у околини Бујановца. Београд, 1980. № 11.
- 11 *Борђевић Вл.* Srpske narodne melodije. Predratna Srbija. Beograd, 1931. № 329.
- 12 *Бован Вл.* Указ. соч. № 93.
- 13 *Борђевић Др.М.* Указ. соч. С. 250—251, № 20:
- 14 Там же.
- 15 *Беговић Н.* Српски народне песме из Лике и Баније. Књ. 1. Загреб, 1885. № 1.
- 16 *Васиљевић М.* Указ. соч. № 72б.
- 17 *Грбић С.М.* Српски народни обичаји из среза Бољевачког // Srpski etnografski zbornik. Књ. 14. Beograd, 1909. С. 299.
- 18 *Бован Вл.* Указ. соч. № 34.
- 19 *Милосављевић С.* Српски народни обичаји из среза Хомольског // Српски етнографски зборник. Књ. 19. Beograd, 1914. С. 80, № 3.
- 20 *Киселиновић Ђ.Ј.* Охридско-преспанска лира: 100 народних женских песама из Охрида и Преспе. Битољ, 1926. № 74.
- 21 *Грбић С.М.* Указ. соч. С. 95—96, № 9; *Милосављевић С.* Указ. соч. С. 80—81, № 2—5.
- 22 *Дебельковић Д.* Српски народне умотворине за Косова из рукописа Д. Дебельковића. Књ. 1. Лирске и епске песме. Приштина, 1984. № 33, 34.
- 23 *Караџић В. В.* Српске народне песме. Књ. 5. Beograd, 1898. № 163.
- 24 *Кићине песме.* Књ. 1. Beograd, 1924. С. 56; *Stepanov St.* Narodne pesme iz Gorjana i Pontijana // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Knj. 44. Zagreb, 1971. С. 297 в.
- 25 *Васиљевић М.* Југословенски музички фольклор. Књ. 1. Beograd, 1950. № 397б; *Дебельковић Д.* Косово поле // Српски етнографски зборник. Књ. 7. Beograd, 1907. С. 312, № 2; С. 314—315, № 11.
- 26 *Бован Вл.* Указ. соч. № 48.
- 27 *Васиљевић М.* Указ. соч. № 52; *Филиповић М.С., Томић П.* Горња Пчиња // Српски етнографски зборник. Књ. 68. Beograd, 1956. С. 97.
- 28 *Борђевић Вл.* Указ. соч. № 372; ср.: *Антонијевић Др. Алексиначко Поморавље //* Српски етнографски зборник. Књ. 83. Beograd, 1971. С. 216; *Милићевић М.* Живот Срба сељака // Српски етнографски зборник. Књ. 1. Beograd, 1894. С. 101.
- 29 *Васиљевић М.* Указ. соч. № 72б.
- 30 *Антонијевић Др.* Указ. соч. С. 220; *Грбић С.М.* Указ. соч. С. 6; *Златановић М., Тошић Ст.* Указ. соч. С. 39.
- 31 *Караџић В.* Указ. соч. № 173.
- 32 *Милојевић М.С.* Песме и обичаји укупног народа српског. Књ. 1. Beograd, 1869. № 187.
- 33 *Васиљевић М.* Указ. соч. № 39; *Дебельковић Д.* Указ. соч. № 35, 36.
- 34 *Васиљевић М.* Указ. соч. № 391.
- 35 *Толстой Н.И.* Сербскохорватско-русский словарь. М., 1982. С. 503.
- 36 *Милићевић М.* Указ. соч. С. 95.
- 37 *Зечевић Сл.* Митска бића српских предања. Beograd, 1981. С. 148—153.

Сновидение у Гомера и Платона: ОНЕИРОΣ И ΧΩΡΑ

Представления архаической Греции
о сновидении

Скажите, что вам снится, и я скажу, кто вы, — эту парафразу известной пословицы можно, вероятно, отнести не только к отдельному человеку, но и к какой-либо эпохе или культуре в целом. Фридрих Ницше полагал, что сны древних греков были пластичны и логичны: «...при невероятной пластической точности и верности взгляда греков и искренней любви к светлым и смелым краскам, несомненно, придется предположить и в их снах логичную причинность линий и очертаний, красок и групп, сходную с их лучшими рельефами — последовательность сцен, совершенство которых дало бы нам право назвать видящего сны грека Гомером и Гомера видящим сны греком...»¹

Сон, как и опьянение, Ницше считает художественными силами самой природы; первая связана с Аполлоном, вторая с Дионисом. Однако известные нам представления греков о снах и, в частности, об отношениях Аполлона с онейроман-

тикой (гаданием по снам) говорят совсем о другом: сны хтоничны.

Еврипид так рассказывает о борьбе Аполлона за владычество над дельфийским святилищем²: когда Аполлон вытеснил из него дочь Земли Фемиду, Земля породила сновиденья, показывающие гадателям, что было и что будет, и оракул перестал быть нужным; Аполлон взмолился Зевсу, и тот как-то ослабил пророческую силу снов³, благодаря чему оракул Аполлона вернул свою влиятельность. Гадание по сновидениям, посыпаемым Геей, противопоставляется прорицаниям Пифии, вдохновленной Аполлоном: первое хтонично, сопряжено с гневом древнейшей богини и ужасом, а второе озарено аполлоническим светом и ясностью.

Оракулы сновидений, о которых нам известно, как правило, связаны с Землей и подземным миром. Самый известный, популярный вплоть до конца античности оракул сновидений, предписывавший больным способы лечения, а иногда исцелявший прямо во сне, принадлежал Асклепию, хтонизм которого подтверждается его атрибутом — змеей. Можно назвать оракул Амфиара, который погиб, поглощенный разверзшейся землей. Павсаний считает, что до этого Амфиарий был толкователем снов, так как ныне дает предсказания именно через сновидения⁴. В Апулии был оракул Калханта: вопрошающие приносили в жертву черного барана, как обычно бывает при жертвоприношениях героям или подземным богам, спали на его шкуре и получали предсказания во сне⁵. В Карии находилось святилище Плутона; прорицалищем здесь служила пещера Хароний, расположенная над священным участком. Приходящие для излечения должны были некоторое время жить в близлежащем селении у жрецов; те проводили ночь в пещере и на основании сновидений предписывали лечение. Иногда жрецы отводили больных в пещеру, где те находились много дней без пищи, «как в звериной берлоге»; в этом случае больные сами могли удостоиться предсказания во сне, но толкователями оставались жрецы. Как пишет Страбон, для всех остальных, кроме жрецов и больных, это место недоступно и гибельно⁶.

Наибольший страх вызывало подземное прорицалище Трофония, который, по преданию, был поглощен землей, как и Амфиарий. После долгих приготовлений гадающие пили воду из двух источников — Леты и Мнемосины, т. е. забвения (чтобы забыть о своих заботах в этом мире) и

памяти (чтобы запомнить бывшее в святилище). Над ямой закалывали барана, вниз выливали кровь жертвы. В пещере гадающий удивительным образом проваливался под землю, где и получал предсказание; выносимый обратно на поверхность, человек был охвачен ужасом — Павсаний пишет, что несколько дней после спуска в пещеру гадающие не сознавали себя и не узнавали близких, не могли разговаривать и улыбаться. Предсказания давались разным людям по-разному: кому-то через видения, кому-то голосами. Мы не можем утверждать, были ли эти видения сновидениями, но хтонический ужас, вызываемый оракулом Трофония, кажется очень схожим с тем, что испытывали гадатели по сновидениям, посланным Геей⁷. Подчеркнем, что гадающие по сновидениям не получали во сне никаких сакральных знаний, вопрос и ответ ограничивались чистой прагматикой и касались прежде всего средств исцеления от болезней.

Сновидения часто наводят ужас сами по себе. У Еврипида в «Гекубе» героиня, просыпаясь, восклицает: «О царица Земля! Возвращаю тебе, сновидений мать чернокрылых, призрак ночи, твое исчадье...»⁸ Аристофан в «Лягушках» так пишет о сновидениях: «...черносияющий мрак ночи! то за несчастный сон посылаешь ты, из глуби незримого Аида вышедший, душу имеющий бездушную, дитя черной Ночи, наводящее дрожь ужасное видение, черноодетый, убийственный, жуткого вида, с огромными когтями...»⁹ По свидетельству сколиаста, Аристофан в данном месте комедии пародирует еврипидовскую «Гекубу» — и пародия в концентрированном виде показывает греческие представления о ночном кошмаре.

Мифологическая генеалогия сновидений подтверждает их хтонизм. Еврипид называет матерью сновидений то Землю, то Ночь; Аристофан следует версии «Гекубы» и одновременно Гесиода: в «Теогонии» сказано, что сон (Гипнос) и сновидения (*φῦλον Ὀὐείρων*) — дети Ночи, породившей также Разрушение, Мрак, Таната, Кер¹⁰. Сама же Ночь — дитя Хаоса, которому через нее причастны ее порождения.

Не менее значимо место обитания Сна и Сновидений. Сон живет, по Гесиоду, там, где День сходится с Ночью:

«С братом Смерти, со Сном на руках, приходит другая —
Гибель несущая Ночь, туманом одетая мрачным.
Там же имеют дома сыновья многосумрачной Ночи,
Сон со Смертью — ужасные боги»¹¹.

Сон — брат Смерти, а место обитания сновидений недалеко от царства мертвых. Согласно Гомеру, повествующему о том, как Гермес провожает в Аид души убитых Одиссеем женихов, Сновидения находятся непосредственно перед асфодилонским лугом, где реют души умерших:

«Мимо Левкада скалы и стремительных вод Океана,
Мимо ворот Гелиосовых, мимо пределов, где боги
Сна (*δῆμος ὄνείρων*) обитают, провеяли тени на асфодилонский
Луг, где воздушными стаями души усопших летают»¹².

Упомянутые Гомером врата Гелиоса — это место, где, по Гесиоду, День сходится с Ночью, где встречаются противоположности, видимый и невидимый миры; эта пограничная область находится за Океаном, окружающим весь физический космос. А. Брелих в статье о месте сновидений в религиозной картине мира древних греков¹³ называет область пребывания *δῆμος ὄνείρων антикосмосом, обратной стороной космического порядка*, своего рода антимиром, отражающим реальность с помощью бесплотных образов и призраков в зеркальном или фантасмагорическом виде. Именно в связи с тем, что сны связаны с Хаосом, антикосмосом, они негативно оцениваются в архаической греческой культуре — этим тезисом Брелих обосновывает традиционно принятное в науке представление о том, что онейромантика в архаической Греции обладала более низким статусом по сравнению с другими видами мантики — птицегаданием, оракулами и т. д.

Однако доверие к сновидениям постепенно возрастает, а искусство снотолкования развивается; в эллинистическую эпоху оно достигает расцвета, продлившегося вплоть до конца античности. Это можно объяснить, считает Брелих, двоякой семантикой антимира, вызвавшей со временем представления об Островах Блаженных и вообще о позитивной стороне «сверхчувственной реальности». Таким образом, как низкий статус онейромантики в архаической Греции, так и его повышение в более позднее время связаны с одним и тем же: постепенно обнаруживалось, что «потустороннее» может быть не только источником ужаса, но и наоборот. И хотя Ницше был неправ, утверждая, что сновидения у греков изначально определены аполлоническим началом, последнее постепенно начинает сказываться как в оценке сновидений, так и в онейромантике.

Данная статья — попытка ответить на вопрос, как негативное отношение к сновидениям у греков переходит в свою противоположность. Две важнейшие вехи на этом пути — Гомер и Платон.

Гомер

В подавляющем большинстве случаев Гомер говорит о сне как физиологическом состоянии — *гипносе* (*υπνος*); это же слово в «Илиаде» употребляется как имя мифологической персонификации Сна — Гипнос. Когда речь идет о сновидениях, употребляется слово *онейрос* (*ονείρος*) и его варианты (*οναρ*, *ονείρον*); мифологическая фигура персонифицированного Сновидения носит имя *Онейрос*.

Прежде чем перейти к сновидениям, суммируем основное о сне у Гомера: сон-гипнос дает отдых, успокаивает, усаждает, позволяет забыть заботы, смягчает печали; он временно «выключает» из жизни, в силу чего сном можно воспользоваться, чтобы «овладеть» персонажем или сделать что-либо в его отсутствие; сон как мифологическая фигура — Гипнос — повелевает и богами и людьми, он может усыпить самого Зевса; Гипнос — брат Танатоса и вместе с ним переносит тела погибших; во время сна спящим могут являться души умерших. Говоря коротко, *гипнос* — это отдых, наслаждение, забвение, «отсутствие», бессознательность («обольщение разума» — ср. эпизод обольщения Зевса), «обратная сторона Смерти». Могущество Гипноса связано с тем, что он — вместе со своим «близнецом» Танатосом — сын Ночи, одной из древнейших богинь, близкой первородному Хаосу.

О сне в самых разных греческих текстах часто говорится как о «льющемся». По наблюдениям Р. Онианса, «многие контексты подтверждают, что сон считался жидкостью (божество проливает сон на веки спящего) или влажным паром, туманом, окутывающим френ (по Ониансу, френ — легкие и «орган сознания» — И. П.). Υγρός ὁ υπνος (влажный сон), говорится в схолии к Hom. II. XIV 253. Сон μελίφρων (мед для френес), — тот же эпитет регулярно применяется к вину... сон проливается (например, Hom. II 19, XIV 253)»¹⁴.

Онианс приводит много примеров метафоры *сон-жидкость* в греческих и латинских текстах; выделим из них три. Гера хочет обмануть Зевса, пролить (*χεύη*) сон на его веки и в его сухие (*πευκαλίςστι*, т. е. бодрствующие) *френес*¹⁵. Вер-

гилий рисует божество, проливающее сон с ветви, летящей водой увлажненную¹⁶. У Овидия в описании жилища сновидений ночь собирает дрему (*soporem*) в молоке трав и кропит ею землю¹⁷.

Как говорит Онианс, «намокнув от вина или сна, френес становятся непригодными к действию»¹⁸, — это известное представление древних о том, что разумная душа должна быть сухой, так как влага губительно действует на разум и понимание. По Гераклиту, сухая душа — мудрейшая и наилучшая¹⁹. Диоген из Аполлонии (V в. до н.э.) говорит: «понимание (*φρονέῖν*) есть действие чистого и сухого воздуха. Влага препятствует разумению (*νοῦν*), и потому во сне, при опьянении и излишествах понятливость убывает»²⁰. Как известно, греки представляли себе Лету — забвение — как жидкость, реку, текущую в царстве мертвых²¹.

Итак, главное свойство сна — погружать в бессознательное состояние — служит основанием для метафорического сближения его с влагой, жидкостью. Жидкое — нечто неоформленное, не ставшее, но всегда становящееся. Как известно, Океан у Гомера — прародитель всего живого, а у Фалеса вода — первородное начало. Ферекид Сироцкий саму воду зовет Хаосом²², и такое приравнивание отсылает к главному для нас свойству воды и Хаоса — отсутствию определенной субстанции. Это свойство неразрывно связано со способностью жидкости постоянно изменяться, заполняя любые формы, со способностью отражать нечто, будучи словно ничем. Вспомним Протея с его чудесным свойством бесконечного преображения — это водное божество есть, собственно, персонификация воды как некой субстанции метаморфоз.

Сон, как и вино, как жидкость в качестве первостихии, погружает в пучину бессознательного состояния, где человек теряет себя, попадая в хаотическую область без субстанции: сознание или то, что играет его роль в состоянии сна и опьянения, как бы исчезает, становится ничем, — или жидкостью, которая может трансформироваться во что угодно. И во сне, и в состоянии опьянения представления и образы текут, не задерживаясь и не закрепляясь, проплывая, как отражения в зыбающейся воде. Аристотель в трактате «О сновидениях» сравнивает содержание наших *диких* сновидений с разбитым, искаженным отражением в потревоженной воде; искажения возникают из-за *внутренних движений* души, аналог которых — текучая жидкость²³. Здесь бессозна-

тельное состояние — сон — аналог воды, а отражения в ней — сновидения.

Сновидения упоминаются у Гомера далеко не так часто, как просто сон. В двух случаях речь идет о явлениях во сне, но слова *ονείρος* (или его вариантов) нет: это, во-первых, явление Ахиллу души Патрокла²⁴; во-вторых, эпизод, в котором Гермес, встав над изголовьем спящего Приама, побуждает его бежать из стана Ахилла с телом Гектора²⁵. В остальных случаях слово *ονείρος* есть. Это следующие случаи:

Зевс посыпает Агамемнону Сон (*Ονείρος*) в образе Нестора, чтобы спровоцировать выступление греков²⁶;

Афина посыпает Ресу накануне его гибели образ Диомеда (*οναρ*), грозно стоящий над изголовьем; на следующий день Диомед убивает Реса²⁷;

Афина творит призрак (*ειδωλον*) Ифтимы, сестры Пенелопы, и посыпает его спящей Пенелопе для утешения: призрак говорит Пенелопе, что Телемах скоро возвратится невредимый и что боги запрещают Пенелопе плакать и сетовать; Пенелопа просыпается ободренная и говорит, что видела *ἐναργὲς ονείρον* — ясное, точное сновидение²⁸;

Афина является спящей Навсикае в образе ее подруги, побуждая царевну отправиться стирать одежду туда, где находится Одиссей; Навсикая, проснувшись, удивляется сну (*ονείρον*) и исполняет сказанное²⁹;

Пенелопе во сне является аллегорическая картина: орел растерзывает гусей, а затем, назвав себя Одиссеем, истолковывает случившееся; наяву Пенелопа в разговоре с еще не узнанным ею Одиссеем рассказывает ему свой сон и просит истолковать; тот подтверждает толкование, данное в самом сне³⁰;

Пенелопе снится, что рядом с ней находится некто, имеющий образ Одиссея, и жалуется, что сновидение (*δύνείρατα*) послано демоном³¹;

об *ονείροсе* говорится в сравнении, в эпизоде, когда Ахилл не может догнать Гектора:

«Словно во сне (*ἐν δύνείρῳ*) человек изловить человека не может,
Сей убежать, а другой уловить напрягается тщетно, —
Так и герои, ни сей не догонят, ни том не уходит»³²;

народ сновидений, *δῆμος δύνείρων*, упоминается в рассказе о том, как Гермес ведет в Аид души погибших женихов³³.

Таким образом, явления во сне, которые описывает Гомер, это: явление самого бога (Гермес); бог в каком-то

образе (Афина в облике девы); созданные богом или демоном призраки (призраки Ифтимы, Диомеда и Одиссея); умершая душа (*ψυχή, πσυχέ* Патрокла); мифологическая персонификация сновидения Онейрос, посланная Зевсом Агамемнону; аллегорическая картина, приснившаяся Пенелопе.

Сновидение как аллегорическая картина совсем не характерно для Гомера, а содержание аллегории представляет собой перенесенное в сон из яви «птицегадательное» знамение: сон в точности повторяет те знамения, которые у Гомера постоянно присутствуют наяву³⁴. Типичны же для Гомера сновидения-персоны, *вестники*, отмеченные не только своим обворотничеством (боги и наяву постоянно являются в обличьях), но и призрачностью, бесплотностью, — будь то явление умершей души (*πσυχέ*), призраков, сотворенных богами или демоном, или мифологической фигуры *Онейрос* в обличье Нестора.

Эти сновидения-персоны описаны очень похоже. Во-первых, отмечается, что они совершенно тождественны по внешнему виду своим «оригиналам». Так, о душе Патрокла говорится:

«Призрак, величием с ним и очами прекрасными сходный;
Та же и одежда, и голос тот самый, сердцу знакомый»³⁵,

а о явлении Онейроса спящему Агамемнону:

«Дивный явился мне Сон, благородному сыну Нелея
Образом, ростом и свойством Нестору чудно подобный»³⁶.

Во-вторых, *πσυχέ* и *ονείροсы*, будучи бесплотными, ведут себя соответствующим образом: душа Патрокла, например, исчезает из сна Ахилла, как облако дыма:

...«душа Менетида, как облако дыма, сквозь землю
С воем ушла»³⁷, —

а сотворенный Афиной призрак Ифтимы исчезает из сна Пенелопы как дуновение ветра:

«Призрак тогда, сквозь замочную скважину двери провеял
«Воздухом легким, пропал»³⁸.

Но между призраками в сновидениях есть и отличия. Обычно Гомер кратко сообщает, что бог сотворил призрак для спящего; только в одном, самом подробном и нескольз-

ко раз повторенном описании, когда Зевс посыпает ложный сон Агамемнону, мы сталкиваемся с тем, что сновидение онейрос оказывается в тексте самостоятельной фигурой, персонификацией: Зевс говорит с ним, Онейрос идет к Агамемнону и побуждает его к действию, а потом уходит.

В чем отличия Онейроса от созданных богами призраков? Призраки, во-первых, всегда являются подобиями конкретных лиц с конкретными чертами, а во-вторых, исчезают, растворяясь, после исполнения своей функции. Онейрос же не имеет никаких черт, но и не растворяется после своего явления смертному: о нем сказано, что он ушел, а не что он исчез. Оказываясь, таким образом, субъектом действия, персонажем поэмы, Онейрос тем не менее не приобретает ровным счетом никаких черт и никаких качеств. Но зачем вообще нужна эта фигура, если боги могут и сами принять чужой облик или сформировать его? Получается, что Онейрос — только носитель чужих обличий, отделенная от остальных богов и персонифицированная способность к метаморфозам, своего рода субстанция превращений.

Олимпийские боги пользуются своей способностью к превращениям очень часто, тем не менее метаморфозы не главное их занятие, боги всегда возвращаются в собственный вид, связанный с их функцией в Космосе. Даже Протей, аналог Онейроса в пределах яви, имеет собственный вид, в который возвращается после череды превращений³⁹. Онейрос же у Гомера не описывается никак — это чистая функция метаморфозы, ноль собственного содержания, не имеющий образа носитель образов или их материя, из которой боги лепят что хотят в целях определенного воздействия на людей и события. Как Онейрос соотносится с Гипносом? Если Гипнос есть само бессознательное состояние спящего, то Онейрос — это не имеющий собственного облика «материал» появляющихся в этом состоянии образов.

Возможно, именно отсутствие у сновидений собственной сущности и вызывает то недоверие к ним, которое у Гомера выражено вполне отчетливо. Читатель встречается с ним прежде всего при попытках героев Гомера различить ложные и истинные сновидения.

Агамемнон после своего сновидения собирает совет и рассказывает о том, что видел во сне:

«Други! обягнутому сном, в тишине амброзической ночи,
Дивный явился мне Сон, благородному сыну Нелея

Образом, ростом и свойством Нестору чудно подобный!
Стал над моей он главой и вещал мне ясные речи⁴⁰.

Нестор говорит, что если бы подобный сон приснился другому из ахеян, то его сочли бы ложным (*ψεῦδος*); но поскольку видел его *тот*, кто слывет знаменитейшим в рати ахейской, необходимо действовать по велению сонного видения и собирать рати против троянцев!⁴¹

Здесь о ложности или истинности сновидения судят исходя из статуса того, кому оно приснилось. Представление о важности сновидений вождей, царей, полководцев — словом, правителей, отвечающих не только за себя, но и за подчиненных, — свойственно практически всем архаическим культурам. Но и во II в. н. э. Артемидор в своей «Онейрокритике» повторяет это положение, ссылаясь на сон Агамемнона у Гомера: «*а цари и прочие пекутся о делах общественных и могут иметь сновидения об этом не как частные лица, которым вверено малое, но как властители, заботящиеся о всеобщем благе. Именно об этом и поэт говорит, когда рассказывает, как, про веший сон Агамемнона судили в совете сми старейшины...*»⁴².

Тем не менее этот критерий не спасает ахеев от ложного шага, на который обрекает их Зевс. Более того, у Гомера постоянно слышатся намеки на то, что сновидения вообще толковать очень сложно; так, в V книге «Илиады» упомянуты гибнущие от руки Диомеда сыновья Эвридама, гадателя сновидений: «*ιμ, отходящим, родитель не мог разгадать сновидений*»⁴³. Здесь гадатель сновидений назван *διερόπολος*, а «разгадывание» — *κρίνεσθαι*, букв. судить, различать. А. Кессель в своей работе о сновидениях у Гомера анализирует контексты употребления этого слова и приходит к выводу, что *κρίνεσθαι* значит отделять ценные, значимые сны от пустых⁴⁴. Действительно, то, что можно обнаружить у Гомера по поводу толкования сновидений, свидетельствует именно о таком взгляде на истолковательскую деятельность: важно не столько то, о чем сновидение, сколько то, каков его источник и статус.

По сути, разгадывать содержание сновидения, его смысл гомеровским героям нигде не приходится. Когда Пенелопе предстает призрак Ифтими, пробудившаяся Пенелопа радуется, поскольку «*явно в глубокую полночь предстал ей пророческий образ*» (*ἐναργὲς οὐερού*)⁴⁵. Когда Афина является Навсикае в образе девы, Навсикея, проснувшись, удивляется сну — но именно как событию, как пророческо-

му видению, — смысл же его совершенно ясен⁴⁶. Пенелопе снится, что рядом с ней находится некто, имеющий образ Одиссея, — но единственная неясность, послано ли это видение злым демоном или отражает истину⁴⁷.

Собственно, о самом смысле сновидения речь идет только в одном случае — когда Пенелопе снится аллегория о том, как орел заклевал гусей. Пенелопа рассказывает Одиссею, находящемуся у нее в доме под видом странника, свой сон:

«Ты же послушай: я видела сон; мне его растолкуй ты;
Двадцать гусей у меня есть домашних; кормлю их пшеницей;
Видеть люблю, как они, на воде полоскаясь, играют.
Снился мне, что, с горы прилетевший, орел крутоносый,
Шею свернув им, их всех заклевал, что в пространной столовой
Мертвые были они на полу все разбросаны; сам же
В небо умчался орел. И во сне я стонала и горько
Плакала; вместе со мною и много прекрасных ахейских
Жен о гусях, умерщвленных могучим орлом, сокрушилось»⁴⁸.

Здесь в выражении *растолкуй сновидение* (*τὸν ὄνειρον ὑποκρίναι*) используется слово *ὑποκρίνεσθαι*. Кессельс, отмечая трактовки этого слова разными исследователями (Else, Lesky, Zucchelini), показывает, что если *κρίνεσθαι* означает «разделение», «отбор», «решение» в отношении важности или пустоты сновидения, то *ὑποκρίνεσθαι* — уже интерпретация. В дальнейшем под воздействием этого значения и слово *κρίνεσθαι* употребляется в смысле «акт интерпретации» — например, у Геродота и Эсхила; отсюда и слово *ὄνειροκρίτης*: толкователь снов⁴⁹.

Но даже в сновидении Пенелопы толковать, собственно, нечего — в нем самом содержится разгадка, которую дает орел:

«Он же, назад прилетев и спустясь на высокую кровлю Царского дома, сказал человеческим голосом внятно:
“Старца Икария умная дочь, не крушись, Пенелопа.
Видишь не сон мимолетный, событие верное видишь;
Гуси — твои женихи, а орел, их убить прилетавший
Грозною птицей, не птица, а я, Одиссей твой, богами
Ныне тебе возвращенный твоим женихам на погибель”.
Так он сказал мне, и в это мгновенье мой сон прекратился;
Я осмотрелась кругом: на дворе, я увидела, гуси
Все налицо; и, толпясь к корыту, клюют там пшеницу»⁵⁰.

О том, что значение сна ясно, говорит Одиссей Пенелопе и наяву:

«Сон, государыня, твой толковать бесполезно: он ясен
Сам по себе; сокровенного нет в нем значенья; и если
Сам Одиссей предсказал женихам их погибель — погибнут
Все: ни один не уйдет от судьбы и от мстительной Керы»⁵¹.

В словах орла-Одиссея присутствует выражение, переведенное В. Жуковским так: *видишь не сон мимолетный, событие верное видишь*; в греческом тексте здесь стоит *οὐκ οὐαρ, ἀλλ' ὑπάρ ἐσθλόν*. По этому поводу Кессельс отмечает, что нигде в ранней греческой литературе *ὑπάρ* не встречается одиночно, всегда в противопоставлении с *οὐαρ*. Кессельс приводит мнения разных исследователей, показывающих, что *ὑπάρ* происходит после *οὐαρ* и его исходное значение — «бодрствование»; у греческих лексикографов *ὑπάρ* снабжается значением *ἀπτασία ἀληθῆς*, *истинное видение*, и отсылкой к приведенному месту из «Одиссеи».

Таким образом, истинное сновидение столь же ясно и явственно, сколь видение чего-либо в состоянии бодрствования; думается, речь идет не о смысле увиденного, а о его непреложности, сущности: истинное видение не может развеяться, словно призрак. Однако Пенелопа сомневается даже после слов Одиссея — по ее мнению, со сновидениями все обстоит достаточно сложно. Здесь у Гомера появляется знаменитое рассуждение о воротах снов:

«Странник, конечно, бывают и темные сны, из которых Смысла нельзя нам извлечь; и не всякий сбывается сон наш. Создано двое ворот для вступления снам бестелесным В мир наш: одни роговые, другие из кости слоновой; Сны, проходящие к нам воротами из кости слоновой, Лживы, несбыточны, верить никто из людей им не должен; Те же, которые в мир роговыми воротами входят, Верны; сбываются все приносимые ими виденья. Но не из этих ворот мой чудесный, я думаю, вышел, Сон...»⁵².

Как видим, причина разницы лживых и истинных сновидений в том, что они проходят через разные ворота: лживые сновидения — через ворота из слоновой кости, истинные — через роговые ворота. Евстафий в своем комментарии к Гомеру (XII в.) дает выбору именно этих материалов

тряжное истолкование. Во-первых, можно объяснить их сходством звучания слов: с одной стороны, *κέρας* — рог, *κράινειν* — приводить в исполнение, осуществлять, свершать; с другой стороны, *ἐλέφας* — слон, слоновая кость, *ἐλεφαῖρομαι* — вводить в заблуждение, завлекать обманом, губить⁵³.

Во-вторых, по Евстафию, можно интерпретировать рог как указание на роговицу глаза, а слоновую кость — как символическое обозначение рта, поскольку зубы имеют цвет слоновой кости. Тогда это будет противопоставлением зрения, дающего истинное знание, и слуха, довольствующегося лишь пустыми звуками.

В-третьих, рог и слоновая кость обладают различной степенью проницаемости: сквозь рог можно что-либо увидеть, тогда как слоновая кость абсолютно непрозрачна⁵⁴.

А Амори в работе, посвященной анализу образа «ворота сновидений»⁵⁵, интерпретирует его так: все сновидения изначально не делятся на лживые или истинные, они рождаются в одном месте, но, проходя через разные «пропускающие инстанции», получают качества последних. Добавим, что в таком случае конкретная разница этих инстанций — будь то оппозиция *зрение/слух* или *прозрачность/непрозрачность* материала — окажется не столь уж важной, так как главное заключается в общей способности или неспособности ворот быть проводником истинных образов.

У Гомера сновидения абсолютно независимы от сновидца: он никак не может повлиять ни на сами сновидения, ни на выбор ворот, сквозь которые они проходят. Возможно, поэтому Пенелопа так скептична по отношению к снам: нет никакого верного критерия для отличия истинного сновидения от обманчивого; источник сновидения — бог его посыает или злонамеренный демон — определить невозможно. Более того, мы знаем, что и боги могут «подшутить» над человеком, посылая ему якобы истинное пророчество, примером чему служит обманчивый сон Агамемнона.

Итак, истинность или ложность сновидения — проблема неразрешимая; сновидение опасно именно тем, что сами в себе образы не несут никакого различия, сновидческие истина и ложь имеют одну и ту же субстанцию, неуловимую и всегда открытую превращению, всегда иную. Эта возможность искаженности смысла вызывает и свойственную любой народной культуре боязнь оборотничества и двойничества, и, одновременно, тот пристальный интерес к «миру морока

и миража», о котором подробно пишет О.М. Фрейденберг⁵⁶. В балаганных кривляниях-подражаниях древнегреческих мимов, в фокусничестве рыночной арт-алогии с ее главным ухищрением — подстановкой мнимого вместо подлинного, в древней комедии Фрейденберг видит то самое противопоставление *истина/ложь*, которое впоследствии обретает понятийное выражение в философии.

Сновидение же оказывается неким третьим родом, имеющим отношение и к истине, и ко лжи. Поэтому сновидения неизбежно связаны для философа с размышлениями о критериях разграничения подлинного и мнимого; не обошел их вниманием и Платон.

Платон

Среди исследователей Платона часто можно встретить представление о сугубо отрицательном отношении философа к сну и сновидениям. С. Тигнер, например, утверждает, что для Платона метафора сна и сновидения всегда связана с идеей неверного отражения в чувственном мире, где господствует не знание, а мнение; следовательно, сон и сновидение имеют у Платона однозначно негативную оценку⁵⁷. Здесь нет возможности подробно обсуждать эту тему и дать развернутую классификацию высказываний Платона о сне и сновидении и контекстах, в которых он использует соответствующие метафоры; однако несомненным является двоякое отношение Платона к сну.

Безусловно, мы можем найти у Платона контексты, в которых сон и сновидение имеют негативную оценку, и связано это, действительно, с их отнесением к чувственному миру; здесь мы находим:

сравнение со сном жизни людей, предающихся неразумным удовольствиям и не знающих философии⁵⁸;

сравнение со сном жизни тех, кто познает подобие вещей, а не вещь саму по себе «*кто ценит красивые вещи, но не ценит красоту самое по себе и не способен следовать за тем, кто повел бы его к ее познанию, живет такой человек наяву (υπάρ) или во сне (οντάρ), как ты думаешь? Суди сам: грезить — во сне или наяву — не значит ли считать подобие вещи не подобием, а самой вещью, на которую оно походит?*»⁵⁹);

сравнение со сном устройства нынешних государств⁶⁰;

сравнение со сном наук, основанных не на беспредпосыпочно-начальном начале, а на каких-то предпосылках: «...им всего

лишь снится бытие, а наяву им невозможно его увидеть, пока они, пользуясь своими предположениями, будут сохранять их незыблемыми и не отдавать себе в них отчета»⁶¹.

В приведенных примерах основные черты сна и сновидений для Платона — зыбкость, неустойчивость, подобие вместо сущности, обманчивость и отсутствие истинного знания. Здесь он, по сути, приписывает сну все те свойства, о которых говорилось выше как о свойствах жидкости, ввергающей человека в бессознательное состояние, а сновидению — свойство неверного отражения; тем самым развивается традиционная точка зрения на сновидение как на морок. Но Платон, на наш взгляд, подвергает эту точку зрения специфической философской обработке: сон и сновидение оказываются у него метафорой, связанной с абстрактной идеей «материи».

«Положим, некто, отлив из золота все возможные фигуры, без конца бросает их в переливку, превращая каждую во все остальные; если указать на одну из фигур и спросить, что же это такое, то будет куда осмотрительнее и ближе к истине, если он ответит “золото” и не станет говорить о треугольнике и прочих рождающихся фигурах как о чем-то сущем, ибо в то мгновение, когда их именуют, они уже готовы перейти во что-то иное... <...> Вот так обстоит дело и с той природой, которая приемлет все тела. <...> Всегда воспринимая все, она никогда и никоим образом не усваивает никакой формы (μορφή), которая была бы подобна формам входящих в нее вещей. Природа эта по сути своей такова, что принимает любые оттиски, находясь в движении и меняя формы под действием того, что в нее входит, и потому кажется, будто она в разное время бывает разной; а входящие в нее и выходящие вещи — это подражания вечносущему, отпечатки по его образам, снятые удивительным и неизъяснимым способом...»⁶².

Эти слова о субстанции, которая, дабы воспринять все, должна оставаться ничем, вполне подойдут описанию воды как первостихии, но могут служить и великолепной характеристикой Онейроса, существующего только в качестве потенции превращений. Однако, как известно, приведенный пассаж относится к тому, что Платон называет воспринимающим началом, матерью рождения и что впоследствии в философии будет фигурировать под именем матери. По Платону, это третий — и самый странный — из главных родов бытия, существующий наряду с умозрительным первообразом

зом (отцом) и его зримым отражением, «отпечатком» (ребенком). Платон подчеркивает, что приемлющее начало, которому предстояло вобрать в себя все роды вещей, само должно было быть лишено каких-либо форм (*εἰδῶν*), иначе через отражение проглядывали бы черты восприемницы. Он обозначает ее как *некий невидимый и бесформенный вид* (*ἀνόρατον ἐιδός τι καὶ ἄπορφον*), всепринимающий, каким-то совершенно непонятным образом причастный умопостижаемому и совершенно неуловимый⁶³.

Немного далее Платон возвращается к этому странному роду бытия, называя его *χώρα* (*хора*, «пространство»): «оно вечно, не приемлет разрушения, дарует обитель всему рождающемуся, но само воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения, и поверить в него почти невозможно»⁶⁴. Этот странный род, говорит Платон, мы видим во сне (*δνειροπολούμεν βλέποντες*), а потом, пробудившись, переносим почерпнутые во сне представления о нем на непричастную сну (*τὴν ἀϋπνον*) природу истинного бытия⁶⁵. Таким образом, *хора* оказывается непосредственно связанной со сном, а представления о ней и образы, в которых эти представления даются, можно сравнить со своего рода сновидением.

А теперь снова вспомним Гипноса и Онейроса. Если использовать рассуждения Платона, то Гипнос, о котором мы говорили как об отсутствии и о впадении в бессознательное, представляется условием погружения в ничто, мифологическим аналогом *хоры*. Не случайно Платон говорит, что поверить в этот род почти невозможно, что он воспринимается посредством незаконного умозаключения, — действительно, состояние бессознательного противоположно разуму и мышлению. Об этом состоянии, или о *хоре*, ничего не было бы известно, если бы не сновидения, т. е. образы, возникающие внутри нее и вспоминающиеся после пробуждения. *Хора* как бы ловит смысл, возникающий в ней благодаря оформлению ее Логосом: смыслы, образы внутри *хоры* — это отпечатки, снятые удивительным и неизъяснимым способом.

Но если *хору*, как и Гипнос, можно назвать условием появления образов, то *невидимый вид* — их материал и в этом смысле аналог Онейроса, из которого творятся призраки сновидения. Гипнос и Онейрос поэтому можно назвать двумя аспектами «материи»: Гипнос — материя как условие возникновения образа, Онейрос — его материал. Если исходить

из платоновских рассуждений о трех родах бытия, то приказание Зевса Онейросу воплотиться в образ Нестора значит, что бог по своему желанию посредством первообраза оформляет ничто материи, превращающееся в отображение его замысла, в «отпечаток».

Но материя, как и Онейрос, на то и *бесформенна* (бетор-фов), чтобы быть способной воспринять все — в том числе и истинное пророчество. Ведь тот же Платон иногда говорит о снах и сновидениях хорошо: Сократ видит вещие сны⁶⁶; Диотима в «Пире» говорит о том, что боги общаются и беседуют с людьми посредством гениев и наяву и во сне⁶⁷; возможны пророческие сны, в которых человек видит истину прошедшего, настоящего и будущего⁶⁸.

Как же объяснить такую противоречивость этой странной субстанции — воды, сновидения, материи, — пред назначенной вроде бы лишь для неуловимых превращений и обмана? Как возможно откровение и истинное знание в этой неуловимой субстанции? Или иначе — каким образом разрешает Платон сомнения Пенелопы относительно возможности различать истинные и ложные сновидения?

Платон решительно отвергает гомеровское представление о том, что боги могут обманывать людей, и резко осуждает Гомера за то, что в эпизоде со сновидением Агамемнона Зевс предстает обманщиком: «*бог — это нечто вполне простое и правдивое и на деле, и в слове; он и сам не изменяется и других не вводит в заблуждение ни на словах, ни посылая знамения — ни наяву, ни во сне*»⁶⁹. Но если бог всегда посылает только истинные сновидения, значит, ложные появляются из-за самого человека, видящего сон. Это представление о том, что сон зависит от спящего, — полная противоположность объективности снов у Гомера.

В «Государстве» Платон объясняет зависимость сна от спящего своей теорией трех частей души — вожделеющей, яростной и разумной. Вожделеющее начало присутствует в каждом: «*какой-то страшный, дикий и беззаконный вид желаний таится внутри каждого человека, даже в тех из нас, что кажутся вполне умеренными; это-то и обнаруживается в сновидениях*»⁷⁰. Человек, который не пытается бороться со своими вожделениями, как правило, видит во сне исполнение своих дурных желаний: вожделение «*отваживается на все, откинув всякий стыд и разум. Если ему вздумается, оно не остановится даже перед попыткой сойтись со своей собственной матерью, да и с кем попало из людей, богов или зве-*

рей; оно осквернит себя каким угодно кровопролитием и не воздержится ни от какой пищи. Одним словом, ему все напочем в его бесстыдстве и безрассудстве»⁷¹.

Если же человек ведет разумный образ жизни, *соблюдает себя в здоровой воздержности и способен укротить вожделеющее и яростное начала, то во сне он «скорее всего соприкоснется с истиной и меньше всего будут ему мешаться всякие беззаконные видения. В этом случае благороднейшее в человеке, будучи спокойным и свободным от страстей, без помехи, само по себе, в совершенной своей чистоте стремится к исследованию и ощущению того, что ему еще не известно, будь то прошлое, настоящее или будущее»*⁷².

Итак, сновидения зависят от человека, и пророческие сновидения даются только тому, кто очищает свою душу от страстей и порочных желаний. Здесь действует излюбленный платоновский тезис⁷³: созерцаемое подобно созерцающему.

Выводы

Таким образом, у Гомера сновидения вполне объективны, т. е. независимы от видящего их; и именно с этим, как ни странно, связано скептическое отношение к ним, представление о невозможности отличить истинные сны от ложных, ибо боги по своей воле могут и обмануть смертных. Условия этого — не только их могущество, но и существование Онейроса, чистой способности к превращению, лишенной своей сущности. И страх перед произволом богов, и отсутствие у снов своей субстанции, делающее их похожими на отражающую все воду, рождают опасливое отношение к снам и недоверие к гаданию по ним; различить истинные и ложные сны невозможно. Сны у Гомера лишь подталкивают героев к действиям, но ничего им не открывают — за исключением аллегорического сна Пенелопы, по поводу которого поэт и говорит о вратах сновидений и о невозможности для смертного положиться на них.

У Платона же наряду с отрицательным отношением к снам (когда он связывает с ними неистинность чувственного мира) обнаруживается и совсем другое: возможны сны, открывающие истину, и они не вызывают у видевших их никаких сомнений. Каков же критерий их отличия?

Уже у Пиндара есть намек на то, что не образы, приходящие извне, посещают душу во сне, но она сама созерцает

нечто⁷⁴. А у Parmenides⁷⁵ вместо ворот, из которых вылетают истинные и ложные сновидения, мы обнаруживаем знаменитые ворота истины (знания) и лжи (мнения), в которые входит сам философ. У Платона эта точка зрения приобретает законченность: ложные сны возникают из-за дурных свойств невежественной души, а душа чистая, укротившая вожделение начало (т. е. душа философа), созерцает во сне истину. Гомеровские ворота снов, находящиеся далеко от спящего, на краю мира, переносятся в его собственную душу и становятся ее свойствами.

Сами же по себе сновидения по-прежнему лишены постоянной субстанции и открыты как для лжи, так и для правды; и это позволяет нам сблизить платоновские размышления о невидимом виде с гомеровским Онейросом, а что касается Гипноса, то Платон и сам сближает сон со своей идеей хоры.

Примечания

- 1 Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. Гл. 2. (Пер. автора, сокр.)
- 2 Eur. Iph. Taur. 1259–82.
- 3 *Mavtoσuνaν νυκυτὸν ἐξείλεν*, букв. отнял видное по ночам пророчество, textus receptus (по конъектуре Мусгравия); либо, по предположению Науки, ἀλαθοσuνaν etc., отнял видную по ночам истину (Eur. Iph. Taur. 1279).
- 4 Paus. I 34.
- 5 Strab. VI 284.
- 6 Strab. XIV 649.
- 7 Paus. IX 39.
- 8 Eur. Hec. 71–73.
- 9 Aristoph. Ran. 1331–1339.
- 10 Hes. Theog. 212 sq.
- 11 Hes. Theog. 756–759. (Пер. В.В. Вересаева.)
- 12 Hom. Od. XXIV 1–14. (Здесь и далее пер. В.А. Жуковского.)
- 13 Brelich A. The Place Of Dreams in the Religious World Concept of the Greeks // The Dream and Human Societies. Berkeley, 1966. P. 293–301.
- 14 Онианс Р. На коленях богов: Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе / Пер. Л.Б. Сумм. М., 1999. С. 52.
- 15 Hom. II. XIV 164 sq.
- 16 Verg. Aen. V 854–856. (Пер. С.А. Ошерова.)
- 17 Ovid. Met. XI 606 sq.
- 18 Онианс Р. Указ. соч. С. 52.
- 19 B 118 Diels.
- 20 A 19 Diels.
- 21 Plat. Resp. 621 a; Aen. VI 714 sq.
- 22 Achill. Isag. 3.
- 23 De insomniis Arist. 461a 8–25.

- 24 Hom. II XXIII 62 sq.
- 25 Ibid. XXIV 678 sq.
- 26 Ibid. II 6 sq.; 19, 34, 55–59.
- 27 Ibid. X 494–497.
- 28 Hom. Od. IV 794–841.
- 29 Ibid. VI 13–50.
- 30 Ibid. XIX 535–569.
- 31 Ibid. XX 57–90.
- 32 Hom. II. XXII 199–201. (Здесь и далее пер. Н.И. Гнедича.)
- 33 Hom. Od. XXIV 12 sq.
- 34 Hom. II. VIII 245 sq., X 275, XII 200 sq., 235 sq., XIII 820 sq., XXIV 360 sq.; Od. II 146 sq., XV 160 sq., 526 sq., XVII 160 sq., XX 243 sq., XXIV 311 sq.
- 35 Hom. II. XXIII 66 sq.
- 36 Ibid. II 57 sq.
- 37 Ibid. XXIII 100 sq.
- 38 Hom. Od. IV 838 sq.
- 39 Ibid. IV 413–422, 455–462.
- 40 Hom. II. II 56–59.
- 41 Ibid. II. 80–82.
- 42 Artemid. I 2. (Пер. М.Л. Гаспарова, В.С. Зилитинкевича.)
- 43 Hom. II. V 149 sq.
- 44 Kessels A.H.M. Studies on the Dream in Greek Literature. Utrecht, 1978. P. 22.
- 45 Hom. Od. IV 794–841.
- 46 Ibid. VI 13–50.
- 47 Ibid. XX 57–90.
- 48 Hom. Od. XIX 535–543.
- 49 Kessels A.H.M. Op. cit. P. 21, 24.
- 50 Hom. Od. XIX 543–553.
- 51 Ibid. 555–558.
- 52 Ibid. XIX 560–569.
- 53 Отметим, что эта игра слов на русском языке лучше, чем у Жуковского, передается в переводе данного места В. Вересаевым:
 «Те, что летят из ворот полированной кости слоновой,
 Истину лишь заслоняют и сердце людское морочат;
 Те, что из гладких ворот роговых вылетают наружу,
 Те роковыми бывают, и все в них свершается точно».
- 54 Eustath. ad loc. См. обсуждения материала ворот: Amory A. The Gates of Horn And Ivory //Yale Classical Studies 20: Homeric Studies. N. Haven, 1966. P. 3–57; Kessels A.H.M. Op. cit. P. 100–108; Haihberger E.L. The Gates of Dreams: An Archaeological of Vergil. Aeneid VI 893–9. Baltimore, 1940; Idem. Summary of Research // Proceedings of the American Philological Association № 46 (1945). P. XXXIII. Амори говорит, что эти образы были популярны в греческой традиции; Кессельс приписывает изобретение Гомеру; Хайбергер говорит, что ворота из слоновой кости были, возможно, чисто греческим образом, изначально соотносимым с воротами из облаков, — Гомер описывал их как путь на гору Олимп; ворота из рога, по его мнению, восходят к египетским и вавилонским ве-рованиям.

- 55 Amory A. Op. cit.
- 56 Фрейденберг О.М. Образ и понятие // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1998. С. 290 слл.
- 57 Tigner S. Plato's Philosophical Uses of the Dream Metaphor // American Journal of Philology № 91 (1970). P. 204–212.
- 58 Plat. Apol. 31a; Rep. 534bd.
- 59 Plat. Rep. 476cd.
- 60 Ibid. 520bc.
- 61 Ibid. 533bc.
- 62 Plat. Tim. 50ac.
- 63 Ibid. 50c–51b.
- 64 Ibid. 52b.
- 65 Ibid. 52ac.
- 66 Plat. Criton 44ab; Phaed. 60e–61b.
- 67 Plat. Symp. 203a.
- 68 Plat. Rep. 571c–572b; Tim. 71ae.
- 69 Plat. Rep. 382e–383a.
- 70 Ibid. 572b.
- 71 Ibid. 571c.
- 72 Ibid. 571c–572b.
- 73 Cp.: Plat. Tim. 90d.
- 74 Pind. F 131.
- 75 F 1 10 sq.

Л.А. Софронова

Сны и видения Г. Сковороды

М

ожно было бы предположить, что украинский философ Г. Сковорода, создавший концепцию трех миров (человек, мир, Библия), которого наделяли различными таинственными способностями, называли теомантом, испытавшим все переходы вдохновения, о котором В. Эрн писал, что «природа была благосклонна к своему верному сыну и наделила <...> какой-то особой чрезмерной остротой чувства и необычайно тонкой восприимчивостью даже к тайным, для других незаметным, движениям – как физической, так психической среды¹, с особым интересом относился к категории сна. Но Г. Сковорода если и обладал вышеупомянутой остротой чувства, то направлял его на познание высших истин и не вкладывал в сон как таковой значительных смыслов. Хотя его ученик, М. Ковалинский, передает слова философа о том, что душа человеческая может достичь такого состояния, когда, «пре-

исполняясь внутренно, являет в воображении состояніе бытія человѣческаго иногда одобрительно, иногда наказательно, увѣщательно, предварительно и указательно². К этим словам сделан развернутый комментарий о вещах снах Сократа. Сам Г. Сковорода, правда, описал несколько своих и чужих снов (или сконструировал их), но только для подтверждения своих основных идей. Дважды в диалоги философ ввел видения, которые целесообразно рассмотреть одновременно со снами. Сны образуют самостоятельные эпизоды в повествовании или в письмах. Видения претендуют на положение жанра. В остальном сон для Г. Сковороды был концептом кода зрения, а также таких смысловых оппозиций, как *видимое/невидимое, тайное/явное, жизнь/смерть*. Именно в этом ракурсе тема сна разработана наиболее подробно.

Концепт сна присутствует в сочинениях Г. Сковороды всегда с отрицательным значением. Он применяется по отношению к человеку, к его жизни и смерти, к миру и вещи. Они все могут пребывать в состоянии сна. Не спит и никогда не дремлет блистающее зарей око Господне. Оно, всевидящее, недремлющее всего мира око, светится везде, и в нем «высокое веденіе утаевается»³. Этот концепт обладает способностью к взаимодействию с другими концептами, которые он может даже заменять, как, например, концепт тени. По крайней мере, он всегда с ним соседствует, например, когда философ определяет вещь: «Кто скрыт, тот остается; что является, то сон и тень. Итак, то, что скрыто, есть вещь: что является он ничто». Также и мир, его «великая машина» есть «сновидение и тень»⁴. Мир, будучи сном и тенью, пуст; и хотя пребывает в движении, он стремится заснуть, что не идет ему на пользу. Его сон и покой — мертвавая неподвижность. Сам спящий мир поэтому — «неживая мертвечина». Так сон сближается со смертью. Философ ужасается, вообразив мир в таком покое, родственном смерти. Он не имеет на это права, ему этого не дано, но «весь мір спит... Да еще не так спит, как о правѣдникѣ сказано: «Аще падет, не разбѣется...». Спит глубоко, протянувшись, будто ушибен об нея»⁵. И никто не хочет его беспокоить, чем он и доволен. Только Господь стремится пробудить его. Не спит мир только, когда уловляет в свои сети человека. «Не спит ловец. Бодрствуй и ты»⁶ — призывает и предупреждает Г. Сковорода. Спящий мир легко превращается в мертвца. Так вновь оппозиция *жизнь/смерть* поддерживает его ха-

ктеристику. Философ просит не винить мир, потому что «отнят сему плѣннику кураж, избодено око, прегражден путь; связала вѣчными узами туга его»⁷, что сделал дьявол. Потому мир холоден, как лед, к премудрости Божией, глух, как аспид, и не слышит слов Господа.

Вместе с миром клонится ко сну человек, который и сам оказывается сном, ибо сон — всякая плоть, а также смерть, тень и мечта: «И мы не иное что есмы, развѣ мечта, сон, смерть и суета?»⁸. В другом месте сказано, что «всяк человѣк ложный — сѣнь, тма, пар, тлѣнь, сон»⁹. Философ находит основание для подобной дефиниции в опоре на оппозицию *вечность/время*: человек «ищезает, как сон...»¹⁰. Нахождение человека в состоянии сна, естественно, в символическом плане, описывается Г. Сковородой как чрезвычайно опасное. Особенno это касается книжников, не вникающих в суть Библии, но только спящих на ней. «Лежачее положение <...> знак демобилизованности, пассивности, отключенности от внешних импульсов, как, впрочем, в значительной степени и от внутренних»¹¹. Лежащий в духовном смысле человек не живет жизнью духа, он — труп, и потому его можно назвать движущимся мертвцом. Движения, которые он производит, — чисто внешние, внутренне же такой человек неподвижен. Так концепт сна взаимодействует с кодом движения, и движение без движения становится основой оксюморона. Образ человека, находящегося в состоянии сна, вызывает к действию оппозицию *жизнь/смерть*. Тогда человек, внешний, «наружный», «земляной», становится не просто мертвцом, но спящим мертвцом, к которому философ обращается не иначе, как «ленивый дремлюк». Этот «дремлюк», подобно миру, также является тенью, которую философ объявляет знаком, «иконой» всего сущего. Таким же знаком является и сон.

Соответственно и душа такого человека становится трупом: «Труп лежацій есть образом души, в унылу отчаянность поверженныя. Тогда она, как стерво, лежит дол в плачевной стужѣ и скрежетѣ, лишена животворящаго теплоты духа и жизненных проворности»¹². К «дремлюку» с душой-трупом постоянно взыскивает апостол Павел: «“Востани, спай, и воскресни от мертвых...”. Разбій сон глазам твоим, о нещасный мертвец!»¹³. Он будит его к жизни внутренней: «Вот нас, спящих на землѣ пробуживает Павел: «Выших ищите! Горняя мудрствуйте!» <...> Пробуживает и Йеремія вот как: «Почто мы сѣдим?”»¹⁴. Человеку же благовестит пророк

Исайя: «Востань спящий...»¹⁵. Философ и сам все время призывает человека пробудиться: «Пробудися же теперь мыслю твою»¹⁶. Он утверждает, что человек, возлюбивший Бога, не уснет, т. е. не умрет, но лишь изменится. Если же этого не произойдет, то он никогда не восстанет от «сна гробов»¹⁷, хотя он должен быть подобен горлице, не знающей сна, которая «не спит и вздыхает <...> на уединенных вътвах»¹⁸. Не менее угрожающая ситуация развивается, когда человек принимает сидячее положение: «А как нещасное дѣло есть сидѣть и быть колодником в темницахъ»¹⁹. И в этом положении человек остается трупом, а сидячее положение становится равным сну: «Труп наш сидит и почивает, а сердце наше течет»²⁰. Только тот, кто стоит и бодрствует, находится в «точном благополучии»²¹.

Не только мир и человек, но и вся жизнь человеческая подобна сну, потому что человек засматривается «на слѣпую моду, не на мановеніе прозорливыя природы»²². Здесь философ обращает внимание на кратковременность сна, опять подключая смысловую оппозицию *время/вечность*. В жизни все исчезает, все проходит как сон: «Жизнь временная есть сон мыслящей силы нашей. В продолженіи сна сего радости и печали, надежды и страхи касаются в мечтаніи чувствія нашего. Прийдет час, сон кончится, мыслящая сила пробудится, и всѣ временные радости, удовольствія, печали и страхи сей временности изчезнут. В иной круг бытія вступит дух наш, и все временное, яко сонie востающего, уничтожится»²³. Давно известный топос — жизнь есть сон — Г. Сковорода, как всегда, стремится преобразить и развить. Он спрашивает своего ученика, приходилось ли ему видеть сны, «приятныя или страшныя» и заявляет, что жизнь, впрочем, как и мир, является «сонiem востающего», освобождающим от призрачности всего земного. Подобное уточнение на основе вне-лингвистической ситуации сообщает категории жизни не только понятия временности и иллюзорности, но и выхода из сна, что очень важно. Противопоставляя сон пробуждению, Г. Сковорода замечает, что есть и «востаніе во сні»²⁴.

Хотя философ по традиции и смерть именует сном, при этом сном главным: «Что же паки есть смерть, аще не от снов главный сон?»²⁵, он гораздо чаще называет смерть «проснутием»: «Проснутие уничтожило всѣ радости и страхи сонной грезы. Тако всяк человѣк по смерти»²⁶. Таким образом, для описания категории смерти требуется как концепт сна,

так и связанный с ним концепт пробуждения. Концепт сна используется и для характеристики ада и даже ставится с ним в один ряд: «Развѣ думаешь не одно то:nevѣденіе, ночь, сон, глад, меч, мученіе, смерть, ад?»²⁷. Также муки души сравниваются со страшными снами и мечтами, «ужасными привидѣній театральными и дикообразными страшилищами»²⁸. Итак, концепт сна несет в себе значение смерти, иллюзии (видимости, на языке Г. Сковороды), неподвижности, кратковременности. Он тесно связан с концептами пробуждения и «сонія», т. е. сна не как состояния, а как сонного видения.

Примечательно, что, когда Г. Сковорода обращается к библейским сюжетам например, к толкованию снов фараона Иосифом, он отвлекается от сделанных им предсказаний и приходит к выводу о том, что сон здесь означает ночь и тень, тьму египетскую. Однажды философ заметил: Авраам начал понимать, будто во сне, что есть во тьме свет и в песке камень.

Наряду с разработкой концепта сна философ обращается к сну и к видению, превращая первый в композиционный прием и представляя второй как жанр. Эти сны и видения лишены неопределенности, расплывчатости и неясности. Они предельно четки — в них очерчено пространство, выделена вещь, цитируется слово, звучат светская музыка и церковные песнопения. В них реализуются общие идеи о мире, Боге и дьяволе и, что очень важно, о собственном предназначении Г. Сковороды. Последняя тема поддерживается также сном его ученика, Михаила Ковалинского, изложенным в жизнеописании учителя.

Диалог «Брань архистратига Михаила со сатаною о сем: легко быть благим» (1783) сам Г. Сковорода, в последних его строках, определяет как видение: «Сіе видѣніе аз, старець Даніил Варсава, воистину видѣх. Написах же во просвѣщеніе невѣждам блаженнымъ»²⁹. Видение описано очень конкретно, снабжено подробными комментариями на темы атмосферы и «фарійской» пирамиды, об акафистах Богородице и Давидовых псалмах. Их дополняют цитаты из Эпикура и Еврипида, толкования греческих слов. Оно распадается на две законченные части. Первая – борение архистратига Михаила с сатаной. В ней сжато представлено сражение сатаны с «нетопырскими» крыльями, пытающегося вновь взлететь к небесам, и архистратига Михаила. Последний, воздев «молніевидное копіе», побеждает «домашняго врага». Вторая часть – развернутая беседа «архивоинов».

После битвы архистратиг Михаил с другими архангелами восседает на «благокруглой» радуге и ведет «ангельские» беседы о Боге и человеке, уличая дьявола и мир, находящийся в его тенетах. Они повествуют притчи и воспевают песни Господу. Перебивая друг друга, рассуждают о противостоянии вышних сил силам ада, сокрушаются о грешниках. Их беседа повторяет многие рассуждения Г. Сковороды из других его диалогов, но она от них отличается, так как философ снабдил ее некоторыми элементами сюжетной структуры, заставив архангелов стать наблюдателями того, что творится на земле. Разговор «небесных архивоинов» прерывается, и вот архангел Гавриил «возблаговестил» (отметим появление высокой лексики, что отнюдь не всегда свойственно Г. Сковороде при описании сил небесных). Он призывает своих любезных братьев взглянуть на землю. Так происходит смена точек зрения, и теперь уже не философ наблюдает за тем, что происходит на небесах, а архангелы взирают на землю. Теперь философ — уже не только наблюдатель, как он сам о себе заявил, но и объект наблюдения. Онведен в художественное пространство видения в образе странника и представляет себя со стороны. Так входит в действие типичный для поэтики барокко принцип двойного отражения.

Философу представляется, как архангелы — Михаил, Гавриил, Рафаил — наблюдают за ним, и он фиксирует их реакцию. Один из них призывает увидеть праведника, «грядущего» (вновь обращение к высокому стилю. — Л. С.) по земле. Так задается противопоставление греховности и праведности, и носителем праведности в этом эпизоде оказывается Григорий Сковорода. Тема праведности конкретизируется и вводит его в мир сакральных ценностей. Путник полон истинной радости, как всякий праведник: «Шествует со жезлом веселыми ногами и мѣстами и спокойно воспѣвает: “Пришлец аз есмъ на земль, не скрый от мене заповѣдей твоих”»³⁰. Веселые ноги, жезл, а не посох, который есть «господь страстей и вожделѣний его»³¹, — это все библейские образы, соотнесенные со странником. Архангелы наблюдают, как он осматривает окрестности, «обращает очи то надесно, то налево, то на весь горизонт», как он почивает, вкушает «безпритворную» пищу, которой он сам придает вкус, «как искусный пѣвец простой пѣснѣ»³². Они стараются расслышать его песнь: «“Не слышите ли, что сей пѣшеходец поет?”». «Как не слышать?» — воскликнули архан-

глы. — Он руками машет и поет пѣснь сию: «На пути свидѣній твоих насладихся, яко во всяком богатствѣ»³³. Очевидно, что описанная ситуация происходит в свернутом времени, и Г. Сковорода делает попытку вписать ее в вечность, чтобы подойти поближе к небу. Архангелы взирают на него как на «милейшее зрелище» и видят, что сердцем он пребывает на небесах. «День его — вѣк ему и есть яко тысяча лѣт», «он по міру паче всѣх нищій, но по Богу всѣх богатѣй»³⁴. Эта характеристика праведного странника уверенно приближает его к наблюдателям, и они наконец узнают его: «Сей есть друг наш — Даниил Варсава»³⁵.

Григорий Сковорода назван в этом эпизоде по имени, построенным на смешении его собственного имени и имени воображаемого двойника, Даниила Мейнгарда.

Затем небесное воинство радостно смеется, и на этом заканчивается эпизод со странником. Контактов с вышними силами не происходит, но уже то, что они, там, наверху, узнали философа, свидетельствует о явной тенденции к сакрализации образа автора видения. Таким образом, оно возвышает его и связывает землю с небом. Его путь по земле имеется спасительным, которому противопоставлен пустой, или левый, путь мира. Путнику-праведнику также противопоставляется ряд грешников, появляющихся в его видении. По окончании этого «парада» страстей архангелы удаляются «в горня», и Г. Сковороде остается только подтвердить, что все написанное он «воистину видѣх».

На столь же высокой ступени находится образ философа в видении, представшем перед его учеником, М. Ковалинским, который зафиксировал его в сочинении «Жизнь Григория Сковороды». Это видение, которое ученик называет сном, носит явно панегирический характер и вновь вводит Г. Сковороду в сакральное пространство. Это видение можно рассматривать также как своего рода духовное наставничество учителя, принять слова которого готовится ученик. Он размышляет о правилах, которые внушил ему Г. Сковорода, ставит себя «в возможную чистоту сердца»³⁶ и желает, чтобы кто-нибудь просветил его в истине. В таком расположении духа его взору представляется небо, не населенное ангелами или архангелами. Вышние силы не изображаются, зато «по всему пространству оного, были написаны золотыми великими буквами слова»³⁷, светящиеся изнутри. При внимательном рассмотрении оказывается, что эти слова не написаны последовательно, но даны «складами, по слогам:

«память — святых — мученик — Анания — Азария — Мисаила»³⁸. Можно предположить, что подобное написание имен трех отроков намекает на архаическую подоснову — собирания из отдельных букв слова³⁹. Эта надпись косвенно указывает на имя, избранное Г. Сковородой — Даниил (Мейнгард) — и отсылает к книге пророка Даниила. Она же напоминает о любимом песнопении Григория Сковороды: «Образу златому на полѣ Деирѣ служиму трѣ твои отроцы не брегоша безбожного велїнія»⁴⁰. Этот стих Иоанна Дамаскина сопровождал его всю жизнь, и он — как пишет М. Ковалинский — часто напевал его по «махинальному побужденію». Он сам говорил своему ученику, что «всегда почти имѣл в устах его и, сам не зная почему, любил его паче прочіих пѣній»⁴¹. У М. Ковалинского Григорий Сковорода, как и в его собственном видении, находится на земле. Но если в видении учителя он только замечен свыше архангелами и контакта с ними не происходит, то здесь золотые искры с небесных букв стремительно падают на него. Если в первом видении он слышит слова, то теперь священные буквы осеняют его свыше.

В этом эпизоде Г. Сковорода утрачивает приметы наставника, а приближается к ипостаси пророка, на что указывает его особая каноническая поза. Как пишет М. Ковалинский, философ стоит «на земли, подняв вверх прямо правую руку и лѣвую ногу, в видѣ проповѣдующаго Иоанна Крестителя, котораго живописцы нѣкоторые в изображеніях представляют в таком расположениѣ тѣла и каковым Сковорода тут же мнѣ вообразился»⁴². Таким образом, через обращение к иконографии проводится скрытая параллель между учителем и Иоанном Предтечей. Г. Сковорода на земле стоит не один, по правую руку находится ученик, видящий этот сон. Некоторые искры с неба падали и на него и «производили(...) нѣкую легкость, развязанность, свободу, бодрость, охоту, веселость, ясность, согрѣяніе и неизъясняемое удовольствие духа»⁴³. Михаил Ковалинский не только построил законченный эпизод видения, но и вообще не раз уверял, что на его учителе почивал дух Божий, что он всегда прислушивался к «тайному гласу внутреннему». Он говорил о святости его жизни, сравнивая с апостолом Павлом.

Этот сон по традициям барочной поэтики не остается без толкования. Как пишет М. Ковалинский, он рассказывает его троицкому священнику Борису, лицу реальному, не раз упоминаемому Г. Сковородой в письмах; у него «имѣл квар-

тиру» сам рассказчик. Священник объясняет, что виденный им муж послан от Бога быть ангелом-руководителем и наставником. Появление отца Бориса обреальнивает сон (он, кстати, приходился родным дядей М. Ковалинскому), и его слова дают все основания видеть в учителе духовного водителя, чей труд на земле благословило небо.

Если первые два видения связывают образ философа с небесными силами, то в диалоге «Пря бѣсу со Варсавою» перед ним является Даймон: «Тогда во пустынѣ явися мнѣ бѣс от полчища оных: «Кленущу душу нечестивому сатану, сам кленет свою душу». Имя ему Даймон»⁴⁴. Здесь философ также назван по имени — Варсава, образованного от еврейского — бар — и имени его отца. Варсава вступает в яростный спор с Даймоном, что связывает это видение с первым, в котором шло сражение архангела Михаила и сатаны. Только здесь оно перенесено на уровень слова. Во всем остальном это видение отличается от предыдущих, где художественным пространством выступал христианский космос и земля соприкасалась с небом. Здесь пространство никак не маркируется. В первом видении его населяет группа персонажей, во втором их количество резко уменьшается, а в третьем вообще сводится до двух участников диалога. Первое видение является собой синтез различных типов слова, произнесенного, спетого. Второе переводит его в слово письменное и обогащает обращением к сакральному изображению. Третье видение построено только на произнесенном слове, причем на слове диспута, да и само оно — типичный школьный диспут, только лишь названный видением. Отсылка к жанру разрешает Г. Сковороде ввести потусторонние силы, которые обычно явно не присутствуют.

Даймон выстраивает свод «антитезисов», необоснованность которых очевидна и которые разбивает Варсава. Он рассуждает о «многолюдії» преисподнего жительства по сравнению с небесной «пустыней», выискивая тому причину: «Претрудно быть жителем небесным»⁴⁵. Постоянно сравнивает трудное и легкое, нужное и ненужное. Говорит о царствии небесном, о его тесных вратах. Вступает в диспут на темы: что есть зло, что есть бремя, что такое воля человека. Таким образом, в словопрениях вырисовываются оппозиции *истина/ложь, трудное/легкое, нужное/ненужное*.

Даймон постоянно демонстрирует свою ученость, сыплет латинскими цитатами и греческими словами. Он цитирует Библию, непременно изворачая ее смысл или переиначивая

известные высказывания, как в этом случае: «Блаженни богатый, яко тѣх есть царство всяких утѣх»⁴⁶. В бытовой контекст вводит сакральное слово: «Начаша глаголати иными языки»⁴⁷. Даймон склонен к «блядословію», ведущему к вратам адовым. Мир пустого слова — это его мир. Его напыщенные, «темноречивые» высказывания вызывают смех у собеседника. Он способен и к ироническим суждениям,ывает нарочито просторечив, наивно изображает доверительность. В итоге возникает зияние между речевой характеристикой Даймона и его истинной природой, что создает комический эффект, например, когда он с пристрастием допрашивает философа, не он ли написал тридцать притчей и подарил их некоему Афанасию Панкову. Хвалит его за чудесный слог. Сердится и обзывает сатаной, восклицая: «Не прекох ли, яко бѣса имаши? Воньми, о бѣсне!»⁴⁸. Таким образом Даймон стремится сократить дистанцию между собой и человеком (Варсава даже обращается к нему: «Друже и враже мой!»), что приводит к усилению его комической функции, типичной как для народного, так и для школьного искусства. Как и полагается, он не прочь поколотить собеседника: «А тебе удареніе, Варсаво»⁴⁹. Правда, его удары кажутся Варсаве «младенческими». Все попытки Даймона победить Варсаву тщетны, и он выходит из спора победителем, подобно тому, как выходит победителем архангел Михаил.

Даймон, или дьявол, еще раз появляется, но уже не в видении, а во сне философа. Перед тем как пересказать этот сон в письме ученику, Г. Сковорода повествует о встрече с монахом, мучимым бесом меланхолии, любителем уединения и трезвости, который, будучи в миру, пережил страшное испытание — смерть жены. «Бес в присутствии моем и моей тещи поверг на землю мою жену и лишил ее жизни», — рассказывает он. По словам монаха, бес вселился в его жену потому, что она была обята страхом после пожара, случившегося в доме, — тогда в нее вселился демон страха, «понародному — переполох»⁵⁰. В этом отрывке бес появляется воочию, и его поведение интерпретируется в терминах народных поверий. Отрывок не изолирован от дальнейшего повествования. Г. Сковорода уверяет, что монах передает ему «большую часть своего демона», начавшего и его мучить страхом смерти и предстоящих несчастий. После этого вступления философ описывает свой сон. Ему привиделся бесенок, преследовавший его: «Я убегаю, он нападает на тебя; пока я помогаю тебе, опять подвергаюсь его нападению,

увертываюсь и едва спасаюсь»⁵¹. Этот сон насыщен только движением, передающим смысл борьбы человека с дьяволом. Отсутствие конкретных примет пространства, а также слова делают этот эпизод более всего похожим на сновидение. Тема борьбы с дьяволом, которую должен вести всякий человек, заменяется темой бегства от дьявола, что является «правильным» поведением человека.

Г. Сковорода не уходит из мира снов и далее излагает еще один, который условно можно назвать филологическим. Он также обладает определенными признаками подлинного сна: философ никак не может вспомнить имя поэта, стихи которого ему предложили комментировать. Так, не оставляя темы борения с дьяволом, Г. Сковорода вводит филологическую тему. В этом сне он видит себя вооруженным «ценнейшим и художественно выполненным серебряным копьем»⁵², с которым он движется к великолепному дворцу. Упоминание о копье явным образом связано с темой вечно-го сражения с дьяволом. Во дворце философа ожидают. Телохранители, стоящие у ворот, следят за тем, чтобы ему никто не мог воспрепятствовать войти внутрь. Затем философа просят комментировать стихи. Услышав просьбу и среагировав в основном на указание, что он должен сделать это, чтобы рассеять скуку, философ не может ее выполнить и заливается слезами. Рыдая, он говорит, что нельзя требовать утешения от поэтов, минуя Бога. Бог — везде и во всем, даже в черепке, лежащем на земле, но также и в человеке. Поэтому лучшее из творений должно искать утешения в самом себе, ибо Бог — в нем. Так определяется место поэзии в мире. Она находится между человеком и Богом. Этот сон сам Г. Сковорода трактует как пребывание «во чреве морского зверя, если <...> зверь есть дьявол»⁵³. Дьявол этот — меланхolia, скука, с которыми философ собирается с увлечением сражаться всю свою жизнь.

Если предыдущие видения и сны изображают силы небесные и силы зла, то следующий сон (существующий в двух редакциях — самого Г. Сковороды и его ученика М. Ковалинского) вводит тему жизни человеческой: во сне ему «казалось будто различніи охоты житія человѣческаго по разним мѣстам»⁵⁴ рассматривает. Г. Сковорода настаивает на подлинности сна и точно указывает время и место, где этот сон он увидел: «В полночі ноября 24, 1758 года, в Кавраї»⁵⁵. Этот сон имеет сюжет, развивающийся в конкретном пространстве: чертоги — улицы — постоянный двор — храм. В

чертогах — роскошные покои с зеркалами, богатые постели; в постоянном дворе — «лошади, хомуты, сена»⁵⁶; храм — обширный и прекрасный. Это пространство насыщено движением персонажей. Повсюду мелькают люди в прекрасных нарядах и масках, веселятся и танцуют под музыку, любуясь своими отражениями в зеркалах. Они бегают из одного покоя в другой. Люди попроще шатаются по улицам с «плящиками», «шумя, веселясь, валяясь, как обикновенно в простой чернѣ бывает; так же и амурні дѣла сродным себѣ образом»⁵⁷ совершаются. В храме служится литургия, звучат песнопения. Эти отдельные эпизоды сна объединяются общей точкой зрения наблюдателя-философа.

Можно было бы предположить, что эпизод в храме, наиболее подробно описанный (даже точно названы день службы и литургические песнопения), станет традиционным дидактическим «сном» и закончится назиданием грешникам. Этого не произошло. Г. Сковорода представляет себя участвующим в службе, кланяющимся до земли, испытывающим невообразимую «сладость духа». Но храм, оказывается, осκвернен пороками, здесь бродит «сребролюбіе с карнавкою», и священнослужители во время литургии предаются чревоугодию, поедая «мясні обѣды». Чревоугодие перерастает в чудовищное жертвоприношение, противопоставленное священной трапезе, т. е. причастию. Так как алчущим недостает мяса животных, они пожирают человека в черной «свите» до колен и бедных сандалиях, «держа при огнѣ». «Коего смраду и скверного свирѣпства я не терпя, с ужасом отвращая очи, отшелъ»⁵⁸, — заключает свой рассказ философ. Интерпретация этого сна очень сложна. В жертве можно видеть и самого Г. Сковороду, порой гонимого церковью за мнимую ересь, и обобщенный образ истинного служителя церкви, противопоставленного порочным.

Итак, видение и сон у Г. Сковороды служат для представления основной антитезы христианского мировидения, Бога и дьявола. Как ни парадоксально, именно в снах и видениях образы их конкретизируются, а вечное сражение между ними приобретает конкретное выражение. Видение и сон — это средство перевести общую концепцию, с одной стороны, в план иллюзорности, а с другой стороны — видимости, т. е. обреальность ее. При этом не следует забывать, что видимость для Г. Сковороды всегда мнимая, т. е. подобна сну. Так сон и видение оказываются равными по значению с видимостью, а следовательно, и со всем миром, на

который взирает с опаской человек. Сны и видения потому так и конкретизированы, так насыщены приметами пространства, населены вещами и людьми, отнюдь не статичными, а находящимися в различных типах движения. Поэтому они обогащены изображением, притом сакральным, в них постоянно звучит музыка. Им приданы приметы реального, видимого мира, но мира временного и исчезающего. Снам и видениям философ поручает не только ведущие идеи своей концепции, но также и те, которые он не выразил бы прямо, в том числе идею его особости в «земляном» мире и причастности к миру духа. Он не мог бы заявить о себе непосредственно, но сны позволяют ему это сделать. Они привиделись ему, значит, были посланы свыше, и потому он не говорит о себе, а лишь передает те сообщения, которые им были получены в состоянии сна.

Работа выполнена при поддержке РFFI, грант № 98-06-80053

Примечания

- 1 Эрн В. Жизнь и личность Григория Саввича Сковороды // Лики культуры: Альманах. Т. 1. М., 1995. С. 345.
- 2 Ковалинский М. Жизнь Григорія Сковороды // Григорій Сковорода. Повне зібрання творів. Т. 2. Київ, 1973. С. 444.
- 3 Григорій Сковорода. Повне зібрання творів. 1-2 т. Київ, 1973, 1. С. 390.
- 4 Григорій Сковорода. Соч.: М., 1973, 1. С. 74.
- 5 Григорій Сковорода. Повне зібрання. С. 136.
- 6 Там же. 2. С. 119.
- 7 Там же. 2. С. 64.
- 8 Там же. 1. С. 189.
- 9 Там же. 2. С. 43.
- 10 Там же.
- 11 Топоров В.Н. Об одном парадоксе движения. Несколько замечаний о сверхэмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 43.
- 12 Григорій Сковорода. Повне зібрання, 1. С. 284.
- 13 Там же. С. 189.
- 14 Там же. 2. С. 164.
- 15 Там же. С. 301.
- 16 Там же. С. 175.
- 17 Там же. С. 237.
- 18 Там же. С. 260.
- 19 Там же. С. 189.
- 20 Там же. 2. С. 54.
- 21 Там же. 1. С. 189.
- 22 Там же. С. 438.

Сны и видения в опере

- 23 Ковалинський М. Указ. соч. С. 470.
24 Григорій Сковорода. Повне зібрання. 2. С. 14.
25 Там же. С. 112.
26 Ковалинський М. Указ. соч. С. 470.
27 Григорій Сковорода. Повне зібрання. 1. С. 403.
28 Там же. С. 112.
29 Там же. 2. С. 84.
30 Там же. С. 66.
31 Там же. С. 73.
32 Там же. С. 66.
33 Там же. С. 67.
34 Там же.
35 Там же.
36 Ковалинський М. Указ. соч. С. 451.
37 Там же.
38 Там же.
39 Топоров В.Н. Проглас Константина Философа // Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995. С. 55.
40 Ковалинський М. С. 440.
41 Там же. С. 452.
42 Там же. С. 451.
43 Там же.
44 Григорій Сковорода. Повне зібрання. 2. С. 85.
45 Там же. С. 62.
46 Там же. С. 70.
47 Там же. С. 94.
48 Там же. С. 88.
49 Там же. С. 94.
50 Григорій Сковорода. Сочинения в двух томах, 2. С. 264.
51 Там же.
52 Там же. С. 265.
53 Там же.
54 Григорій Сковорода. Сочинения в двух томах, 2. С. 429.
55 Там же.
56 Ковалинський М. Указ. соч. С. 445.
57 Григорій Сковорода. Повне зібрання. 2. С. 429.
58 Там же.

П

роисхождением опера обязана мистерии, что доказывается близостью ее оратории, возникшей непосредственно на собраниях Конгрегации ораториан — правоверных католиков, прославляющих Бога в «неформальной обстановке». Мистериальный момент остался в опере навсегда. Нет ни одной по-настоящему реалистической оперы: в лучшем (или худшем) случае «иной» мир показан через безумие одного из персонажей.

Если верить учебникам, то возникла опера в самом начале XVII в., правда, под названием *dramma per musica*. Само слово *орега* (по-итальянски означает «работа, дело», «произведение») появилось только к концу XVII в. в Венеции. XVII в. называют веком барокко, а барокко само по себе довольно сложное явление даже в психологическом смысле: барочные произведения искусства напоминают старую королеву, которая прячет безумный страх перед надвигающей-

ся смертью под неимоверной роскошью одеяний и толстым слоем пудры на искаженном гримасой лице.

С самого начала опера обнаруживает необыкновенное пристрастие к двум античным сюжетам: «Орфею» и «Дафне». Простое перечисление уже может дать некоторое представление: «Дафна» — первая опера на текст О. Ринуччини, музыку к которой писал Я. Корси, а затем Я. Пери (1594), две «Эвридики» на текст О. Ринуччини, композиторы Я. Пери и Дж. Каччини (1600, 1601), «Дафна» М. Гальяно (1608), «Орфей» К. Монтеверди (1607), «Смерть Орфея» С. Ланди (1619), «Свадьба Орфея и Эвридики» Л. Росси (1642), «Дафна» Г. Шюца, его же балет «Орфей и Эвридика», «Аполлон и Дафна» Дж. Бонтемпи (1671) и т. д., вплоть до «Орфея» К.-В. Глюка, написанного уже в XVIII в. Конечно, оба сюжета имеют самое непосредственное отношение к музыке: Орфей играл на лире, а Дафну преследовал Аполлон — покровитель искусств, да и сама Дафна превратилась в лавр, венки из которого возлагались на головы достойнейших поэтов и музыкантов. Иногда Дафна, Орфей и Аполлон встречались в одной опере, например «Орфее» Монтеверди, где Дафна оказывалась подругой Эвридики, сообщающей Орфею о ее смерти, а Орфей хотя и терял возлюбленную, но не возвращался на землю, а возносился на небеса, где его встречали Аполлон и другие небожители.

Античность не просто поставляет подходящие сюжеты для опер, но играет роль значительно более глубокую. Если оратории создавались участниками католических собраний, то оперы возникали в среде Академий, носивших весьма претенциозные названия: Академия Возвышенных, Очарованных, Неподвижных, Аркадских пастушков и т. д. Участники Академий чувствовали себя приобщенными к некой тайне, превращавшей художественные «кружки» в мистические братства.

Действительно, сюжеты «Орфея» и «Дафны» восходят к религиозному учению орфиков, возникшему в VI в. до н. э. в Древней Греции и представляющему собой своеобразный синтез греческой мифологии и древневосточной мистики. Три мистериальных момента можно выделить из любимых оперных сюжетов: мотив нисхождения в царство мертвых с последующим возвращением; доктрину метемпсихоза (переселения душ, в данном случае душа Дафны из нимфы переселяется в лавр) и, наконец, запрет оглядываться назад, чтобы не увидеть больше того, что дозволено высшими силами.

Сокровенный смысл античных мистерий заключался в перерождении души, высвобождении ее из чувственно-материальной оболочки и приобщении к высшим существам.

Конечно, античные феномены не могли быть воспроизведены «дословно» в XVII в. «Эвридика» Якопо Пери, поставленная во дворце Питти во Флоренции по случаю празднования свадьбы Марии Медичи с Генрихом IV, заканчивалась возвращением Эвридики Орфею, что материалистически ориентированные музыканты объясняют требованием момента, где трагическая связь была бы недопустима. Вероятно, можно было подобрать другой сюжет, изначально содержащий счастливую связь, зачем же понадобилось ставить именно «Эвридику»? Конечно, мысль о бессмертии любви, выраженная в сюжете «Орфея», привлекала организаторов свадебного торжества, однако в «исправленном» варианте можно обнаружить и совсем иные смыслы. Под античной оболочкой скрывалась христианская и возрожденческая проблематика. Ведь Христос тоже спускался в преисподнюю между своей смертью на кресте и воскресением, и спускался он затем, чтобы вывести из ада прародителей человечества Адама и Еву. Эпоха Возрождения, преклонявшая перед античной философией, поставила вопрос о спасении всех добродетельных людей, живших до Рождества Христова, и прежде всего «языческих философов». Трехчастная структура «Орфея» оказывалась, таким образом, метафорой самого Возрождения, объявившего средние века тьмой, простирающейся между светом античности и Ренессанса. Запрет оглядываться назад, нарушенный Орфеем (в тех операх, где трагическая связь сохранена), и мотив превращения, задействованный в «Дафне», также имеют христианский (или, точнее, библейский) эквивалент. Вспомним о жене Лота, которая оглянулась на полыхающие в огне Содом и Гоморру и превратилась в соляной столб. Инфернальный момент, потустороннее бытие обладают действенной силой, способной захватить души сомневающихся или сожалеющих о прошлом. И новое время, отсчет которого начинается в XVII в., весьма склонно пессимистически относиться к возможности человека переродиться, пройдя через обряд инициации, составляющий сокровенный смысл мистерии.

Генри Пёрселл, английский композитор, написавший оперу «Дидона и Эней», радикально изменил известный сюжет «Энеиды» Вергилия. Центральная картина оперы изо-

брожает мрачную пещеру колдуны, которая ненавидит и проклинает любовь. Колдунья не может наблюдать счастье Диодоны и Энея и решает сотворить призрак Меркурия, который якобы от имени богов должен изложить Энею приказание оставить Диону. Эней подчиняется мнимому Меркурию и отплывает от берегов Карфагена. Диодона умирает, не в силах жить без любимого, но и Эней гибнет (вопреки произведению Вергилия) в волнах разбушевавшегося моря.

Романтический XIX и безумный XX века склонны чуть ли не все художественные произведения, включающие в себя музыку, видеть с позиций оперной драматургии. Так, в сфере симфонической музыки выделяется «Фантастическая симфония» Гектора Берлиоза, в которой изображаются видения музыканта, принявшего слишком большую дозу опиума. Герой страдает от неразделенной любви и ревности, в конце концов ему мчится, что он убивает свою возлюбленную, за что ему отрубают голову. Последняя сцена изображает шабаш ведьм, слетевшихся на похороны героя; среди них он видит свою возлюбленную, принявшую дьявольски искаженный облик.

В жанре фортепианной музыки отметим «Картинки с выставки» Модеста Мусорского, написанные под впечатлением посмертной выставки картин (точнее говоря, карандашных рисунков и набросков) художника и архитектора Николая Гартмана, с которым Мусоргский был дружен. Тема инобытия явно присутствует в рисунках Гартмана и фортепианных пьесах Мусорского, причем «двустороннего» инобытия — до рождения и после смерти. Центральная пьеса первого рода — «Балет невылупившихся птенцов», второго — «Римские гробницы. Катакомбы». В последнюю пьесу Мусоргский вставляет раздел «Con mortuis in lingua mortua» («С мертвыми на мертвом языке»). Здесь возникает двойная игра смыслами, поскольку в данном случае мертвый язык — это и латынь, и явно звучащая мелодия православной заупокойной службы «Со святыми упокой». А далее следует красноречивая фраза (уже по-русски): «Творческий дух умершего Гартмана ведет меня к черепам, взвывает к ним: черепа тихо засветились». «Картинки с выставки» представляют собой путешествие Мусорского с Гартманом по потустороннему миру: Гартман является здесь проводником, подобным Вергилию в «Божественной комедии» Данте.

Наконец, приемы оперной драматургии заимствуются кинематографией, подобно тому как искусство фотографии

наследует искусству живописи. К знаменитому фильму Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный» музыку писал признанный мастер оперного жанра Сергей Прокофьев. Вполне естественным оказалось его соучастие в трактовке образа деспотичного царя и концепции фильма в целом. Оперными являются глубоко трагический эпизод убийства Владимира Старицкого вместо Ивана Грозного и последующая колыбельная, которую поет обезумевшая мать над телом сына. Мотив мести, оборачивающейся в результате против самого мстителя, представлен, например, в опере Дж. Верди «Риголетто». В опере итальянского композитора отец подсыпает убийцу к соблазнителю дочери, но дочь переодевается в мужское платье, чем вводит убийцу в заблуждение, и именно ее труп получает в результате отец. Колыбельная же безумной женщины над телом любимого человека звучит в опере П.И. Чайковского «Мазепа» и в «Царской невесте» Н.А. Римского-Корсакова.

Оперным является также мотив противопоставления двух миров: «свое» противопоставляется «чужому», Божественный мир — дьявольскому. Русская земля оказывается «чужой» как Востоку, так и Западу. Восток (татары) охарактеризован Прокофьевым в условно-ориентальном стиле, распространенном в русской оперной классике, Запад (дворец польского короля) — полонезом, со временем «Ивана Сусанина» Глинки ставшим типичным способом изображения «латинствующих». Поляризация «Божественное — дьявольское» тоже представлена в фильме: «пещное действие» — и оргия Грозного с опричниками, приобретающая характер сатанинского шабаша; «белая» (подвенечное платье) Анастасия и «черная» (монашеское платье) Старицкая, стоящие по правую и левую стороны от Грозного, символизируют борьбу светлых и темных сил за душу Ивана. Отношение режиссера к царской власти недвусмысленно выражено именно в этом противопоставлении, поскольку «белая» Анастасия, которая, возможно, могла бы «спасти» царя, погибает от рук Старицкой.

Мотив «прерванной свадьбы», понятый в контексте оперного жанра, тоже мог бы кое-что пояснить в фильме. Как правило, в опере прерванная свадьба возобновляется в ином, лучшем мире — «Небесном Иерусалиме». Феврония и княжич Всеvolod в «Сказании о невидимом граде Китеже» Н.А. Римского-Корсакова, разлученные татарами в Малом Китеже, вновь воссоединяются в Великом Китеже, погру-

зившемся в воды озера. В фильме свадьба Ивана и Анастасии прерывается народным бунтом, а возобновляется лишь в фантасмагорическом видении Ивана у гроба умершей Анастасии, однако не белых, а черных лебедей разносят по столам слуги. Иван один на один остается со своей судьбой.

Разумеется, в кратком очерке невозможно охватить весь круг мистериальных возможностей оперы. Заметим лишь, что часто и в самой жизни обыденная суета обрывается погружением в некий театр абсурда, который невозможно ни понять, ни объяснить. Однако, вырываясь на поверхность, человек обретает новые силы, позволяющие ему увидеть свою судьбу как бы со стороны и, может быть, преодолеть ее.

Литература

Антипова Т.В. Музыка и бытие. М., 1997.

Ливанова Т.Н. История западноевропейской музыки до 1789 г.: В 2 т. Т. I. М., 1983.

Содержание

Предисловие	5
А.А. Панченко Сон и сновидение в традиционных религиозных практиках	9
М.Л. Лурье Вещие сны и их толкование (На материале современной русской крестьянской традиции)	26
М.М. Валенцова Полесская традиция о сновидениях	44
В.Е. Доброзвольская Суеверия, связанные с толкованием сновидений в Ярославской области (По материалам экспедиций второй половины 1990-х годов в Пошехонский и Переславль-Залесский районы)	55
А.В. Гура Снотолковательная традиция полесского села Речица	70
В.В. Запорожец Сны и видения как часть ясновидения (По материалам, собранным в Москве летом 1998 г.)	95
Н.Е. Ливанова Сны о полетах	116
Н.Ю. Трушкина Рассказы о снах	143

<i>И.С. Веселова</i>	
Структура рассказов о снах	171
<i>Е.В. Паунова</i>	
Обмирания у липован	181
<i>С.М. Толстая</i>	
Иномирное пространство сна	198
<i>С.Е. Никитина</i>	
Сны и обмирания у духоборцев	220
<i>М.П. Чередникова</i>	
Письменная традиция обмираний	227
<i>С.Г. Леонтьева</i>	
Рассказы о «привидениях» среди визионерских жанров	247
<i>А.В. Тарабукина</i>	
Видения в духовной беседе	261
<i>Е.С. Ефимова</i>	
«Сон о доме» как элемент современного тюремного текста.	271
<i>И.А. Разумова</i>	
Ониромантическая символика брака, рождения, смерти в современных устных рассказах	290
<i>Т.А. Михайлова</i>	
Осмысление инобытия в традиционной культуре (Сон или видение)	310
<i>А.Б. Мороз</i>	
Символика засыпания—сна—пробуждения в сербских календарных обрядовых песнях.	328
<i>И.А. Протопопова</i>	
Сновидение у Гомера и Платона: ONEIROΣ И ХΩΡΑ	340
<i>Л.А. Софонова</i>	
Сны и видения Г. Сковороды	361
<i>Т.В. Антипова</i>	
Сны и видения в опере	375

С 53 **Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Сост. О.Б. Христофорова. Отв.-ред. С.Ю. Неклюдов. (Серия «Традиция, текст, фольклор»). М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. 382 с.**
ISBN 5-7261-0335-9

В книге обсуждается проблема презентации в народной культуре состояний индивидуального мистического опыта: сна, обмирания, болезненного бреда, который воспринимается как некое сверхъестественным образом полученное сообщение, подлежащее расшифровке и переводу в тексты пересказов и истолкований.

Авторы исследуют различные формы «народной мистики», структуру, семантику и pragmatику порождаемых ею текстов, а также ее связи с религиозно-мистическими учениями, с темами и образами литературы и искусства.

Для культурологов и широкого круга читателей.

ББК 82.3(2)